
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 7—12.

УДК 338 ББК 65.9 (2Рос)
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10701

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Современная мировая экономика, ее структура и тренды развития предъявляют качественно новые требования к структуре и динамике развития российской экономики. Дискуссии в традиционной терминологии и с использованием традиционного, линейного взгляда на развитие не могут привести к выработке новой, адекватной сегодняшним реалиям политики модернизации российской экономики. В статье на основе авторского подхода к модернизации как комплексному явлению предлагается новая точка зрения на механизм осуществления модернизационных преобразований, основанный на анализе системных свойств российской экономики в терминологии порядка и хаоса. Особое внимание уделяется обеспечению контроля над энтропией в социально-экономической системе российской экономики в условиях турбулентности внешней среды.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, развитие, российская экономика, точка бифуркации, турбулентность, энтропия.

Развитие мировой и национальной экономики постепенно втягивается в процессы глубинных изменений как в технологическом способе производства, так и в производственных отношениях. Возникает объективная необходимость модернизации российской экономики, чтобы соответствовать трендам мирового общественного развития. Программы модернизации российской экономики связаны с рядом только ей присущих особенностей социально-экономического развития. В первую очередь в России сформировалась особая модель капитализма, отличная от моделей в развитых странах. В процессе приватизации государственной собственности получил развитие олигархический капитализм и возникли олигархические элиты с собственными экономическими интересами, иной раз далекими от превращения новых производственных отношений в цивилизованные формы проявления в реальные практики. Перманентный передел собственности не способствовал развитию производительных сил и совершенствованию их структуры, а напротив, вел к уничтожению многих отраслей производства или к их деградации. Эти процессы сопровождались вывозом капитала, что вносило свой вклад в деградацию всей экономики, снижение ее потенциала. В этот период формируется сырьевая

модель экономики, где ключевым фактором роста становятся добыча и экспорт природных ресурсов. Конкурентоспособность обрабатывающих отраслей падает, производство многих видов продукции сокращается, возникает зависимость от импорта по многим видам производств. Такая модель экономики привела к обеднению экономического потенциала. Возникшая модель капитализма привела к сращиванию государственной бюрократии и новых финансово-промышленных элит. Экономические интересы этих групп не были никоим образом состыкованы с интересами остальной части населения и сформированных из нее субъектов. Возникла ситуация разнонаправленности этих интересов, что в конечном итоге привело к росту энтропии в социальной системе национальной экономики России и ее кризису. Нарращивание экспортной ориентации экономики существенно сокращало и ограничивало возможности национальной модернизации, не способствовало развитию новых технологий, к применению которых перешли развитые страны, используя объективно назревшую четвертую промышленную революцию. Пока в развитых странах происходило наращивание научно-технологического потенциала, в России даже тот задел, что был создан в 1980-х гг., бездарно растаскивался.

Складывающиеся тренды развития российской экономики на данном этапе объективно требуют ее качественных преобразований. Движение вперед с учетом трендов современного развития возможно в рамках разрешения противоречий, возникших в 1990-х гг., и формирования форсирующей модели экономического развития, на основе новых технологий, появления новых субъектов хозяйствования, носителей экономических интересов инновационной экономики. Удовлетворение экономических интересов всех субъектов, в том числе так называемых «креативных субъектов», снижение энтропии в ключевых точках роста. Переход к новой модернизации российской экономики — это объективный тренд общественно-экономического развития. Модернизация должна обеспечить достаточный уровень научно-технического прогресса при активной позиции государства как объекта хозяйствования, а также экономически свободных и социально активных групп. Не подавляя, но поощряя их интересы, государство имеет возможность интегрировать потенциал отдельных индивидов в общественный потенциал развития и роста экономики.

В экономической литературе нет однозначного мнения относительно понимания содержания категории «модернизация». В широком смысле под модернизацией понимается совокупность структурных, технологических, институциональных изменений, которые направлены на рост конкурентоспособности национальной экономики. Модернизация есть комплексный способ решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач, которые в полном объеме стоят перед государством и индивидами в контексте внутренних и внешних угроз (см. В. Цапф, [1. С. 14]). Для более глубокого понимания содержания модернизации необходимо раскрыть ряд смысловых взаимосвязей этой категории и смежных понятий. Ряд авторов (В. В. Алексеев, И. В. Побережников [2], Дж. О'Коннелл [3]) связывают понятия модернизации и трансформации. Трансформация — это род изменений, преобразования принципов и методов в процессе развития. Различают функциональную, технологическую и глобальную модернизацию (см. М. Леви [5], Д. Лернер [6. Р. VIII]). Также модернизацию рассматривают как особую стадию развития и перехода от традиционных форм хозяйствования к либеральным (С. Эйзенштадт [4]). Свой вклад в понимание про-

цесса модернизации современного общества вносят и современные российские ученые, однако они исследуют модернизацию как явление, не углубляясь с сущность протекающих процессов (С. Н. Гавров [12], Т. И. Заславская [13], Н. В. Зубаревич [14], М. В. Ильин [15] и А. П. Манченко [16]). Также ряд авторов рассматривают теорию развития как частный случай теории модернизации. Развитие — это качественное изменение свойств объекта, трансформации его внутренних и внешних связей на базе инноваций. Существует три точки зрения в трактовке развития. Г. Мюрдаль [7], П. Стритин [8], Х. Сингер [9] исследуют развитие как взаимосвязь собственно развития и его экономического и социального результата. Дж. Б. Кларк экономическое развитие однозначно связывает с экономическим ростом. Р. Нуреев [10] развитие связывает с доминированием факторов производства на определенной стадии развития. Ряд экономистов рассматривают развитие как периоды чередования порядка и хаоса. Таким образом, модернизация есть процесс развития и трансформации факторов производства на базе новых технологий в пределах точек экономического роста и зон экономических интересов на определенной стадии развития. Модернизация представляет собой ряд постепенных переходов, усложнение технологического способа производства, формирование ряда новых комбинаций факторов производства, изменения удельного веса факторов при переходе к новому состоянию экономической системы. В процессе модернизации всей экономической системы необходимо учитывать явление турбулентности в динамике макроэкономической системы. Под турбулентностью понимаем последовательную смену различных состояний устойчивости системы, которая предполагает колебательную активность макроэкономических индикаторов. Турбулентный переход в процессе смены стадий модернизации представляет собой смену типов системного равновесия (от стабильного к нестабильному). Проблема заключается в том, насколько скорость перехода в процессе модернизации сокращает или увеличивает период нестабильности и его перехода к стабильности, которую характеризуют новые параметры развития и устойчивости системы. Важно подчеркнуть, что возникшее динамическое состояние входит в экономический цикл перехода в новое качество. Возникает турбулентная спираль. Весь этот процесс не может не оказывать влияния на проведение и результа-

ты модернизации. Сложно предсказать тренды развития, формирующиеся в результате реформирования факторов, определяющих технологический способ производства, трансформации производственных отношений, изменений в качествах человеческого капитала, насколько полученные результаты модернизации адекватны экономическим интересам субъектов, насколько высока величина затрат и степень риска для экономических агентов, которые ожидаются в процессе модернизации.

Разрабатывая модель модернизации, мы не можем не считаться с факторами, порождающими турбулентность экономики. В XXI в. возникли новые факторы, действие которых приводит к появлению турбулентных состояний в экономике России. С ними необходимо считаться при проведении модернизации.

Во-первых, это международные факторы, к которым следует отнести формирование транснациональных корпораций с особыми экономическими интересами и зонами влияния в глобальной экономике. Они обладают значительной массой капитала и новейшими технологиями, двигаясь в фарватере той политики, которую формируют развитые капиталистические страны. В процессе происходящих трансформаций и перехода от одного полюса к множеству полюсов силы идет борьба развитых стран, в том числе России, за геополитическое место. Ранее западные страны рассматривали Россию как региональную державу, она не принималась в расчет. Выход России в геополитическое пространство внес изменения в экономические отношения развитых капиталистических стран и России. Ограничивается доступ к новым технологиям, массе заемного капитала, вводятся ограничения на вывоз ресурсов из России. Такой подход накладывает отпечаток на экономический рост, возникает проблема ресурсного и финансового обеспечения модернизации. Необходимы мобилизация внутренних финансовых ресурсов, поиск экономических агентов, способных аккумулировать совокупность всех внутренних ресурсов для обеспечения экономического прорыва. Турбулентность усиливается.

Во-вторых, на турбулентность оказывает влияние новое качество мирового финансового капитала. На рубеже веков мы имеем дело с финансовым капиталом, который способен воспроизводить собственно финансовый капитал. Общественное богатство представлено фиктивным капиталом, порождающим систематические

финансовые и экономические кризисы, повышающим турбулентность всей мировой экономики. А вследствие интеграции в мировое пространство и российская экономика попадает в эту зону турбулентности. В-третьих, идет новый территориальный раздел мира как борьба за мировые ресурсы, дополненная экономическим разделом мира. Такие процессы порождают хаос в мировой экономике.

На экономическое развитие и процесс модернизации не могут не оказывать влияние факторы турбулентности, возникшие в экономике России с 1990-х гг. Прежде всего хаотически проведенная приватизация государственной собственности сформировала систему государственной и частной собственности, сконцентрированной в руках определенных элит, имеющих специфические интересы, не способных создавать предпосылки для экономического роста, перехода к новому технологическому укладу на основе новой комбинации факторов и новых технологий. Носителем персонифицированного финансового и производственного капитала является ограниченное количество экономических субъектов, которые руководствуются в значительной части своими эгоистическими интересами. При столкновении этих интересов турбулентность в экономике нарастает. При этом большинство экономических агентов дремлют, не увеличивая производительную силу, а ограничивая ее. Речь идет о том, что концентрация капитала у незначительного числа агентов привела к существенной дифференциации среди них и появлению масс бедных. Возникла двойственная проблема: с одной стороны, их производительная сила минимизирована, их существование зависит от государственных ресурсов, направленных на их содержание. Возникает зависимость: турбулентность растет прямо пропорционально росту массы бедных. Обедняется совокупный человеческий капитал. Не возникает системное образование государственного, крупного и мелкого частного капитала. Не происходит их взаимопроникновение.

В-третьих, турбулентность напрямую связана с особым технологическим укладом, сложившимся в XXI в. Технологический уклад связан с определенной профессиональной структурой и качеством рабочей силы, не позволяющим обеспечить рост ВВП и производительности труда.

Возникло равновесие в экономической системе, адекватное определенному аттрактору, отражающемуся в цикличности развития системы.

Исходя из синергетической природы экономической динамики, необходимо в циклах развития, в том числе модернизации, определять и выделять точки бифуркации, отражающие динамику ВВП. Если в этой динамике отсутствуют ярко выраженные аттракторы, то это свидетельствует об эффективности модернизации. Бифуркационные точки, возникающие в ходе модернизации, показывают, что выбранный вектор трансформации экономической системы неоптимален. Эти точки несут в себе потенциальную опасность для процесса экономического развития. В открытой экономике индуцируется неопределенность. В ходе проведения модернизации важно в состоянии постоянной турбулентности не допускать наращивания энтропии. Части экономической системы в процессе модернизации ослаблены, энтропию сложно подавить, трансформация замедляется, и задуманный эффект не достигается. При проведении модернизации особое значение имеет выбор модели экономического равновесия (в наших условиях — модели капитализма) как определенной стадии комбинации факторов производства, позволяющего получить максимальный эффект. На капитализм оказывает влияние диссипация — энергия, нарушающая равновесие системы, снижающая эффективность факторов производства и увеличивающая тем самым энтропию, как и в любой термодинамической системе. Исходя из второго начала термодинамики и ее приложения к исследованию социально-экономической системы модернизация требует нарастания энергии, ее максимизации. Снижение объемов ресурсов ведет к росту энтропии. Потребление энергии при капитализме ведется расточительным способом, оно связано с уничтожением ресурсов различных видов. Все эти процессы порождают хаос, беспорядок и энтропию. Высокая энтропия объективно присуща модели капитализма. В такой ситуации сложно предвидеть, как будут осуществляться процессы роста и развития экономики, состоящей из множества обособленных фирм. Субъекты управления во все большей степени зависят от неопределенности и возникающих рисков. Для хозяйствующих субъектов проблемой является то, как сгладить негативные тренды и свести комбинацию имеющихся ресурсов к ее эффективному использованию в данный момент.

При разработке и последующем внедрении в процесс производства новых технологий на базе мобилизации капиталов и модернизации необходимо определиться с этапами модернизации.

На первом этапе решаются проблемы возможности внедрения в процесс производства технологий, определяющих пятый и шестой технологические уклады, а также: насколько ресурсный потенциал российской экономики позволит решить проблемы этого этапа; насколько уровень российских технологий в отраслях, определяющих научно-технологический прогресс, сопоставим с передовыми технологиями развитых стран; каким образом собственные передовые технологии можно дополнить технологиями крупных транснациональных компаний; какие здесь возможны организационно-экономические формы взаимопроникновения российского и зарубежного высокотехнологичного капитала. Возникновение совместных компаний — это прежде всего новые технологии для российского бизнеса. Такие процессы наблюдались в последние годы. В настоящее время вокруг таких «совместных» компаний усиливается турбулентность, связанная с введением санкций западными странами против России. В процессе модернизации необходимо обращать внимание на эти тенденции, и российские компании в полной мере ощущают на себе рост энтропии в экономических отношениях на мировых рынках.

Разработка новых технологий российскими компаниями для собственных нужд — объективная необходимость развития и качественного скачка к новому технологическому укладу и обновленной структуре российской экономики. Модернизация должна происходить на всех без исключения российских предприятиях, независимо от формы собственности. Проблема в том, насколько необходимы качественные преобразования технологического уклада в направлении создания современных производств, учитывая потребность в производимой продукции на национальном и мировом рынке, создание новых конкурентных преимуществ, креативного менеджмента и высокопрофессиональных работников, адекватных новым условиям. В процессе модернизации необходимо территориально и структурно определить точки роста, вокруг которых формируется научно-производственный комплекс, включающий в себя крупный, средний и малый бизнес.

Темпы модернизации зависят от мобилизации капитала субъектов хозяйствования. Мобилизация капитала в российской экономике как основа ресурсного обеспечения особенно актуальна в этот период. Вследствие санкций и ограничения ввоза капитала из европейских

стран возникли сложности для субъектов рынка. Мобилизация капитала, создающая условия для модернизации, охватывает несколько уровней. Во-первых, это капитал крупных компаний топливно-энергетического комплекса, который требует увеличения доли накопления в структуре чистой прибыли. Аккумуляция капитала позволит не только решать проблемы технологического уровня самого комплекса, но и финансировать сопутствующие проекты компаний, определяющих технологическое развитие российской экономики. Во-вторых, это создание пула банков, концентрирующих капитал на основных направлениях развития, в первую очередь — промышленного комплекса. Снижение ставки рефинансирования позволит сгладить шоки от внешних санкций.

Мобилизация капитала и увеличение доли накопления для хозяйствующих субъектов — кардинальный путь технического перевооружения, за счет собственного капитала, а не за счет обременения бизнеса кредитами. Все это позволит уменьшить турбулентность экономических процессов, сгладить возникающие шоки и перейти ко второму этапу модернизации как процессу скачкообразного развития экономики на основе новых укладов, соответствующих трендам общемирового развития. Второй этап модернизации — это ускорение темпов экономического роста при новой качественной комбинации факторов производства, создание предпосылок для новых факторов роста производительности общественного труда и роста среднедушевых доходов населения на основе шестого технологического уклада.

Список литературы

1. Цапф, В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. — 1998. — № 8.
2. Алексеев, В. В. Модернизация и традиция / В. В. Алексеев, И. В. Побережников // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации : сб. науч. ст. — Екатеринбург, 1998. С. 8—32.
3. O'Connell, J. The Concept of Modernization / J. O'Connell // Comparative Modernization: A Reader / ed. by C. E. Black. — New York ; London, 1976. — P. 13—24.
4. Eisenstadt, S. N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development / S. N. Eisenstadt // Patterns of Modernity. vol. I: The West / ed. by S. N. Eisenstadt. — London, 1987. — P. 1—11.
5. Levy, M. J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization / M. J. Levy // Readings on Social Change / ed. by W. Moore, R. M. Cook. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1967. — P. 196—201.
6. Lerner, D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East / D. Lerner. — New York ; London, 1965.
7. Мюрдаль, Г. Современные проблемы третьего мира / Г. Мюрдаль. — М., 1972.
8. Streeten, P. Balanced versus Unbalanced Growth / P. Streeten // Readings in Economic Development / ed. by W. L. Johnson, D. R. Kamerschen. — Cincinnati etc., 1972. — P. 230—240.
9. Singer, H. W. International Development: Growth and Change / H. W. Singer. — New York etc., 1964.
10. Нуреев, Р. М. Экономика развития: модели становления и модернизации рыночной экономики / Р. М. Нуреев. — М. : Инфра-М, 2001.
11. Murphy, K. Industrialisation and the Big Push / K. Murphy, A. Shleifer, R. Vishny // J. of Political Economy. — 1989. — Vol. 97, no. 5.
12. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. / С. Н. Гавров. — М., 2004.
13. Заславская, Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации : учеб. пособие. / Т. И. Заславская. — М., 2004.
14. Зубаревич, Н. В. Формула модернизации регионов / Н. В. Зубаревич. — М., 2011.
15. Ильин, М. В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М. В. Ильин. — М., 2000.
16. Манченко, А. П. Социальная модернизация в современной России / А. П. Манченко. — М., 2000.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 7—12.

MODERNIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY IN CONDITIONS OF TURBULENCE

V.I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The modern world economy, its structure and development trends impose qualitatively new requirements to the structure and dynamics of the Russian economy. Discussions in traditional terminology and using a traditional, linear view of development cannot lead to the development of a new, adequate to the current realities of the policy of modernization of the Russian economy. In the article, based on the author's approach to modernization as a complex phenomenon, new point of view is proposed on the mechanism of modernization, based on the analysis of the system properties of the Russian economy in terms of order and chaos. Special attention is paid to the control over entropy in the socio-economic system of the Russian economy in terms of the turbulence of the environment.

Keywords: *modernization, industrialization, development, Russian economy, bifurcation point, turbulence, entropy.*

References

1. Zapf B. *Teoriya modernizatsii i razlicheye putey obshchestvennogo razvitiya* [The theory of modernization and the different ways of social development]. *Sotsis* [Socis], 1998, no. 8. (In Russ.).
2. Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V. *Modernizatsiya i traditsiya* [Modernization and tradition]. *Modernizatsiya v sotsiokul'turnom kontekste: traditsii i transformatsii* [Modernization in the sociocultural context: traditions and transformations]. Yekaterinburg, 1998. Pp. 8—32. (In Russ.).
3. O'Connell J. The Concept of Modernization. *Black C.E. (ed.). Comparative Modernization: A Reader*. New York, London, 1976. Pp. 13—24.
4. Eisenstadt S.N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development. *Eisenstadt S.N. (ed.). Patterns of Modernity. vol. I: The West*. London, 1987. Pp. 1—11.
5. Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization. *Moore W., Cook R.M. (eds.). Readings on Social Change*. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1967. Pp. 196—201.
6. Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965.
7. Myrdal G. *Sovremennye problemy tret'ego mira* [Contemporary problems of the Third World]. Moscow, 1972. (In Russ.).
8. Streeten P. Balanced versus Unbalanced Growth. *Johnson W.L., Kamerschen D.R. (eds.). Readings in Economic Development*. Cincinnati etc., 1972. Pp. 230—240.
9. Singer H.W. *International Development: Growth and Change*. New York etc., 1964.
10. Nureyev R.M. *Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya i modernizatsii rynochnoy ekonomiki* [Development Economics: Models of Formation and Modernization of Market Economy]. Moscow, Infra-M Publ., 2001. (In Russ.).
11. Murphy K., Shleifer A., Vishny R. Industrialisation and the Big Push. *Journal of Political Economy*, 1989, vol. 97, no. 5.
12. Gavrov S.N. *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii* [Modernization in the name of the empire. Socio-cultural aspects of modernization processes in Russia]. Moscow, 2004. (In Russ.).
13. Zaslavskaya T.I. *Sovremennoye rossiyskoye obshchestvo: Sotsial'nyy mekhanizm transformatsii* [Modern Russian Society: The Social Mechanism of Transformation]. Moscow, 2004. (In Russ.).
14. Zubarevich N.V. *Formula modernizatsii regionov* [The formula for modernization of regions]. Moscow, 2011. (In Russ.).
15. Il'in M.V. *Ideal'naya model' politicheskoy modernizatsii i predely yeyo primenimosti* [Ideal model of political modernization and limits of its applicability]. Moscow, 2000. (In Russ.).
16. Manchenko A.P. *Sotsial'naya modernizatsiya v sovremennoy Rossii* [Social modernization in modern Russia]. Moscow, 2000. (In Russ.).

ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ВУЗЕ: ЭКОНОМИКС ИЛИ ПОЛИТЭКОНОМИЯ?

В. В. Седов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается вопрос о необходимости возвращения в российские вузы политической экономии, которая в начале 1990-х гг. была заменена преподававшейся в западных странах дисциплиной «экономикс», названной в учебных планах экономической теорией. На основании сравнительного анализа содержания предмета и объекта экономикс и политэкономии автор делает вывод о значительных познавательных возможностях политэкономии по сравнению с экономикс, сфера познания которого ограничена рамками рыночной экономики. Выделение в качестве предмета производственных отношений в их различных формах проявления во взаимосвязи как с производительными силами, так и с надстройкой обеспечивает широкий охват экономических явлений политэкономией как наукой. Отмечено также, что в отличие от экономикс объектом политэкономии является хозяйство, в котором помимо экономики как его основы есть природно-экологический и социально-экономический компоненты. Рыночная экономика предстает лишь как часть современного хозяйства. С учетом этого делается вывод о том, что экономикс может быть составной частью политэкономии, возвращение которой в вузы, таким образом, не означает соответствующее устранение экономикс.

Ключевые слова: *политэкономия, экономикс, предмет, объект, производственные отношения, хозяйство, рыночная экономика, хозяйственный механизм.*

Сорокалетие экономического факультета Челябинского госуниверситета совпало еще с одним университетским юбилеем. Двадцать пять лет назад здесь началось преподавание новой дисциплины под названием «Экономическая теория». Она заменила политическую экономию, которую обвинили в политизированности и отсутствии связи с рыночной экономикой, к созданию которой с начала 1990-х гг. приступили тогдашние реформаторы России. Содержание программы новой дисциплины свидетельствовало о том, что это не что иное, как экономикс, преподававшийся в капиталистических странах Запада. Именно он был объявлен «настоящей» экономической наукой, призванной раскрывать студентам «тайны рынка».

Понадобилось совсем немного времени для того, чтобы преподаватели начали разочаровываться в новой науке и выступать с предложениями возврата политэкономии в российские вузы, о чем свидетельствуют работы А. В. Бузгалина [2; 4], Д. В. Валового [3], А. А. Пороховского [12], В. Н. Черковца [14] и ряда других известных профессоров-политэкономов. Аргументы в пользу этого возврата приводятся разные. Наиболее весомые из них достаточно подробно раскрыты профессором А. В. Горшковым в недавно вышедшей работе «Политэкономия в вузе: проблемы те-

ории и практики» [11], так что нет необходимости еще раз воспроизводить их в данной статье. Присоединяясь ко многим из них, обратим внимание на особенности предмета и объекта политэкономии и экономикс. На наш взгляд, именно они позволяют убедиться в ограниченных познавательных возможностях экономикс по сравнению с политэкономией и в справедливости выдвигаемых предложений.

Начнем с предмета политэкономии. Напомним, что предмет этой науки — производственные отношения, возникающие между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления необходимых обществу благ. Весьма существенно то, что эти формирующие экономический базис общества отношения рассматриваются политэкономией в неразрывной взаимосвязи как с производительными силами, так и с надстройкой. Тем самым предмет политэкономии не ограничивается рамками экономики. С одной стороны, он выходит на природу как на объект воздействия со стороны производительных сил. Так что объектом внимания этой науки становятся ресурсные и экологические проблемы, столь актуальные для современной России. С другой стороны, политэкономия выходит на политику, социальные вопросы, морально-этические нормы и на связанные со всем этим проблемы,

на которые то и дело приходится наталкиваться посвященным в «тайны рынка» реформаторам и которые они никак не хотят учитывать, погружая экономику то в один, то в другой кризис. Широкие рамки предмета политэкономии и охват ими острейших проблем современной России не могут не привлекать преподавателей экономической теории. Ведь именно от них студенты требуют ответа на вызванные данными проблемами вопросы.

Особого внимания заслуживает и то, что политэкономия уже давно перешла к рассмотрению производственных отношений в их различных формах проявления. Это значительно расширило содержание предмета данной науки. В последнем советском учебнике по политэкономии, вышедшем в 1990 г., были выделены две формы: социально-экономические и организационно-экономические отношения. Время, прошедшее с момента выхода учебника, показало не меньшую значимость и таких форм, как технико-экономические, институционально-экономические и эколого-экономические отношения. Каждая из форм производственных отношений отражает определенный срез современной экономики, указывая на многогранность и многоцветность экономической жизни, ее подчиненность не только сугубо экономическим, но и экологическим, социальным, этико-правовым, морально-нравственным и прочим, на первый взгляд, не вполне экономическим требованиям.

Так, существование и функционирование производительных сил как материальной основы общества непосредственно обеспечивается технико-экономическими отношениями, возникающими по поводу использования тех или иных элементов производительных сил. С ними тесно связаны эколого-экономические отношения, возникающие по поводу воздействия элементов производительных сил на объекты природной среды. В этом воздействии и в его последствиях проявляется общее отношение общества и его субъектов к природе, в том числе не только технико-технологические, но и нравственные аспекты этого отношения. Более того, именно по отношению общества к природе проверяется степень его нравственного здоровья. Вот почему политэкономия в качестве важнейшей цели общества и отдельных людей выдвигает достижение гармонии во взаимодействии с природой как материальной основой своего существования и развития.

Функционирование экономики на различных ее уровнях обеспечивается организационно-экономическими отношениями, которые возникают между людьми как функциональными субъектами экономики. От этих отношений во многом зависит экономическая эффективность, определяемая тем, как используются производительные силы общества. Они могут предполагать либо жесткие формы организации производства, при которых от его участников требуется строгое выполнение своих производственных функций, либо более гибкие формы, при которых участники производства обладают определенной самостоятельностью, возможностью делать выбор средств достижения своих целей. Таким образом, организационно-экономические отношения, по сути, формируют то, что в политэкономии называется хозяйственным механизмом общества.

Большую роль во взаимодействии экономики с тем, что именуется надстройкой, играют институционально-экономические отношения. Эти отношения возникают по поводу использования в экономике различных институтов. Так, функционирование современной экономики трудно представить без институтов права, прежде всего хозяйственного права. Само право предстает как составная часть надстройки, но это та ее часть, при реализации требований которой складываются институционально-экономические отношения. Например, законодательное установление минимальной заработной платы предполагает такие экономические отношения между работодателем и наемным работником, в соответствии с которыми работник должен получать заработную плату не ниже минимальной.

Центральное место в системе производственных отношений занимают социально-экономические отношения, возникающие между людьми как представителями определенных классов и социальных групп общества. К этой форме принадлежат и отношения собственности, в соответствии с которыми люди относятся к средствам производства как к своим или чужим. Учет характера социально-экономических отношений позволяет видеть базисные основы государства и проводимой им политики. Значимость этих отношений наиболее отчетливо проявляется в дифференциации доходов населения, определяемой через децильный коэффициент. Так, тот факт, что в современной России официально этот коэффициент равен 16, а фактически он вдвое больше, тогда как, к примеру, в СССР он колебался в пре-

делах 3—4, говорит о кардинальной смене всей системы общественных отношений, в первую очередь социально-экономических. Очевидно, что такие отношения не делают общество социально стабильным, экономически эффективным и экологичным. Значительную часть доходов разбогатевшие собственники вывозят за рубеж, лишая экономику средств, необходимых для ее модернизации, решения социальных и экологических проблем. Низкие зарплаты ограничивают совокупный спрос, а значит, и производство, не создают стимулов работать с наибольшей отдачей.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в соответствии с предметом политэкономии общество и его субъекты должны стремиться, во-первых, к гармонии во взаимоотношениях с природой, во-вторых, к повышению экономической эффективности и, в-третьих, к большей социальной справедливости. Эта триада целей уже давно признана мировым сообществом в качестве основы устойчивого развития общества [См.: 1]. Политэкономия, ориентируясь на достижение этой триады, тем самым определяет общее направление развития общества.

По сравнению с политэкономией предмет экономикс как науки не является столь четко определенным и формулируется в разных учебниках по-разному. Экономикс трактуется как «наука о богатстве», о том, как «зарабатываются деньги», как «делается выбор в условиях ограниченных ресурсов и неограниченных потребностей» и т. д. В качестве образца приводимых в учебниках определений предмета экономикс возьмем то, что дано в известном учебнике К. Р. Макконнелла и С. Л. Брю: «Наша борьба за улучшение материального благосостояния, наше стремление “заработать себе на жизнь” — это и есть предмет экономикс». [7. С. 18]. При определении предмета экономикс совсем не упоминаются какие-либо экономические отношения, хотя отношения — это не что иное, как возникающие между людьми связи, а между тем именно связи являются предметом почти всех наук. Не может быть исключением и экономикс. Содержание этой науки говорит о том, что ее предметом являются организационно-экономические отношения, существующие в экономике, которую характеризуют как рыночную. Другие формы проявления производственных отношений, прежде всего социально-экономические отношения, оказываются за рамками экономикс. Поэтому в экономикс

нет ни классов, ни и социальных групп, а есть субъекты организационно-экономических отношений, выполняющие определенные экономические функции. К этим субъектам относятся производители (фирмы) и потребители (домохозяйства), покупатели и продавцы, владельцы различных факторов производства, стремящиеся их использовать с максимальной выгодой для себя. Центральное место среди функциональных субъектов экономики отводится предпринимателям как организаторам производства, дающим ответы на вопросы: что, как, сколько и для кого производить. Тем самым экономикс предстает как надклассовая, идеологически нейтральная наука. Эту «нейтральность» усиливает постоянно усложняющийся математический аппарат, используемый при раскрытии происходящих в экономике явлений и процессов. Но на деле это лишь отдаляет экономикс от реальной жизни, уводит в действительность, которую принято называть виртуальной.

Узость предмета экономикс как базовой науки ограничивает ее возможности в деле объяснения происходящих в реальной жизни явлений. Причины практически всех проблем российской экономики адепты экономикс усматривают в «недореконструированности» экономики, в том, что она все еще «недостаточно рыночная» [См.: 8. С. 131—141]. Однако проблемы, подобные российской (экономическая нестабильность, безработица, инфляция, социальное неравенство, бедность), есть и в тех странах, где рыночные отношения существуют не одно столетие. Между тем с этими проблемами приходится непосредственно сталкиваться многим студентам, когда перед ними встают вопросы об оплате за учебу, трудоустройстве после окончания вуза, семейном бюджете и т. д.

Существенно различаются и объекты исследования экономикс и политэкономии.

Объектом политэкономии является хозяйство. В своей основе хозяйство имеет экономику, призванную производить необходимые обществу блага, но по содержанию хозяйство выходит за ее рамки, поскольку включает в свой состав природно-экологический и социальный компоненты, выступая как эколого-социально-экономическая система (подробно см. [13]).

Как показывают данные таблицы (с. 16), хозяйство как сфера проявления производственных отношений в различных формах может относиться к разным типам, формам, видам и моделям.

**Формы экономических отношений и хозяйственные системы
как предмет и объект политэкономии и экономики**

Форма производственных отношений как критерий классификации хозяйственных систем	Субъекты экономических отношений	Сфера проявления экономических отношений	Типы, формы, виды и модели хозяйственных систем
1. Социально-экономические	Люди как представители определенных классов и социальных групп общества	Экономика и социальная сфера	Первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические, социалистические
2. Организационно-экономические	<i>Люди как функциональные субъекты хозяйства</i>	<i>Сфера действия хозяйственного механизма общества</i>	<i>Традиционные, рыночные, плановые</i>
3. Институционально-экономические	Люди как представители страны, народа, культуры, религии и т. д.	Институты экономики и социальной сферы	Цивилизационные (англосаксонская, германская, китайская, японская, мусульманская и т. д.)
4. Техничко-экономические	Люди как представители определенных профессий и производств	Сфера производства материальных благ и услуг	Доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные
5. Эколого-экономические	Люди как воздействующие на природу субъекты	Сфера природопользования	Природоистощительные, природосберегающие, природопреобразующие

В таблице показана связь форм проявления производственных отношений с типами, формами, видами и моделями хозяйственных систем.

Первая строка таблицы напоминает о том, что достигнутому уровню развития производительных сил должны соответствовать определенные производственные отношения, прежде всего социально-экономические, поскольку именно они определяют общественную форму производительных сил и хозяйственной системы в целом. Производительные силы в единстве с соответствующей системой производственных отношений образуют способ производства. Способ производства в единстве с надстройкой определяет общественно-экономическую формацию. Политэкономия выделяет пять общественно-экономических формаций. Соответственно, в таблице отмечены первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические и социалистические хозяйственные системы. Они отличаются формами собственности на средства производства и рабочую силу, характером их соединения друг с другом, целевой направленностью производства.

Во второй строке таблицы фигурируют организационно-экономические отношения, сферой действия которых является хозяйственный механизм общества. С учетом специфики хозяйственного механизма выделены три вида хозяйственных систем: традиционное хозяйство, рыночная экономика и плановое хозяйство. Традиционным считается

хозяйство, в хозяйственном механизме которого центральное место занимают обычаи и традиции. Таковым предстает хозяйство первобытных общин. В рыночной экономике хозяйственный механизм состоит из экономических рычагов, которые рождены товарно-денежными отношениями и которые предполагают наличие у субъектов экономики возможности рационального, с их точки зрения, выбора при принятии экономических решений. В плановом хозяйстве его субъекты подчиняются директивам вышестоящих руководящих органов, требующих выполнения заданий принятого плана. Некоторые авторы в этой связи выделяют три этапа прогресса человечества: до-рыночный, рыночный и пострыночный [12. С. 72].

Третья строка таблицы посвящена институционально-экономическим отношениям. Именно они определяют национальную специфику хозяйственных систем, в связи с чем говорят о германской, китайской, японской и прочих моделях хозяйств. Также выделяются цивилизационные модели, определяемые спецификой ряда господствующих в обществе институтов — культуры, религии, традиций. Так, можно выделить англосаксонскую, или западную, восточную, мусульманскую и прочие модели.

Что касается технико-экономических отношений, которым отведена четвертая строка таблицы, то их непосредственная связь с производительными силами общества позволяет выделить три типа хозяйственных систем. К первому относятся

хозяйства доиндустриального общества, ко второму — индустриального общества и к третьему типу — постиндустриального общества. Первый тип хозяйства характеризуется тем, что главным фактором производства в экономике является природный фактор — земля, и, соответственно, на роль главного и ведущего выходит первичный сектор экономики, в котором занята большая часть рабочего населения. В индустриальном хозяйстве главный фактор производства — средства производства или капитал, а ведущим сектором является вторичный, включающий в себя перерабатывающую и обрабатывающую промышленность, — в ней занята значительная часть рабочего населения. Постиндустриальное хозяйство характеризуется тем, что на роль главного фактора производства выдвигается труд, причем труд интеллектуальный, предполагающий широкое использование информационных технологий. Центр тяжести в производстве перемещается в третичный сектор — сектор услуг. В нем концентрируется основная часть рабочего населения.

Разный уровень и различное содержание производительных сил в разных обществах предполагают разный уровень и содержание производства и потребления, а следовательно, и разные масштабы и интенсивность их воздействия на природу. Но многое зависит от характера эколого-экономических отношений. Им отведена последняя строка таблицы, на которой представлены природоистощительные, природосберегающие и природопреобразующие хозяйственные системы. С точки зрения концепции устойчивого развития тип хозяйственных систем предстает как неустойчивый, так как подрывает природную основу своего развития. За счет природосбережения второй тип хозяйства обеспечивает устойчивость своего развития. Особой устойчивостью обладает третий тип хозяйства, поскольку предполагает коэволюцию экономики и природы — ее законы лежат в основе хозяйственной деятельности людей.

Использование различных форм производственных отношений в качестве критериев классификации хозяйственных систем имеет важное методологическое значение, позволяя избегать ненужных споров, порой ошибочных утверждений представителей экономической науки. Так, противники формационного подхода противопоставляют ему цивилизационный подход. Содержание таблицы показывает, что один подход не отрицает другой, поскольку они основаны на уче-

те разных форм производственных отношений. Игнорирование этого обстоятельства приводит некоторых авторов к совсем нелепым утверждениям. Например, А. Д. Зарецкий и Т. Е. Иванова пишут о том, что «капитализм трансформировался в рыночную экономику» [См.: 5]. Здесь очевидно смешение двух разнопорядковых понятий «капитализм» и «рыночная экономика». Первое понятие отражает социально-экономические отношения, а второе — организационно-экономические. Вместе с тем у этого смешения есть объективное основание — разнообразие форм проявления производственных отношений и сложность их взаимодействия друг с другом. С одной стороны, очевидна зависимость от социально-экономических отношений остальных форм производственных отношений. Но, с другой стороны, эти формы обладают определенной автономией, благодаря которой они могут проявляться в разных социально-экономических системах. Так, некоторые национальные традиции, морально-нравственные установки могут обуславливать долговечность соответствующих институционально-экономических отношений и их проявление в разных общественно-экономических формациях. Схожий уровень развития производительных сил предполагает сходство организационных, технико- и эколого-экономических отношений в капиталистических и социалистических хозяйственных системах.

Как видим, обращение к предмету и объекту политэкономии помогает разобраться со многими весьма непростыми и часто запутанными явлениями общественной жизни. Широта охвата своего объекта как по содержанию, так и по историческому времени позволяет политэкономии рассматривать различные варианты развития хозяйственных систем, видеть не только их прошлое и настоящее, но и будущее.

Что касается предмета и объекта экономикс, то они заняли в таблице всего одну строку. Текст в ней мы выделили курсивом, чтобы было достаточно наглядное представление о разнице в масштабах охвата экономической жизни политэкономией и экономикс. Мы видим, что предмет этой науки — организационно-экономические отношения, сферой действия которых является хозяйственный механизм, а объект — экономика, причем экономика рыночная, возникшая на капиталистической стадии развития человеческого общества. Именно при капитализме рыночный механизм хозяйствования, вытесняя нерыночные

методы, наиболее полно проявляет свое действие. Поскольку, по мнению адептов экономикс, ничего более совершенного по сравнению с рынком человечество не придумало, то капитализм представляется как лучшая из всех возможных общественных систем. Наличие у него недостатков признается, но все другие формы общества считаются намного хуже. Тем самым капитализм представляется безальтернативным обществом, поставившим точку в развитии человечества, означая, по существу, «конец истории». Здесь достаточно отчетливо проявляется социально-классовый и идеологический смысл экономикс. Нельзя не видеть то, что ограниченность предмета, будучи дополненной ограниченностью объекта, ограничивает и экономическое мышление тех, кто изучает эту науку.

Отмеченные особенности предмета и объекта политэкономии, ее способность во всей полноте отражать объективную реальность, видеть не только прошлое и настоящее, но и будущее человеческого общества указывают на значительные преимущества политэкономии по сравнению с экономикс. При этом политэкономия не отвергает экономикс. Как показывает содержание таблицы, политэкономия вполне вмещает в себя экономикс, которая дает знания о рыночном механизме хозяйствования, не утратившем свое значение и в современных условиях. Данное обстоятельство говорит о том, что если политэкономия будет возвращена в российские вузы, то это будет наука, обогащенная опытом и знаниями, полученными за последнюю четверть века.

Список литературы

1. Акимова, Т. А. Экономика устойчивого развития / Т. А. Акимова, Ю. В. Мосейкин. — М. : Экономика, 2009. — 430 с.
2. Бузгалин, А. К критике еsonomics (теоретическое обоснование необходимости коррекции господствующей модели учебного курса по экономической теории) / А. Бузгалин // Вопр. экономики. — 1998. — № 6. — С. 87—107.
3. Валовой, Д. В. О деградации экономической науки и создании социальной политэкономии / Д. В. Валовой // Труд и соц. отношения. — 2005. — № 1. — С. 34—48.
4. Второй международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии» : сб. материалов : в 2 т. / под ред. А. В. Бузгалина, М. И. Воейкова. — М. : Культур. революция, 2015. — Т. 1. — 740 с.; Т. 2. — 470 с.
5. Замечания о системных основах экономической безопасности России // Экономист. — 2017. — № 6. — С. 3—12.
6. Зарецкий, А. Д. Экономическая теория и социальная политика как факторы трансформации капитализма в рыночную экономику / А. Д. Зарецкий, Т. Е. Иванова // Журн. экон. теории. — 2010. — № 4.
7. Макконнелл, К. Р. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. Т. 1 / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. — М. : Республика, 1992. — 399 с.
8. Нечаев, А. А. Кризис в России. Кто виноват и что делать? / А. А. Нечаев. — М. : Астрель : Русь Олимп, 2009. — 345 с.
9. Политическая экономия : учеб. для вузов / В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, О. И. Ожерельев [и др.]. — М. : Политиздат, 1990. — 735 с.
10. О статусе политической экономии в вузовском преподавании экономических дисциплин (по материалам расширенного заседания научно-методического совета по экономике Минобразования России) // Рос. экон. журн. — 2002. — № 5—6. — С. 56—70.
11. Политэкономия в вузе: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / отв. ред. А. В. Горшков, Г. Н. Пряхин. — Челябинск, 2017. — 124 с.
12. Пороховский, А. Политическая экономия — основа и стержень экономической теории / А. Пороховский // Экономист. 2012. — № 1.
13. Седов, В. В. Хозяйство — основа устойчивого развития современного общества: политэкономические аспекты / В. В. Седов. — Челябинск, 2017. — 248 с.
14. Черковец, В. Первый элемент системы экономических наук (еще раз по поводу 200-летия преподавания в России политической экономии и оценки новейших дебатов о ее современной роли в вузовском статусе) / В. Черковец // Рос. экон. журн. — 2005. — № 3. — С. 47—59; № 4. — С. 41—66; № 5—6. — С. 65—77.

Сведения об авторе

Седов Валентин Владимирович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. econ@cgu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 13—20.*

ECONOMIC THEORY IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTES: WHAT IS IN ITS BASIS — ECONOMICS OR POLITICAL ECONOMY?

V.V. Sedov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. econ@csu.ru

The author of the article discusses the question of returning political economy into Russian higher educational institutes. This discipline was substituted by economics in early ninetieth when Russia began to create market economy. But soon many lecturers of Russian universities revealed shortages of economics and began to demand returning political economy into higher educational institutes. The author by comparing the subject and object of these disciplines proves the advantages of political economy. The sphere of cognitive possibility of economics is limited by the frames of market economy. Subject and object of political economy are much wider. Market economy is only one of its parts. This science investigates different kinds of economies in connection with superstruction and the Nature. So not only economic but also environmental and social problems are the objects of interest of political economy. As market economy is a part of object of political economy the author comes to the conclusion that economics must be a part of political economy.

Keywords: *political economy, economics, subject, object, production relations, productive forces, market economy.*

References

1. Akimova T.A., Moseykin Yu.V. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [The Economics of Sustainable Development]. Moscow, Ekonomika Publ., 2009. 430 p. (In Russ.).
2. Buzgalin A. K kritike ekonomiks (teoreticheskoye obosnovaniye neobkhodimosti korrektsii gospodstvuyushchey modeli uchebnogo kursa po ekonomicheskoy teorii [To criticism of economics (theoretical justification of the need for correction of the dominant model of the training course on economic theory)]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 1998, no. 6, pp. 87—107. (In Russ.).
3. Valovoy D.V. O degradatsii ekonomicheskoy nauki i sozdaniy sotsial'noy politekonomii [On the degradation of economic science and the creation of social political economy]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labor and social relations], 2005, no. 1. Pp. 34—48. (In Russ.).
4. Buzgalina A.V. Vtoroy mezhdunarodnyy politekonomicheskiy congress “Vozvrashcheniye politekonomii” v 2 t. [Second International Political Economy Congress “Return of Political Economy” in 2 vol.]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2015. (In Russ.).
5. Zamechaniya o sistemnykh osnovakh ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Comments on the systemic foundations of Russia's economic security]. *Ekonomist* [The Economist], 2017, no. 6, pp. 3—12. (In Russ.).
6. Zaretskiy A.D., Ivanova T.Ye. Ekonomicheskaya teoriya i sotsial'naya politika kak faktory transformatsii kapitalizma v rynochnuyu ekonomiku [Economic theory and social policy as factors in the transformation of capitalism into a market economy]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory], 2010, no. 4. (In Russ.).
7. MacConnell K.R., Bryu S.L. *Ekonomiks: Printsipy, problemy i politika* [Economics: Principles, problems and politics]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 399 p. (In Russ.).
8. Nechaev A.A. *Crizis v Rossii. Kto vinovat i chto delat'?* [The crisis in Russia. Who is to blame and what to do?]. Moscow, Astrel' Publ., Rus' Olimp Publ., 2009. 345 p. (In Russ.).
9. Medvedev V.A. *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 735 p. (In Russ.).

10. O statuse politicheskoy ekonomii v vuzovskom prepodavanii ekonomicheskikh distsiplin (po materialam rasshirennogo zasedaniya nauchno-metodicheskogo soveta po ekonomike Minobrazovaniya Rossii) [On the status of political economy in higher education teaching of economic disciplines (based on the materials of the extended meeting of the scientific and methodological Council on Economics of the Ministry of education of Russia)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2002, no. 5—6, pp. 56—70. (In Russ.).

11. Gorshkov A.V., Pryakhin G.N. (eds.). *Politekonomiya v vuze: problemy teorii i praktiki* [Political economy in the university: the problems of theory and practice]. Chelyabinsk, 2017. 124 p. (In Russ.).

12. Porokhovskiy A. Politicheskaya ekonomiya — osnova i sterzhen' ekonomicheskoy teorii [Political economy is the basis and core of economic theory]. *Ekonomist* [The Economist], 2012, no. 1. (In Russ.).

13. Sedov V.V. *Khozyaystvo — osnova ustoychivogo rasvitiya sovremennogo obshchestva: politekonomicheskiye aspekty* [The economy is the basis for sustainable development of modern society: political economy aspects]. Chelyabinsk, 2017. 248 p. (In Russ.).

14. Cherkovetz V. Pervyy element sistemy ekonomicheskikh nauk (eshche raz po povodu 200-letiya prepodavaniya v Rossii politicheskoy ekonomii i otsenke noveyshikh debatov o yeyo sovremennoy roli v vuzovskom statuse) [The first element of the system of economic sciences (once again on the occasion of the 200th anniversary of teaching political economy in Russia and assessing the latest debates about its contemporary role in university status)]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], 2005, no. 3, pp. 47—59; no. 4, pp. 41—66; no. 5—6, pp. 65—77. (In Russ.).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

О. Н. Хижа

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Статья посвящена изучению подходов к определению дефиниции «эффективность». Автором проведен структурно-критический анализ уже существующих в экономической литературе представлений; в частности, рассмотрены взгляды представителей большинства экономических школ: Ф. Кене, Д. Рикардо, Г. Эмерсона, В. Парето, И. Фишера, Дж. М. Кейнса. На основе анализа автором разработана классификация определений дефиниции «эффективность» по четырем группам: «Отношение», «Достижение результата», «Показатель результата», «Критерий результата». Автор предлагает собственное понимание дефиниции «эффективность» как способность системы генерировать результат в конкретных временных рамках с минимальными затратами — с учетом недостатков предыдущих и в соответствии с российскими реалиями, что обуславливает практическую ценность работы: построение качественно новой системы показателей с целью управления социально-экономическими явлениями.

Ключевые слова: *результативность, эффективность, эффект.*

К категории «эффективность» в экономической науке и практике обращено повышенное внимание в части толкования и осмысления. На данный момент отсутствует единый подход к трактованию понятия «эффективность» и не существует универсальной теории эффективности. Поэтому задача анализа хозяйственной деятельности организации состоит не только в расчете нескольких десятков показателей эффективности, но и в определении их роли, смысла, логики, полезности, эффекта, критериев и, конечно, возможности применения на практике в конкретной ситуации.

Целью статьи является определение категории «эффективность» для формулирования точного критерия эффективности, который мог бы использоваться в практической деятельности для управления процессами, системами.

Проведем критический структурный анализ дефиниций понятия «эффективность», потому что сейчас в экономической литературе невозможно найти определение категории «эффективность», можно лишь познакомиться с ее трактовками, которые будут систематизированы по годам с момента его появления и до настоящего времени (см. таблицу на с. 22—23).

В таблице представлены 32 определения, базой для их составления в экономической литературе стали: 2 нормативных акта, 11 научных трудов, 5 учебных издания, 10 словарей, 3 журнала, 4 монографии и 4 электронных ресурса. В ходе

анализа предлагаем создать классификацию (см. рисунок на с. 23), состоящую из четырех групп — это будет как метод научного познания.

В первой группе — «Отношение» — собраны наиболее часто употребляемые трактовки категории «эффективность» под номерами 2, 6, 7, 10—14, 16, 18, 21, 30—33.

Во второй группе — «Достижение цели (результат)» — определения эффективности под номерами 1, 9, 15, 22, 28 представлены, как результат, результативность, способность приносить эффект.

В третьей группе — «Показатель результата» — показаны менее распространенные определения эффективности под номерами 23 и 25 как категории, характеризующиеся показателем результативности.

В четвертой группе — «Характеристика (критерий) результата» — определения эффективности представлены под номерами 3—5, 8, 17, 19, 20, 24, 26, 27, 29 и трактовки звучат так, что эффективность является качественным критерием полученного результата, основным мерилем успеха, ключевой характеристикой деятельности, качественной категорией, формой проявления всеобщего закона экономии времени, нормой дохода относительно издержек.

Можно сделать вывод, что эффективность как категория теории эффективности:

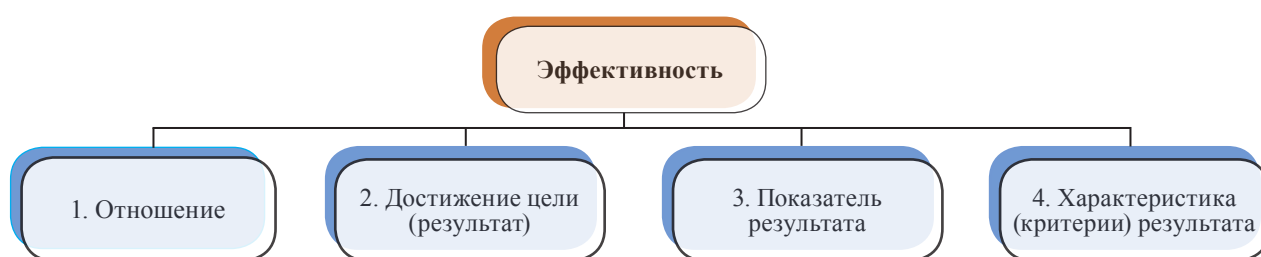
- является сложным и многогранным понятием;

Наиболее часто употребляемые определения категории «эффективность»

№	Период	Источник	Определение
1	1682—1750	В. Пети и Ф. Кене [8. С. 98]	Результативность
2	1819	Д. Рикардо [8. С. 98]	Отношение результата к определенному виду затрат
3	Конец XIX в.	В. Парето [7. С. 59]	Общественное благосостояние максимально при таком состоянии экономики, когда никто не может улучшить свое положение, не ухудшая положение другого
4	1911	Г. Эмерсон [15. С. 72]	Эффективно то предприятие, которое при стопроцентном использовании ресурсов без потерь производит максимальное количество продукции
5	1930	И. Фишер [11. С. 264]	Норма дохода относительно издержек
6	1936	Дж. М. Кейнс [2. С. 212]	Отношение между ожидаемым доходом, приносимым дополнительной единицей данного вида капитального имущества, и ценой производства этой единицы, дает предельную эффективность капитала
7	1979	Т. С. Хачатуров [13. С. 22]	Отношение экономического или социального эффекта к необходимым на его достижение затратам
8	1982	Л. И. Абалкин [1. С. 5]	Форма, посредством которой действует и проявляется всеобщий закон экономии времени
9	1986	В. И. Ленин [5. С. 48]	Достижение наибольших результатов при наименьших усилиях, то есть максимальная производительность
10	1993	П. Хейне [14. С. 170]	Является оценочной категорией. Эффективность всегда связана с отношением ценности результата к ценности затрат
11	1998	И. А. Бланк [20. С. 381]	Соотношение показателей результата (эффекта) и затрат (или суммы ресурсов), использованных для его достижения
12	2005	Современный экономический словарь Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцева [22. С. 474]	Относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определяемые как отношение эффекта, результата к затратам, расходам, обусловившим, обеспечившим его получение
13	2006	Новый экономический словарь В. Н. Копорулина, Д. В. Остапенко [24. С. 384]	Относительный эффект, результативность процесса, операции, проекта, определенные как отношение результата к расходам, которые обусловили и обеспечили его получение
14	2007	Ю. Н. Лапыгин [4. С. 139]	Характеристика процессов и воздействий управленческой направленности, которая отражает прежде всего степень достижения преследуемых целей и определяется как отношение результата деятельности организации к затратам, направленным на его достижение
15		А. Н. Азрилиян [23]	Способность приносить эффект, оказывать действие
16	2009	А. П. Егоршина и В. А. Кожина [19. С. 242]	Степень соизмерения результатов с затратами
17		И. С. Филиппов [18. С. 9]	Сложная экономическая категория; для измерения ее уровня обычно используют обширный перечень разнообразных индикаторов
18	2010	Экономический словарь Е. Г. Багудиной [и др.] [27. С. 619]	Соотношение между полученными результатами производства — продукцией и услугами, с одной стороны, и затратами труда и средств производства — с другой
19	2011	Экономический словарь А. Г. Войтова [21. С. 110]	Характеристика ориентации труда на благосостояние всего народа
20		С. Л. Соркин [9. С. 18]	Результативность функционирования любой системы, в том числе экономической
21	2012	Г. В. Савицкая [17. С. 79]	Отношение результата к затратам или ресурсы
22		Словарь современных экономических терминов А. И. Базылёва [и др.] [25. С. 173]	Достижение каких либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов

Окончание табл.

№	Период	Источник	Определение
23	2013	А. В. Федосеев, Б. М. Карabanов [10. С. 44—53]	Показатель способности системы (организации, подразделения, человека) достигать требуемого результата при экономном расходе ресурсов на его достижение
24		Т. В. Рыжкова, Л. В. Горелова [30. С. 55]	Качественная категория, связанная с интенсивностью деятельности предприятия; отражает глубинные процессы совершенствования, происходящие во всех его элементах, и исключает механистические подходы, как к ее пониманию, так и к оценке
25		Е. Н. Кнышова, Е. Е. Панфилова [16. С. 300]	Относительный показатель результативности; может быть только положительной величиной
26		Д. С. Плетнев [31. С. 211]	Способность корпорации преобразовывать свои ресурсы в готовый, имеющий потребительскую ценность продукт с наименьшими потерями
27	2014	С. В. Хайниш [12. С. 51—52]	Рассматривается в определенном системном ракурсе, и для бизнес-организации является основным мерилom успеха, ключевой характеристикой деятельности
28		С. Келлер [3. С. 35]	Результаты работы организации для заинтересованных сторон, выражающиеся в финансовых и операционных показателях, которые оцениваются с помощью таких критериев, как чистая операционная прибыль, рентабельность используемого капитала, общая акционерная стоимость компании, уровень операционных затрат и оборачиваемость запасов
29	2016	К. А. Наминова [29. С. 102]	Обозначает как качественный критерий полученного результата (отличительный критерий, мерило, на основе которого оценивается каждое явление), а количество полученного результата — показатель эффективности. Качественное определение эффективности управления производственным процессом служит установлению внутренних связей и понятий, таких как «цель управления», «результат управления» (эффект управления), «затраты управления». Количество связей — это качественный критерий
30		С. С. Носова [26. С. 506]	Понятие, характеризующее соотношение объема произведенных экономических благ (результатов) и количества ресурсов (затрат): производство данного объема благ с минимальными издержками; максимум результата при минимуме затрат
31		А. Б. Коган, Н. П. Болдырева [28. С. 46]	Относительный показатель, характеризующий положительную динамику развития субъекта экономики в определенный момент и равный отношению результата (эффекта) к затратам, обусловившим его получение
32	2017	И. А. Мухина [6. С. 252]	Соотнесение результата с затратами (или ресурсами), которые этот результат вызвали. Однако конкретное содержание показателя эффективности зависит от того, что исследователь выберет в качестве результата и что в качестве затрат
33		Википедия [32]	Соотношение между достигнутым результатом и использованными ресурсами

Классификация категории «эффективность» (составлено автором на основе данных таблицы)

- характеризует качественную и количественную стороны какого-либо явления или процесса;
- представляет собой отношение результата (эффекта) и затрат (ресурсы), которые вызвали появление эффекта или общего результата, как сумма первого и второго результатов (например, выручка, как сумма эффекта (прибыли) и полной себестоимости (затрат)).

Проанализировав различные точки зрения на категорию в теории эффективности и рас-пределив их по классификации, предлагаем ав-

торское определение эффективности как категории, характеризующей способность системы генерировать определенный результат (эффект) в конкретных временных рамках, но с наименьшими затратами (ресурсами).

Предложенное определение категории «эффективность» позволяет сформулировать конкретный критерий эффективности и построить систему показателей эффективности, которые могут быть использованы в практической деятельности управления системой, процессами и явлениями.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Конечные народнохозяйственные результаты: сущность, показатели, пути повышения / Л. И. Абалкин. — М. : Экономика, 1982. — 184 с.
2. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. — М., 1978. — 352 с.
3. Келлер, С. Больше, чем эффективность: Как самые успешные компании сохраняют лидерство на рынке : пер. с англ. / С. Келлер, К. Прайс. — М. : Альпина Паблишер, 2014. — 409 с. — (Библиотека Сбербанка. Т. 42).
4. Лапыгин Ю. Н. Стратегический менеджмент : учеб. пособие / Ю. Н. Лапыгин. — М. : Инфра-М, 2007. — 235 с.
5. Ленин, В. И. О научной организации труда / В. И. Ленин. — 2-е изд., доп. — М. : Политиздат, 1986. — 352 с.
6. Мухина, И. А. Экономика организации (предприятия) : учеб. пособие / И. А. Мухина. — 2-е изд., стер. — М. : Флинта, 2017. — 320 с.
7. Парето, В. Курс политической экономии / В. Парето. — М. : Экон. лит., 1962. — 680 с.
8. Рикардо, Д. Начало политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо. — М. : Полит. лит., 1995. — 360 с.
9. Соркин, С. Л. Эффективность внешнеэкономической деятельности: понятие, измерение и оценка монография / С. Л. Соркин. — Гродно : ГрГУ. — 2011. — 130 с.
10. Федосеев, А. В. Битва за эффективность / А. В. Федосеев, Б. М. Карabanов. — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 288 с.
11. Фишер, И. Теория процента / И. Фишер. — М. : Полит. лит., 1930. — 348 с.
12. Хайниш, С. В. Менеджмент и бизнес в слабоструктурированном мире. Актуальные сечения, парадоксы, решения / С. В. Хайниш. — М. : Едиториал УРСС, 2014. — 704 с.
13. Хачатуров, Т. С. Эффективность капитальных вложений / Т. С. Хачатуров. — М. : Экономика, 1979. — 335 с.
14. Хейне, П. Экономический образ мышления : пер. с англ. / П. Хейне. — Изд. 2-е, стер. — М. : Дело : Catallaxy, 1993. — 704 с.
15. Эмерсон, Г. Двенадцать принципов производительности / Г. Эмерсон. — М. : Экономика, 1992. — 224 с.
16. Кнышова, Е. Н. Экономика организации : учебник / Е. Н. Кнышова, Е. Е. Панфилова. — М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2013. — 336 с.
17. Савицкая, Г. В. Анализ эффективности и рисков предпринимательской деятельности: методологические аспекты : монография / Г. В. Савицкая. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 270 с.
18. Филиппов, И. С. Мероприятия, которые повысят экономическую эффективность предприятия / И. С. Филиппов. — М. : Лаб. книги, 2010. — 153 с.
19. Управление социально-экономической системой : монография / под ред. А. П. Егоршина, В. А. Кожина. — Н. Новгород : НИМБ, 2009. — 288 с.
20. Бланк, И. А. Словарь-справочник финансового менеджера / И. А. Бланк. — Киев : Ника-Центр, 1998. — 480 с.
21. Войтов, А. Г. Экономический словарь : учеб. пособие / А. Г. Войтов. — М. : МИИТ, 2011. — 111 с.

22. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 480 с. — (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
23. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. — 7-е изд., доп. — М. : Ин-т новой экономики, 2007. — 1472 с.
24. Новый экономический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина, Д. В. Остапенко ; под общ. ред. П. Я. Юрского. — Ростов н/Д : Феникс, 2006. — 432 с. — (Словари).
25. Словарь современных экономических терминов / сост. А. И. Базылева [и др.]. — Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2012. — 176 с.
26. Носова, С. С. Экономика. Энциклопедический словарь / С. С. Носова. — М. : Инфра-М : Znanium.com, 2016. — 512 с.
27. Экономический словарь / Е. Г. Багудина [и др.] ; отв. ред. А. И. Архипов. — М. : Проспект, 2009. — 624 с.
28. Коган, А. Б. Теоретические аспекты эффективности экономических систем / А. Б. Коган, Н. П. Болдарева // Вестн. ОГУ. — 2016. — № 8. — С. 45—55.
29. Наминова, К. А. Современное состояние страхования рисков сельскохозяйственных организаций с государственной поддержкой в России / К. А. Наминова // Апробация. — 2016. — № 7 (46). — С. 100—105.
30. Рыжкова, Т. В. Оценка эффективности деятельности предприятий (история и современность теории и методологии) / Т. В. Рыжкова, Л. В. Горелова // Вестн. Екатеринбург. ин-та. — 2013. — № 4 (24). — С. 51—55.
31. Плетнев, Д. А. Концепция корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. Ч. 2 / Д. А. Плетнев. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. — 252 с. — (Классический университет).
32. Эффективность [Электронный ресурс] // Общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия «Википедия». — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность> (дата обращения 02.04.2017).

Сведения об авторе

Хижа Ольга Николаевна — магистрантка, программа «Экономика фирмы и отраслевых рынков» Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия. zima2011@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 21—27.*

THE EVOLUTION OF APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT “EFFICIENCY” IN ECONOMIC SCIENCE

O.N. Khizha

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the study of approaches to the definition of “efficiency”. The author conducted a structural-critical analysis of the already existing in the economic literature representation, in particular, the views of the representatives of the majority of economic schools: F. Ken, D. Ricardo, G. Emerson, V. Pareto, I. Fisher, J.M. Keynes. On the basis of the analysis the author has developed a classification of definitions of the definition of “efficiency” in 4 groups: “ratio”, “result”, “result indicator”, “result criterion”. The author proposed his own understanding of the definition of “efficiency” as the ability of the system to generate results in a specific time frame with minimal cost, taking into account the shortcomings of the previous and suitable to the Russian realities, which causes the practical value of the work — the construction of a qualitatively new system of indicators for the management of socio-economic phenomena.

Keywords: *effectiveness, efficiency, effect.*

References

1. Abalkin L.I. *Konechnye narodnokhozyaystvennyye rezul'taty: sushchnost', pokazateli, puti povysheniya* [Final national economic results: essence, indicators, ways of increase]. Moscow, Economy Publ., 1982. 184 p. (In Russ.).
2. Keynes Dzh.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General theory of employment, interest and money]. Moscow, 1978. 352 p. (In Russ.).
3. Keller S. *Kak samye uspeshnye kompanii sokhranyayut liderstvo na rynke* [How the most successful companies retain market leadership]. Moscow, Al'pina Publisher Publ., 2014. 409 p. (Biblioteka Sberbanka. T. 42 [Sberbank's Library. Vol. 42]). (In Russ.).
4. Lapygin Yu.N. *Strategicheskiiy menedzhment* [Strategic management]. Moscow, Infra-M Publ., 2007. 235 p. (In Russ.).
5. Lenin V.I. *O nauchnoy organizatsii truda* [On the scientific organization of labour]. Moscow, Politizdat Publ., 1986. 352 p. (In Russ.).
6. Mukhin I.A. *Ekonomika organizatsii (predpriyatiya)* [Economics of organization (enterprise)]. Moscow, Flint Publ., 2017. 320 p. (In Russ.).
7. Pareto V. *Kurs politicheskoy ekonomii* [The course of political economy]. Moscow, Economic literature Publ., 1962. 680 p. (In Russ.).
8. Ricardo D. *Nachalo politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [The beginning of Political Economy and Taxation]. Moscow, Political literature Publ., 1995. 360 p. (In Russ.).
9. Sorkin S.L. *Effektivnost' vneshnyekonomicheskoy deyatel'nosti: ponyatie, izmereniye i otsenka* [Efficiency of foreign economic activity: concept, measurement and evaluation monograph]. Grodno, Grodno State University Publ., 2011. 130 p. (In Russ.).
10. Fedoseev A.V., Karabanov B.M. *Bitva za effektivnost'* [Battle for efficiency]. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2013. 288 p. (In Russ.).
11. Fisher I. *Teoriya protsenta* [Interest Theory]. Moscow, Political literature Publ., 1930. 348 p. (In Russ.).
12. Voronkov S.V. *Menedzhment i biznes v slabostrukturirovannom mire. Aktual'nye secheniya, paradoksy, resheniya* [Management and business in a semi-structured world. Actual sections, paradoxes, solutions]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2014. 704 p. (In Russ.).
13. Khachaturov T.S. *Effektivnost' kapital'nykh vlozheniy* [Efficiency of capital investments]. Moscow, Economy Publ., 1979. 335 p. (In Russ.).
14. Heyne P. *Ekonomicheskiiy obraz myshleniya* [The economic way of thinking]. Moscow, 1993. 704 p. (In Russ.).
15. Emerson G. *Dvenadtsat' printsipov proizvoditel'nosti* [Twelve principles of performance]. Moscow, Economy Publ., 1992. 224 p. (In Russ.).
16. Knyshova Ye.N., Panfilova Ye.Ye. *Ekonomika organizatsii* [Economics of the organization]. Moscow, FORUM Publ., INFRA-M Publ., 2013. 336 p. (In Russ.).
17. Savitskaya G.V. *Analiz effektivnosti i riskov predprinimatel'skoy deyatel'nosti: metodologicheskiye aspekty* [Analysis of efficiency and risks of business activity: methodological aspects]. Moscow, INFRA-M Publ., 2012. 270 p. (In Russ.).
18. Filippov I.S. *Meropriyatiya, kotorye povysyat ekonomicheskuyu effektivnost' predpriyatiya* [Measures that will increase the economic efficiency of the enterprise]. Moscow, 2010. 153 p. (In Russ.).
19. *Upravleniye sotsial'no-ekonomicheskoy sistemoy* [Management of socio-economic system]. Nizhny Novgorod, NIMB Publ., 2009. 288 p. (In Russ.).
20. Blank I.A. *Slovar'-spravochnik finansovogo menedzhera* [Dictionary of Financial Manager]. Kiev, Nika-Center Publ., 1998. 480 p. (In Russ.).
21. Voytov A.G. *Ekonomicheskiiy slovar'* [Economic Dictionary]. Moscow, MIIT Publ., 2011. 111 p. (In Russ.).
22. Raizberg B.A., Lozovskiy L.S., Starodubtseva Ye.B. *Sovremennyy ekonomicheskiiy slovar'* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2005. 480 p. (In Russ.).
23. *Bol'shoy ekonomicheskiiy slovar'* [Big Economic Dictionary]. Moscow, 2007. 1472 p. (In Russ.).
24. *Novyy ekonomicheskiiy slovar'* [New Economic Dictionary]. Rostov, Phoenix Publ., 2006. 432 p. (In Russ.).
25. *Slovar' sovremennykh ekonomicheskikh terminov* [The dictionary of economic terms]. Minsk, International University "MITSO", 2012. 176 p. (In Russ.).

26. *Ekonomika. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Economy. Encyclopaedic dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., Znaniy.com Publ., 2016. 512 p.

27. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Dictionary of Economics]. Moscow, Avenue Publ., 2009. 624 p. (In Russ.).

28. Kogan A.B., Boldyreva N.P. *Teoreticheskiye aspekty effektivnosti ekonomicheskikh sistem* [Theoretical aspects of efficiency of economic systems]. *Vestnik OGU* [Bulletin of Orenburg State University], 2016, no. 8, pp. 45—55. (In Russ.).

29. Naminova K.A. *Sovremennoye sostoyaniye strakhovaniya riskov sel'skokhozyaystvennykh organizatsiy s gosudarstvennoy podderzhkoy v Rossii* [Current state of risk insurance of agricultural organizations with State support in Russia]. *Aprobatsiya* [Approbation], 2016, no. 7 (46), pp. 100—105. (In Russ.).

30. Ryzhkova T.V. Gorelova L.V. *Otsenka effektivnosti deyatelnosti predpriyatiy (istoriya i sovremennost' teorii i metodologii)* [The estimation of efficiency of activity of enterprise (history and modernity theory and methodology)]. *Vestnik Yekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute], 2013, no. 4 (24), pp. 51—55. (In Russ.).

31. Pletnev D.A. *Kontseptsiya korporatsii: opyt sistemno-institutsional'nogo issledovaniya v 2 ch. Ch. 2* [The concept of the Corporation: experience of system-institutional research in 2 pt. Pt. 2]. Chelyabinsk, 2013. 252 p. (In Russ.).

32. *Effektivnost'* [Efficiency]. *Vikipyediya* [Wikipedia]. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность>, accessed 02.04.2017. (In Russ.).

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 28—38.

УДК 336.145 ББК 65.261.785
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10704

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ РАСХОДОВ БЮДЖЕТОВ НА ОСНОВЕ ПРАВИЛА МАКСИМИЗАЦИИ ПОЛЕЗНОСТИ¹

В. А. Белкин

Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинск, Россия

Предметом исследования явились отношения распределения по поводу структуры расходов бюджетов различных уровней. Цель работы — разработка теоретической модели оптимизации структуры бюджетных расходов на основе правила максимизации полезности. Содержанием проведенной работы стало рассмотрение примеров оптимизации структуры расходов бюджета на основе социологических оценок граждан степени удовлетворенности оказанием бюджетных услуг с использованием правила максимизации полезности. В результате исследования разработана теоретическая модель оптимизации структуры расходов бюджета на основе правила максимизации полезности. К областям применения результатов исследования относятся разработки проектов бюджетов различного уровня.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, расходы бюджета, структура расходов бюджета, оптимизация структуры расходов бюджетов, правило максимизации полезности.*

Основной проблемой, с которой связано данное исследование, является проблема поиска конкретных форм синтеза непосредственной и опосредованной (представительной) демократий в бюджетных процессах. В связи с этим основной целью работы явилась разработка теоретической модели оптимизации структуры бюджетных расходов на основе правила максимизации полезности как формы синтеза непосредственной и представительной демократий в бюджетном процессе.

На сайте «Политология» следующим образом формулируются основные недостатки представительной демократии: «Во-первых, она фактически отстраняет народ от власти в промежутках между выборами и тем самым отходит от демократии; во-вторых, порождает сложную иерархическую систему управления, бюрократизацию и олигархизацию власти, отрыв депутатов и чиновников от народа; в-третьих, порождает приоритетное влияние на политику наиболее сильных групп интересов, возможности подкупа; в-четвертых, усиливает нарастание в государстве

авторитарных тенденций вследствие постепенного оттеснения законодателей исполнительной властью; в-пятых, делает слабой легитимность власти вследствие отчуждения от нее народа; в-шестых, ущемляет политическое равенство возможностей всех участвовать в управлении, принятии решений; в-седьмых, позволяет манипулировать мнением народа»².

В п. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации записано, что «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»³. Примечательно, что первенство отводится непосредственному осуществлению власти народом. Следовательно, в соответствии с Конституцией РФ каждая из сфер государственного управления, включая бюджетные отношения, должна сочетать в себе непосредственное и опосредованное (через органы государственной власти и местного самоуправления) управление.

На вопрос: «Кто и как должен решать проблемы вашего поселения, чтобы они решались по воз-

¹ Автор выражает благодарность: статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2018 г.

² См.: <http://political-science.ru/?p=359>.

³ Конституция Российской Федерации (см., напр.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/).

возможности быстро и эффективно?» большая часть опрошенных выбрали вариант «Администрация, но с помощью населения»¹.

Развитие современных информационных технологий представляет техническую возможность для снижения затрат непосредственного выявления постоянно изменяющихся потребностей граждан и нивелирования вышеназванных недостатков представительной демократии и, как результат, для снижения уровня социальной напряженности и повышения уровня экономической безопасности.

Достоинства и недостатки различных форм электронной демократии и перспективы их развития в России подробно представлены в статьях Т. Л. Ровинской [18; 19]. При этом она отдельно рассматривает государственную политику в области развития электронной демократии и так называемую электронную демократию «снизу», которая, по словам автора, компенсирует и в ряде случаев замещает официальную [19. С. 76].

В большинстве научных работ и официальных документов в настоящее время проблема оптимизации структуры расходов бюджетов различного уровня рассматривается как проблема повышения их эффективности, бюджетной экономии и выявления резервов.

Так, например, в разделе 2 «Оптимизация структуры расходов федерального бюджета» «Бюджетного послания Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 “О бюджетной политике в 2014—2016 годах”» имеет место перечисление резервов².

Конкретный перечень мероприятий по оптимизации расходов на государственное и муниципальное управление приводится в статье Р. С. Афанасьева [1]. К ним, в том числе, автор относит устранение избыточных и дублирующих функций органов государственного (местного)

управления, запрет на увеличение численности государственных гражданских служащих субъекта РФ и численности работников государственных казенных учреждений, сокращение дополнительных выплат государственным гражданским служащим, централизацию отдельных функций исполнительных органов государственной (муниципальной) власти, централизацию бюджетного и бухгалтерского учета на основе принципов «Электронного бюджета», формирование единой службы технической поддержки для органов исполнительной власти и др. При этом, по контексту статьи, оптимизация расходов рассматривается автором как их экономически обоснованное сокращение или как сокращение при сохранении заданной результативности государственного и муниципального управления.

С. Б. Ефимова раскрывает проблемы (недостатки) монополии государственного сектора в социальной сфере и называет направления формирования в ней негосударственного сектора, в числе которых — стимулирование развития негосударственных организаций, оказывающих социальные услуги и приобретение социальных услуг у негосударственных организаций посредством осуществления социального заказа [9. С. 54]. Можно согласиться с тем, что данные направления повышают уровень конкуренции, а следовательно, и экономической эффективности бюджетных расходов. По контексту статьи, оптимизация расходной бюджетной политики государства в социальной сфере рассматривается автором как реализация внутренних резервов повышения их эффективности.

М. Л. Васюнина в своей статье делает вывод о том, что «оптимизация бюджетных расходов в части государственных и муниципальных услуг возможна за счет упорядочения состава и видов государственных и муниципальных услуг, введения единых нормативов возмещения затрат на оказание услуг в соответствии с государственным и муниципальным заданием, корректировки механизма субсидирования услуг, повышения качества управления дебиторской задолженностью органов государственной власти и органов местного самоуправления» [5. С. 14]. Представляется, что следует различать понятия «оптимизация структуры расходов» как улучшение их структуры (соотношения основных статей расходов между собой по критериям экономической (ВВП) и социально-политической эффективности) и «оптимизация» как бюджетная экономия средств.

¹ Шульга И., Сухова А., Хачатрян Г. Программа поддержки местных инициатив: совершенствование местного самоуправления и развитие инициативного бюджетирования // Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Вып. 1. — М., 2015. — 215 с. — С. 154—196. — С. 169 (см: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/21-221015_PB_conf/info_1.pdf).

² См. п. 2 «Оптимизация структуры расходов федерального бюджета» в Бюджетном послании Президента РФ Федеральному собранию от 13.06.2013 «О бюджетной политике в 2014—2016 годах» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147552/35a1baca27a92ab3104ae7fe5e38d7a52e85425/).

Традиционный подход к оптимизации расходов территорий содержится и в работе Н. В. Замятиной. Так, в аннотации к данной статье читаем: «...автором рассматриваются различные варианты оптимизации расходов региональных бюджетов: экономия расходов органов власти и бюджетных учреждений, передача отдельных функций бюджетных учреждений в аутсорсинг, оптимизация сети бюджетных учреждений» [11. С. 33].

А. С. Руковишникова определяет оптимизацию расходов бюджета как «совокупность действий и мероприятий, направленных на изменение значений расходов бюджета без их увеличения при условии достижения заданных результатов» [20. С. 37]. При этом остается непонятным, почему данная оптимизация связывается с неувеличением расходов. Допустим, что за счет дополнительных доходов бюджета, например вследствие роста цен на металлопродукцию, произошел рост расходов по статье «Образование» и при этом данное изменение не приносит никому убытков и дает некоторым людям (в данном случае ученикам, учителям и родителям, по их собственной оценке) пользу. Представляется, что такое улучшение вполне будет соответствовать критерию оптимальности по Парето, на который ссылается автор статьи.

В статье Н. А. Бегчина «Проблемы оптимизации расходов бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях кризиса» оптимизация данных расходов рассматривается как поиск резервов их сокращения. К ним, в том числе, автор относит сокращение расходов на капитальное строительство и прочих расходов и использование бюджетных нормативов. Представляет интерес авторский сравнительный анализ долей расходов регионов на здравоохранение, социальную политику и образование. В результате автор приходит к выводу о целесообразности не только сокращения указанных расходов, но и их роста в ряде регионов с их долей ниже границы критического интервала [2].

Представляется вполне реальной ситуация, при которой достигается высокая эффективность бюджетных расходов по статьям расходов, которые большинством населения страны или региона оцениваются как неактуальные, то есть получившие в результате социологических исследований низкие оценки актуальности.

Эффективность в экономике традиционно рассматривается как соотношение результатов и за-

трат. В качестве затрат выступают цены услуг или расходы по определенным статьям бюджета. Но что следует принимать в качестве результатов бюджетных расходов? Как, например, оценивать результативность расходов на оборону?

Примечательно название брошюры, подготовленной на основе проекта закона Челябинской области «Об областном бюджете на 2016 год». Она называется «Бюджет для граждан» [8]. Таким образом, признается, что основной целью формирования доходов и исполнения расходов бюджета является удовлетворение потребностей граждан.

Вместе с тем в брошюре не указано, какое количество граждан и каким образом участвовали в разработке и обсуждении данного проекта, какие оценки и пожелания они представили, учитывались ли данные оценки и по какой методике.

На едином портале бюджетной системы Российской Федерации для Челябинской области приведены результаты опросов, в том числе на вопрос: «Какое направление, на ваш взгляд, должно быть приоритетным в исполнении бюджета Российской Федерации?». По состоянию на 3 марта 2018 г. ответы распределились следующим образом: образование — 37 %, здравоохранение — 43, ЖКХ — 8, строительство — 5, спорт — 2, свой вариант — 5 %¹. Примерно такие же приоритеты расставлены гражданами городов Москва и Санкт-Петербург.

Представляется, что на данном портале также должен задаваться вопрос: «Какое направление, на ваш взгляд, должно быть приоритетным при разработке проекта бюджета Российской Федерации?» — и по большему количеству направлений (статей расходов) бюджета РФ, включая расходы на оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность.

Имеются все основания полагать, что даже мнения ведущих независимых экспертов в данной области не учитываются при разработке проектов бюджетов. Так, например, в заключении на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов» Института экономической политики имени Е. Гайдара отмечается недостаточное время для обсуждения проекта бюджета, а также рост числа секретных приложений к нему. В данной работе конструктивно критикуются многие перекосы в структуре расходов федерального

¹ Электронный бюджет. Единый портал бюджетной системы Российской Федерации. Челябинская область. Текущие опросы (см.: <http://budget.gov.ru/epbs/faces/>)

бюджета. В их числе авторы заключения указывают на то, что «сокращение производительных расходов в номинальном выражении в среднем планируется более высокими темпами, чем непроизводительных расходов» [10. С. 22].

В. В. Ольховик и Ю. А. Михайлова вполне обоснованно замечают, что «в большинстве случаев результатом оптимизационных мероприятий является сокращение расходов бюджета» [17]. По мнению данных авторов, «оптимизация расходов — это процесс в рамках решения среднесрочных задач, который может быть направлен на изменение объема расходов как в сторону увеличения, так и в сторону снижения, а сокращение расходов — вынужденная мера по решению текущих проблем краткосрочного характера» [Там же]. При этом в качестве критерия оптимизации расходов авторы предлагают учитывать степень участия группы расходов в формировании доходов субъекта РФ.

А. Кнобель и И. Соколов в статье «Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу», используя, в том числе, и метод межстрановых сравнений, приходят к выводу: «... следует снижать расходы на “силовые” статьи государственного бюджета и перераспределять их на развитие человеческого капитала» [14. С. 31].

На основе обработки большого массива статистических данных А. Кудрин и А. Кнобель рассчитали краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы бюджетных расходов по темпам роста ВВП. В результате ими было доказано, что «перераспределение ресурсов от непроизводительных расходов к производительным могло бы повысить долгосрочные темпы экономического роста примерно на 0,8 п.п. в год. Напротив, наблюдавшееся с 2011 по 2017 г. изменение бюджетных расходов оказывало негативное влияние на среднегодовые темпы экономического роста порядка 0,3 п.п. в год» [15. С. 5]. При этом в данной работе в качестве непроизводительных расходов рассматривались расходы на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность, а в качестве производительных — расходы на образование, здравоохранение и спорт, а также на дорожную инфраструктуру и транспорт.

[p/%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%8B/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B?_adf.ctrl-state=jyf4g9msa_57®ionId=75\).](https://www.elibrary.ru/p/%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%20%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%8B/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%8B?_adf.ctrl-state=jyf4g9msa_57®ionId=75))

В работе Г. А. Грачёва для оценки структурной эффективности бюджетов предлагается использовать принцип оптимальности по Парето. Для всего рассмотренного периода (2004—2011) автор приходит к выводу о низкой структурной эффективности федерального бюджета и отсутствии предпосылок устойчивого развития экономики РФ [6. С. 18—19].

Можно заключить, что последняя группа авторов, а именно В. В. Ольховик, Ю. А. Михайлова, А. Кнобель, И. Соколов, А. Кудрин, Г. Грачёв, рассматривает оптимизацию структуры расходов бюджетов как улучшение их соотношения (в % от общей суммы расходов) между собой по критерию максимизации темпов роста ВВП. В настоящей работе мы исходим из аналогичного понимания оптимизации расходов бюджетов, но по критерию социальной удовлетворенности граждан соответствующих территорий.

Если допустить, что бюджеты различных уровней разрабатываются для удовлетворения потребностей граждан, то основным критерием результативности бюджетных расходов должны быть оценки граждан степени удовлетворенности исполнением тех или иных статей расходов. Однако использование подобных оценок будет эффективно только в случае свободного и равноправного представления в СМИ всех альтернативных точек зрения экспертов на структуру расходов бюджетов.

Помимо этого, граждане должны обладать информацией о реальном положении дел в различных сферах жизни, для чего необходима реальная свобода средств массовой информации. В противном случае оценки гражданами удовлетворенности различными статьями расходов бюджетов (их полезности) будут искажены государственной пропагандой.

К. Ю. Дибирова утверждает, что «при анализе качества бюджетных услуг обоснованно использование следующих критериев: 1) критерия полноты бюджетных услуг; 2) критерия качества бюджетных услуг; 3) критерия доступности бюджетных услуг; 4) критерия своевременности оказания бюджетных услуг; 5) критерия удовлетворенности получателей государственных бюджетных услуг (как общий показатель удовлетворенности качеством бюджетных услуг и как субъективные индикаторы к каждому показателю)» [7. С. 116].

В настоящей статье под удовлетворенностью понимается вышеназванный критерий

удовлетворенности № 5. Группа авторов в составе В. Э. Бойкова, Е. И. Добролюбовой, Н. В. Зыбуновской, А. Н. Покиды, В. Н. Южакова для сопоставимости результатов различных исследований предложила определять количественную оценку «уровня удовлетворенности в баллах (от 0 до 100) на основе распределения ответов респондентов по шкале по формуле

$$У = Ду + Дчу \times 0,75 + Дз \times 0,5 + Дчну \times 0,25, \quad (1)$$

где Ду — доля респондентов, полностью удовлетворенных качеством оказания государственных (муниципальных) услуг; Дчу — доля респондентов, скорее удовлетворенных качеством оказания государственных (муниципальных) услуг; Дз — доля респондентов, затруднившихся с ответом; Дчну — доля респондентов, скорее неудовлетворенных качеством оказания государственных (муниципальных) услуг» [4. С. 45].

Далее рассмотрим теоретический пример варианта оптимизации структуры расходов бюджетов различного уровня с учетом данного показателя.

Обозначим прогнозируемые доходы бюджета первого года внедрения предлагаемой нами методики как $Д_1$, (млрд р.) и условно примем их равными 10 трлн р. Для упрощения допустим, что при разработке проекта бюджета следует решить задачу объемов финансирования по отдельным функциональным разделам, например по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» ($У_1$) и услуги 2 — «Образование» ($У_2$) по ценам (в качестве которых примем фактические расходы прошлого года): $Ц_{11} = 5$ и $Ц_{21} = 3$ (трлн р.) соответственно.

Полезность (Π) (приоритетность, актуальность, настоятельность, потребность) расходов по ст. 2.3 «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» (то есть услуги 1) оказалась равной, например, 8,52. То есть $\Pi_{11} = 8,52$. При этом первый индекс (1) обозначает номер услуги, а второй (1) — номер года по порядку. Первый год внедрения данной методики обозначим через 1.

Полезность расходов по второй рассматриваемой статье — 2.7 «Образование» — оказалась равной 6,48 или $\Pi_{21} = 6,48$. Критерием оптимизации является максимальная совокупная полезность для граждан РФ от расходов по названным выше статьям.

Если имеются оценки удовлетворенности населения оказанием тех или иных государственных (муниципальных) услуг в процентах от числа

опрошенных, то их полезности (Π) можно определить как величины, обратные оценкам удовлетворенности, по формуле

$$\Pi_{ij} = 1 \times 100 / У_{д_{ij}}, \quad (2)$$

где $У_{д_{ij}}$ — уровень удовлетворенности (% числа опрошенных), например, по субъекту РФ от оказания i -й государственной услуги (здравоохранением, социальной политикой, образованием и т. д.) в j -м году.

Так, например, в 2016 г. в целом по Амурской области степень удовлетворенности населения (% опрошенных) уровнем организации газоснабжения оказалась равной 11 %, а электроснабжения — 87 %.¹

Тогда полезность организации газоснабжения при разработке проекта бюджета 2017 г. ($\Pi_{1,2017}$) = $1 \times 100 / 11 = 9,091$, а полезность организации электроснабжения ($\Pi_{2,2017}$) = $1 \times 100 / 87 = 1,1494$.

Задача оптимизации структуры расходов бюджетов, по нашему мнению, является аналогичной задаче максимизации совокупной полезности при покупках набора товаров (услуг). Пример использования правила максимизации полезности изложен на с. 29—30 популярного учебника «Экономикс: принципы, проблемы и политика» [16].

В соответствии с данным правилом первоначально следует определить удельные полезности товаров (услуг) путем деления их полезностей на цены. Таким образом, для расходов по первой статье удельная полезность определяется по формуле

$$У_{\Pi_{11}} = \Pi_{11} / Ц_{11} = 8,52 / 5 = 1,704. \quad (3)$$

Для расходов по второй статье («Образование») удельная полезность равняется:

$$У_{\Pi_{21}} = \Pi_{21} / Ц_{21} = 6,48 / 3 = 2,16. \quad (4)$$

Если строго следовать правилу максимизации полезности, то следует купить услугу 2 и отказаться на первом шаге от покупки услуги 1. Но это невозможно по следующим причинам. Во-первых, социологические замеры оценок невоз-

¹ Оценка населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления Амурской области за 2016 г. (официальный сайт администрации Сковородинского района Амурской области: URL: http://www.skovorodino.ru/society/soc_opros.php).

можно проводить после каждой закупки (этапа финансирования). Иначе затраты на социологические замеры полезностей значительно превысят эффект от оптимизации структуры расходов бюджета. Во-вторых, невозможно в течение года полностью отказаться от покупки услуги 1.

Поэтому следует постепенно, год за годом, двигаться в направлении улучшения структуры государственных расходов в соответствии с постоянно изменяющимися потребностями граждан.

Для этого на первом шаге доходы бюджета (D_1) должны быть распределены между его статьями расходов пропорционально их удельным полезностям. Так, например, доходы бюджета, направляемые на финансирование ст. 1 (D_{11}), определяются по формуле

$$\begin{aligned} D_{11} &= U_{п11} \times (D_1 / (U_{п11} + U_{п21})) = \\ &= 1,704 \times (10 / (1,704 + 2,16)) = \\ &= 1,704 \times (10 / 3,864) = \\ &= 1,704 \times 2,588 = 4,409\,938 \text{ (трлн р.)}. \end{aligned} \quad (5)$$

Доходы бюджета, направляемые на финансирование ст. 2 (D_{21}), определяются по формуле

$$\begin{aligned} D_{21} &= U_{п21} \times (D_1 / (U_{п11} + U_{п21})) = \\ &= 2,16 \times 2,588 = 5,59008 \text{ (трлн р.)}. \end{aligned} \quad (6)$$

Важно заметить, что при равенстве полезностей (или оценок удовлетворенности) от потребления услуг по статьям финансирования 1 и 2 структура расходов бюджета останется неизменной. Это будет означать, что граждане воспринимают сложившуюся структуру расходов как оптимальную.

В результате роста финансирования покупок услуги 2 в течение первого года в соответствии с законом убывающей предельной (дополнительной) полезности при переходе к следующему году 2 произойдет снижение ее дополнительной полезности вследствие насыщения, возросшего ее удовлетворения.

Допустим, что при разработке проекта бюджета на второй год внедрения данной методики была получена оценка полезности (актуальности, востребованности, настоятельности) услуги 2, равная 5,07, или $P_{22} = 5,07$. То есть дополнительная полезность услуги 2 в течение года снизилась на 21,76 %.

Дополнительная полезность первой услуги может повыситься вследствие меньших объемов ее

финансирования и (или) роста внешних угроз безопасности в предыдущем году. Допустим, что социологические замеры показали, что на момент разработки проекта бюджета на второй год дополнительная полезность финансирования по статье «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» оказалась равной $P_{12} = 8,73$, то есть возросла на 2,46 %.

В качестве цен на данном этапе расчетов примем фактические объемы финансирования предыдущего года, а именно:

$$\begin{aligned} C_{12} &= D_{11} = 4,409938 \text{ (трлн р.)}, \\ C_{22} &= D_{21} = 5,59008 \text{ (трлн р.)}. \end{aligned}$$

Тогда удельная полезность финансирования первой статьи для второго года определяется по формуле

$$U_{п12} = P_{12} / C_{12} = 8,73 / 4,409938 = 1,979612. \quad (7)$$

Удельная полезность финансирования второй статьи (второй услуги) для второго года определяется по формуле

$$U_{п22} = P_{22} / C_{22} = 5,07 / 5,59008 = 0,906964. \quad (8)$$

Допустим, что доходы бюджета второго года снизились до уровня $D_2 = 9,5$ трлн р. Доходы бюджета, направляемые на финансирование ст. 1 для второго года разработки проекта бюджета (D_{12}) определяются по формуле

$$\begin{aligned} D_{12} &= U_{п12} \times (D_2 / (U_{п12} + U_{п22})) = \\ &= 1,979612 \times (9,5 / (1,979612 + 0,906964)) = \\ &= 1,979612 \times (9,5 / 2,886576) = \\ &= 1,979612 \times 3,291096 = 6,515093 \text{ (трлн р.)}. \end{aligned} \quad (9)$$

Доходы бюджета, направляемые на покупку услуги 2 для второго года разработки проекта бюджета (D_{22}), определяются по формуле:

$$\begin{aligned} D_{22} &= U_{п22} \times (D_2 / (U_{п12} + U_{п22})) = \\ &= 0,906964 \times 3,291096 = 2,984906 \text{ (трлн р.)}. \end{aligned} \quad (10)$$

Таким образом, год за годом будет происходить совершенствование структуры расходов бюджетов (в нашем примере — консолидированного бюджета РФ) в направлении оптимальной по критерию максимизации удовлетворения потребностей граждан. Для недопущения резких изменений в структуре расходов можно ограничить их изменение, например не более 10 % к уровню предыдущего года.

Понятно, что при использовании предлагаемой методики оптимизации расходов резко возрастает значимость социологических исследований и (или) голосования в Интернете. Представляется, что заказы на их проведение должны размещаться на конкурсной основе, а исполнители не должны быть аффилированы с органами власти. Либо голосование на едином портале бюджетной системы Российской Федерации «Электронный бюджет» должно быть защищено от возможных манипулирования его результатами.

Особо следует отметить, что использование предлагаемой в данной статье модели оптимизации структуры расходов бюджетов привело бы к снижению уровня коррупции в данной сфере, поскольку оно освобождает процесс от давления различных групп интересов, друзей и «особо приближенных» при решении вопросов об объемах финансирования основных статей бюджетов.

Основы методики совершенствования структуры расходов бюджетов различных уровней на основе использования теории рационального выбора (правила максимизации полезности) были шестым предметом защиты нашей докторской диссертации [3. С. 36].

В зарубежной и отечественной литературе имеются работы с описанием опыта так называемого совместного или инициативного бюджетирования, которые показывают мировую тенденцию демократизации бюджетного процесса.

Так, например, в работе «Совместное бюджетирование в Бразилии» специалисты Всемирного банка анализируют успешный опыт бразильского города Порту-Алегри. При этом они определяют совместное бюджетирование как «процесс, посредством которого граждане представляют свои требования и приоритеты для улучшения гражданского общества и влияния на основе обсуждений и переговоров на бюджетные ассигнования, осуществляемые их муниципалитетами» [21. С. 1].

В настоящее время около 2,5 % муниципалитетов Бразилии применяют совместное бюджетирование [Там же. С. 2]. Примечательно, что широкое участие граждан Порту-Алегри в распределении части общих расходов бюджета города привело к резкому росту доли расходов на здравоохранение и образование, а именно с 13 % в 1985 г. до 40 % в 1999 г. В 1999 г. 40 тыс. чел. приняли участие в распределении около половины городского бюджета [Там же. С. 3]. По мнению специалистов Всемирного банка, первоначально на совместное бюджетирование может выделяться

небольшая доля бюджета города, которая со временем может возрастать [Там же. С. 5].

На сайте некоммерческой организации Participatory Budgeting Project дается следующее определение совместного бюджетирования: это демократический процесс, в котором члены сообщества решают, как тратить часть государственного бюджета; дает обычным людям реальную власть принятия решений над реальными деньгами». Там же указано, что с помощью совместного бюджетирования распределяется 1—15 % общего бюджета¹.

Подробное описание и анализ мирового и российского опыта инициативного бюджетирования содержатся в материалах Всероссийской конференции «Инициативное бюджетирование в Российской Федерации» [13]. Изучение российского опыта инициативного бюджетирования (ИБ) позволяет определить его следующие основные характеристики: 1) ИБ связывается исключительно с местным самоуправлением; 2) граждане соучаствуют в финансировании местных проектов; 3) субъект Федерации выделяет субсидии на реализацию победивших в ходе голосования проектов ИБ.

В материалах данной конференции приводятся результаты социологических исследований, которые подтверждают положительные эффекты программы поддержки местных инициатив. К ним относятся рост удовлетворенности населения качеством жизни, услуг и работой местных органов власти, рост доверия к органам власти.

В докладе «Инициативное бюджетирование в России. Выпуск 2017» подводятся итоги ИБ в 2017 г. К ним относятся следующие: «В 2017 году было подано 296 заявок. ... Самые актуальные проекты: 64 проекта — благоустройство территорий; 59 проектов — ремонт и строительство объектов культуры; 37 проектов — ремонт и строительство спортивных объектов. На реализацию всех проектов, участвующих в конкурсе, было потрачено около 780 млн рублей, причем всего 5 % от этой суммы — собственные средства граждан. Более 70 % денег составляют средства региональных и муниципальных бюджетов, порядка 25 % — приходится на финансовую помощь со стороны бизнеса» [12. С. 13].

Если сопоставить объемы расходов консолидированного бюджета РФ в 2016 г. (31 323,7 млрд р.) и выделенных на реализацию проектов ИБ

¹ Participatory Budgeting Project (<https://www.participatorybudgeting.org/services/>).

(0,78 млрд р.), то становится понятным современный уровень непосредственного участия граждан в управлении расходами бюджетов.

Оппоненты данной оценки могут заметить, например, что проекты местных бюджетов и отчеты об их исполнении в соответствии с п. 3 ст. 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» должны выноситься на публичные слушания. Однако результаты данных слушаний носят только рекомендательный характер. Так, например, в п. 4.10 «Порядка проведения публичных слушаний Муниципального округа Басманный» читаем: «На публичных слушаниях не принимаются какие-либо решения путем голосования»¹.

¹ Муниципальный округ Басманный. Порядок проведения публичных слушаний (<http://www.basmanvmo.ru/munitsipalnyy-okrug/publichnyeslushaniya/>).

По итогам настоящего исследования можно сделать следующие заключения:

1. Разработан алгоритм оптимизации структуры расходов бюджетов на основе правила максимизации полезности с учетом оценок граждан полезности (приоритетности) различных статей расходов бюджетов различных уровней.

2. Предложено развести понятия оптимизации бюджетных расходов как синонима экономии средств бюджета и оптимизации как оптимального по определенному критерию соотношения между собой в процентах к итогу различных статей бюджетов.

Учет результатов социологических исследований (или электронного голосования) по определению степени удовлетворенности населения состоянием финансирования основных статей расходов при разработке проектов бюджетов различных уровней явился бы формой непосредственного участия граждан РФ в бюджетном процессе.

Список литературы

1. Афанасьев, Р. С. Оптимизация функций государственного и муниципального управления в Программах оптимизации расходов бюджета субъекта Российской Федерации на 2017—2019 годы [Электронный ресурс] / Р. С. Афанасьев // Иннов : электрон. науч. журн. — 2017. — № 4 (33). — URL: <http://www.innov.ru/science/economy/optimizatsiya-funktsiy-gosudarstven/>.
2. Бегчин, Н. А. Проблемы оптимизации расходов бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях кризиса [Электронный ресурс] / Н. А. Бегчин // Финансы и кредит. — 2009. — № 32 (368). — С. 78—85. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-optimizatsii-raskhodov-byudzhetov-subektov-gossiyskoy-federatsii-v-usloviyakh-krizisa>.
3. Белкин, В. А. Синтез макроэкономических моделей как теоретико-методологическая основа прогнозирования динамики реального ВВП : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / В. А. Белкин. — Екатеринбург, 2006. — 42 с.
4. Результаты исследования общей удовлетворенности граждан качеством государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс] / В. Э. Бойков, Е. И. Добролюбова, Н. В. Зыбуновская, А. Н. Покида, В. Н. Южаков // Социология власти. — 2012. — № 1. — С. 40—65. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17929780>.
5. Васюнина, М. Л. Оптимизация бюджетных расходов и финансовое обеспечение государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс] / М. Л. Васюнина // Финансы и кредит. — 2016. — № 6. — С. 14—25. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-byudzhetnykh-raskhodov-i-finansovoe-obespechenie-gosudarstvennykh-i-munitsipalnykh-uslug>.
6. Грачёв, Г. А. Оценка структурной эффективности расходной части государственных бюджетов [Электронный ресурс] / Г. А. Грачёв // Terra Economicus. — 2011. — Т. 9, № 3. — С. 11—21. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-strukturnoy-effektivnosti-raskhodnoy-chasti-gosudarstvennykh-byudzhetov>.
7. Дибирова, К. Ю. К проблеме оценки удовлетворенности качеством бюджетных услуг в западной и отечественной социологии [Электронный ресурс] / К. Ю. Дибирова // Ист. и соц.-образоват. Мысль. — 2017. — Т. 9, № 1/2. — С. 116—121. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-probleme-otsenki-udovletvorennosti-kachestvom-byudzhetnykh-uslug-v-zapadnoy-i-otechestvennoy-sotsiologii>.

8. Дубровский, Б. А. Бюджет для граждан. К проекту закона об областном бюджете Челябинской области на 2016 год [Электронный ресурс] / Б. А. Дубровский, А. В. Пшеницын. — Челябинск : М-во финансов Челяб. обл., 2015. — 88 с. — URL: http://www.minfin74.ru/mBudget/citizen_2016.pdf.
9. Ефимова, С. Б. Оптимизация расходной бюджетной политики государства в социальной сфере [Электронный ресурс] / С. Б. Ефимова // Финансы и кредит. — 2007. — № 1. — С. 49—57. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9290390_85514199.pdf.
10. Заключение на проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов». РАНХиГС. Институт экономической политики имени Е. Гайдара [Электронный ресурс]. — М., 2016. — 53 с. — URL: https://ier.ru/files/text/other/opinion_draft_budget-2017_nov.2016.pdf.
11. Замятина, Н. В. Оптимизация расходов бюджетов территорий [Электронный ресурс] / Н. В. Замятина // Финансы и кредит. — 2010. — № 9 (393). — С. 33—37. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-raskhodov-byudzhetrov-territoriy>.
12. Инициативное бюджетирование в России. Вып. 2017 [Электронный ресурс]. — URL: http://budget.derpinnbr.ru/images/docs/01_informacionniy_material_ib.pdf.
13. Инициативное бюджетирование в Российской Федерации. Вып. 1 [Электронный ресурс]. — М., 2015. — 215 с. — URL: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/21-221015_PB_conf/info_1.pdf.
14. Кнобель, А. Оценка бюджетной политики РФ на среднесрочную перспективу [Электронный ресурс] / А. Кнобель, И. Соколов // Экон. развитие России. — 2012 (дек.) — 2013 (январь). — Т. 19, № 12. — С. 23—32. — URL: http://contact.iet.ru/files/persona/knobel/Otsenka_byudzhethnoy%20politik_RF_na_srednesrochnuju_perspektivu.pdf.
15. Кудрин, А. Бюджетная политика как источник экономического роста [Электронный ресурс] / А. Кудрин, А. Кнобель // Вопр. экономики. — 2017. — № 10. — С. 5—26. — URL: <https://akudrin.ru/uploads/attachments/file/17/kudrin10-17.pdf>.
16. Макконнелл, К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : пер. с англ. : в 2 т. Т. 2 / К. Р. Макконнелл, С. Л. Брю. — М. : ИНФРА-М, 2001. — 528 с.
17. Ольховик, В. В. Методические подходы к оптимизации расходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и организаций [Электронный ресурс] / В. В. Ольховик, Ю. А. Михайлова // Иннов: электрон. науч. журн. — 2017. — № 4 (33). — URL: <http://www.innov.ru/science/economy/metodicheskie-podkhody-k-optimizats/>.
18. Ровинская, Т. «Подвижная демократия»: за и против [Электронный ресурс] / Т. Ровинская // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2014. — № 12. — С. 60—69. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22749552>.
19. Ровинская, Т. Российская модель электронной демократии в международном контексте [Электронный ресурс] / Т. Ровинская // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2014. — № 8. — С. 6—90. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21835169_88933694.pdf.
20. Руковишникова, А. С. Механизмы оптимизации расходов местных бюджетов [Электронный ресурс] / А. С. Руковишникова // Проблемы учета и финансов. — 2013. — № 4 (12). — С. 37—40. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizmy-optimizatsii-raskhodov-mestnykh-byudzhetrov>.
21. Participatory budgeting in Brazil. World Bank Group [Электронный ресурс]. — URL: https://sitere-sources.worldbank.org/INTEMPowerment/Resources/14657_Participatory-Budgeting-Brazil-web.pdf.

Сведения об авторе

Белкин Владимир Алексеевич — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Челябинский филиал, Челябинск, Россия. Belkin5986@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 28—38.*

OPTIMIZATION OF THE STRUCTURE OF BUDGET EXPENDITURES BASED ON THE RULE OF MAXIMIZATION OF USE

V.A. Belkin

*Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia.
Belkin5986@mail.ru*

The subject of the study was the distribution relations about the structure of spending budgets of different levels. The aim of the work was to develop a theoretical model for optimizing the structure of budget expenditures based on the maximization of utility rule. The content of the work carried out was the consideration of examples of optimization of the structure of budget expenditures on the basis of sociological assessments of citizens of the degree of satisfaction with the provision of budgetary services using the maximization of utility rule. As a result of the research, a theoretical model for optimizing the structure of budget expenditures based on the maximization of utility rule was developed. The areas of application of research results include the development of draft budgets of various levels.

Keywords: *economic security, budget expenditures, budget expenditure structure, budget structure optimization, utility maximization rule.*

References

1. Afanas'yev R.S. Optimizatsiya funktsiy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v Programmakh optimizatsii raskhodov byudzheta sub'ekta Rossiyskoy Federatsii na 2017—2019 gody [Optimization of functions of state and municipal management in the Budget Expenditure Optimization Program for the Subject of the Russian Federation for 2017—2019]. *Innov: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Innov: Electronic Scientific Journal], 2017, no. (33). Available at: <http://www.innov.ru/science/economy/optimizatsiya-funktsiy-gosudarstven/> (In Russ.).
2. Begchin N.A. Problemy optimizatsii raskhodov byudzheta sub'ektov Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh krizisa [Problems of optimization of expenditures of budgets of the subjects of the Russian Federation]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2009, no. 32 (368), pp. 78—85. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-optimizatsii-raskhodov-byudzheta-subektov-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyakh-krizisa> (In Russ.).
3. Belkin V.A. *Sintez makroekonomicheskikh modeley kak teoretiko-metodologicheskaya osnova prognozirovaniya dinamiki real'nogo VVP* [Synthesis of macroeconomic models as a theoretical and methodological basis for forecasting the dynamics of real GDP. Abstract of thesis]. Yekaterinburg, 2006. 42 p. (In Russ.).
4. Boykov V.E., Dobrolyubova Ye.I., Zybunovskaya N.V., Pokida A.N., Yuzhakov V.N. Rezul'taty issledovaniya obshchey udovletvoryonnosti grazhdan kachestvom gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug [Results of the study of the general satisfaction of citizens with the quality of state and municipal services]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2012, no. 1, pp. 40—65. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17929780> (In Russ.).
5. Vasyunina M.L. Optimizatsiya byudzhetykh raskhodov i finansovoye obespecheniye gosudarstvennykh i munitsipal'nykh uslug [Optimization of budget expenditures and financial provision of state and municipal services]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2016, no. 6, pp. 14—25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-byudzhetykh-raskhodov-i-finansovoe-obespechenie-gosudarstvennykh-i-munitsipal'nykh-uslug> (In Russ.).
6. Grachyov G.A. Otsenka strukturnoy effektivnosti raskhodnoy chasti gosudarstvennykh byudzheta [Assessment of the structural efficiency of the expenditure side of state budgets]. *Terra Economicus*, 2011, vol. 9, no. 3, pp. 11—21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-strukturnoy-effektivnosti-raskhodnoy-chasti-gosudarstvennykh-byudzheta> (In Russ.).
7. Dibirova K.Yu. K probleme otsenki udovletvoryonnosti kachestvom byudzhetykh uslug v zapadnoy i otechestvennoy sotsiologii [On the problem of assessing satisfaction with the quality of budget services in Western and domestic sociology]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought]

ucational Thought], 2017, vol. 9, no. 1/2, pp. 116—121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-probleme-otsenki-udovletvorennosti-kachestvom-byudzhetykh-uslug-v-zapadnoy-i-otechestvennoy-sotsiologii> (In Russ.).

8. Dubrovskiy B.A., Pshenitsyn A.V. *Byudzhety dlya grazhdan. K proektu zakona ob oblastnom byudzhete Chelyabinskoy oblasti na 2016 god* [Budget for citizens. To the draft law on the regional budget of the Chelyabinsk region for 2016]. Chelyabinsk, 2015. 88 p. Available at: http://www.minfin74.ru/mBudget/citizen_2016.pdf (In Russ.).

9. Yefimova S.B. Optimizatsiya raskhodnoy byudzhetoynoy politiki gosudarstva v sotsial'noy sfere [Optimization of the state budget expenditure policy in the social sphere]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2007, no. 1, pp. 49—57. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_9290390_85514199.pdf (In Russ.).

10. *Zaklyucheniye na proekt Federal'nogo zakona "O federal'nom byudzhete na 2017 god i planovyy period 2018 i 2019 godov"* [Conclusion on the Draft of Federal law "On the Federal budget for 2017 and planning period of 2018 and 2019"]. Moscow, 2016. 53 pp. Available at: https://iep.ru/files/text/other/opinion_draft_budget-2017_nov.2016.pdf (In Russ.).

11. Zamyatina N.V. Optimizatsiya raskhodov byudzhetov territoriy [Optimization of expenses of regional budgets]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2010, no. 9 (393), pp. 33—37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-raskhodov-byudzhetov-territoriy> (In Russ.).

12. *Initiativnoye byudzhetrovaniye v Rossii. Vyp. 2017* [Initiative Budgeting in Russia. Iss. 2017]. Moscow, 2017. Available at: http://budget.depfinnabr.ru/images/docs/01_informacionniy_material_ib.pdf (In Russ.).

13. *Initiativnoye byudzhetrovanie v Rossiyskoy Federatsii. Vyp. 1* [Initiative Budgeting in the Russian Federation. Iss. 1]. Moscow, 2015. 215 p. Available at: http://www.nifi.ru/images/FILES/NEWS/21-221015_PB_conf/info_1.pdf (In Russ.).

14. Knobel' A., Sokolov I. Otsenka byudzhetoynoy politiki RF na srednesrochnuyu perspektivu [Estimation of the RF budget policy for the medium term]. *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Economic Development of Russia], December 2012 — January 2013, vol. 19, no. 12, pp. 23—32. Available at: http://contact.iet.ru/files/persona/knobel/Otsenka_byudzhetoynoy%20politik_RF_na_srednesrochnuyu_perspektivu.pdf (In Russ.).

15. Kudrin A., Knobel' A. Byudzhetoynaya politika kak istochnik ekonomicheskogo rosta [Budgetary policy as a source of economic growth]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], 2017, no. 10, pp. 5—26. Available at: <https://akudrin.ru/uploads/attachments/file/17/kudrin10-17.pdf> (In Russ.).

16. Makkonell K.R., Bryu S.L. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika v 2 t. T. 2* [Economics: principles, problems and policies in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2001. 528 p. Pp. 29—30. (In Russ.).

17. Ol'khovik V.V., Mikhaylova Yu.A. Metodicheskiye podkhody k optimizatsii raskhodov konsolidirovannogo byudzheta sub'yekta Rossiyskoy Federatsii i organizatsiy [Methodical approaches to optimizing the expenditures of the consolidated budget of the subject of the Russian Federation and organizations]. *Innov: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Innov: Electronic Scientific Journal], 2017, no. 4 (33). Available at: <http://www.innov.ru/science/economy/metodicheskie-podkhody-k-optimizats/> (In Russ.).

18. Rovinskaya T. "Podvizhnaya demokratiya": za i protiv ["Mobile democracy": pro et contra]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2014, no. 12, pp. 60—69. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22749552> (In Russ.).

19. Rovinskaya T. Rossiyskaya model' elektronnoy demokratii v mezhdunarodnom kontekste [Russian model of e-democracy in the international context]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2014, no. 8, pp. 76—90. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21835169_88933694.pdf (In Russ.).

20. Rukovishnikova A.S. Mekhanizmy optimizatsii raskhodov mestnykh byudzhetov [Mechanisms for optimizing expenditures of local budgets]. *Problemy uchyota i finansov* [Accounting and Finance Issues], 2013, no. 4 (12), pp. 37—40. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mekhanizmy-optimizatsii-raskhodov-mestnykh-byudzhetov> (In Russ.).

21. *Participatory budgeting in Brazil. World Bank Group*. Available at: https://siteresources.worldbank.org/INTEMPowerment/Resources/14657_Particip-Budg-Brazil-web.pdf.

ВЗАИМОСВЯЗЬ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ И ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

И. С. Белик¹, Л. В. Камдина²

¹ *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия*

² *Троицкий филиал Челябинского государственного университета, Троицк, Россия*

Показана взаимосвязь между антропогенным воздействием и качеством жизни населения. Обоснована необходимость использования экономических, социальных и экологических критериев в процессе рассмотрения основных тенденций развития региональных систем. Приведены данные экологического рейтинга регионов страны за 2016 г., представлены его результаты и закономерности. Проанализированы основные показатели промышленного производства и состояния окружающей природной среды Свердловской и Челябинской областей. Обнаружены достаточно тесные корреляционные связи между такими показателями, как промышленное производство, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты и заболеваемость населения. Рассмотрено влияние отдельных загрязняющих веществ на показатели здоровья населения. Выявлена роль экологического и энергетического факторов и их влияние на качество жизни населения. Установлена необходимость включения в систему показателей качества жизни экологического и энергетического факторов.

Ключевые слова: *качество жизни, состояние окружающей природной среды, экологическая ситуация региона, здоровье населения, парниковые газы.*

Важнейшей составляющей качества жизни является окружающая природная среда. Низкое качество атмосферного воздуха, питьевой воды, продуктов питания влияет не только на состояние здоровья и продолжительность жизни населения, но и на его реальные доходы, поскольку увеличиваются расходы на лекарственные препараты, продукты питания (возникает необходимость прибегать к разделению продуктов на экологически чистые и прочие, что вызывает соответствующее повышение цен на экологически чистую продукцию) и др.

Кроме того, повышение уровня заболеваемости населения вследствие плохого качества окружающей природной среды влияет на макроэкономические составляющие, такие как объем ВВП, снижение налоговых доходов бюджета государства вследствие увеличения дней заболеваемости и снижения продолжительности рабочего периода, увеличение социальных расходов на выплату пособий по временной нетрудоспособности, пенсий по инвалидности и т. п. Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязи между антропогенным воздействием и качеством жизни населения на примере Свердловской и Челябинской областей.

Длительное время экономика России, как в советский, так и послесоветский периоды, развивалась на основе ресурсоемких технологий.

Вовлечение в оборот значительных сырьевых ресурсов привело к деградации земель в местах добычи полезных ископаемых, и их переработка сопровождалась большими объемами отходов, выбросами в атмосферу неутилизованных газов, загрязнением водных источников в больших количествах. Это привело к тому, что многие территории, города и целые регионы оказались в зоне экологического бедствия. На этих территориях существуют миллионы домохозяйств, для которых улучшение качества окружающей природной среды является насущной потребностью.

Решению проблем социо-эколого-экономического развития посвящены работы многих российских и зарубежных ученых.

По мнению профессора В. В. Седова, дальнейшее углубление начавшегося в 2014 г. экономического кризиса делает особенно острым вопрос о переходе России на путь устойчивого развития, основанного на балансе социальных, экологических и экономических целей и интересов [15].

Проблемам социо-эколого-экономической среды регионов посвящены работы А. Ю. Даванкова

и Н. О. Ежовой. Регион, по их мнению, представляет собой локальную модель государства, цель и задание развития которой совпадают с общегосударственными. К тому же практика убедительно показала, что многие проблемы социально-экономической и экологической несбалансированности в первую очередь зарождались на уровне региона и только позже приобретали национальные масштабы. Именно на региональном уровне может быть достигнута естественно-хозяйственная сбалансированность, для чего формируются программы экологизации хозяйственного комплекса, определяются приоритеты развития и финансовые источники их реализации [7].

Содержание приоритетов развития регионов, по мнению А. Ю. Даванкова и А. В. Кочерова, определяются следующим образом [8]:

— в экономической сфере: повышение эффективности использования местных ресурсов — природных, трудовых, финансовых и др.; достижение экономической эффективности, отвечающей конкурентоспособному вектору развития;

— в социальной сфере: достижение социальной справедливости в распределении общественных благ, оптимизация личного потребления на основе принципа разумной достаточности;

— в экологической сфере: сохранение оптимальной среды обитания; расширенное воспроизводство возобновляемых ресурсов биосферы.

Кроме этого, профессор А. Ю. Даванков подчеркивает, что именно социализация экономики и сохранение среды обитания человека делают социо-эколого-экономическую систему главной формой и условием сбалансированного развития общества [12].

Ю. Ш. Капкаев, исследуя проблемы противоречия экономического и экологического развития регионов, отмечает, что условия существования населения регионов зависят от того потенциала, которым располагает территория. Особенности и эффективность использования ресурсов, по его мнению, позволяют населению обеспечить определенный уровень комфорта. Но при этом более комфортные условия могут вступать в противоречие с качеством возможностей для реализации потенциала территории. В свою очередь более полное использование ресурсных возможностей, обеспечивающее расширение деловой активности, ведет в ряде случаев к ухудшению условий жизни населения [10].

Необходимости использования экономических, социальных и экологических критериев в про-

цессе рассмотрения основных тенденций развития региональных систем посвящены работы Е. И. Куценко [11].

По данным общероссийской общественной организации «Зеленый патруль», подготовившей итоговый экологический рейтинг регионов страны за 2016 г., самая тяжелая экологическая обстановка отмечается в Челябинской и Свердловской областях [См.: 13]. При составлении списка эксперты анализировали такие показатели, как состояние воздуха, воды, сбросов, выбросов и даже ответственность власти, активность общественных организаций и другие критерии.

Результаты данного исследования закономерны, поскольку в этих регионах России сосредоточено огромное количество предприятий тяжелой промышленности. Причем большая часть этих предприятий функционирует на устаревших технологиях, не соответствующих современным экологическим стандартам.

В этих регионах находятся промышленные предприятия, которые обеспечивают более 10 % вредных выбросов от общего количества загрязнителей атмосферы Уральского района. К примеру, ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» ежегодно выбрасывает в атмосферу более 300 тыс. т вредных веществ. Данная цифра равна объему вредных выбросов за год со всех промышленных объектов Северо-Западного района. И это только одно из предприятий, загрязняющих экологию Урала. А ведь Рефтинская ГРЭС, расположенная в Свердловской области, ежегодно выбрасывает в атмосферу не меньший объем вредных веществ [14].

Для большей наглядности представим основные показатели промышленного производства и состояния окружающей природной среды Свердловской и Челябинской областей, основанные на данных Федеральной службы государственной статистики [14] (см. табл. 1).

Данные официальной статистики свидетельствуют о неблагоприятной экологической ситуации в указанных регионах. Несмотря на отрицательную динамику выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, доля выбросов этих регионов достаточно высокая в общем объеме выбросов в УрФО (более 25 % приходится на Свердловскую область, чуть меньше — на Челябинскую).

По сбросам загрязненных сточных вод ситуация обстоит не лучшим образом, однако здесь лидирует Челябинская область, доля сбросов ко-

Таблица 1

Индекс промышленного производства и основные показатели состояния окружающей природной среды Свердловской и Челябинской областей за 2011—2015 гг.

Регион \ Год	2011	2012	2013	2014	2015
Индекс промышленного производства (% к предыдущему году)					
Российская Федерация	105,0	103,4	100,4	101,7	96,6
УрФО	101,9	101,6	101,1	100,7	98,1
Свердловская область	106,2	109,6	102,7	102,1	96,9
Челябинская область	107,5	101,7	99,9	104,0	98,0
Выбросы в атмосферный воздух загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (тыс. т)					
Российская Федерация, млн т	19,2	15 678	15 189	14 768	14 418
УрФО	5126	1 665	1 624	2 014	1 996
Свердловская область	1091	712	687	667	660
Челябинская область	694	744	713	679	725
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты (млн куб. м)					
Российская Федерация, млн т	15 966	15 678	15 189	14 768	14 418
УрФО	1834	1665	1624	2014	1996
Свердловская область	770	712	687	667	660
Челябинская область	836	744	713	679	725

торой составляет в среднем 35—41 % сбросов по УрФО в целом.

Усугубляет экологическую ситуацию Уральского района и то, что уровень переработки промышленных отходов, загрязняющих окружающую среду, очень невысок. В частности, показатели по переработке серы в серную кислоту из отходящих газов медеплавильных заводов Уральского района не дотягивают даже до 60 %. В Свердловской области переработке подвергается менее 0,1 % промышленных отходов с повышенным содержанием черных, цветных и редких металлов. На территории одной только Челябинской области захоронения промышленных отходов составляют 15 % общероссийских показателей [См.: 4; 6].

В природной среде во все большем количестве присутствуют газообразные, жидкие и твердые отходы производств. Различные химические вещества, находящиеся в отходах, попадая в почву, воздух или воду, переходят по экологическим звеньям из одной цепи в другую, оказываясь в конце концов в организме человека.

Кроме того, приведенные статистические данные демонстрируют корреляционную связь между объемом промышленного производства и загрязнением окружающей природной среды. Данную корреляцию наглядно демонстрируют диаграммы (рис. 1, 2).

Таким образом, можно сделать вывод, что при использовании действующих современных

технологий рост производства неизменно будет сопровождаться повышением уровня загрязнения окружающей природной среды. Загрязненная природная среда оказывает существенное влияние на здоровье и, соответственно, на качество жизни населения.

Экология Челябинской и Свердловской областей неблагоприятна для проживания людей. С каждым годом здесь растет уровень заболеваемости населения. В таких городах, как Каменск-Уральский Свердловской области, Магнитогорск и Карабаш Челябинской области, наблюдается кризисная ситуация, равнозначная экологическому бедствию.

Зачастую концентрация в атмосфере Магнитогорска таких вредных веществ, как сероводород, этилбензол, диоксид азота, фенол, превышает предельно допустимые нормы в 13—20 раз.

С тех пор как в 1910 г. в Карабаше был открыт медеплавильный комбинат, концентрация свинца в атмосфере города нередко превышает предельно допустимую норму в 50 раз, показатели по мышьяку там обычно составляют 10—25 ПДК [14].

О низких показателях здоровья населения Челябинской области свидетельствуют данные, приведенные в коллективной монографии ученым П. Я. Дегтяревым. В табл. 2 показан удельный вес населения, подверженного сверхнормативному воздействию негативных факторов окружающей среды [9].

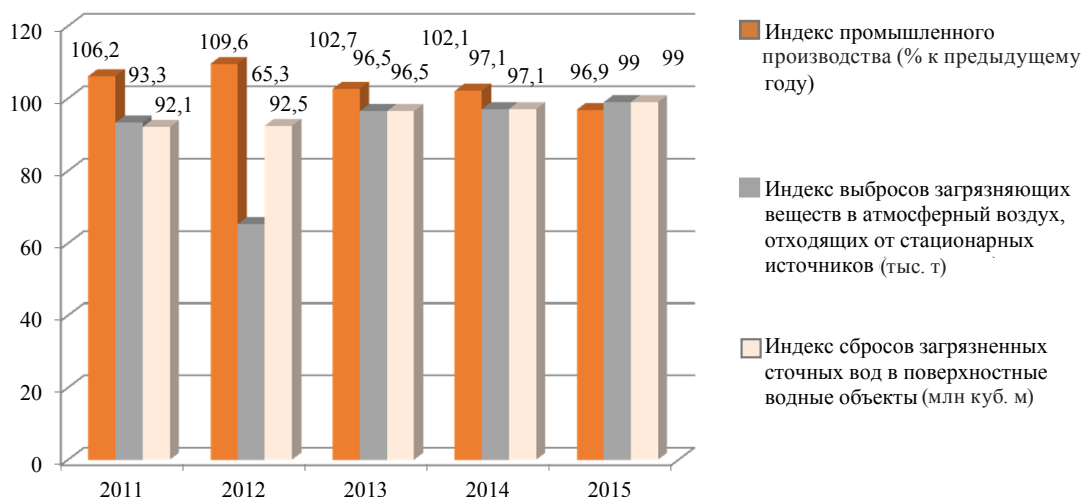

Рис. 1. Динамика индексов промышленного производства, выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, сбросов загрязненных сточных вод Свердловской области за 2011—2015 гг., %

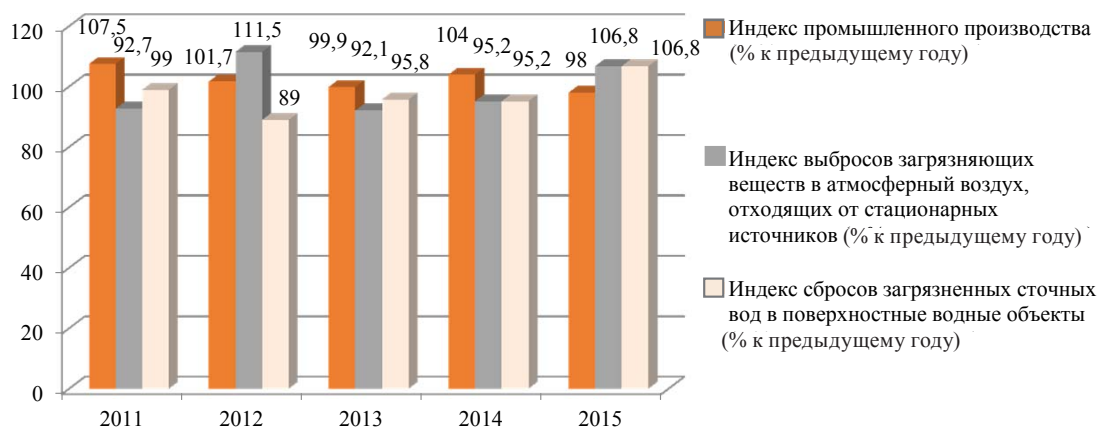

Рис. 2. Динамика индексов промышленного производства, выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, сбросов загрязненных сточных вод Челябинской области за 2011—2015 гг., %

Таблица 2

Удельный вес населения Челябинской области, подверженного сверхнормативному воздействию факторов окружающей среды

Фактор воздействия	Удельный вес населения, %
Загрязнение воздуха	44,0
Загрязнение почвы	29,2
Загрязнение питьевой воды	20,9
Воздействие автотранспортного шума	15,9
Воздействие выхлопных газов автотранспорта	13,3
Проживание населения в санитарно-защитных зонах предприятия	3,1
Загрязнение сельхозпродуктов	1,0
Воздействие авиационного шума	1,0

Степень опасности загрязнения атмосферного воздуха оценивается по двум основным классам веществ: канцерогенным, которые способны вызывать злокачественные новообразования, и неканцерогенным. Ряд канцерогенных веществ влияет и на наследственность, индуцируя генетические эффекты — увеличение частоты неко-

торых генетически обусловленных заболеваний. Канцерогенные и генетические эффекты тесно взаимосвязаны и сопоставимы по величине. Вместе они образуют класс стохастических эффектов.

Большая часть выбрасываемых в атмосферу веществ имеет канцерогенный характер, поэто-

му у населения повышается риск злокачественных новообразований. В крупнейшем многоотраслевом городе наблюдается такая тенденция зависимости заболеваемости населения от загрязнения окружающей среды: иммунологическая реактивность организма составляет 33—60 %, функциональные отклонения (дыхания, сердечно-сосудистой системы) — 5—29, суммарная заболеваемость детского населения — 5—25, заболеваемость органов дыхания — 10—40, нарушение детородной функции — 2—9 % средневзвешенных показателей по городу [5].

Неканцерогенные вещества вызывают широкий спектр нарушений состояния здоровья человека, которые можно рассматривать как разные формы токсических эффектов, регистрируемых на молекулярном, клеточном, тканевом, организменном и популяционном уровнях. Последние эффекты наблюдаются в виде повышенной заболеваемости и/или смертности.

В городах с развитой металлургической промышленностью взрослое население чаще страдает болезнями органов кровообращения (в 1,5 раза) и органов пищеварения (в 1,7), а дети почти в 1,5 раза чаще получают болезни органов дыхания и пищеварения, а также кожи и слизистых оболочек глаз. Проживание в центрах размеще-

ния нефтехимической промышленности и оргсинтеза ведет к увеличению заболеваемости детей бронхиальной астмой (в 2—3 раза) и болезнями кожи и слизистых оболочек (в 2) [16].

В табл. 3 приведены данные о заболеваемости населения Свердловской и Челябинской областей за 2011—2015 гг. [14].

На рис. 3 приводятся эффекты от снижения заболеваемости и смертности населения при улучшении качества окружающей среды.

Эффекты от снижения заболеваемости и смертности, миграции населения при улучшении окружающей среды можно определить как предотвращаемый ущерб при применении превентивных мер, способствующих снижению вредного воздействия загрязнения окружающей среды [1].

Проблема качества окружающей среды, ее влияние на уровень заболеваемости и смертности населения актуальна не только для отдельных индивидуумов и их групп, в том числе домохозяйств, но и для органов государственной и муниципальной власти. В этой связи актуальность приобретают вопросы оценки влияния экологического фактора на показатели качества жизни населения и уровня его жизни.

Категория здоровья, по определению Всемирной организации здравоохранения, «является

Таблица 3

Заболеваемость населения Свердловской и Челябинской областей на 1000 чел. населения по основным классам болезней за 2011—2015 гг. (зарегистрировано заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни)

Регион \ Год	2011	2012	2013	2014	2015
Новообразования					
Российская Федерация	11,1	11,6	11,4	11,6	11,4
УрФО	10,4	10,8	11,2	11,5	11,0
Свердловская область	10,3	10,8	11,3	10,8	10,1
Челябинская область	10,7	10,7	10,9	11,7	12,0
Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм					
Российская Федерация	4,7	4,7	4,7	4,7	4,7
УрФО	4,4	4,6	4,4	4,3	4,6
Свердловская область	4,0	4,4	4,3	4,2	4,6
Челябинская область	4,1	4,1	3,8	3,8	3,9
Болезни органов дыхания					
Российская Федерация	338,8	330,9	338,4	333,4	337,9
УрФО	353,3	348,7	362,0	352,9	359,2
Свердловская область	307,9	299,9	322,0	313,9	317,1
Челябинская область	390,0	392,4	391,6	387,2	388,8
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения					
Российская Федерация	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1
УрФО	2,0	2,1	2,0	2,2	1,8
Свердловская область	1,0	0,9	0,9	1,0	0,9
Челябинская область	4,0	4,4	4,2	4,8	3,8

Эффекты от снижения заболеваемости и смертности населения при улучшении качества окружающей среды			
Снижение потерь чистой продукции в результате:	Экономия бюджета Фонда социального страхования РФ за счет:	Экономия затрат в сфере здравоохранения на лечение населения:	Экономия от снижения потерь, связанных с текучестью рабочих кадров, вследствие:
• снижения заболеваемости населения	• снижения выплат по временной нетрудоспособности	• сокращение средств на лекарственные препараты	• снижения затрат на высвобождение и наем работников
• снижения числа случаев выхода на льготные пенсии и пенсии по инвалидности	• снижения выплат пенсий по инвалидности	• сокращение средств на обследование	• снижения затрат на адаптацию персонала: психофизиологическую, социально-психологическую
• снижения числа случаев преждевременной смертности трудоспособного населения	• снижения потребности в средствах на превентивные медицинские обследования	• снижение затрат на койко-день при лечении в стационаре	

Рис. 3. Эффекты от снижения заболеваемости и смертности населения при улучшении качества окружающей среды

состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней или физических дефектов». Многие ученые считают, что в качестве слагаемых здоровья человека выделяются такие социально-значимые категории, как продолжительность жизни, умственная и физическая работоспособность, воспроизводство здорового потомства.

Здоровье населения в статике и динамике рассматривается как интегральная оценка состояния здоровья людей (каждого в отдельности), составляющих все население. Для его описания используются такие значимые индикаторы, как демографические показатели (рождаемость, мертворожденность, смертность — общая, детская, перинатальная; средняя продолжительность жизни), заболеваемость (общая, отдельных возрастных групп, инфекционная, хронические неспецифические заболевания, отдельные виды заболеваний, заболеваемость с временной утратой трудоспособности, госпитализированная заболеваемость), инвалидизация [3].

И. С. Белик, Н. В. Стародубец, К. Е. Ярошук, раскрывая энергетические и экологические аспекты качества жизни населения, отмечают,

что к оценке качества жизни населения необходимо подходить в первую очередь с позиции приоритетного учета экологического критерия, который отражается на здоровье человека. Кроме того, по их мнению, огромное влияние на качество жизни населения оказывает энергетический фактор [2].

Рост промышленного производства сопровождается повышением концентрации в атмосферном воздухе углекислого газа (CO_2). За последние 200 лет она заметно возросла.

Углекислый газ наряду с находящимися в атмосфере газообразными веществами природного и/или антропогенного происхождения, такими как водяной пар, метан, озон и другие, образует парниковые газы (ПГ). Основной причиной повышения концентрации парниковых газов в атмосфере в настоящее время является деятельность человека, а именно:

- дополнительные выбросы парниковых газов в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности;
- сведение лесов.

По утверждению ученого Михаила Юлкина [17], антропогенные выбросы парниковых газов в атмосферу составляют в настоящее время

53 млрд т CO₂-экв. в год. Крупнейшими эмитентами парниковых газов в мире являются Китай (24,5 % глобальных выбросов ПГ), США (13,9), ЕС (9,8), Индия (6,7), Россия (5,2 %).

Россия занимает 5-е место в мире по объему выбросов ПГ на душу населения и 3-е — по углеродоемкости ВВП.

В период с 1990 по 1998 г. выбросы ПГ в России сократились более чем на 40 % в связи с коллапсом экономики. После 1998 г. эти выбросы росли вместе с ростом экономики и с падением экономики падали. Сокращать выбросы при одновременном росте экономики мы пока не научились. Хотя в ЕС и США это уже норма.

В 2015 г. выбросы парниковых газов без учета земле- и лесопользования составили 70,36 % выбросов 1990 г., а с учетом земле- и лесопользования — 54,26 %.

Благодаря своим свойствам парниковые газы поглощают инфракрасное излучение с поверхности Земли, вызванное ее нагревом, и переизлучают его назад, в результате чего тропосфера и поверхность планеты дополнительно нагреваются, что ведет к росту температуры на планете и, как следствие, к изменению климата.

Данные о средней глобальной температуре поверхности суши и океана свидетельствуют о потеплении на 0,85 °C (от 0,65 до 1,06) за период 1880—2012 гг. Сравнение средних значений за 1850—1900 гг. и за 2003—2012 гг. дает прирост на 0,78 °C (от 0,72 до 0,85). По мнению ученых, при сохранении нынешних тенденций температура поверхности Земли к 2100 г. может увеличиться на 4 °C и более, что, вероятнее всего, станет настоящей климатической катастрофой.

В России в силу ее географического положения потепление климата происходит в среднем в 1,5—2 раза быстрее, чем в остальном мире. С 1976 г. на всей территории России наблюдается потепление как в целом за год, так и во все сезоны, кроме зимы. Между 1976 и 2014 гг. среднегодовая температура в среднем по России росла в среднем на 0,42 °C за 10 лет. Быстрее всего

среднегодовая температура растет на побережье Северного Ледовитого океана (более 0,8 °C за 10 лет, Таймыр).

Если говорить о сезонах, то наибольший прирост температуры отмечается весной (в среднем на 0,58 °C за 10 лет). Зимой в ряде регионов наблюдается падение температуры: на крайнем северо-востоке, на юге Сибири (до –0,54 °C за 10 лет), в Забайкалье. Особенно быстро теплеет на Крайнем Севере России.

Изменение климата оказывает огромное влияние на качество жизни населения. По различным оценкам, изменение климата сегодня является причиной до 400 тыс. преждевременных смертей в год, поскольку имеет такие последствия, как: ураганы, наводнения, засухи, волны жары, лесные пожары, дефицит пресной воды, распространение инфекционных заболеваний и др. Растет частота и средняя тяжесть опасных природных явлений метеорологического характера. Так, с 1990 г. число опасных природных явлений в России возросло в 4 раза. В том числе в несколько раз увеличилось число крупномасштабных катастроф — наводнений и лесных пожаров. Число опасных природных явлений в России растет сегодня с темпом 6—7 % в год. Экономический ущерб от изменения климата оценивается сегодня в 1,2 трлн долл. в год, или 1,6 % глобального ВВП [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что вторым приоритетным фактором влияния на качество жизни населения является энергетический. Поэтому при оценке качества жизни необходимо применять эколого-энергетический подход, который к тому же способствует обеспечению условий безопасности жизнедеятельности.

На основе всего вышеизложенного можно заключить, что экологический и энергетический факторы, безусловно, влияют на качество жизни населения. Это достаточно тесные корреляционные связи, которые могут быть описаны теоретическими уравнениями, поэтому их необходимо учитывать в системе показателей качества жизни.

Список литературы

1. Белик, И. С. Оценка качества жизни населения на основе критериев экономической безопасности / И. С. Белик, Н. В. Стародубец, К. А. Выварец // Вестн. УрФУ. Сер.: Экономика и упр. — 2014. — № 6. — С. 128—138.
2. Белик, И. С. Энергетические и экологические аспекты качества жизни населения / И. С. Белик, Н. В. Стародубец, К. Е. Ярошук // Науч. обозрение. — 2014. — № 9. — С. 79—86.

3. Белик, И. С. Экологические измерения качества жизни населения: региональный аспект : [глава в коллектив. моногр.] / И. С. Белик, Н. В. Стародубец // Конкурентоспособность социально-экономических систем: вызовы нового времени. — М. : Экономика, 2014. — С. 98—30.
4. Берг, Н. А. Основные подходы к решению проблем устойчивого развития региона / Н. А. Берг, Т. А. Верещагина, А. Ю. Даванков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 8: Экономика. Социология. Соц. работа. — 2002. — № 2. — С. 12—20.
5. Влияние загрязняющих веществ на организм человека [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dorozhin> (дата обращения 12.09.2017).
6. Даванков, А. Ю. Методический инструментарий оценки социо-эколого-экономической среды региона в границах устойчивости биосферы / А. Ю. Даванков, Д. Ю. Двинин, Е. А. Постников // Экономика региона. — 2016. — Т. 12, вып. 4. — С. 1029—1039.
7. Даванков, А. Ю. Дисбалансы и диспропорции социо-эколого-экономических систем : [глава в коллектив. моногр.] / А. Ю. Даванков, Н. О. Ежова // Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики. — Челябинск, 2016. — С. 45—64.
8. Даванков, А. Ю. Научно-методические основы исследования пространственных социо-эколого-экономических систем / А. Ю. Даванков, А. В. Кочеров // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2016. — № 14 (396). — С. 15—25.
9. Дегтярев, П. Я. Пространственные социо-эколого-экономические диспропорции развития Южно-Урала : [глава в коллектив. моногр.] / П. Я. Дегтярев // Управление сбалансированным развитием территориальных систем: вопросы теории и практики. — Челябинск, 2016. — С. 64—80.
10. Капкаев, Ю. Ш. Ресурсы Челябинской области как основа формирования комфортной среды жизнеобеспечения населения / Ю. Ш. Капкаев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 12 (367). — С. 71—78.
11. Куценко, Е. И. Основные тенденции устойчивого развития региональной социо-эколого-экономической системы / Е. И. Куценко // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 157—161.
12. Даванков, А. Ю. Методические подходы к принятию решений в сфере устойчивого эколого-экономического развития / А. Ю. Даванков. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2014. — 191 с.
13. Обнародован экологический рейтинг регионов России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.regnum.ru> (дата обращения 02.10.2017).
14. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016 : стат. сб. — М. : Росстат, 2016. — 671 с.
15. Седов, В. В. Устойчивое развитие экономических систем: от теории к практике / В. В. Седов. — Челябинск, 2014. — 244 с.
16. Карелова, С. В. Социо-эколого-экономическая оценка состояния территории / С. В. Карелова, И. С. Белик. — Екатеринбург, 2013.
17. Юлкин, М. Климатическое регулирование. Как и зачем нужно регулировать выбросы парниковых газов [Электронный ресурс] / М. Юлкин. — URL: <http://www.eic-ano.ru> (дата обращения 25.09.2017).

Сведения об авторах

Белик Ирина Степановна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности производственных комплексов Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. irinabelik2010@mail.ru

Камдина Людмила Владимировна — старший преподаватель кафедры математики, экономики и управления Троицкого филиала Челябинского государственного университета, Троицк, Россия. kamdina_prof@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 39—48.*

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN HUMAN IMPACT AND QUALITY OF POPULATION LIFE (ON THE EXAMPLE OF SVERDLOVSK AND CHELYABINSK REGIONS)

I.S. Belik

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia. irinabelik2010@mail.ru

L.V. Kamdina

Troitsk branch of Chelyabinsk State University, Troitsk, Russia. kamdina_prof@mail.ru

The article analyzes the relationship between the anthropogenic impact and the quality of life of the population. The necessity of using economic, social and ecological criteria in the process of considering the main trends in the development of regional systems is substantiated. The paper presents data on the environmental rating of the regions of the country for 2016, analyzed its results and patterns. The main indicators of industrial production and the state of the natural environment of the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions are analyzed. Quite close correlation links between such indicators as industrial production, emissions of pollutants into the atmosphere, discharges of pollutants into water bodies and morbidity of the population have been revealed. The influence of individual pollutants on the health indicators of the population is considered. The role of ecological and energy factors and their influence on the quality of life of the population is revealed. The necessity of inclusion in the system of quality of life indicators of ecological and energy factors is established.

Keywords: *quality of life, state of the environment, ecological situation in the region, public health, greenhouse gases.*

References

1. Belik I.S, Starodubets N.V., Vavarets K.A. Otsenka kachestva zhizni naseleniya na osnove kriteriyev ekonomicheskoy bezopasnosti [Estimation of the quality of life of the population based on the criteria of economic security]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of the UrFU. Series: Economics and Management], 2014, no. 6, pp. 46—51 (In Russ.).
2. Belik I.S, Starodubets N.V, Yaroshuk K.Ye. Energeticheskiye i ekologicheskiye aspekty kachestva zhizni naseleniya [Energy and environmental aspects of the quality of life of the population]. *Nauchnoye obozreniye* [Scientific review], 2014, no. 9, pp. 79—86 (In Russ.).
3. Belik I.S, Starodubets N.V. *Ekologicheskiye izmereniya kachestva zhizni naseleniya: regional'nyy aspekt* [Environmental measurements of the quality of life of the population: a regional aspect]. Moscow, Economics Publ., 2014. Pp. 98—130. (In Russ.).
4. Berg N.A., Vereshchagina T.A., Davankov A.Yu. Osnovnye podkhody k resheniyu problem ustoychivogo razvitiya regiona [Basic approaches for solving problems of sustainable development of region]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Ekonomika. Sotsiologiya. Sotsial'naya rabota* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series 8: Economics, Sociology, Social Work], 2002, no. 2, pp. 12—20. (In Russ.).
5. *Vliyaniye zagryaznyayushchikh veshchestv na organizm cheloveka* [Influence of pollutants on the human body]. Available at: <http://www.dorozhin.livejournal.com>, accessed 22.09.2017. (In Russ.).
6. Davankov A.Yu., Dvinin D.Yu., Postnikov Ye.A. Metodicheskiy instrumentariy otsenki sotsio-ekologo-ekonomicheskoy sredy regiona v granitsakh ustoychivosti biosfery [Methodological tools for assessing the socio-ecological and economic environment of the region within the limits of the stability of the biosphere]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2016, vol. 12, iss. 4, pp. 1029—1039. (In Russ.).
7. Davankov A.Yu., Ezhova N.O. *Disbalansy i disproportsii sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem. Upravleniye sbalansirovannym razvitiyem territorial'nykh sistem: voprosy teorii i praktiki* [Imbalances and imbalances in socio-economic systems. Management of balanced development of territorial systems: theory and practice]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 45—64. (In Russ.).

8. Davankov, A.Yu., Kocherov, A.V. Nauchno-metodicheskiye osnovy issledovaniya prostranstvennykh sotsio-ekologo-ekonomicheskikh sistem [Scientific and methodological bases of research of spatial socio-ecological and economic systems]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, no. 14 (396), pp. 15—25. (In Russ.).
9. Degtyarev, P.Ya. *Prostranstvennyye sotsio-ekologo-ekonomicheskiye disproportsii razvitiya Yuzhnogo Urala* [Spatial socio-ecological and economic disproportions in the development of the Southern Urals]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 64—80. (In Russ.).
10. Kapkayev Yu.Sh. Resourtsy Chelyabinskoy oblasti kak osnova formirovaniya komfortnoy sredy zhizneobespecheniya naseleniya [Chelyabinsk region as a basis for the formation of a comfortable life-support environment for the population]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 12 (367), pp. 71—78. (In Russ.).
11. Kutsenko Ye.I. Osnovnye tendentsii ustoychivogo razvitiya regional'noy sotsio-ekologo-ekonomicheskoy sistemy [The main trends of sustainable development of the regional socio-ecological and economic system]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [News of Orenburg State Agrarian University], 2012, no. 1, pp. 157—161. (In Russ.).
12. Davankov A.Yu. *Metodicheskiye podkhody k prinyatiyu resheniy v sfere ustoychivogo ekologo-ekonomicheskogo razvitiya* [Methodical approaches to decision-making in the sphere of sustainable ecological and economic development]. Yekaterinburg, UB RAS Publ., 2014. 191 p. (In Russ.).
13. *Obnarodovan ekologicheskiy reyting regionov Rossii* [Ecological rating of Russian regions announced]. Available at: <http://www.regnum.ru/news/2246860.html>, accessed 02.10.2017. (In Russ.).
14. *Regiony Rossii. Osnovnye kharakteristiki sub'ektov Rossiyskoy Federatsii* [Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation]. Moscow, 2016. 671 p. (In Russ.).
15. Sedov V.V. *Ustoychivoye razvitiye ekonomicheskikh sistem: ot teorii k praktike* [Sustainable development of economic systems: from theory to practice]. Chelyabinsk, 2014. 244 p. (In Russ.).
16. Karelova S.V, Belik I.S. *Sotsio-ekologo-ekonomicheskaya otsenka sostoyaniya territorii* [Socio-ecological and economic assessment of territory state]. Yekaterinburg, UrFU Publ., 2013. (In Russ.).
17. Yulkin, M. *Klimaticheskoye regulirovaniye. Kak i zachem nuzhno regulirovat' vybrosy parnikovyykh gazov* [Climatic regulation. How and why it is necessary to regulate greenhouse gas emissions]. Available at: <http://www.eic-ano.ru>, accessed 25.09.2017. (In Russ.).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ СФЕРЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ПЕРЕХОДОМ К ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

А. В. Горшков¹, Е. И. Попова²

¹ *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

² *Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия*

Рассмотрены объективные предпосылки трансформации сферы денежного обращения в информационной экономике, которые связаны с внедрением информационных технологий в сферу обращения, что привело к изменению носителя денежной информации, преобразованиям в системе денежного обращения. Показаны изменения, которые произошли в результате трансформации сферы денежного обращения в организационно-экономических, социально-экономических и институционально-экономических отношениях, что способствовало и эволюционированию платежных систем. Представлен круг институтов, которые имеют право заниматься денежной эмиссией (в частности, электронные деньги) в информационной экономике. Приведены преимущества использования современных платежных систем, основанных на использовании информационных технологий.

Ключевые слова: *информация, информационная экономика, денежное обращение, электронные деньги, платежные системы.*

Информационная революция способствовала становлению информационной экономики, основным производственным ресурсом которой стала информация. Сфера обращения также попала под воздействие информационных технологий, это сказалось на ускорении процессов обмена между хозяйствующими субъектами.

Многовековая эволюция денежных отношений привела к развитию денег от денежно-слитковой к электронным формам денег. Деньги нельзя рассматривать как абстрактную категорию, поскольку для них всегда были характерны материальные носители. Новые формы и виды денег появлялись в связи с экономической необходимостью, когда переставали отвечать потребностям развития экономики или даже в какой-то момент тормозили ее.

В статье уделено внимание развитию и становлению информационной экономики, которая оказала влияние на развитие денежного обращения и появлению новых форм денег. Быстрое развитие информационных технологий позволило автоматизировать многие процессы, в том числе в банковской сфере, избавив тем самым людей от рутинной работы.

В статье информационная экономика рассматривается как экономика, в которой все фазы воспроизводственного цикла: производство, распределение, обмен и потребление — функционируют

при определяющей роли информационных ресурсов и информационных технологий.

Эволюционирование денежных форм происходило под воздействием преобразований в сфере производства, на которое оказало влияние много факторов: развитие информационных технологий, темпы НТП, развитие международных рынков и т. п. [3; 6; 7]. Все это в конечном итоге способствовало появлению новых связей в производственной сфере, росту масштабности производства и прочему, что привело к увеличению актов купли-продажи, опосредуемых деньгами. В результате, когда денежная форма, как отмечено выше, не обеспечивала ликвидную связь между товаропроизводителями, ее заменяли другой. В связи с этим появлялись новые носители денежной информации, свойства которых отвечали общественным требованиям. Виды денег и эволюция их форм представлены в таблице на с. 50.

Изменение видов и форм денег обуславливали основные характеристики платежных систем. Стремительное развитие систем связи и информационных технологий позволило компьютеризировать и банковский сектор. Информационные системы в банковском секторе привели к возникновению новых методов передачи и погашения долга, способствовали замене чеков кредитными карточками. В этот период набирают популярность сеть Интернет и электронная торговля,

Эволюция форм и видов денег

Виды денег	Формы денег		
Товарные деньги	Животные и изделия из них	Полезные ископаемые, металлы	Растения, их плоды
	• скот, меха, раковины, кораллы, шкуры животных и т. п.	• орудия труда, украшения (кольца, браслеты, цепочки), золотой песок и т. п.	• зерно, плоды, табак и т. п.
Полноценные деньги	Слитки	Монеты	Банкноты
	• золотые • серебряные	• полноценные • разменные	• с полным покрытием • с частичным покрытием • без покрытия
Неразменные деньги	Бумажные	Депозитные	Электронные
	• банкнота	• чек • вексель • пластиковые карты • электронные системы оптовых платежей	• электронные деньги

финансовые учреждения конкурируют между собой за денежные ресурсы, все это привело к возникновению платежных систем на основе электронных денег, преимущества которых заключались в том, что они обладали анонимностью и возможностью осуществления платежей без посредничества банковских организаций.

Технологические изменения в платежных системах благодаря информационным технологиям привели к тому, что осуществлять платежи стало возможным без участия наличных денег, через банкоматы, мобильные телефоны и т. п. Благодаря электронным платежным системам оплачивать товары или услуги, заключать сделки, а также вести коммерческую деятельность можно независимо от местонахождения субъектов с применением компьютера или телефона. Для того чтобы получить доступ к традиционным платежным услугам, необходимо иметь выход в Интернет и электронные средства коммуникации, такие как мобильные телефоны, планшеты и другие технические устройства. Использование электронных денежных средств позволило сократить долю наличных средств в денежной массе. В информационной экономике наличное денежное обращение постепенно теряет свое значение и первостепенное место занимают безналичные средства в денежном обращении. Все это отражается на структуре и составе денежной массы, которая тоже претерпевает свои изменения [2].

В информационной экономике электронные деньги становятся одним из основных средств осуществления обмена. Преимущество электронных платежей не вызывает сомнений, их

обработка в сравнении с наличными платежами обходится значительно дешевле благодаря информатизации и автоматизации данного процесса, что определяет и низкий уровень издержек.

Понятие электронных денег в настоящее время прочно вошло в жизнь современных людей. Все чаще современное общество осуществляет операции без участия наличных денег, затрачивая при этом минимум времени, переводя деньги или расплачиваясь за покупки удаленно. Анализируя же основные теоретические интерпретации электронных денег, можно сделать вывод, что в настоящее время отсутствует унифицированный подход к определению данного понятия [2; 4; 10; 13; 15]. До сих пор остается дискуссионным вопрос о принадлежности электронных денег к новой форме денежной стоимости или к предоплаченному продукту. Как и отмечалось ранее в работе А. В. Горшкова и Е. И. Поповой [5], мы также придерживаемся точки зрения, что «электронные деньги — это новая форма кредитных денег, потому что они сохраняют кредитную природу денег, отвечая признакам кредитных денег: исполняют функцию платежа, являются неразменными, обладают гарантированностью и т. п.».

Преимущества электронных денег заключаются в экономии ресурсов (нет необходимости печатания, транспортировки и т. п.), осуществлении контроля за денежными операциями (например, можно отследить и предотвратить уклонения от налогов) и т. д. Поэтому дальнейшее широкое использование электронных денег может привести к сокращению материальных затрат как конечного пользователя, так и общества в целом.

Снижение издержек обращения будет способствовать развитию специализации и дальнейшему росту торговли, что, несомненно, скажется на росте благосостояния общества в целом.

Претерпевает изменения в информационной экономике с широким использованием электронных денег и эмиссионный механизм, который исторически складывался в зависимости от форм денег. Как мы знаем, безналичные деньги выпускаются коммерческими банками в результате кредитных операций, наличные же деньги выпускаются Центральным банком. Однако с распространением электронных денег в информационной экономике право осуществлять их эмиссию могут получить как банки, так и небанковские кредитные организации [11]. Например, согласно законодательству ЕС правом осуществлять эмиссию электронных денег наделен новый класс кредитных учреждений — институты электронных денег (ELMI). Хотя в некоторых странах (Индия, Нигерия, Сингапур, Тайвань) эмиссия электронных денег осуществляется исключительно банками, и это закреплено на законодательном уровне [1].

В настоящее время все большую популярность приобретают криптовалюты. Обращается данная валюта через замкнутую цепь — миллионы ПК по всему миру. Вся информация о сделках хранится сразу на всех устройствах, то есть обращение полностью прозрачно. На сегодняшний день насчитывается более тысячи разновидностей криптовалют, многие из них ничем не обеспечены, но пользуются заслуженной популярностью: биткоин (самая первая криптовалюта), который в настоящее время пользуется большим спросом, эфириум (разработка российского программиста), лайткоин, дэш, риппл, пиркоин, даркоин и др. [8]. Но если сравнивать криптовалюту с электронными деньгами, то, по нашему мнению, ее можно лишь наполовину отнести к электронным деньгам, так как она не выполняет всех функций электронных денег: не является общепринятым средством обращения, единицей счета и т. п. Криптовалюты представляют собой деньги лишь для некоторой группы людей, то есть это некие денежные единицы в электронной форме. Причем следует отметить, что это децентрализованная валюта, которая не имеет одного эмитента, то есть все пользователи и каждый, кто участвует в эмиссии криптовалюты, имеют полный доступ к информации всего блока.

Популяризация электронных денег зарождает и появление спорных вопросов, касающихся влияния электронных денег на денежное обращение.

Так, ряд экспертов [7; 9; 12] считают, что повсеместное распространение электронных денег может вытеснить значительный объем наличных денежных средств Центрального банка, что, в свою очередь, приведет к искажению составляющих денежной базы.

Более полно вопрос влияния электронных денег на денежную массу и денежно-кредитное регулирование рассмотрен в работе Д. А. Кочергина «Электронные деньги» [10]. Как отмечает этот автор, при замещении электронных денег наличными возможно увеличение денежной массы (M1), но влияние данного замещения будет равносильно операциям ЦБ на открытом рынке. Следует указать, что изменение объема денежной массы будет зависеть и от многих других факторов, таких как величины эмиссии электронных денег, цели денежно-кредитной политики и т. п. Д. А. Кочергин считает, что вполне можно ожидать роста денежной массы при эмиссии электронных денег, но темпы его будут контролируемыми и плавными [Там же].

В связи с вышесказанным можно отметить, что вопрос о том, будет ли оказывать эмиссия электронных денег влияние на денежную эмиссию, зависит во многом от того, будут ли включаться электронные деньги в денежную массу. Если допускать тот вариант, что произойдет увеличение денежной массы, то можно контролировать его темпы.

Современные информационно-коммуникационные технологии значительно расширили и круг институтов, которым дается право осуществлять денежную эмиссию [9]. Если раньше эмиссия денег была возложена на государство и феодалов, а затем только государство имело монопольное право, то в современном мире эмиссией занимается государство в лице казначейства и ЦБ, а также коммерческие банки и другие специальные кредитно-финансовые институты. Но в век информационных технологий с появлением электронных носителей денежной информации возникли и новые институты, которым принадлежит право заниматься эмиссией электронных денег. Например, в странах Евросоюза эмиссия электронных денег разрешена: институтам — эмитентам электронных денег, кредитным учреждениям, жиро-институтам (почтовым отделениям), государствам — членам ЕС [7]. В России

же согласно Закону «О национальной платежной системе» эмиссией электронных денег могут заниматься только кредитные учреждения, деятельность которых находится под контролем Центрального банка¹.

Изменение форм денег с развитием научно-технического прогресса и информатизации способствовало и изменению платежных систем, что затронуло техническую сторону и использование новых платежных инструментов [14].

Электронизация денежной сферы вызвала изменения в социально-экономических отношениях, которые связаны со структурой собственности (возникают частные и смешанные платежные системы), появление новых субъектов отношений (платежные агенты, небанковские организации и т. п.), усложнение структуры субъектов социально-экономических отношений.

Изменения в организационно-экономических отношениях касаются механизмов расчета, формы оплаты за товары и услуги, формы оплаты труда и пр. Используя электронные платежные

¹Федеральный закон от 27.06.11 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/).

инструменты, можно быстро переводить деньги без присутствия в одном месте плательщика и получателя, выплачивать заработную плату безналичным способом, рассчитываться за товары и услуги пластиковыми картами и т. п.

Институционально-экономические отношения также претерпели изменения, и связано это с появлением новых нормативно-правовых документов, законов, с новыми формальными и неформальными правилами взаимодействия между субъектами по поводу расчетов.

Таким образом, в информационной экономике применение современных информационных средств позволило превратить денежные средства в электронные импульсы, способствовало тому, что переводить деньги и регистрировать информацию о переводе стало возможно безбумажным способом. Трансформационные изменения сферы денежного обращения в информационной экономике коснулись модернизации форм денег, механизмов расчетов, которые, в свою очередь, привели к изменениям социально-экономических, организационно-экономических, институционально-экономических отношений по поводу расчетов между хозяйствующими субъектами.

Список литературы

1. Байдукова, Н. В. Организация платежных систем с позиции институциональности (от опыта европейской интеграции до формирования единого экономического пространства стран ЕвразЭС) [Электронный ресурс] / Н. В. Байдукова // Проблемы соврем. экономики : евраз. междунар. науч.-аналит. журн. — 2015. — № 1/2 (13/14). — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=697>.
2. Березина, М. П. Безналичные расчеты в экономике России / М. П. Березина. — М. : Консалтбанк-кир, 2012. — 236 с.
3. Ващекин, Н. П. Постиндустриальное общество и устойчивое развитие: мнения ученых / Н. П. Ващекин. — М. : Изд-во МГУК, 2012. — 446 с.
4. Генкин, А. С. Частные деньги: осмысление роли и места в современном мире / А. С. Генкин // Финансы и кредит. — 2015. — № 29. — С. 29—34.
5. Горшков, А. В. Платежные системы в современной экономике России : монография / А. В. Горшков, Е. И. Попова. — Шадринск : ШГПИ. 2013. — 148 с.
6. Иноземцев, В. Л. Парадоксы постиндустриальной экономики / В. Л. Иноземцев // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2015. — № 3. — С. 3—4.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М. : ГУВ-ШЭ, 2000. — 294 с.
8. Коляскин, А. Д. Криптовалюта: будущее или провал [Электронный ресурс] / А. Д. Коляскин, П. С. Сенькина // Молодой ученый. — 2018. — № 7. — С. 71—75. — URL: <https://moluch.ru/archive/193/48442/> (дата обращения 20.04.2018).
9. Коробов, Ю. И. Воздействие информационно-технологических факторов на эволюцию экономических систем / Ю. И. Коробов // Банк. услуги. — 2015. — № 13.
10. Кочергин, Д. А. Электронные деньги / Д. А. Кочергин. — М. : Маркет ДС : ЦИПСИР, 2011. — 424 с.
11. Курбатов, А. Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству РФ / А. Я. Курбатов // Хоз-во и право. — 2014. — № 9. — С. 68—84.
12. Липис, А. Н. Электронная система денежных расчетов / А. Н. Липис, Е. Р. Маршал. — М. : Церих-пел, 2013. — 143 с.

13. Логуненков, С. Г. Тенденции развития рынка электронных расчетов / С. Г. Логуненков // Проблемы соврем. экономики. — 2012. — №1. — С. 175—178.
14. Обаева, А. С. Теоретические аспекты построения и развития платежной системы / А. С. Обаева. — СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 2016. — 167 с.
15. Усокин, В. М. Современные тенденции развития платежных систем / В. М. Усокин // Финансовые институты и экономическое развитие. — М. : ИМЭМО, 2006. — С. 101—131.

Сведения об авторах

Горшков Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alex-gorshkov@mail.ru

Попова Екатерина Игоревна — кандидат экономических наук, доцент кафедры программирования и автоматизации бизнес-процессов Шадринского государственного педагогического университета, Шадринск, Россия. 978073@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 49—54.

TRANSFORMATIONAL CHANGES IN THE SPHERE OF MONETARY ADDRESS WITH THE TRANSITION TO THE INFORMATION ECONOMY

A.V. Gorshkov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alex-gorshkov@mail.ru

Ye.I. Popova

Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. 978073@mail.ru

In article objective preconditions of transformation of area of monetary circulation in information economy which are connected with introduction of information technologies in area of the reference that has led to variation of the carrier of the monetary information, transformations in system of monetary circulation are considered. The changes that have occurred as a result of the transformation of the sphere of money circulation in the organizational, economic, socio-economic and institutional economic relations, which contributed to the evolution of payment systems. The circle of colleges is considered, which have the right to be engaged in monetary issue (in particular ecash) in information economy. In article advantages of use of the modern payment systems based on use of information technologies are resulted.

Keywords: *information, the information economy, currency, electronic money, payment systems.*

References

1. Baydukova N.V. Organizatsiya platezhnykh sistem s pozitsii institutsional'nosti (ot opyta yevropeyskoy integratsii do formirovaniya yedinogo ekonomicheskogo prostranstva stran EvrAzES) [Organization of payment systems from the position of institutionality (from the experience of European integration to the formation of a single economic space of the EurAsEC countries)]. *Problemy sovremennoy ekonomiki: evraziyskiy mezhdunarodnyy nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Problems of Modern Economy: Eurasian international. scientific and analytical journal], 2015, no. 1/2 (13/14). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=697> (In Russ.).
2. Berezina M.P. Beznalichnye raschety v ekonomike Rossii [Non-cash settlements in the Russian economy]. Moscow, Konsaltbankir Publ., 2012. 236 p. (In Russ.).
3. Vashchekin N.P. *Postindustrial'noye obshchestvo i ustoychivoye razvitiye: mneniya uchenykh* [Post-industrial society and sustainable development: the views of scientists]. Moscow, MGUK Publ., 2012. 446 p. (In Russ.).
4. Genkin A.S. Chastnye den'gi: osmysleniye roli i mesta v sovremennom mire [Private money: understanding the role and place in the modern world] *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2015, no. 29, pp. 29—34. (In Russ.).

5. Gorshkov A.V., Popova Ye.I. *Platzhnyye sistemy v sovremennoy ekonomike Rossii* [Payment Systems in the Modern Economy of Russia: Monograph]. Shadrinsk, 2013. 148 p. (In Russ.).
6. Inozemtsev V.L. Paradoxy postindustrial'noy ekonomiki [Paradoxes of the post-industrial economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 3, pp. 3—4. (In Russ.).
7. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, GUVShE Publ., 2000. 294 p. (In Russ.).
8. Kolyaskin A.D., Sen'kina P.S. Kriptovalyuta: budushcheye ili proval [Crypto-currency: the future or failure]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2018, no. 7, pp. 71—75. Available at: <https://moluch.ru/archive/193/48442/>, accessed 20.04.2018. (In Russ.).
9. Korobov Yu.I. Vozdeystviye informatsionno-tekhnologicheskikh faktorov na evolyutsiyu ekonomicheskikh sistem [The impact of information technology factors on the evolution of economic systems]. *Bankovskiyе uslugi* [Banking services], 2015, no. 13. (In Russ.).
10. Kochergin D.A. *Elektronnyye den'gi* [Electronic money]. Moscow, Market DS Publ., TsIPSiR Publ., 2011. 424 p. (In Russ.).
11. Kurbatov A.Ya. Pravovoye regulirovaniye elektronnykh platzhnykh sistem po zakonodatel'stvu RF [Legal regulation of electronic payment systems under the legislation of the Russian Federation]. *Khozyaystvo i pravo* [Business & Law], 2014, no. 9, pp. 68—84. (In Russ.).
12. Lipis A.N. *Elektronnaya sistema denezhnykh raschetov* [Electronic Cash Settlement System]. Moscow, Tserikh-pel Publ., 2013. 143 p. (In Russ.).
13. Logunenko S.G. Tendentsii razvitiya rynka elektronnykh raschetov [Trends in the development of the electronic payment market]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy], 2012, no. 1, pp. 175—178. (In Russ.).
14. Obaeva A.S. *Teoreticheskiye aspekty postroyeniya i razvitiya platzhnoy sistemy* [Theoretical aspects of the construction and development of the payment system]. St. Petersburg, 2016. 167 p. (In Russ.).
15. Usoskin V.M. Sovremennyye tendentsii razvitiya platzhnykh sistem [Modern trends and development of payment systems]. *Finansovye instituty i ekonomicheskoye razvitiye* [Financial Institutions and Economic Development]. Moscow, IMEMO Publ., 2006. Pp. 101—131. (In Russ.).

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю. В. Прокопьева

Челябинский государственный университет, Южно-Уральский институт управления и экономики, Челябинск, Россия

По данным органов статистики, количество используемых результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации неуклонно растет. Методические аспекты анализа использования результатов интеллектуальной деятельности нуждаются в развитии и совершенствовании, так как повышение эффективности использования объектов интеллектуальной собственности в условиях инновационной экономики является ключевым вопросом в управлении ими. В статье рассмотрены дискуссионные вопросы осуществления аналитических процедур в процессе комплексного анализа эффективности использования объектов интеллектуальной собственности, а именно определены его место и необходимость; цель, задачи, последовательность анализа; его система показателей; особенности информационной базы; факторные модели и способы их анализа.

Ключевые слова: комплексный экономический анализ, объекты интеллектуальной собственности, использование результатов интеллектуальной деятельности.

По данным органов статистики, количество используемых результатов интеллектуальной деятельности в Российской Федерации неуклонно растет: в 2013 г. — на 10 % по сравнению с предыдущим годом, в 2014 — на 7 %, в 2015 — на 9 %, в 2016 — на 12,4 % (табл. 1). Если рассматривать динамику использования результатов интеллектуальной деятельности по федеральным округам, можно заметить, что на протяжении всего периода рост показателя демонстрируют Центральный и Приволжский федеральные округа.

В 2016 г. эти территории остаются лидерами в использовании результатов интеллектуальной деятельности: на Центральный федеральный округ приходится 43 % объектов, на Приволжский — 26 %. Существенный прирост в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом в использовании результатов интеллектуальной деятельности демонстрируют: Южный федеральный округ — на 45,9 %, Центральный — на 21 %, Дальневосточный — на 18,3 %. Однако доля Южного и Дальневосточного федеральных округов остается в общем объеме незначительной — 3 и 1 % соответственно. Незначительное снижение в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом количества используемых результатов интеллектуальной деятельности наблюдается в Северо-Кавказском и Сибирском федеральных округах: –7,9 и –5,3 % соответственно. Аутсайдером в 2016 г. по данному показателю выступает Крымский фе-

деральный округ, который демонстрирует полное отсутствие используемых результатов интеллектуальной деятельности. Можно сделать вывод, что количество используемых результатов интеллектуальной деятельности в целом по Российской Федерации растет, однако имеет место очень неравномерное распределение показателя по федеральным округам.

Целью данного исследования является раскрытие ключевых методических аспектов комплексного анализа использования объектов интеллектуальной собственности, так как в условиях инновационной экономики возрастает роль нематериальных активов организации, основу которых составляют объекты интеллектуальной собственности. Включение объектов интеллектуальной собственности в состав нематериальных активов предприятия позволяет получить ряд преимуществ: выпуск конкурентоспособной продукции; усиление возможности контроля доли рынка и защиты против недобросовестных конкурентов; получение дополнительных доходов от передачи этих активов и др.

Объекты интеллектуальной собственности выступают ключевым, основополагающим ресурсом постиндустриальной информационной экономики. В связи с этим становятся актуальными вопросы анализа эффективности использования объектов интеллектуальной собственности. Проведение анализа эффективности данных объектов способствует принятию обоснованных

Таблица 1

**Использование результатов интеллектуальной деятельности по федеральным округам
Российской Федерации на конец года, ед.***

Регион	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Российская Федерация, в том числе	18 475	19 601	20 758	22 660	24 926	26 731	29 143	32 756
Северо-Кавказский фе- деральный округ	0	112	148	222	264	289	278	256
Крымский федеральный округ	–	–	–	–	–	16	29	0
Дальневосточный феде- ральный округ	203	200	227	113	226	272	241	285
Приволжский федераль- ный округ	4754	5273	5315	6160	6623	6790	7767	8431
Северо-Западный феде- ральный округ	1570	1776	1732	2041	2435	2343	2971	3166
Сибирский федеральный округ	1804	2001	2041	1995	2365	2667	2820	2668
Уральский федеральный округ	2135	2248	2230	2406	2393	2704	2682	2810
Центральный федераль- ный округ	7420	7558	8621	9136	10 006	10 982	11 680	14 155
Южный федеральный округ	589	433	444	587	614	668	675	985

* См.: Единая межведомственная информационно-статистическая система (<https://www.fedstat.ru/indicator/42540>).

управленческих решений, которые позволят обеспечить рост эффективности деятельности на основе активного вовлечения в экономический оборот и наиболее полного использования объектов интеллектуальной собственности. Очевидно, анализ эффективности использования данных объектов может выступать как важная составляющая анализа эффективности использования ресурсов предприятия.

Исследование показало, что методические основы анализа эффективности использования нематериальных активов, в состав которых включаются объекты интеллектуальной собственности, заложены доктором экономических наук, профессором МГУ Р. С. Сайфулиным [13]. Далее в работах ряда специалистов (Н. М. Балакиревой [1], Ф. В. Голубева [2], Н. В. Журавлевой [3], М. З. Кнуховой [4], С. А. Кузубова [5], Н. Г. Новичковой, К. С. Манасаряна [7] и др.) предприняты попытки дополнить и уточнить данную методику, однако ни один из авторов не рассматривает возможность применения принципов и методов комплексного анализа в анализе использования объектов интеллектуальной собственности, что является существенным недостатком данных методик.

Во многом это связано с отсутствием единого представления о сущности, содержании, принципах и методах комплексного экономического анализа, а также с тем, что использование объектов интеллектуальной собственности остается относительно новым объектом анализа.

С учетом мнений специалистов (А. Д. Шеремета, Э. Н. Кузьбожева, М. Г. Световцевой и Т. Н. Бабич [6]) комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности можно раскрыть как средство получения цельного знания о деятельности экономического субъекта, методологической основой которого являются принципы материалистической диалектики и современного системного анализа. Следует понимать, что проведение комплексного экономического анализа предполагает применение совокупности определенных принципов и методов всестороннего изучения хозяйственной деятельности предприятия. Главной отличительной чертой данного вида анализа выступает специфический подход к изучению хозяйственной деятельности предприятия, а именно наличие единой цели анализа, всесторонность или полнота, системность и согласованность анализа (табл. 2).

Таблица 2

Отличительные черты комплексного экономического анализа хозяйственной деятельности

Отличительная черта	Комментарий
Единая цель анализа	Проведение комплексного экономического анализа направлено на достижение четко сформированной единой цели анализа. Целью анализа является выработка рекомендаций конкретному предприятию по повышению эффективности его деятельности. Цель — отправная точка анализа, его организующее звено, которое позволяет согласовать итоговые результаты анализа с результатами анализа отдельных его сторон
Всесторонность или полнота анализа	Направлен на изучение состояния объекта анализа со всех сторон. При этом важно понимать, что комплексный экономический анализ не предполагает арифметического суммирования результатов анализа отдельных сторон явления
Системный подход	Системность проявляется в построении целостной модели, логической последовательности рассмотрения экономических показателей. Причинно-следственные связи факторов и экономических показателей являются основой для построения упорядоченной системы взаимосвязанных блоков комплексного анализа
Согласованность анализа	Важна увязка отдельных разделов анализа между собой, анализ взаимосвязи этих разделов и вывод результатов анализа каждого блока на обобщающие показатели эффективности

Таким образом, можно утверждать, что комплексный экономический анализ — это средство получения знания о деятельности экономического субъекта, которое способно обеспечить цельное восприятие результатов и особенностей его деятельности. Опираясь на мнение А. Д. Шеремета [15], следует отметить, что основным объектом исследования выступает деятельность конкретного предприятия, однако исходя из сложившейся ситуации и поставленной цели анализа объектом комплексного экономического анализа могут быть отдельные стороны и сегменты деятельности, к примеру использование активов вообще или объектов интеллектуальной собственности в частности.

Критический анализ публикаций в области экономического анализа Р. С. Сайфулина [13], Н. М. Балакиревой [1], Ф. В. Голубева [2], М. З. Кнуховой [4], М. А. Пестунова [8; 9], Е. А. Сенициной [14] позволяет констатировать: методика экономического анализа использования объектов интеллектуальной собственности находится на стадии развития. На современном этапе развития экономики возникла явная потребность в осознании места и роли анализа использования объектов интеллектуальной собственности при проведении комплексного анализа деятельности предприятий (рис. 1). Для уточнения методики комплексного анализа объектов интеллектуальной собственности можно брать за основу методику комплексного анализа нематериальных активов [10—12]. Для целей исследования комплексный анализ

использования объектов интеллектуальной собственности можно определить как совокупность аналитических процедур, позволяющих сделать всестороннюю оценку эффективности использования объектов интеллектуальной собственности в соответствии с заданной целевой функцией. Основной целью комплексного анализа объектов интеллектуальной собственности является выработка рекомендаций относительно мероприятий по повышению эффективности и доходности объектов интеллектуальной собственности. Для достижения данной цели в ходе анализа необходимо решение следующих основных задач:

- 1) анализ динамики и структуры объектов интеллектуальной собственности;
- 2) анализ их состояния и движения;
- 3) анализ эффективности использования и доходности объектов интеллектуальной собственности;
- 4) инвестиционный анализ объектов интеллектуальной собственности;
- 5) анализ влияния использования объектов интеллектуальной собственности на результаты деятельности и финансовое состояние организации;
- 6) комплексная оценка эффективности использования объектов интеллектуальной собственности.

Цель и структура задач комплексного анализа обуславливают последовательность, этапы его проведения. Последовательность проведения данного вида анализа можно представить в виде упорядоченной схемы взаимосвязанных блоков-разделов комплексного анализа (рис. 2).

Рис. 1. Увеличенная блок-схема комплексного анализа деятельности предприятия

Обоснованность выводов по результатам анализа зависит от выбора, подготовки и качества исходной информации. При решении поставленных задач широко используются данные бухгалтерского учета и отчетности, в том числе управленческого учета и внутренней отчетности, а также статистическая, юридическая, маркетинговая информация и результаты экспертных оценок. Следует заметить, что объекты интеллектуальной собственности отражаются в бухгалтерском учете в составе нематериальных активов, поэтому для анализа актуальны регистры учета по НИОКР и нематериальным активам.

В табл. 3 систематизированы основные источники информации по направлениям комплексного анализа эффективности использования объектов интеллектуальной собственности.

Согласно предлагаемой последовательности комплексного анализа объектов интеллектуальной собственности (см. рис. 2), анализ следует начинать с обоснования потребности в них, при этом необходимо дать оценку стратегии предприятия в области использования объектов интеллектуальной собственности. И следует соотнести общую стратегию развития предпри-

ятия с направлениями использования данных объектов. Объекты интеллектуальной собственности могут использоваться в качестве ресурса (при производстве и реализации продукции, осуществлении инвестиционной или финансовой деятельности предприятия) или в качестве товара (коммерческое использование объектов интеллектуальной собственности). В целом стратегия использования данных объектов направлена на увеличение рентабельности деятельности предприятия, обеспечение его конкурентоспособности на основе введения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности и их коммерческого использования. В рамках данного раздела анализа аналитик должен реально оценить необходимость и объем привлечения средств, требуемых для создания или приобретения объектов интеллектуальной собственности. Результаты анализа могут использоваться на других его этапах, например в ходе анализа спроса и предложения объектов интеллектуальной собственности, их правовой защищенности или в процессе инвестиционного анализа. Далее целесообразно проводить оценку стоимости объектов интеллектуальной соб-

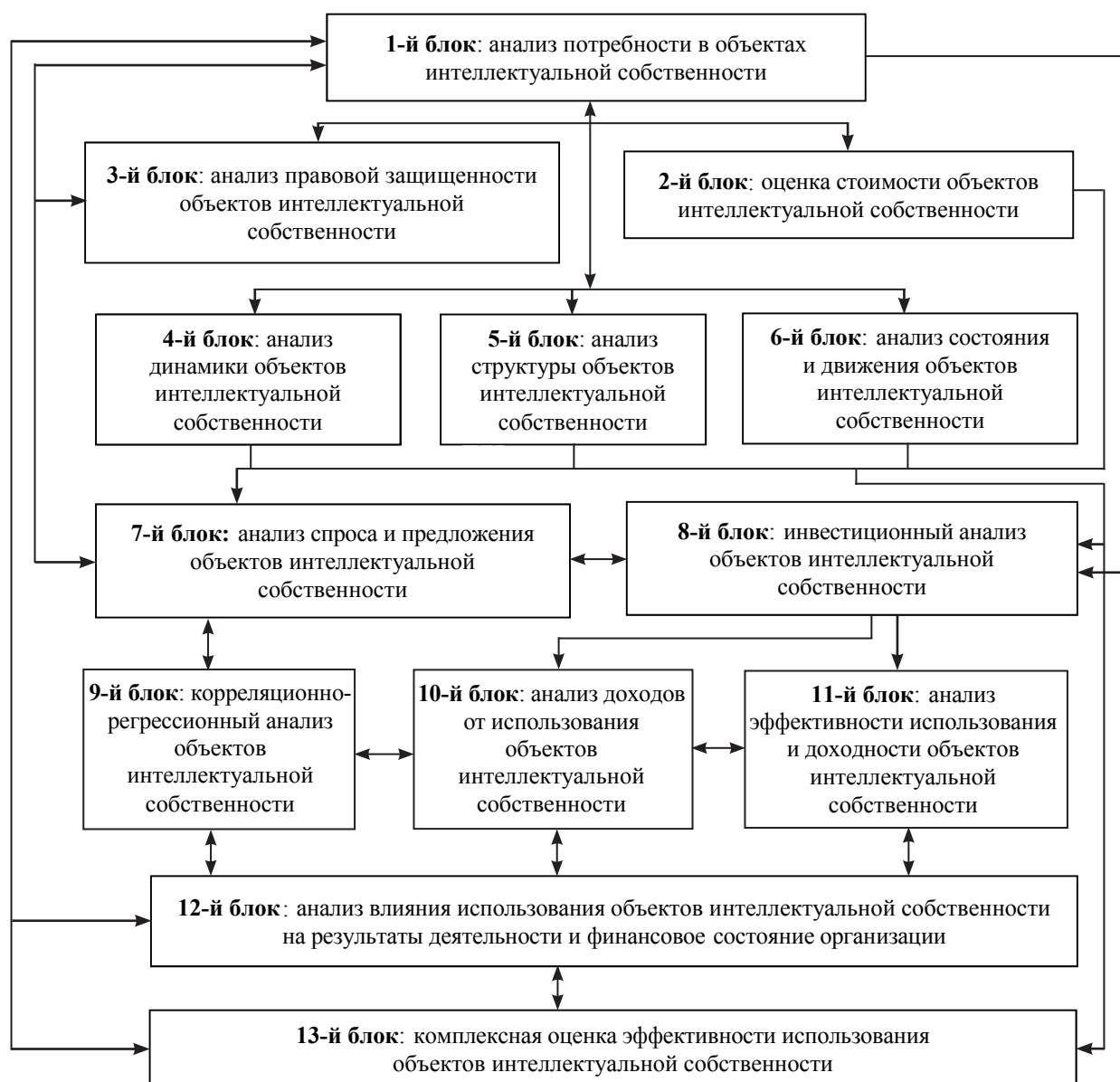

Рис. 2. Уточненная автором блок-схема комплексного анализа объектов интеллектуальной собственности

ственности (2-й блок схемы; см. рис. 2) и анализ их правовой защищенности (3-й блок). На сегодняшний момент актуальны три способа оценки стоимости объектов интеллектуальной собственности: затратный, доходный, рыночный, применение которых в анализе связано прежде всего с доступностью информационных возможностей для аналитика. Анализ правовой защищенности объектов интеллектуальной собственности включает: расчет удельного веса защищенных и незащищенных охраняемыми документами активов, оценку возможности и целесообразности получения охраняемых документов по незащищенным объектам интеллектуальной собственности. Возможность получения охраняемых доку-

ментов связана с уровнем патентоспособности объектов интеллектуальной собственности. Целесообразность получения охраняемых документов оценивается на основе сопоставления величины предполагаемых будущих доходов от использования этих активов и величины расходов по созданию и получению охраняемых документов. Хотелось бы подчеркнуть, что проводить анализ потребности в объектах интеллектуальной собственности, оценку их стоимости и правовой защищенности целесообразно по видам объектов. Для реализации данных этапов анализа следует использовать такие методы, как: наблюдение; сравнение; группировка; корректировка базовых показателей и др.

Таблица 3

Источники информации для проведения комплексного анализа эффективности использования объектов интеллектуальной собственности

Направление анализа	Источники информации
Анализ потребности в объектах интеллектуальной собственности	Учредительные документы; бизнес-план; проектно-техническая документация; внешняя экономическая информация о состоянии рынка, деятельности конкурентов и т. п.; регистры учета НИОКР, нематериальных активов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему
Оценка стоимости объектов интеллектуальной собственности	Внешняя экономическая информация о состоянии рынка нематериальных активов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему; регистры учета НИОКР, нематериальных активов; отчеты экспертов
Анализ правовой защищенности объектов интеллектуальной собственности	Пояснительная записка к бухгалтерской отчетности; регистры учета НИОКР, нематериальных активов; юридические документы (патенты, свидетельства и др.); материалы экспертных оценок; внешняя информация Роспатента; результаты проведения предыдущих направлений анализа
Анализ динамики объема объектов интеллектуальной собственности	Бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему; регистры учета НИОКР, нематериальных активов; форма статистической отчетности № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»; внешняя статистическая информация
Анализ структуры объектов интеллектуальной собственности	Бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему; регистры учета НИОКР, нематериальных активов; форма статистической отчетности № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»; внешняя статистическая информация; результаты проведения предыдущих направлений анализа
Анализ состояния и движения объектов интеллектуальной собственности	Регистры учета нематериальных активов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему; форма статистической отчетности № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»; юридические документы (патенты, свидетельства и др.); материалы экспертных оценок; результаты проведения предыдущих направлений анализа
Анализ спроса и предложения объектов интеллектуальной собственности	Внешняя экономическая информация о состоянии рынка нематериальных активов; данные маркетинговых исследований; материалы экспертных оценок
Инвестиционный анализ объектов интеллектуальной собственности	Регистры учета вложений в нематериальные активы; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему, отчет о финансовых результатах; приложение к форме статистической отчетности № п-2 «Сведения об инвестиционной деятельности»; бизнес-план; материалы экспертных оценок
Анализ доходов от использования объектов интеллектуальной собственности	Регистры финансовых результатов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему, отчет о финансовых результатах; материалы экспертных оценок; результаты проведения предыдущих направлений анализа
Анализ эффективности использования объектов интеллектуальной собственности	Регистры учета нематериальных активов, затрат и финансовых результатов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему, отчет о финансовых результатах; форма статистической отчетности № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»; материалы экспертных оценок; результаты проведения предыдущих направлений анализа
Корреляционно-регрессионный анализ объектов интеллектуальной собственности	Регистры учета нематериальных активов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему, отчет о финансовых результатах; форма статистической отчетности № 11 «Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) и других нефинансовых активов»; результаты проведения предыдущих направлений анализа

Окончание табл. 3

Направление анализа	Источники информации
Анализ влияния использования объектов интеллектуальной собственности на результаты деятельности и финансовое состояние организации	Регистры учета нематериальных активов, затрат и финансовых результатов; бухгалтерская отчетность: бухгалтерский баланс и приложение к нему, отчет о финансовых результатах; результаты проведения анализа эффективности нематериальных активов
Комплексная оценка эффективности использования объектов интеллектуальной собственности	Результаты проведения предыдущих направлений анализа

На следующем этапе анализа рекомендуем проанализировать наличие объектов интеллектуальной собственности, а именно оцениваем их динамику (4-й блок схемы), структуру (5-й блок), состояние и движение (6-й блок). При этом актуальным является проведение горизонтального, вертикального сравнительного анализа, а также трендового анализа. При анализе структуры объектов интеллектуальной собственности целесообразен расчет удельного веса отдельных видов данных объектов по различным классификационным признакам, например по срокам полезного использования, каналам поступления и выбытия, ликвидности и правовой защищенности. Систему показателей структуры важно дополнить показателями удельного веса амортизируемых и неамортизируемых объектов интеллектуальной собственности, что позволит охарактеризовать, стоимость какой части объектов интеллектуальной собственности возмещается и не возмещается за счет начисления амортизации.

Для оценки состояния объектов интеллектуальной собственности могут быть исчислены:

1) коэффициент износа — отношение амортизации по объектам интеллектуальной собственности к их первоначальной стоимости;

2) коэффициент остаточной стоимости по объектам интеллектуальной собственности — отношение остаточной стоимости по объектам интеллектуальной собственности к их первоначальной стоимости;

3) коэффициент морального старения — отношение срока действия охранного документа на дату расчета к номинальному сроку действия охранного документа.

Для характеристики вовлечения объектов интеллектуальной собственности в экономический оборот рассчитываем коэффициенты их поступления и выбытия:

1) коэффициент поступления — отношение первоначальной стоимости поступивших в течение года объектов интеллектуальной собственнос-

ти к первоначальной стоимости объектов интеллектуальной собственности на конец года;

2) коэффициент выбытия — отношение первоначальной стоимости выбывших в течение года объектов интеллектуальной собственности к первоначальной стоимости объектов интеллектуальной собственности на начало года;

3) коэффициент срока полезного использования — обратный показатель коэффициента выбытия;

4) индекс соотношения коэффициентов поступления и выбытия;

5) коэффициент интенсивности обновления — отношение первоначальной стоимости поступивших в течение года объектов интеллектуальной собственности к первоначальной стоимости выбывших в течение года объектов интеллектуальной собственности;

6) показатель инновационности — отношение «возможных», «потенциальных» объектов интеллектуальной собственности к величине признанных в качестве нематериальных активов объектов интеллектуальной собственности.

Показатели с 1-го по 6-й блоков схемы позволяют характеризовать статику, динамику и потребности вовлечения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности, исходя из особенностей деятельности предприятия, конкурентных позиций на рынке, его финансового состояния, перспектив его развития. Результаты анализа взаимодействия этих блоков связаны с формированием резерва вовлечения в хозяйственный оборот объектов интеллектуальной собственности в качестве нематериальных активов.

Анализ спроса и предложения объектов интеллектуальной собственности (7-й блок схемы) предполагает анализ рынка объектов интеллектуальной собственности, для принятия маркетинговых решений об использовании объектов интеллектуальной собственности в качестве товара, то есть о коммерческом использовании. В рамках

анализа необходимо построить функции спроса и предложения объектов интеллектуальной собственности. Кроме того, необходимо осуществлять прогнозирование их спроса и предложения, что позволит выявить потребности предприятия в данном виде активов. Основные проблемы реализации данного этапа анализа связаны с неразвитостью рынка объектов интеллектуальной собственности, что существенно ограничивает информационную базу для проведения оценок. В ходе анализа широко используются экспертные приемы, основанные на человеческом опыте и интуиции, при этом следует обращать внимание на субъективные моменты, которые могут иметь место при привлечении экспертов.

Самостоятельным этапом аналитической работы может быть оценка эффективности и рисков инвестиционных проектов по объектам интеллектуальной собственности, если таковые проекты существуют в организации (8-й блок схемы). При этом могут рассчитываться традиционные показатели экономической эффективности долгосрочных инвестиций: дисконтные показатели и показатели, не учитывающие фактор времени (срок окупаемости инвестиций, ожидаемый экономический эффект от реализации проекта и др.). При проведении инвестиционного анализа не следует забывать о рисках, связанных с инвестированием в объекты интеллектуальной собственности и рисках их обесценения. Общепринятую систему показателей инвестиционного анализа целесообразно дополнить показателем обоснованности авансирования капитала в приобретение нематериальных активов, который отражает, сколько рублей незаконченных вложений в объекты интеллектуальной собственности приходится на рубль введенных в эксплуатацию нематериальных активов. Данный коэффициент характеризует эффективность вложений в нематериальные активы; чем ближе показатель к 1, тем лучше, так как объекты, не введенные в эксплуатацию, не приносят экономической выгоды и не окупаются. Кроме того, оценку эффективности вложений можно сделать на основе сопоставления темпов роста остатка незаконченных вложений в объекты интеллектуальной собственности с темпами роста выручки от продаж. Данный метод даст менее точную оценку, поэтому им можно воспользоваться только при отсутствии доступа к данным бухгалтерского учета.

Экономический анализ по объектам интеллектуальной собственности необходимо прово-

дить с использованием методов корреляционно-регрессионного анализа, что позволит измерить и оценить влияние факторов, которые с величиной нематериальных активов находятся в стохастической, вероятностной зависимости (9-й блок схемы).

Самостоятельным объектом анализа по объектам интеллектуальной собственности могут быть доходы от их использования (10-й блок схемы). В рамках анализа необходимо проанализировать динамику и структуру данных доходов, при этом основная проблема связана выделением объема доходов от использования объектов интеллектуальной собственности из общей суммы получаемых предприятием доходов.

Следующим этапом анализа является анализ эффективности использования объектов интеллектуальной собственности организации на основе построения системы показателей (11-й блок схемы). Основные показатели оценки эффективности использования нематериальных активов:

1) уровень коммерческой отдачи объектов интеллектуальной собственности — отношение валового дохода от коммерческого использования объектов интеллектуальной собственности к средней стоимости указанных объектов;

2) отдача объектов интеллектуальной собственности — отношение выручки от реализации продукции (работ, услуг) к среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности;

3) емкость объектов интеллектуальной собственности — отношение среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности к выручке от реализации продукции (работ, услуг);

4) относительная экономия объектов интеллектуальной собственности — разница среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности в отчетном периоде и среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности в базисном периоде, умноженной на индекс по продукции;

5) рентабельность (доходность) объектов интеллектуальной собственности — отношение прибыли (балансовая, чистая или от продаж) организации к среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности;

6) индивидуальная рентабельность конкретного объекта интеллектуальной собственности — отношение прибыли от продажи продукции, полученной с использованием конкретного объекта интеллектуальной собственности к сто-

имости конкретного объекта интеллектуальной собственности;

7) прибыль на рубль вложенного капитала в объекты интеллектуальной собственности — отношение прибыли, полученной от использования объектов интеллектуальной собственности к среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности;

8) коэффициент интеллектуальности труда отражает, сколько рублей объектов интеллектуальной собственности приходится на одного сотрудника или рабочего.

Важно, чтобы анализ эффективности использования объектов интеллектуальной собственности организации завершался обобщением резервов ее повышения, а также оценкой влияния использования объектов интеллектуальной собственности на результаты деятельности и финансовое состояние организации (12-й блок схемы). В связи с этим актуальным является применение экономико-математического моделирования для построения аналитических, факторных моделей и использование приемов факторного ана-

лиза. Основные факторные модели, применяемые в анализе эффективности использования объектов интеллектуальной собственности, представлены в табл. 4.

На завершающем этапе аналитической работы даются комплексная оценка эффективности использования объектов интеллектуальной собственности и рекомендации по ее повышению (13-й блок схемы). Для комплексной оценки эффективности использования объектов интеллектуальной собственности целесообразно применять метод перемножения частных коэффициентов. В качестве частных коэффициентов можно взять коэффициенты роста исходных базовых показателей, которые наиболее объективно отражают сущность процесса использования объектов интеллектуальной собственности. К примеру, коэффициент роста отдачи объектов интеллектуальной собственности, коэффициент роста рентабельности объектов интеллектуальной собственности, коэффициент роста интеллектуальности труда, коэффициент интенсивности их обновления. Данный метод является доступным,

Таблица 4

Факторные модели анализа использования объектов интеллектуальной собственности

Факторная модель	Характеристика	Рекомендуемый способ факторного анализа
$R_{оис} = R_{пр} \times O_{оис}$, где $R_{оис}$ — рентабельность объектов интеллектуальной собственности; $R_{пр}$ — рентабельность продаж; $O_{оис}$ — отдача объектов интеллектуальной собственности	Позволяет оценить влияние рентабельности продаж и отдачи объектов интеллектуальной собственности на рентабельность объектов интеллектуальной собственности	Интегральный способ
$O_{к} = O_{оис} \times U_{воис}$, где $O_{к}$ — оборачиваемость капитала; $O_{оис}$ — оборачиваемость объектов интеллектуальной собственности; $U_{воис}$ — доля объектов интеллектуальной собственности в общем размере капитала организации	Позволяет оценить влияние оборачиваемости объектов интеллектуальной собственности их доли в общем размере капитала организации на оборачиваемость капитала	Способ абсолютных разниц
$P_{т} = O_{тоис} \times K_{инт\ тр}$, где $P_{т}$ — производительность труда; $O_{тоис}$ — отдача объектов интеллектуальной собственности; $K_{инт\ тр}$ — коэффициент интеллектуальности труда	Позволяет оценить влияние изменения эффективности использования объектов интеллектуальной собственности и уровня интеллектуальности труда на изменение производительности труда	Интегральный способ
$V_{р} = O_{оис} \times O_{ИС}$, где $V_{р}$ — выручка от реализации продукции (работ, услуг); $O_{оис}$ — оборачиваемость объектов интеллектуальной собственности; $O_{ИС}$ — среднегодовая стоимость объектов интеллектуальной собственности	Позволяет оценить влияние оборачиваемости и среднегодовой стоимости объектов интеллектуальной собственности на выручку от реализации продукции (работ, услуг)	Способ абсолютных разниц
$P_{б} = D_{оис} \times O_{ИС}$, где $D_{оис}$ — доходность объектов интеллектуальной собственности; $O_{ИС}$ — среднегодовая стоимость объектов интеллектуальной собственности	Позволяет оценить влияние изменения объема и уровня доходности объектов интеллектуальной собственности на изменение прибыли организации	Способ абсолютных разниц

так как требует несложных расчетов. Значение интегрального показателя определяем извлечением корня четвертой степени из произведения перечисленных коэффициентов.

Предложенный авторский подход вносит определенный вклад в развитие методики комплексного анализа эффективности использования объектов интеллектуальной собственности; так, уточнены цель, задачи, информационная база,

последовательность и система показателей анализа, что способствует эффективному проведению анализа объектов интеллектуальной собственности на практике. Предложенные аналитические модели позволят оценить влияние факторов и помогут обосновать или проиллюстрировать принятие управленческих решений, которые связаны с использованием объектов интеллектуальной собственности.

Список литературы

1. Балакирева, Н. М. Нематериальные активы: учет, аудит, анализ : учеб. пособие / Н. М. Балакирева. — М. : ИНФРА-М, 2005. — 336 с.
2. Голубев, Ф. В. Аудит эффективности использования нематериальных активов организации: аналитика и диагностика / Ф. В. Голубев // Экон. анализ: теория и практика. — 2007. — № 21. — С. 57—68.
3. Журавлева, Н. В. Учетно-аналитическое обеспечение управления нематериальными активами : дис. ...канд. экон. наук / Н. В. Журавлева. — Воронеж, 2008. — 248 с.
4. Кнухова, М. З. Анализ эффективности использования нематериальных активов / М. З. Кнухова // Бухгалт. учет. — 2008. — № 2. — С. 76—79.
5. Кузубов, С. А. Интеллектуальные активы: учет, анализ и аудит / С. А. Кузубов. — М. : Финансы и статистика, 2009. — 184 с.
6. Кузьбожев, Э. Н. Системный или комплексный анализ / Э. Н. Кузьбожев, М. Г. Световцева, Т. Н. Бабич // Экон. анализ: теория и практика. — 2006. — № 9. — С. 13—22.
7. Новичкова, Н. Г. Аналитическое обоснование управленческих решений по использованию нематериальных активов / Н. Г. Новичкова, К. С. Манасарян // Финанс. вестн.: финансы, налоги, страхование, бухгалтер. учет. — 2009. — № 1. — С. 11—16.
8. Пестунов, М. А. Управление воспроизводством нематериальных активов, анализ и оценка эффективности их использования / М. А. Пестунов, С. М. Пестунова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2012. — № 9 (264) — С. 52—58.
9. Пестунов, М. А. Управление интеллектуальной собственностью : монография / М. А. Пестунов. — Челябинск, 2006. — 305 с.
10. Прокопьева, Ю. В. Комплексный анализ эффективности использования нематериальных активов / Ю. В. Прокопьева // Экон. анализ: теория и практика. — 2013. — № 29 (332). — С. 45—57.
11. Прокопьева, Ю. В. Инструменты комплексного анализа в аудиторской проверке нематериальных активов хозяйствующих субъектов / Ю. В. Прокопьева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 5 (334). — С. 137—144.
12. Панкова, С. В. Методика анализа и оценка эффективности использования нематериальных активов / С. В. Панкова, Ю. В. Прокопьева // Материалы XI Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». Актуальные проблемы социально-экономического развития. Ч. II. — Тольятти : Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2014. — С. 112—120.
13. Сайфулин, Р. С. Анализ эффективности использования нематериальных активов / Р. С. Сайфулин // Экономика и жизнь. — 1995. — № 27.
14. Синицина, Е. А. Анализ эффективности использования нематериальных активов / Е. А. Синицина // Консультант бухгалтера. — 2006. — № 11 — С. 37—41.
15. Шеремет, А. Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности : учеб. пособие для вузов / А. Д. Шеремет. — М. : РИОР : ИНФРА-М, [2015]. — 254 с.

Сведения об авторе

Прокопьева Юлия Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры учета и финансов Челябинского государственного университета, доцент кафедры экономики, финансов и бухгалтерского учета Южно-Уральского института управления и экономики, Челябинск, Россия. prokoreva.u.v@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 55—66.*

ANALYSIS OF EFFICIENCY OF USE OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS

Yu.V. Prokop'yeva

Chelyabinsk State University, South Ural Institute of Management and Economics, Chelyabinsk, Russia. prokopeva.u.v@mail.ru

According to the statistics bodies, the number of used intellectual property results in the Russian Federation is steadily growing. Methodological aspects of implementation analysis of the use of results of intellectual activity need to be developed and improved, as increasing the efficiency of using intellectual property in an innovative economy is a key issue in their management. The article discusses the questions about implementation of analytical procedures in the process of comprehensive analysis of the effectiveness of the use of intellectual property objects, namely: its place and necessity; goal, objectives, sequence of analysis; its system of indicators; features of the information base; Factor models and methods for their analysis.

Keywords: *complex economic analysis, objects of intellectual property, applying results of intellectual activity.*

References

1. Balakireva N.M. *Nematerial'nyye aktivy: uchet, audit, analiz* [Intangible Assets: Accounting, Audit, Analysis]. Moscow, INFRA-M, 2005. 336 p. (In Russ.).
2. Golubev F.V. Audit effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov organizatsii: analitika i diagnostika [Audit of the effectiveness of the use of intangible assets of the organization: analytics and diagnostics]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2007, no. 21, pp. 57—68. (In Russ.).
3. Zhuravleva N.V. *Uchetno-analiticheskoye obespecheniye upravleniya nematerial'nymi aktivami* [Accounting and analytical support of intangible assets management. Thesis]. Voronezh, 2008. 248 p. (In Russ.).
4. Knukhova M.Z. Analiz effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov [Analysis of the effectiveness of intangible assets]. *Bukhgalterskiy uchet* [Accounting], 2008, no. 2, pp. 76—79. (In Russ.).
5. Kuzubov S.A. *Intellektual'nye aktivy: uchet, analiz i audit* [Intellectual assets: accounting, analysis and audit]. Moscow, 2009. 184 p. (In Russ.).
6. Kuz'bozhev E.N., Svetovtseva, M.G., Babich T.N. *Sistemnyy ili kompleksnyy analiz* [System or complex analysis]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2006, no. 9, pp. 13—22. (In Russ.).
7. Novichkova N.G., Manasaryan K.S. *Analiticheskoye obosnovaniye upravlencheskikh resheniy po ispol'zovaniyu nematerial'nykh aktivov* [Analytical justification of management decisions on the use of intangible assets]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovaniye, bukhgalterskiy uchet* [Financial newsletter: finance, taxes, insurance, accounting], 2009, no. 1, pp. 11—16. (In Russ.).
8. Pestunov M.A., Pestunova S.M. *Upravleniye vosproizvodstvom nematerial'nykh aktivov, analiz i otsenka effektivnosti ikh ispol'zovaniya* [Management of the reproduction of intangible assets, analysis and evaluation of the effectiveness of their use]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 9, pp. 52—58. (In Russ.).
9. Pestunov M.A. *Upravleniye intellektual'noy sobstvennost'yu* [Intellectual property management]. Chelyabinsk, 2006. 305 p. (In Russ.).
10. Prokop'yeva Yu.V. *Kompleksnyy analiz effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov* [Complex analysis of the effectiveness of intangible assets]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2013, no. 29, pp. 45—57. (In Russ.).
11. Prokop'yeva Yu.V. *Instrumenty kompleksnogo analiza v auditorской proverka nematerial'nykh aktivov khozyaystvuyushchikh sub'yektov* [Tools of complex analysis in the audit of intangible assets of business entities]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 43, pp. 137—144. (In Russ.).

12. Pankova S.V. Prokop'yeva, Yu.V. Metodika analiza i otsenka effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov [Methods of analysis and evaluation of the effectiveness of intangible assets]. *Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Tatishchevskiy chteniya: aktual'nyye problemy nauki i praktiki"*. Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v 2 t. T. 2 [XI International scientific-practical conference "Tatishchev Conference: actual problems of science and practice". Actual problems of socio-economic development in 2 vol. Vol. 2]. Tolyatti, 2014. Pp. 112—120. (In Russ.).
13. Sayfulin R.S. Analiz effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov [Analysis of the effectiveness of intangible assets]. *Ekonomika i zhizn'* [Economy and Life], 1995, no. 27. (In Russ.).
14. Sinitsyna Ye.A. Analiz effektivnosti ispol'zovaniya nematerial'nykh aktivov [Analysis of the effectiveness of intangible assets]. *Konsul'tant bukhgaltera* [Accountant Consultant], 2006, no. 11, pp. 37—41. (In Russ.).
15. Sheremet A.D. *Kompleksnyy analiz khozyaystvennoy deyatel'nosti* [Comprehensive analysis of economic activity]. Moscow, 2015. 254 p. (In Russ.).

АНКЛАВНЫЙ ВЕКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

П. Я. Дегтярев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В ситуации, когда пространственное развитие страны и отдельных регионов в ее составе официальные власти стали сводить к формированию агломераций, чрезвычайно актуальным становится анализ тенденций в пространственной организации производительных сил страны в контексте авторской гипотезы об анклавном развитии. Цель статьи заключается в оценке происходящего в России центростремительного сдвига в организации производительных сил, то есть все большей концентрации населения и экономической активности в крупнейших городах. Привлечение методов пространственного анализа позволило установить, что центростремительный сдвиг только по форме отвечает процессу агломерирования, тогда как по своей сути прямо ему противоположен и является анклавизацией — стихийным сжатием хозяйственной ойкумены национальной экономики. В этих условиях обостряются проблемы развития так называемых «неперспективных» территорий (практически вся территория страны вне крупнейших городских агломераций — периферия).

Ключевые слова: *пространственное развитие, производительные силы, агломерация, анклав, периферия.*

В России под влиянием как объективных, так и субъективных факторов стихийно складывается принципиально новый экономический ландшафт. Главная его черта: формирование одного (редко двух) сверхкрупных компактных ареалов (полюсов) относительного благополучия с постиндустриальной экономикой при одновременной стагнации и даже деградации обширных сопредельных аграрно-индустриальных территорий. В отечественной литературе гипертрофированное развитие одного города, который резко доминирует над остальными, ранее оценивалось в качестве одного из существенных недостатков территориальной организации общества и хозяйства. Этому посвящены работы многих отечественных урбанистов: Г. М. Лаппо [4], Ю. Л. Пивоварова [12], Л. В. Смирнягина [14] и мн. др. В 2014 г. официальные власти в лице Министерства регионального развития РФ за-

явили о начале реализации в 16 регионах страны (в том числе в Челябинской области) проектов формирования городских агломераций [13].

На современном этапе развития в экономическом пространстве страны доминируют центростремительные тенденции: мобильные факторы производства (труд, капитал и знания) перераспределяются в пользу тех территорий, где отдача (D) от их использования (общественная производительность труда) максимальная, а издержки (C) на единицу продукции минимальны или близки к средним значениям (см. рисунок ниже).

Абсолютные и относительные преимущества регионов трансформируются в различные виды ренты (R). Это усиливает неравномерность экономического развития, формирует принципиально новый (биполярный по своим характеристикам) экономический ландшафт, на одном из полюсов которого ($D \max + C \min$) создаются наилучшие

Усиление центростремительных тенденций в развитии

условия для накопления (аккумуляции) физического и человеческого капитала.

В современных условиях таким полюсом притяжения становятся крупнейшие городские агломерации и связующие их магистрали. Вблизи них за счет дифференциальной ренты по местоположению наблюдается устойчивое превышение доходов субъектов экономической деятельности над средними доходами по стране и конкретному региону.

Возможное «сжатие» России до двух десятков федеральных и региональных центров-агломераций — «постиндустриальных муравейников», население которых все меньше производит и все больше перераспределяет и потребляет, пока не получило всесторонней научной оценки. Точнее, следует сказать так: официальные власти не рассматривают возможных негативных последствий реализации стратегии поляризованного развития исключительно на базе сверхкрупных агломераций и за счет ускоренного экономического опустынивания остальной территории страны.

Специфика современного этапа урбанизации такова, что применявшееся прежде статистическое разделение на городское и сельское население уже не отвечает фактической структуре экономического пространства. Более обоснованно говорить о населении, проживающем в зонах агломераций (метрополитенское население) и населении, на остальной территории страны/региона (неметрополитенское население) (табл. 1).

Метрополитенские территории — ареалы, находящиеся в сфере активного влияния/тяготения городов людностью от 100 тыс. чел. (как правило, могут быть очерчены изохронной 1,5-часовой транспортной доступностью главного центра).

Неметрополитенские территории — ареалы, находящиеся вне сферы активного влияния/тяготения городов от 100 тыс. чел. Близкие, но не тождественные понятия: периферия, маргинальные территории, внеагломерационное пространство и др.

Зоны тяготения/влияния крупнейших городов структурируют экономический ландшафт региона и обуславливают долговременные тенденции развития систем расселения. Так, территория Челябинской области находится в сфере тяготения четырех крупнейших центров: Екатеринбурга, Челябинска, Уфы и Магнитогорска.

Усиление концентрации населения и экономической активности в крупных городах (метрополитанизация) имеет разные последствия для стран с большой и стран с компактной территорией. В пределах компактных европейских государств относительное экономическое неравенство отдельных территорий компенсируется транспортной доступностью центров для жителей периферийных ареалов. В России, наоборот, даже в пределах отдельных субъектов Федерации транспортная доступность центров не всегда укладывается в рамки суточного цикла жизнедеятельности населения, проживающего в глубинных районах.

Согласно официальной точке зрения, которая нашла свое отражение в общефедеральных и региональных стратегиях социально-экономического развития, происходящий в стране крупногородской сдвиг (агломерирование) носит объективный характер и в целом оценивается как положительный. Аргументация сторонников данной точки зрения сводится к двум доводам. Первый — теоретический; он вытекает из научных представлений об экономии, возникающей за счет концентрации материально-технических и людских ресурсов, на ограниченных территориях (агломерационный эффект). Второй довод — практический; вытекает из общемировой, глобальной тенденции все большей концентрации различных видов капитала в городских агломерациях и их территориально сближенных совокупностях — урбанизированных зонах.

Сформулируем авторскую гипотезу: *происходящий в России крупногородской сдвиг в организации производительных сил только по форме*

Таблица 1

**Структурирование экономического пространства региона
(на примере Челябинской области) [2]**

Метрополитенские территории		Неметрополитенские территории	
Региональный центр (Челябинск) и зона его тяготения (Челябинская агломерация)	Региональные субцентры (Магнитогорск, Златоуст, Миасс) и зоны их тяготения	Полупериферия — территории, непосредственно примыкающие к транспортным магистралям федерального и регионального значения, с относительно развитой сетью малых и средних городов	Периферия — глубинные районы , местные хозяйственные центры (сельские поселения разного типа)

отвечает процессу агломерирования, тогда как по своей сути прямо ему противоположен и является анклавизацией¹ — стихийным сжатием хозяйственной ойкумены национальной экономики. Раскроем и обоснуем данную гипотезу.

Сущность агломерирования можно свести к расширенному воспроизводству капитала за счет интенсификации социально-экономических процессов, в том числе и по причине оптимальной концентрации хозяйственной активности в пределах компактных ареалов. Но в России в условиях деградирующей экономики нет ни расширенного воспроизводства производственного капитала, ни оптимального воспроизводства человеческого капитала. Вместо воспроизводства важнейших составляющих национального богатства и интенсификации социально-экономических процессов — проедание ранее созданного. Именно поэтому мы склонны трактовать происходящие сдвиги в пространственной организации производительных сил страны в качестве анклавизации.

Сущность анклавизации можно свести к стихийному, неуправляемому сжатию хозяйственной ойкумены страны до нескольких десятков очагов хозяйственной активности — крупнейших агломераций в Основной полосе расселения страны.

Сформулируем несколько принципиальных положений — основных составляющих концепции анклавного развития:

- агломерирование замещается анклавизацией;
- в условиях деградирующей национальной экономики это означает рост без развития за счет мобилизации демографических ресурсов периферии;
- негативные последствия подобного пространственного развития усиливаются сырьевым/полупродуктовым характером национальной экономики, в рамках которого развиваются усеченные, неполноразвитые, ресурсные/полупродуктовые экспортные циклы;
- ближайшие неминуемые следствия данного процесса — резкое обострение инфраструктурных, социальных и экологических проблем в крупнейших городах; возможные отдаленные последствия — усиление дезинтеграционных тенденций в развитии и, что нельзя полностью исключить, распад государства;
- возможные плюсы от сосредоточения хозяйственной активности в крупнейших агломе-

рациях, скорее всего, будут перекрыты многочисленными невосполнимыми потерями в сфере национальной культуры и прямым экономическим ущербом от превышения оптимального порога концентрации населения, то есть это будет мнимая экономия.

Процесс накопления капитала происходит в двух основных формах: концентрации и централизации. И если это накопление действительно отвечает интересам страны — агломерирование, безусловно, позитивный процесс. Если же вместо накопления (воспроизводства) капитала происходят прямо противоположные процессы его деградации, агломерирование — это анклавизация — негативный процесс. Такова диалектика пространственного развития. Обобщая все сказанное, дадим авторскую оценку сущности происходящих сдвигов в организации производительных сил национальной экономики и отдельных ее сегментов — регионов (табл. 2).

Таблица 2

Варианты пространственной организации производительных сил национальной экономики [3]

Экономика развития	Экономика деградации
Сущность сдвигов в пространственной организации производительных сил:	
Агломерирование хозяйственной активности — качественное социально-экономическое развитие крупногородских центров и их пригородных зон в интересах национального рынка на базе внешне-ориентированной экономики максимально полного цикла	Анклавизация хозяйственной активности — стихийное, неуправляемое сжатие страны до нескольких десятков анклавов в интересах глобального рынка на базе внешне-ориентированной (преимущественно сырьевой/полупродуктовой) модели развития

Вызывает все большее беспокойство подмена понятий и смыслов в современной России. За последние 20—25 лет что только не объявляли в качестве панацеи, которая «излечит» национальную экономику от ее недугов: и свободные экономические зоны, и технопарки, и кластеры и... вот теперь очередь дошла до агломераций [5—8; 11].

Во всем этом присутствует не только элемент кампанейщины и имитации экономической политики, но и явный вред: правильные по своей сути инструменты (институты) эффективного регионального развития забалтываются и вырождаются в уродливые формы. Агломерирование у нас

¹ Термин «анклав» происходит от фр. *Enclave* и лат. *inclavatus* — «закрытый, запертый» и означает часть территории страны [1; 9].

поняли не как институт развития, а как средство сокращения бюджетных расходов на обустройство территории страны за счет концентрации населения в сверхкрупных городах!

Если идею агломерирования по-российски довести до полного «научного» абсурда, то все производительные силы страны целесообразно сосредоточить в так называемой «Большой Москве» — столичном мегалополисе, ведь это якобы отвечает глобальным трендам (ох как у нас любят бездумно ссылаться на глобальные тренды!), да и эффект от экономии бюджетных средств будет колоссальный. На всю страну будет один детский сад, одна школа, один вуз, одна больница... Полагаем, что доказывать ошибочность подобной логики пространственного развития, вытекающей из частнохозяйственной, а не народнохозяйственной идеологии, нет необходимости.

Анклавизация России, если привести историческую аналогию, — это «византийская стратегия» постепенного сжатия пространства империи до одного сверхгорода — Константинополя — и последующая гибель этого сверхгорода под натиском турок-османов в 1453 г. [10].

Пространственные противоречия в развитии России чрезвычайно многоплановы, но с некоторой долей условности их можно свести к наиболее актуальной проблеме так называемых «неперспективных» территорий.

Уже в 1960-х гг. по мере нарастания в советской плановой экономике застойных явлений десятки тысяч сельских населенных пунктов в стране были записаны в разряд «неперспективных» деревень. В 1970-х гг. остро обозначилась проблема «неперспективных» («убывающих», «сжимающихся») городов, поскольку экономическая активность имела уже тогда тенденцию концентрироваться в больших городах. В 1990-х гг. заговорили о «неперспективных» (дотационных) регионах (в 2014 г. из 83 субъектов РФ 75 были

дотационными). В 2000-х гг. по мере все большей интеграции страны в глобальный капиталистический рынок новой реальностью стал факт неконкурентоспособности российской экономики в целом, о чем свидетельствует ежегодно публикуемый рейтинг — Индекс глобальной конкурентоспособности стран. В целом феномен «неперспективных» территорий проявляется на трех иерархических уровнях: локальном, региональном и национальном (табл. 3).

Сформулируем принципиальный вывод: *неперспективные деревни* → *неперспективные города* → *неперспективные (дотационные) регионы... и в итоге* → *неперспективная (неконкурентоспособная) страна* — это пространственная логика развития деградирующей экономики, хозяйственная активность в которой на каждом новом витке углубления системного кризиса все больше сжимается в анклав, а территории вне анклавов подвергаются экономическому опустыниванию. Отсюда можно констатировать наличие пространственного кризиса в развитии национальной экономики, который, безусловно, усилился под воздействием квазирыночных реформ и вхождения в глобальный капиталистический рынок.

По нашему мнению, превращение территорий со значительным потенциалом для развития в «неперспективные» — во многом результат перехода России на модель экспортно-ориентированной экономики неполного цикла. В стране получают достаточный импульс к развитию только немногочисленные анклав, подключившиеся к глобальной экономике. Все прочие территории подвергаются процессу экономического опустынивания. Следовательно, решение проблемы следует искать в рамках такой экономической политики, которая в большей степени отвечала бы национальным интересам и приближалась по своим основным параметрам к внутренне ориентированной экономике полного цикла.

Таблица 3

Уровни проявления феномена «неперспективности» в условиях деградирующей экономики

Уровни		
Локальный (поселенческий)	Региональный	Национальный
Основные проявления		
Невостребованность производств в условиях глобализации; миграционная убыль населения и депопуляция, деградация инфраструктуры	Обособление в экономическом пространстве страны наиболее проблемных регионов (периферийных, маргинальных и др.)	Низкая конкурентоспособность национальной экономики на глобальном уровне (положение в замыкающей группе стран)

Особо подчеркнем, что с этой точки зрения критически оценивать следует не объективные процессы пространственной самоорганизации общества, а анклавный характер развития страны в условиях сырьевой (полупродуктовой) экономики неполного цикла.

Было бы наивно полагать, что уже «завтра» в России на смену экономики деградации придет экономика развития. Поэтому возникает важный вопрос: в условиях продолжающегося спада и втягивания национальной экономики в гло-

бальный капиталистический рынок на правах зависимого сырьевого придатка у каких поселений Челябинской области есть шансы сохранить свою жизнеспособность?

Жизнеспособность любого поселения определяется сочетанием нескольких факторов: административных (политико-административный статус населенного пункта), масштабных (от запаса человеческого капитала до налогового потенциала территории) и позиционных, связанных с местоположением (табл. 4).

Таблица 4

Факторы жизнеспособности городских и сельских поселений

Административные	Масштабные	Позиционные
Административный статус поселения	Людность поселения и ее динамика	Транспортно-географическое положение в общей системе расселения: степень выгоды/невыгоды
Степень развития центральных функций (образование, здравоохранение, культура, розничная торговля и др.)	Производственные функции (устойчивость градо- и поселкообразующей базы)	Степень развития внешних коммуникационных функций
	Налоговый потенциал территории и бюджетная самодостаточность	
Аттрактивность (привлекательность) поселения для экономически активного населения и потенциальных инвесторов		

Как видно из приведенной табл. 4, только привлекательные для экономически активного населения и потенциальных инвесторов поселения имеют шанс сохранить свою жизнеспособность в условиях «сжатия» страны в немногочисленные анклавы.

Общий итог «развития» России за последние десятилетия шокирующий: практически вся территория страны, находящаяся вне крупнейших городских агломераций, оказывается «неперспективной».

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов и оценок приходим к следующим обобщениям:

1. Происходящий в регионах России крупнородской сдвиг в организации производительных сил только по форме отвечает процессу агломерирования, тогда как по своей сути прямо ему противоположен и является анклавизацией — стихийным сжатием хозяйственной ойкумены национальной экономики.

2. Агломерирование в России поняли не как инструмент развития, а как средство сокращения

бюджетных расходов на обустройство территории страны за счет стихийной концентрации населения в сверхкрупных городах!

3. Территории вне крупнейших городских агломераций — анклавов подвергаются экономическому опустыниванию. Для самих же крупнейших городов характерен феномен количественного роста без качественного развития за счет мобилизации демографических ресурсов периферии.

4. Пространственная логика развития деградирующей национальной экономики: неперспективные деревни → неперспективные города → неперспективные (дотационные) регионы и в итоге → неперспективная (неконкурентоспособная) страна.

5. Перспективы у так называемых неперспективных территорий (а сейчас это чуть ли не вся территория страны, вне крупнейших агломераций) появятся только в условиях перехода от экономики деградации к подлинной экономике развития.

Список литературы

1. Географический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Ф. Трешников. — М. : Совет. энцикл., 1989. — 345 с.
2. Дегтярев, П. Я. Основные проблемы экономического ландшафтоведения / П. Я. Дегтярев. — Саар-брюккен, Германия : LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2012. — 120 с.
3. Дегтярев, П. Я. Экономика деградации / П. Я. Дегтярев. — Челябинск : Край РА, 2017. — 320 с.
4. Лаппо, Г. М. Города России: Взгляд географа / Г. М. Лаппо. — М. : Новый хронограф, 2012. — 504 с.
5. Кац, А. Е. Агломерации: новые возможности развития городов / А. Е. Кац // Проблемы экономики и менеджмента. — 2015. — № 5 (45). — С. 51—53.
6. Колодин, А. В. Городские агломерации второго порядка как фактор экономического развития региона / А. В. Колодин // Нац. интересы: приоритеты и безопасность. — 2012. — № 31 (172). — С. 28—37.
7. Малеева, Т. В. Перспективы развития агломераций в России / Т. В. Малеева // Теория и практика обществ. развития. — 2014. — № 10. — С. 124—126.
8. Нещадин, А. Городская агломерация как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России / А. Нещадин, А. Прилепин // Общество и экономика. — 2010. — № 12. — С. 14—19.
9. Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М. : АСТ, 2007. — 976 с.
10. Норвич, Дж. История Византии / Дж. Норвич. — М. : АСТ, 2010. — 542 с.
11. Патрушев, А. В. Разделение России на 20 агломераций: реальность или утопия / А. В. Патрушев // Экономика региона. — 2011. — № 1. — С. 241—244.
12. Пивоваров, Ю. Л. Основы георбанистики: Урбанизация и городские системы / Ю. Л. Пивоваров. — М. : ВЛАДОС, 1999. — 232 с.
13. Развитие городских агломераций : аналит. обзор. Вып. 2. — М. : М-во регион. развития РФ, 2015. — 72 с.
14. Смирнягин, Л. В. Агломерации: за и против / Л. В. Смирнягин // Город. альм. — 2008. — Т. 3. — С. 152—168.
15. Экономическая география капиталистических и развивающихся стран. — М. : Изд-во МГУ, 1986. — 528 с.

Сведения об авторе

Дегтярев Павел Яковлевич — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dp19721@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 67—73.*

ENCLOSIVE DISPOSITION OF SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

P.Ya. Degtyarev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dp19721@mail.ru

In a situation where the spatial development of the country and certain regions in its composition the official authorities began to reduce to the formation of agglomerations, it is extremely important to evaluate the latest trends in the spatial organization of the country's productive forces in the context of the author's hypothesis of enclave development. The purpose of the article is to assess the centripetal shift in the organization of productive forces in Russia, ie, an ever-increasing concentration of population and economic activity in the largest cities. Involvement of methods of spatial analysis made it possible to establish that the centripetal shift only in form corresponds to the agglomeration process, whereas in its essence it is directly opposite to it and is an enclave — the spontaneous contraction of the economic ecumene of the national economy. In these conditions, the problems of the development of so-called “unpromising” territories are exacerbated (practically the whole territory of the country outside the largest urban agglomerations is periphery).

Keywords: *spatial development, productive forces, agglomeration, enclave, periphery.*

References

1. Treshnikov A.F. *Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Geographical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1989. 345 p. (In Russ.).
2. Degtyarev P.Ya. *Osnovnye problemy ekonomicheskogo landshaftovedeniya* [The main problems of economic landscape studies]. Saarbrücken, Germany, LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG Publ., 2012. 120 p. (In Russ.).
3. Degtyarev P.Ya. *Ekonomika degradatsii* [Economics of degradation]. Chelyabinsk, 2017. 320 p. (In Russ.).
4. Lappo G.M. *Goroda Rossii: Vzglyad geografa* [Cities of Russia: The Geographer's View]. Moscow, 2012. 504 p. (In Russ.).
5. Kats A.Ye. Agglomeratsii: novye vozmozhnosti razvitiya gorodov [Agglomerations: new opportunities for urban development]. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Problems of Economics and Management], 2015, no. 5 (45), pp. 51—53. (In Russ.).
6. Kolodin A.V. Gorodskiy agglomeratsii vtorogo poryadka kak faktor ekonomicheskogo razvitiya regiona [Urban agglomerations of the second order as a factor of the region's economic development]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2012, no. 31 (172), pp. 28—37. (In Russ.).
7. Maleeva T.V. Perspektivy razvitiya agglomeratsiy v Rossii [Prospects for the development of agglomerations in Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 10, pp. 124—126. (In Russ.).
8. Neshchadin A., Prilepin A. Gorodskaya agglomeratsiya kak instrument dinamichnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossii [Urban agglomeration as an instrument of dynamic social and economic development of Russian regions]. *Obshchestvo i ekonomika* [Society and Economics], 2010, no. 12, pp. 14—19. (In Russ.).
9. *Noveyshiyy slovar' inostrannykh slov i vyrazheniy* [The newest dictionary of foreign words and expressions]. Moscow, 2007. 976 p. (In Russ.).
10. Norvich Dzh. *Istoriya Vizantii* [History of Byzantium]. Moscow, 2010. 542 p. (In Russ.).
11. Patrushev A.V. Razdeleniye Rossii na 20 agglomeratsiy: real'nost' ili utopiya [The division of Russia into 20 agglomerations: reality or utopia]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2011, no. 1, pp. 241—244. (In Russ.).
12. Pivovarov Yu.L. *Osnovy geourbanistiki: Urbanizatsiya i gorodskiy sistemy* [Fundamentals of geourbanistics: Urbanization and urban systems]. Moscow, 1999. 232 p. (In Russ.).
13. *Razvitiye gorodskikh agglomeratsiy: analiticheskiy obzor. Vyp. 2* [Development of urban agglomerations: an analytical review. Iss. 2]. Moscow, 2015. 72 p. (In Russ.).
14. Smirnyagin L.V. Agglomeratsii: za i protiv [Agglomeration: pro et contra]. *Gorodskoy al'manakh* [Urban almanac], 2008, vol. 3, pp. 152—168. (In Russ.).
15. *Ekonomicheskaya geografiya kapitalisticheskikh i razvivayushchikhsya stran* [Economic geography of capitalist and developing countries]. Moscow, 1986. 528 p. (In Russ.).

УДК 339.7 ББК 65. (5Азе)-65
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10709

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ИНСТИТУТАМИ

Н. Н. Акбулаев, Т. А. Ахмадов

Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), Баку, Азербайджан

Международные финансовые институты играют важную роль в мировой экономике. После завоевания независимости Азербайджан придал большое значение сотрудничеству с международными финансовыми институтами. В результате Азербайджан показал большие достижения в динамичном развитии экономики страны. Целью международных финансовых институтов является обмен информацией по всем видам проблем между странами и, таким образом, поддержание сбалансированности мирового порядка. В статье представлены результаты анализа взаимодействия международных финансовых организаций и финансовых институтов Азербайджана. Приводится историческая оценка данного взаимодействия. Оценивается необходимость таких отношений между финансовыми органами Азербайджана и мировыми финансовыми учреждениями.

Ключевые слова: *международный кредит, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, Мировой банк.*

В современной экономической ситуации государству необходим определенный запас финансовых ресурсов на случай непредвиденных ситуаций или циклических кризисов. Однако зачастую аккумулированных средств бывает недостаточно для стабилизации экономической ситуации в стране в среднесрочной перспективе, вследствие чего государству приходится обращаться к внутренним или внешним заимствованиям с целью устранения последствий циклических или системных кризисов.

Однако большинство стран не обладают достаточной емкостью сбережений домохозяйств и юридических лиц, вследствие чего в условиях финансовых и экономических катаклизмов они вынуждены обращаться за дополнительными средствами к кредиторам. В большинстве случаев внешние заимствования на покрытие дефицита бюджета или дефицита внешней торговли представляет Международный валютный фонд.

Однако следует понимать, что взаимоотношения с международными финансовыми институтами также могут происходить в рамках развивающейся экономики, когда финансовые потоки международных организаций направляются не на оперативное решение возникших проблем, а на финансирование (кредитное либо инвестиционное) инвестиционных проектов, ориентированных на совершенствование экономики государства в частности и мира в целом.

Подобные трансформации в международной экономике и обуславливают актуальность темы данной работы в рамках взаимодействия международных финансовых организаций и финансовых институтов Азербайджана.

В процессе исследования применялись общенаучные, специально-экономические, экономико-математические методы, а также методы индукции, дедукции, систематизации, детализации и обобщения. Применение системного подхода обеспечило комплексность данного исследования.

В статье произведена системная оценка нынешнего положения дел в системе взаимоотношений между финансовыми институтами Азербайджана и международными финансовыми учреждениями. Даны теоретические рекомендации в рамках стимулирования уровня инвестиционной активности в условиях ограничений в сфере источников внешних заимствований.

История взаимоотношений Азербайджана и мировых финансовых институтов стартовала в начале 1990-х гг. с обретением страной независимости. Как и во всех странах постсоветского пространства, в начале 1990-х гг. в Азербайджане начался внутренний экономический кризис [4]. Скоротечный разрыв экономических связей между республиками, а также отсутствие четкой сформированной внутренней экономики и низкая активность в рамках поисков новых рынков сбы-

та привели к внутреннему финансово-экономическому кризису, который проявлялся в отсутствии должного притока валютной массы в страну, типичном дефиците товарной группы, росте безработицы, падении темпов ВВП и общеэкономическом спаде деловой активности в государстве [1].

Как итог данных изменений, Азербайджан вынужден был обратиться к внешним заимствованиям с целью стабилизации экономической ситуации. В 1995—1996 гг. Международный валютный фонд предоставил Азербайджану более 300 млн долл. на структурную перестройку экономики государства [7].

В своей экономической деятельности Азербайджан сотрудничал с такими международными финансовыми организациями, как:

- 1) Международный валютный фонд;
- 2) Европейский банк реконструкции и развития;
- 3) KfV (Германия);
- 4) Японский банк международного сотрудничества;
- 5) ИБР.

Проанализируем по приведенной на рис. 1 диаграмме динамику ВВП государства с 1993 по 2016 г. включительно с целью понимания значения предоставленных кредитов МВФ и последующих экономических изменений в середине 1990-х гг.

Как видно из диаграммы на рис. 1, за отчетный период темпы роста ВВП Азербайджана можно разделить на два временных отрезка:

- 1) 1992—1996 гг. характеризуются падением темпов реального ВВП государства;
- 2) 1996—2016 гг. характеризуются поступательным ростом данного показателя экономической деятельности Азербайджана.

Следовательно, можно определить, что выделенные средства Международным валютным фондом на рубеже 1995—1996 гг. позволили государству произвести частичную модернизацию и трансформацию проблемных отраслей экономики и, невзирая на военный конфликт в Нагорном Карабахе, нарастить темпы роста ВВП, выйдя по этому показателю в лидеры постсоветского пространства.

В дальнейшем в рамках роста цен на мировых сырьевых рынках на энергоресурсы богатый на нефть Азербайджан стремительно нарастил объемы экспортной прибыли и оказался менее зависимым от внешних заимствований. Более того, в ряде случаев на сегодняшний день Азербайджан выступает как раз таки кредитором проектов Среднеазиатского региона и инвестирует в международные проекты, связанные с добычей нефти и газа, с целью наращивания собственного влияния в данной отрасли.

Всего же за период с 1993 по 2016 г. МВФ выделил более 600 млн долл. финансовой помощи Азербайджану в виде кредитов и инвестиций [11]. Всемирный банк, в свою очередь, выделил более 400 млн долл. [7], Европейский банк реконструкции и развития — свыше 140 млн долл., Японский банк международного сотрудничества — свыше 450 млн долл. Всего же за отчетный период правительство Азербайджана получило около 1,8 млрд долл. США на реализацию внутриэкономических программ реформирования экономики страны.

Проанализируем по приведенной на рис. 2 диаграмме распределение средств международных кредиторов по сферам экономики Азербайджана с 1993 по 2016 г. включительно с целью понимания

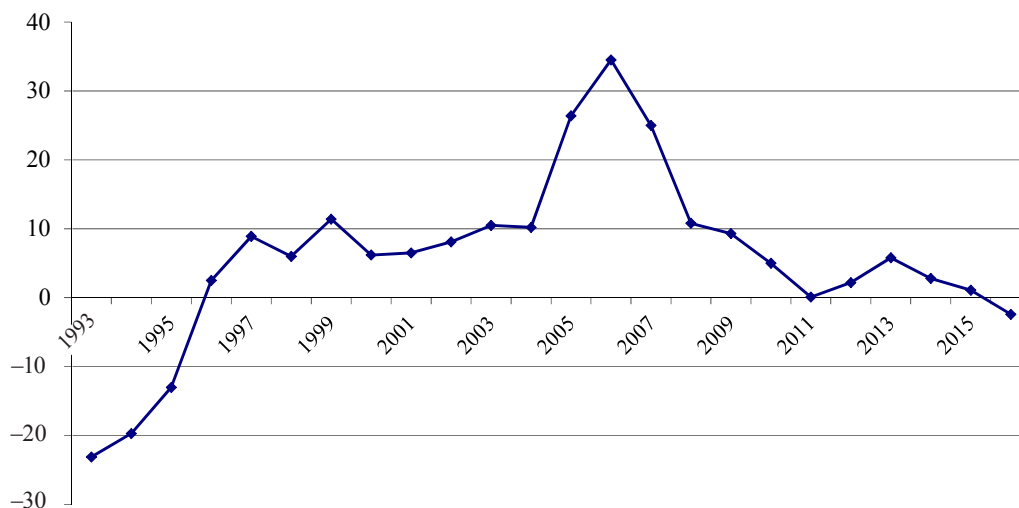

Рис. 1. Динамика темпов роста ВВП Азербайджана (% к предыдущему году) [15]

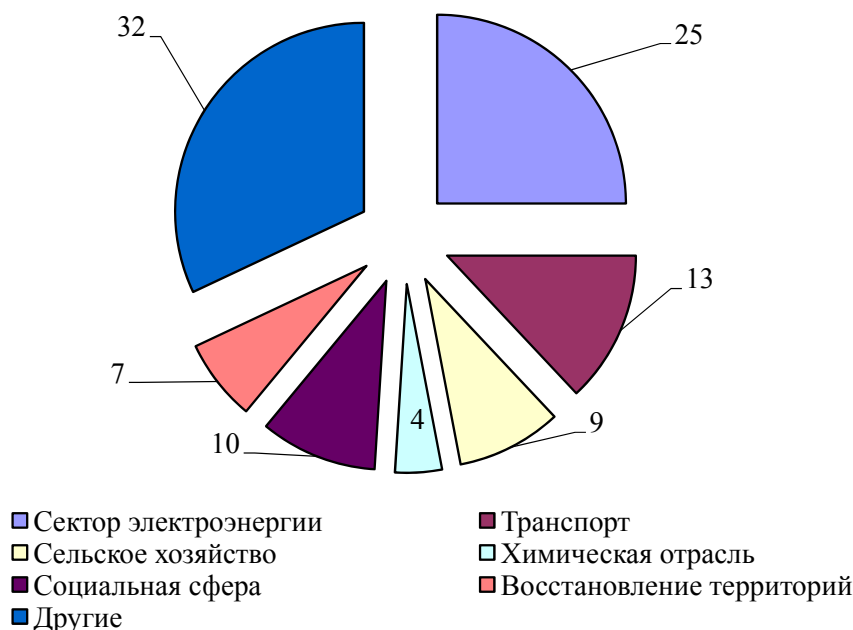

Рис. 2. Распределение средств международных кредиторов по сферам экономики Азербайджана [11]

значения предоставленных кредитов МВФ и последующих экономических изменений в середине 1990-х гг.

Как видно из диаграммы на рис. 2, большая часть выделяемых средств — около 25 % — была направлена в энергетическую сферу, а именно на финансирование программ, связанных с электрификацией государства. Азербайджан хоть и имеет малую площадь, обладает довольно изменчивым ландшафтом, в силу чего изначально была затруднена электрификация отдаленных горных районов страны. Вследствие этого в новом тысячелетии электрифицированы более 98 % населенных пунктов государства.

Также существенные средства были вложены в транспортную инфраструктуру Азербайджана — около 13 % общего объема кредитных средств, что позволило существенно видоизменить дорожную карту страны. Были введены в эксплуатацию новые дороги, отремонтированы старые дорожные пути. А зарубежный опыт, полученный в рамках реализации данных программ, позволил в дальнейшем реализовать программу по совершенствованию транспортной системы страны в рамках получения сверхприбылей от экспортной деятельности.

Третье место с показателем 9 % занимает сельское хозяйство. Данная отрасль во времена СССР практически не развивалась в стране, однако во второй половине 1990-х гг. иностранные программы по мелиорации и совершенствованию водных ресурсов позволили государству

существенно продвинуться в данном вопросе, и на сегодняшний день Азербайджан в рамках наличествующих аграрных ресурсов имеет существенное преимущество перед соседями по региону.

Также были осуществлены определенные вливания (на уровне 4 % общей массы) в химическую отрасль страны. Основные направления — нефтехимия и химические удобрения.

Существенные средства были направлены на социальную сферу и восстановление освобожденных от оккупации территорий, в совокупности это составило более 17 %.

Наряду с этим необходимо отметить, что ведущая отрасль государства — добыча полезных ископаемых — в общей структуре иностранных кредитов занимает незначительный объем — 1 %. Это свидетельствует, с одной стороны, о нежелании властей страны реализовывать совместные с нерезидентами проекты в данной отрасли, а с другой — о мощи и автономности данной сферы народного хозяйства.

Как итог вышесприведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Экономика Азербайджана в начале 1990-х гг. находилась в состоянии общего упадка вследствие утраченных экономических связей с республиками бывшего СССР, а также временного отсутствия новых рынков сбыта. Наряду с этим в 1995 г. стартовала программа Международного валютного фонда по реформированию экономики Азербайджана.

Вследствие данных проектов финансирования уже в 1996 г. начался постепенный прирост темпов ВВП, который продлился более 20 лет и даже в рамках кризисов 2009 и 2013 гг. ВВП Азербайджана демонстрировал неуклонный рост.

2. Наряду с Международным валютным фондом Правительство Азербайджана сотрудничает с такими международными финансовыми организациями, как Европейский банк реконструкции и развития, KfV (Германия), Японский банк международного сотрудничества, ИБР.

В рамках сотрудничества с данными организациями реализуются проекты в таких сферах, как: энергетика, транспорт, сельское хозяйство, мелиорация, социальная политика, помощь и восстановление территорий, освобожденных от оккупации.

3. Наряду с этим необходимо отметить, что ведущая отрасль государства — добыча полезных ископаемых — в общей структуре иностранных кредитов занимает незначительный объем — 1 %.

Это свидетельствует, с одной стороны, о нежелании властей страны реализовывать совместные с нерезидентами проекты в данной отрасли, с другой — о мощи и автономности данной сферы народного хозяйства.

4. За недолгий срок своего членства в МВФ Центральный банк Азербайджана реализовал ряд программ при поддержке фонда. В частности, были внесены изменения в проводимую денежно-кредитную политику, а также получены кредиты от МВФ с целью регулирования экономической ситуации в стране. Например, с помощью одного из таких кредитов, а также рекомендованной МВФ денежно-кредитной политики Центральному банку Азербайджана удалось приостановить девальвацию маната 1990-х гг.

5. В общем, говоря об отношениях между нашей страной и МВФ, надо отдать должное фонду в том, что под занавес периода активного сотрудничества с Азербайджаном он неоднократно и четко признавал правильность экономической политики руководства страны, несмотря на все имеющие место и перечисленные выше трения и недовольства.

Экономика Азербайджана на протяжении последних 20 лет успешно развивается. До сегодняшнего дня был реализован ряд региональных проектов, превративших страну в лидера региона.

Список литературы

1. Амирбеков, Ф. Ф. Определение типа экономики Азербайджана [Электронный ресурс] / Ф. Ф. Амирбеков. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tipa-ekonomiki-azerbaydzhana> (дата обращения 30.03.2018).
2. Гаджиев, Ш. Г. Азербайджан на пути к мировому сообществу: стратегия внешнеэкономического развития / Ш. Г. Гаджиев. — Киев : Экспрес-объява, 2000.
3. Герчикова, И. Г. Международные экономические организации / И. Г. Герчикова. — М. : Консалт-банк, 2001.
4. Гулиев, М. Е. Актуальные вопросы диверсифицированной политики и устойчивости экономики Азербайджана [Электронный ресурс] / М. Е. Гулиев. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-diversifitsirovannoy-politiki-i-ustoychivosti-ekonomiki-azerbaydzhana> (дата обращения 30.03.2018).
5. Красавина, Л. Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / Л. Н. Красавина. — М. : Финансы и статистика, 1994. — 592 с.
6. Красавина, Л. Н. Международные валютно-кредитные и финансовые отношения / Л. Н. Красавина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Финансы и статистика, 2005. — 576 с.
7. Международные связи. Государственная власть [Электронный ресурс]. — URL: http://azerbaiyan.az/portal/StatePower/Ministers/ministersCabinet_r.html?ministersCabinet_09 (дата обращения 30.03.2018).
8. Смыслов, Д. В. Международный валютный фонд на рубеже столетий: российский аспект / Д. В. Смыслов // Деньги и кредит. — 1999. — № 12. — С. 54—67.
9. Концепция Развития «Азербайджан — 2020: взгляд в будущее». Проект [Электронный ресурс]. — URL: https://www.president.az/files/future_ru.pdf (дата обращения 30.03.2018).
10. Круглов, В. В. Основы международных валютно-финансовых и кредитных отношений : учебник / В. В. Круглов. — М. : ИНФРА-М, 2000.
11. Официальный сайт Центрального банка Азербайджана [Электронный ресурс]. — URL: <http://en.cbar.az/lpages/international-relations/cooperation-with-international-organizations/> (дата обращения 30.03.2018).

12. Азербайджан на международной арене [Электронный ресурс] // Управление делами Президента Азербайджанской Республики. Президентская библиотека. — URL: http://files.preslib.az/projects/republic/ru/azr2_4.pdf (дата обращения 30.03.2018).
13. Шевчук, В. А. Международные финансовые институты. Политика в секторе экономической инфраструктуры / В. А. Шевчук. — М., 2004.
14. Положение Управления международных отношений № 0817040100271700 от 3 апреля 2008 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://vn.taxes.gov.az/rus/haqqinda/esasname/beynelxalq.pdf> (дата обращения 30.03.2018).
15. The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stat.gov.az/?lang=en> (дата обращения 30.03.2018).
16. World Bank Activities in Azerbaijan // The World Bank Organization. — Washington, 1998.
17. Institutional Building in Azerbaijan // News Release (Washington). — 1995. — no. 96/002ECA.
18. Dünya Bankı nəşrləri, Dünya Bankının Orta Asiya və Azərbaycanadakı fəaliyyətləri // Azərbaycan. — Washington, 1995, Oktyabr.
19. European Bank for Reconstruction and Development. Transition Report. — London : EBRD, 2001.
20. World Bank activities in Azerbaijan // News Release. — Washington, 2004.

Сведения об авторах

Акбулаев Нурходжа Назирходжаевич — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономики и административного управления Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), Баку, Азербайджан. nurhoca@gmail.com

Ахмадов Туран Алекбер — преподаватель кафедры экономики и административного управления Азербайджанского государственного экономического университета (UNEC), Баку, Азербайджан. ahmedovturan@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 74—79.

RELATIONS OF THE AZERBAIJAN REPUBLIC WITH INTERNATIONAL FINANCIAL INSTITUTIONS

N.N. Akbulaev

Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Baku, Azerbaijan, nurhoca@gmail.com

T.A. Akhmadov

Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Baku, Azerbaijan, ahmedovturan@gmail.com

International financial institutions play an important role in the global economy. After independence, Azerbaijan attaches great importance to cooperation with international financial institutions. As a result of mutual cooperation Azerbaijan has shown great achievements in the dynamic development of the economy. Since the purpose of the international financial institutions is an exchange of information on all kinds of problems between the two countries and, thus, maintaining the balance of the world order. The article presents the results of the analysis of the interaction of international financial organizations and financial institutions of Azerbaijan are carried out. A historical evaluation of this interaction is given. The necessity of such relations between the financial bodies of Azerbaijan and the world financial institutions is assessed.

Keywords: *international credit, International Monetary Fund, European Bank for Reconstruction and Development, World Bank.*

References

1. Amirbekov F.F. *Opredeleniye tipa ekonomiki Azerbaydzhana* [Determination of the type of Azerbaijan economy]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-tipa-ekonomiki-azerbaydzhana>, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
2. Gadzhiev Sh.G. *Azerbaydzhan na puti k mirovomu soobshchestvu: strategiya vneshneekonomicheskogo razvitiya* [Azerbaijan on the way to the world community: the strategy of foreign economic development]. Kiev, Ekspres-ob'yava Publ., 2000. (In Russ.).
3. Gerchikova I.G. *Mezhdunarodnye ekonomicheskiye organizatsii* [International economic organizations]. Moscow, Konsaltbankir Publ., 2001. (In Russ.).
4. Guliyev M.Ye. *Aktual'nye voprosy diversifitsirovannoy politiki i ustoychivosti ekonomiki Azerbaydzhana* [Topical issues of the diversified policy and sustainability of the Azerbaijan economy]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-diversifitsirovannoy-politiki-i-ustoychivosti-ekonomiki-azerbaydzhana>, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
5. Krasavina L.N. *Mezhdunarodnye valyutno-kreditnye i finansovye otnosheniya* [International Monetary and Financial Relationships]. Moscow, 1994. 592 p. (In Russ.).
6. Krasavina L.N. *Mezhdunarodnye valyutno-kreditnye i finansovye otnosheniya* [International Monetary and Financial Relationships]. Moscow, 2005. 576 p. (In Russ.).
7. *Mezhdunarodnye svyazi. Gosudarstvennaya vlast'* [International contacts. Public authority]. Available at: http://azerbaiyan.az/portal/StatePower/Ministers/ministersCabinet_r.html?ministersCabinet_09, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
8. Smyslov D.V. *Mezhdunarodnyy valyutnyy fond na rubezhe stoletiy: rossiyskiy aspekt* [International Monetary Fund at the turn of the century: the Russian aspect]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit], 1999, no. 12, pp. 54—67. (In Russ.).
9. Kontseptsiya *Razvitiya "Azerbaydzhan-2020: Vzglyad v budushcheye". Proyekt* [Development concept "Azerbaijan-2020: looking to the future". Project]. Available at: https://www.president.az/files/future_ru.pdf, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
10. Kruglov V.V. *Osnovy mezhdunarodnykh valyutno-finansovykh i kreditnykh otnosheniy* [Fundamentals of international monetary, financial and credit relations]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000. (In Russ.).
11. *Ofitsial'nyy sayt Tsentral'nogo banka Azerbaydzhana* [Official website of Azerbaijan Central Bank]. Available at: <http://en.cbar.az/lpages/international-relations/cooperation-with-international-organizations/>, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
12. *Azerbaydzhan na mezhdunarodnoy arene* [Azerbaijan in the international arena]. *Upravleniye delami Prezidenta Azerbaydzhanskoy Respubliki. Prezidentskaya Biblioteka* [Management of Affairs of the President of the Azerbaijan Republic. Presidential Library]. Available at: http://files.preslib.az/projects/republic/ru/azr2_4.pdf, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
13. Shevchuk V.A. *Mezhdunarodnyye finansovyye instituty* [International financing institutions]. *Politika v sektore ekonomicheskoy infrastruktury* [Policy in the Economic Infrastructure Sector]. Moscow, 2004. (In Russ.).
14. *Polozheniye Upravleniya mezhdunarodnykh otnosheniy № 0817040100271700 ot 3 aprelya 2008 g.* [Regulations of the international relations Department no. 0817040100271700 of April 3, 2008]. Available at: <http://vn.taxes.gov.az/rus/haqqinda/esasname/beynelxalq.pdf>, accessed 30.03.2018. (In Russ.).
15. *The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan*. Available at: <https://www.stat.gov.az/?lang=en>, accessed 30.03.2018.
16. World Bank Activities in Azerbaijan. *The World Bank Organization*. Washington, 1998.
17. Institutional Building in Azerbaijan. *News Release (Washington)*, 1995, no. 96/002ECA.
18. Dünya Bankı nəşrləri, Dünya Bankının Orta Asiya və Azərbaycanadakı fəaliyyətləri [World Bank, world Bank publications, in Central Asia and Azerbaijan, activities]. *Azərbaycan* [Azerbaijan]. Washington, 1995, October. (In Azerbaijani).
19. *European Bank for Reconstruction and Development. Transition Report*. London, EBRD Publ., 2001.
20. World Bank activities in Azerbaijan. *News Release*. Washington, 2004.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИЕЙ

Е. Н. Салимоненко

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Развитие международной торговли электроэнергией — один из самых важных факторов и одно из наиболее значимых слагаемых рыночной реформы в области энергетики. Исследование становления концепций по оценке стоимости киловатт-часа электроэнергии в зависимости от технологических укладов дает возможность сделать вывод о взаимосвязи научно-академических разработок и практической потребности принимать решения по разным аспектам развития рынков электроэнергии и отдельных объектов генерации на нем. Развитие тех или иных теоретических подходов очень значимо для понимания как самих подходов, так и возможностей для их адекватного применения при становлении общего электроэнергетического рынка ЕАЭС. Грамотное ценообразование на рынке электроэнергии предоставит возможность более плодотворно применять энергетический потенциал союза, поддержав стабильность энергетического сектора и его инфраструктуры, послужит гарантией устойчивого развития экономики и энергобезопасности стран ЕАЭС.

Ключевые слова: *ценообразование, тариф, электроэнергия, экспорт, импорт, международная торговля электроэнергией.*

Преобразования, которые уже свершились и проведение которых еще предстоит электроэнергетике России, определяют кардинальные изменения системы функционирования отрасли, включая реформирование системы ценообразования. При становлении рыночного ценообразования в отрасли задачи установления цен на электроэнергию для энергокомпаний оказываются одними из самых важных, поскольку предопределяют результаты их функционирования на рынке, и непростых, так как нуждаются в совершенствовании методологий ценообразования. В электроэнергетике принципы и механизмы формирования государственной тарифной политики нуждаются в постоянном совершенствовании из-за появления и развития частного сектора. Этот вопрос осложнен тем, что электроэнергетика служит важнейшей инфраструктурной отраслью и несет ощутимую социальную нагрузку. Требуется развитие принципиально новых положений государственной тарифной политики и реформирование системы регулирования тарифов. Таким образом, в современных рыночных условиях и при становлении Общего рынка электроэнергии ЕАЭС анализ методической основы утверждения решений о ценах и вопросы генерирования стратегии ценообразования электроэнергетических комплексов достигают чрезвычайной актуальности как в области исследования при-

меняемых методик, так и в области разработки новых, отвечающих современным условиям и требованиям. Цель статьи — анализ теоретических основ определения цены на электроэнергию при осуществлении международной торговли.

Вопросы государственного регулирования тарифов в различных секторах экономики изучались многими учеными, в том числе И. К. Салимжановым [1], Н. Б. Бодиныным [2], В. Е. Новиковым [3] и др. Возможности оценки эффективности системы тарифного регулирования в электроэнергетике, в том числе на уровне региона, рассмотрены в работах Л. Ю. Богачковой и М. О. Налбандян [4; 5], Л. В. Чайки [6] и др. Актуальные проблемы ценообразования в электроэнергетике затрагивались Д. А. Фурсовым [7], А. В. Изотовой [8], Г. П. Кутовой [9] и др. Международная торговля электроэнергией изучалась Г. С. Гусейновым [10], В. Е. Байдиным [11], А. А. Курбаналиевым [13], А. А. Гибадуллиным [14] и др. Следует отметить, что положения торговли непосредственно энергоресурсами представляют собой малоосвещенный предмет обсуждения, а раскрытию природы механизмов ценообразования на электроэнергию посвящено небольшое число исследований, в частности в отечественной литературе.

Генерация электроэнергии началась в конце 1870-х гг. благодаря баварскому инженеру З. Шукерту, возведшему в городе Этталь первую элек-

тростанцию [9]. Сегодня электроэнергия в мире производится разнообразными способами [6]. В табл. 1 представлены рейтинги стран по производству, уровню потребления, экспорту и импорту электроэнергии. Фаворитами по производству электрической энергии являются Китай, США и Россия. Показатель уровня потребления электроэнергии рассчитывается по методике Международного энергетического агентства, основанной на данных национальной статистики и международных организаций. Используется для построения сравнительных рейтингов, отражающих степень социально-экономического развития в различных странах. Фаворитами по потреблению электрической энергии также являются Китай, США и Россия. В рейтингах стран мира по экспорту и импорту электроэнергии Россия занимает 24-е и 23-е места соответственно. Анализ объемов экспорта и импорта электроэнергии, представленный в табл. 1, позволяет сделать вывод о том, что Россия генерирует электроэнергии больше, чем потребляет. Поэтому у России есть возможность осуществлять экспорт электроэнергии. При выявлении возможных рынков сбыта электроэнергии следует подчеркнуть, что выигрышное географическое положение нашей страны позволяет рассматривать возможность экспорта электроэнергии почти во всех направлениях. Но для этого необходимо установить адекватный уровень цены на поставляемую электроэнергию. Для формирования цены на электроэнергию использовались разные методики, проследим эволюцию механизмов формирования цены на электроэнергию.

В начале XX в. ученые в области электроэнергетической отрасли активно интересуются подходами к оценке стоимости электроэнергии [4]. Эволюция методологий оценки стоимости электроэнергии происходила в ответ на требования времени и тесно связана с развитием технологических укладов, глобальных и региональных электроэнергетических рынков, с одной стороны, а с другой — экономической теории и математического аппарата [5]. На рис. 1 отображены периодизация развития и основные черты методологических подходов к оценке стоимости электроэнергии в зависимости от наступления того или иного технологического уклада в соответствии с теорией Й. Шумпетера.

Первый этап формирования оценки стоимости электроэнергии (до 1950 г.) пришелся на конец третьего — начало четвертого технологи-

ческого уклада. Электрификация постепенно распространялась по всему миру. В связи с этим в 1920 г. комиссией ГОЭЛРО был подготовлен Государственный план электрификации России. Это был первый масштабный план экономического развития с упором на электроэнергетику. Постановление являлось стержнем перекрестного субсидирования в электроэнергетике России, которое не упразднено по сей день [8].

В 1950—1980 гг. возрастает спрос на энергию и электроэнергию за счет проникновения последней в новые области и регионы из-за общего роста уровня жизни [10]. Происходит технологическое развитие, нефтяные шоки 1970-х гг. вносят свои коррективы в преобразование национальных электроэнергетик, развивается охрана окружающей среды. Вводится показатель LRMC, который оценивается не с учетом исторически понесенных расходов на генерацию электроэнергии, а с учетом предельных издержек, возникающих в связи с повышением спроса на электроэнергию, учитывая прогноз спроса [12]. В пределах данной концепции подтверждается необходимость и рекомендуется способ определения различной тарификации базовой и пиковой нагрузок.

Во всем мире с 1970-х гг. отмечался тренд на рост стоимости строительства в первую очередь угольных и атомных электростанций. Обозначились предпосылки для активизации «угольных» и «атомных» лобби к формированию аргументов по приобретению послаблений от правительства при осуществлении большого объема вложений в генерацию ТЭС и АЭС [3]. Такой конъюнктурной мотивацией был дан мощный импульс для новых научных исследований стоимости электроэнергии при сопоставлении различных энергетических технологий. На третьем этапе (1980—2005), который стал развиваться в первую половину пятого технологического уклада, начинается дерегулирование электроэнергетики США, Европы, России [1]. В этот период продолжается конкретизация концепции краткосрочной маржинальной стоимости электроэнергии (SRMC). Осуществляется становление так называемой методики анализа «полной стоимости жизненного цикла» (TLCC). Полная стоимость жизненного цикла приравнивается к фактически понесенным расходам собственником объекта. Недостатком данной методики признается невозможность детально рассмотреть альтернативные проекты с точки зрения возврата инвестиций и прибыли.

Таблица 1

Рейтинги стран по производству, уровню потребления, экспорту и импорту электроэнергии

№ в рейтинге	Страна	Производство электроэнергии, ГВт·ч	Страна	Потребление электроэнергии, ГВт·ч	Страна	Экспорт электроэнергии, ГВт·ч	Страна	Импорт электроэнергии, ГВт·ч
1	Китай	5 650 000	Китай	5 523 000	Германия	71 430	США	63 610
2	США	4 048 000	США	3 832 000	Франция	60 150	Италия	44 330
3	Россия	1 064 000	Россия	1 065 000	Канада	58 400	Бразилия	40 330
4	Индия	1 052 000	Япония	921 000	Парагвай	47 370	Германия	39 160
5	Япония	966 400	Индия	864 700	Швейцария	32 270	Нидерланды	33 250
6	Канада	616 200	Германия	540 100	Чехия	27 460	Швейцария	29 870
7	Германия	585 200	Канада	511 000	Швеция	22 680	Австрия	29 370
8	Франция	568 000	Бразилия	483 500	Норвегия	21 900	Великобритания	20 500
9	Бразилия	537 600	Республика Корея	482 400	Австрия	19 310	Венгрия	18 150
10	Республика Корея	522 000	Франция	451 100	Китай	18 160	Финляндия	17 590
11	Великобритания	335 000	Великобритания	319 100	Испания	16 940	Бельгия	17 240
12	Италия	281 000	Италия	303 100	Нидерланды	15 020	Словакия	12 960
13	Испания	280 000	Тайвань	249 500	Болгария	14 700	Канада	12 800
14	Мексика	278 700	Испания	243 100	ЮАР	13 930	Швеция	12 670
15	Тайвань	258 000	Мексика	234 000	Польша	12 320	Таиланд	12 570
16	Саудовская Аравия	255 400	Саудовская Аравия	231 600	Узбекистан	12 270	Узбекистан	12 180
17	Иран	239 200	Австралия	222 600	Словакия	11 860	Франция	11 690
18	ЮАР	239 000	ЮАР	211 600	США	11 280	Дания	11 460
19	Австралия	235 200	Турция	197 000	Иран	11 030	Гонконг	10 710
20	Турция	228 300	Иран	195 300	Дания	10 380	Чехия	10 570
21	Украина	187 100	Индонезия	167 500	Мозамбик	9 791	Испания	10 200
22	Индонезия	185 300	Украина	159 800	Словения	8 684	ЮАР	9 428
23	Швеция	161 000	Таиланд	155 900	Румыния	8 200	Россия	8 870
24	Таиланд	156 400	Польша	139 000	Россия	8 120	Мозамбик	8 304
25	Египет	155 300	Египет	135 600	Бельгия	7 603	Ирак	8 201
26	Польша	152 700	Швеция	130 500	Эстония	6 484	Аргентина	8 116
27	Норвегия	142 000	Норвегия	126 400	Украина	6 000	Португалия	8 100
28	Аргентина	127 900	Малайзия	118 500	Венгрия	5 378	Литва	8 073
29	Малайзия	126 800	Аргентина	117 100	Португалия	5 324	Польша	7 800
30	Венесуэла	123 000	Нидерланды	116 800	Бутан	5 147	Словения	7 522

Примечание: рейтинги составлены на основе данных Евростата, Международного энергетического агентства, cia.gov.

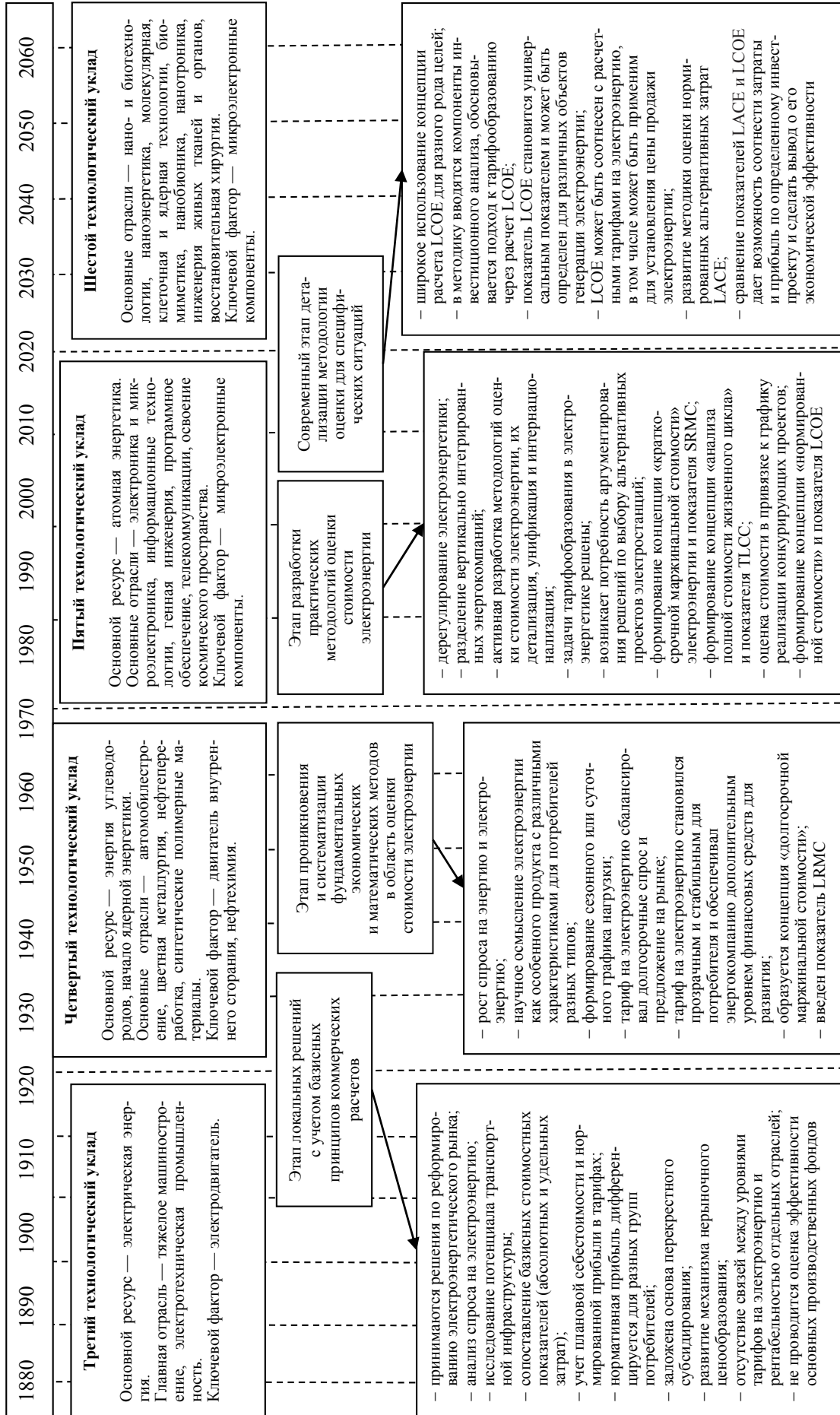

Рис. 1. Развитие методологических подходов к оценке стоимости электроэнергии в зависимости от технологических укладов, по теории Й. Шумпетера

На третьем этапе в России наблюдались преобразования в сфере подходов к оценке стоимости электроэнергии в силу всем известных политических и экономических преобразований в стране. По сей день в России решения в сфере ценообразования на электроэнергию принимаются в значительной степени под влиянием со стороны правительства, а преобразование и адаптация методов ценообразования продолжают [7].

На текущем этапе детализации методологии оценки для специфических ситуаций (с 2005 г. по настоящее время) отмечается широкое использование методологии расчета LCOE для разнообразных целей. Гибкость данного подхода послужила основанием для его повсеместного распространения и активного использования в течение уже более 20 лет.

Ключевой смысл методики LCOE отмечается при выходе российских компаний на зарубежные рынки, где клиенты стремятся собрать транспарентную аргументацию о конкурентоспособности какой-либо генерирующей технологии в течение всего периода ее эксплуатации [9]. Метод LCOE в России используется в первую очередь при сооружении электростанций в условиях работы с зарубежными инвесторами. Для того чтобы оценить инвестиционную привлекательность проекта, величина показателя LCOE самостоятельно использована быть не может, а должна быть сопоставлена с референсными величинами.

Исследование становления концепций по оценке стоимости киловатт-часа дает возможность сделать вывод о взаимосвязи научно-академических разработок и практической потребности принимать решения по разным аспектам развития рынков электроэнергии и отдельных объ-

ектов генерации на нем. Развитие тех или иных теоретических подходов очень значимо для понимания как самих подходов, так и возможностей их адекватного применения на текущем этапе.

Приведем и проанализируем динамику цен на электрическую энергию в РФ и в некоторых странах мира. Дадим сравнительный анализ динамики цен на электроэнергию для разных групп потребителей в России и за рубежом. Средние цены на электроэнергию для разных групп потребителей России в 2015—2016 гг. представлены на рис. 2.

Мы видим, что в 2016 г. по сравнению с 2015 г. цены на электроэнергию для всех групп потребителей, кроме промышленных предприятий, растут. Электроэнергия в России приблизительно на четверть дороже, чем в среднем в Европе, и стоит почти столько же, сколько в Италии. Рейтинги стран по цене на электроэнергию в 2016 г. для внутренних потребителей, цене на электроэнергию для промышленных потребителей, цене на электроэнергию для домохозяйств представлены наглядно на рис. 3. Россия в рейтинге по цене на электроэнергию для внутренних потребителей занимает 3-е место после Германии и Италии. В рейтинге цен на электроэнергию для промышленных потребителей Россия тоже занимает 3-е место, лидером является Великобритания. Цена на электроэнергию для домохозяйств России находится на 5-м месте в мире. Расчет стоимости электроэнергии для стран — контрагентов Российской Федерации, по данным ФТС России, за период с 2004 по 2016 г. представлен в табл. 2. Удивительно, но стоимость электроэнергии для резидентов РФ больше, чем стоимость электроэнергии для нерезидентов.

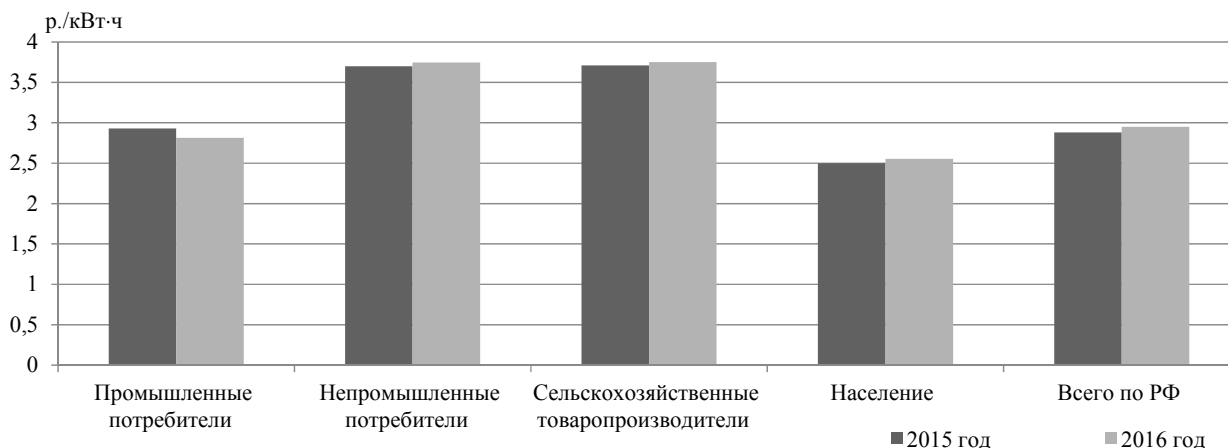

Рис. 2. Средние цены на электроэнергию для разных групп потребителей в России в 2015—2016 гг.

(Примечание. Составлено на основе данных ФТС России (www.customs.ru). Информация по населению представлена с НДС, для остальных категорий — без НДС.)

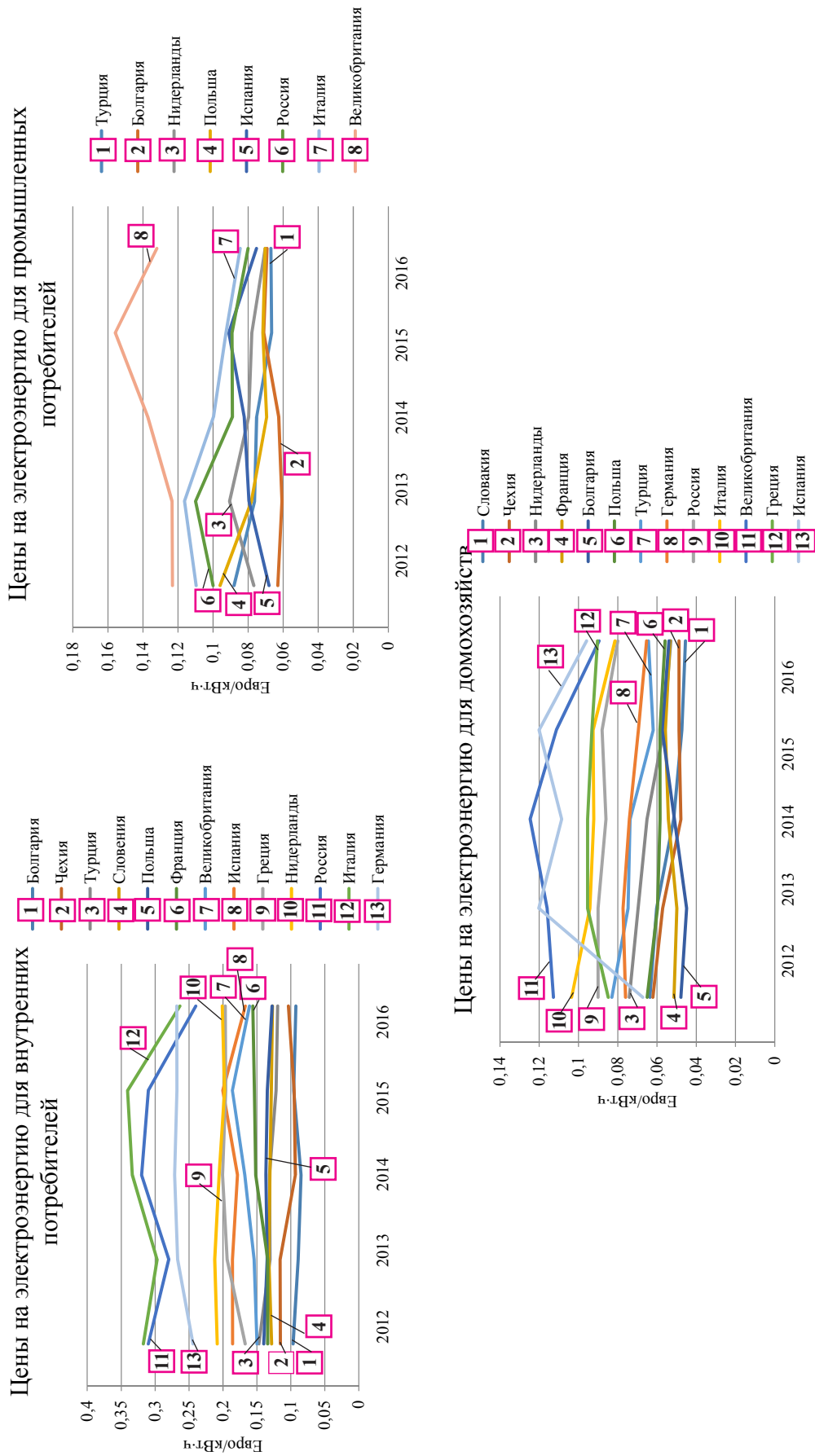

Рис. 3. Рейтинг стран по стоимости электроэнергии для разных групп потребителей (Примечание: рассчитано на основе данных Евростата.)

Таблица 2

Стоимость электроэнергии для стран — контрагентов Российской Федерации, \$/1000 кВт · ч

№	Страна-контрагент	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	Азербайджан	0,020	0,027	0,027	0,036	0,042	0,036	0,049	0,053	0,056	0,055	0,055	0,055	0,049
2	Беларусь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,059	0,055	0,044	0,043
3	Грузия	0,023	0,026	0,027	0,031	0,042	0,041	0,060	0,058	0,062	0,062	0,065	0,060	0,042
4	Казахстан	0,022	0,021	0,026	0,033	0,046	0,048	0,045	–	–	0,054	0,051	0,041	0,035
5	Китай	0,019	0,020	0,021	0,026	–	0,039	0,042	0,042	0,049	0,051	0,052	0,051	0,047
6	Латвия	0,026	0,026	0,033	0,041	0,062	0,058	0,065	–	–	–	–	–	–
7	Литва	0,024	0,022	0,026	0,034	0,050	0,044	0,046	0,055	0,053	0,055	0,053	0,041	0,038
8	Республика Молдова	0,022	0,024	0,024	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
9	Монголия	0,032	0,032	0,032	0,033	0,040	0,040	0,057	0,063	0,066	0,072	0,073	0,062	0,072
10	Норвегия	0,035	0,028	0,040	0,033	0,054	0,039	0,048	0,047	0,032	0,043	0,036	0,025	0,026
11	Грузия (вне СНГ)	–	–	–	–	–	0,056	–	–	–	–	–	–	–
12	Украина	0,028	0,045	–	0,038	0,057	0,048	0,038	0,049	0,075	0,107	0,072	0,040	0,055
13	Финляндия	0,027	0,035	0,413	0,034	0,055	0,043	0,059	0,064	0,048	0,048	0,038	0,027	0,027
14	Южная Осетия	–	–	–	–	–	0,023	0,023	0,029	0,042	0,062	0,048	0,026	0,026
	Всего	0,025	0,031	0,036	0,034	0,053	0,044	0,054	0,059	–	0,054	0,050	0,041	0,037
	Страны дальнего зарубежья	0,027	0,033	0,038	0,035	0,055	0,044	0,054	0,059	0,051	0,052	0,049	0,040	0,036
	Страны СНГ	0,022	0,024	0,026	0,033	0,048	0,046	0,044	0,052	–	0,058	0,054	0,042	0,041

Примечание: рассчитано на основе данных ФТС России (www.customs.ru).

Объединение стран с протяженными общими границами, взаимодополняющими экономическими интересами является перспективным и взаимовыгодным направлением. Страны — участницы Таможенного союза намерены создать Общий рынок электрической энергии Евразийского экономического союза [14]. Проанализируем основные показатели электроэнергетических отраслей стран — участниц союза для выявления эффективности формирования и развития Общего рынка электрической энергии Евразийского экономического союза. Рынок электроэнергии организуется на базе обеспечения требующихся межгосударственных перетоков энергии, следовательно, необходимо рассмотреть показатели электроэнергетических отраслей государств — членов ЕАЭС, такие как установленная мощность, потребление, производство, импорт, экспорт, которые представлены в табл. 3.

Из приведенных в табл. 3 данных видно, что внутренний экспорт и импорт электрической энергии от потребляемой электрической энергии странами ЕАЭС составляет приблизительно 0,5 %. Теперь проанализируем электроэнергетические системы государств — участников ЕАЭС и выявим их технологические особенности. В частности, Россия обладает шестью объединенными энергетическими системами (ОЭС), которые действуют параллельно: ОЭС Центра, Юга, Средней Волги, Северо-Запада, Сибири и Урала. ОЭС Востока, Камчатский край, Сахалинская область, Магаданская область, Чукотский АО и часть Республики Саха (Якутия) не объединены с общей энергетической системой и работают изолированно от ОЭС России [13].

Электроэнергетическая система Республики Казахстан разбита на три части: Северная, Западная и Южная. Следует учесть, что Северная и Западная части не объединены между собой электрической сетью, поэтому Западная зона энергодефицитная. Энергетическая система

Республики Беларусь со Смоленской АЭС импортирует электрическую энергию, хотя в 2018 г. будет построена Белорусская АЭС, которая в полной мере удовлетворит местных потребителей в электрической энергии [12]. Республика Кыргызстан нуждается в импортной энергии, однако этот показатель незначителен.

Далее рассмотрим объединение стран Евразийского экономического союза общими линиями электропередачи. От Смоленской АЭС в Республику Беларусь идут всего две линии электропередачи. Территория России и Республики Казахстан связана несколькими линиями электропередачи, за счет которых Западная энергетическая система принимает электрическую энергию от Российской Федерации. Россия не объединена общими линиями электропередачи с Республикой Кыргызстан и Республикой Армения. В свою очередь Республика Беларусь объединена только со Смоленской АЭС. При этом ни с одной из других стран ЕАЭС она не имеет общей электроэнергетической сети [11].

Республика Казахстан, с одной стороны, объединена общими линиями электропередачи с Российской Федерацией и четырьмя ЛЭП с Республикой Кыргызстан, при этом Кыргызстан больше не объединен ни с одной страной ЕАЭС линиями электропередачи.

Особое внимание стоит уделить электроэнергетической системе Республики Армения, которая не принимает участия во внутреннем экспорте и импорте энергии. Это связано с тем, что она не граничит ни с одним государством Евразийского экономического союза.

Анализ всего вышеперечисленного показал, что переток электрической энергии составляет приблизительно 6,31 млрд кВт·ч, или 0,5 % всей потребляемой электрической энергии странами — участницами Евразийского экономического союза. К 2018 г. после ввода в эксплуатацию Белорусской АЭС показатели перетоков

Таблица 3

Показатели электроэнергетических отраслей государств — членов ЕАЭС

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Установленная мощность, ГВт	3,21	9,72	21,33	3,62	243,21
Потребление, млрд кВт·ч	6,62	36,61	90,81	13,33	1036,41
Производство, млрд кВт·ч	7,74	34,03	90,82	12,71	1049,91
Импорт внутренний, млрд кВт·ч	0,00	2,82	1,83	0,62	1,14
Экспорт внутренний млрд кВт·ч	0,00	0,00	1,73	0,22	4,42
Линии электропередачи (220 кВ и выше), км	1440	7000	24500	2300	130000

Примечание: данные за 2015 г., так как решение о становлении ОЭР ЕЭС было принято в 2015 г.

электрической энергии среди стран ЕАЭС могут сократиться почти вдвое и составить 3,5 млрд кВт·ч. Межгосударственному перетоку электрической энергии создают препятствие технические возможности энергосистем, так как у большинства стран ЕАЭС нет общих линий электропередачи. Становление общего электроэнергетического рынка ЕАЭС предоставит возможность более плодотворно применять энергетический потенциал союза, поддерживая стабильность энергетического сектора и его инфраструктуры, послужит гарантией устойчивого развития экономики и энергобезопасности стран ЕАЭС.

Преобразования, которые уже свершились и проведение которых еще предстоит электроэнергетике России, определяют кардинальные изменения системы функционирования отрасли, включая реформирование системы ценообразования. Проанализировав объемы производства, потребления, экспорта и импорта электроэнергии можно сделать вывод о том, что Россия генерирует электроэнергии больше, чем потребляет. Поэтому у России есть возможность осуществлять экспорт электроэнергии почти во всех направлениях.

Но для этого необходимо установить адекватный уровень цены на поставляемую электроэнергию. Анализ эволюции концепций по оценке стоимости киловатт-часа электроэнергии предоставляет возможность сделать вывод о необходимости принятия решений по разным аспектам развития рынков электроэнергии и отдельных объектов генерации на нем. Электроэнергия в России практически на четверть дороже, чем в Европе, и стоит практически столько же, сколько в самой дорогой по этому показателю, развитой стране ЕС — Италии. Из-за больших территорий, удаленности некоторых субъектов стоимость электроэнергии для жителей России больше, чем стоимость экспортируемой электроэнергии. Если произойдет создание общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, то появится возможность более эффективно использовать энергетический потенциал Союза, снизить цену на тарифы для удаленных территорий, повысить устойчивость энергетического сектора и его инфраструктуры к внешним и внутренним воздействиям, обеспечить энергобезопасность стран — членов союза.

Список литературы

1. Салимжанов, И. К. Ценовая политика организации / И. К. Салимжанов // Финансы. — 2006. — № 8. — С. 55—58.
2. Бодин, Н. Б. Система государственных контрактов как форма ценового регулирования рынка / Н. Б. Бодин, О. В. Португалова // Менеджмент и бизнес-администрирование. — 2015. — № 2. — С. 59—64.
3. Новиков, В. Е. Теоретические аспекты тарифного регулирования в таможенном союзе ЕВРАЗЭС / В. Е. Новиков // Тамож. дело. — 2009. — № 3. — С. 38—40.
4. Богачкова, Л. Ю. Совершенствование тарифной политики в российской энергетике / Л. Ю. Богачкова, М. О. Налбандян // Науч.-техн. ведомости СПбПУ. Естеств. и инженер. науки. — 2006. — № 45. — С. 193—199.
5. Богачкова, Л. Ю. Государственное регулирование цен в современной российской энергетике / Л. Ю. Богачкова, М. О. Налбандян. — Волгоград, 2006. — 104 с.
6. Чайка, Л. В. Финансовое состояние регионального энергоснабжения / Л. В. Чайка // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 3 (45). — С. 98—107.
7. Фурсов, Д. А. Система ценообразования в области регулируемых цен в электроэнергетике / Д. А. Фурсов // Ученые зап. Тамб. отд-ния РoCМУ. — 2015. — № 4. — С. 247—250.
8. Изотова, А. В. О формировании и развитии энергетического законодательства в области регулируемых цен (тарифов) в сфере электроэнергетики / А. В. Изотова // Правовой энергет. форум. — 2014. — № 2. — С. 9—14.
9. Кутовой, Г. П. Становление форм и методов государственного регулирования электроэнергетики в ходе реформ экономических отношений и приватизации / Г. П. Кутовой // Библиотечка электротехника. — 2016. — № 12 (216). — С. 1—132.
10. Гусейнов, Г. С. Особенности ценообразования в электроэнергетической промышленности / Г. С. Гусейнов // Экономика и предпринимательство. — 2013. — № 12-2 (41-2). — С. 513—517.
11. Байдин, В. Е. Международная торговля электроэнергией / В. Е. Байдин // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2009. — № 3. — С. 29—33.

12. Салимоненко, Е. Н. Современные механизмы международной торговли электроэнергией / Е. Н. Салимоненко // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 5 (401). — С. 33—41.

13. Курбаналиев, А. А. Разработка моделей трансграничной торговли электрической мощностью между рынками электроэнергии с различной архитектурой / А. А. Курбаналиев // Экономика и предпринимательство. — 2016. — № 1-2 (66-2). — С. 115—123.

14. Гибадуллин, А. А. Проблемы становления электроэнергетической системы Евразийского экономического союза / А. А. Гибадуллин, С. И. Борталевич, Е. В. Каленская // Отходы и ресурсы. — 2016. — Т. 3, № 4.

15. Степанов, Е. А. Эволюция подходов к исследованию факторов внешней торговли / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2015. — № 18 (373). — С. 53—64.

Сведения об авторе

Салимоненко Екатерина Николаевна — старший преподаватель кафедры таможенного дела Высшей школы экономики и управления Южно-Уральского государственного университета (НИУ), Челябинск, Россия. salimonenkoen@susu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 80—90.*

PRICING IN INTERNATIONAL TRADE ELECTRICITY

Ye.N. Salimonenko

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. salimonenkoen@susu.ru

The development of international electricity trade is one of the most important factors and components of market reform in the energy sector. The study of the formation of concepts to assess the cost of a kilowatt-hour of electricity depending on the technological modes makes it possible to draw a conclusion about the relationship between scientific and academic developments and the practical need to make decisions on different aspects of the development of electricity markets and individual generation facilities on it. The development of certain theoretical approaches is very important for understanding both the approaches and the possibilities for their adequate application in the formation of the common electric power market of the Eurasian economic Union. Competent pricing in the electricity market will provide an opportunity to more effectively use the energy potential of the Union, maintaining the stability of the energy sector and its infrastructure, will serve as a guarantee of sustainable development of economies and energy security of the countries Eurasian economic Union.

Keywords: *pricing, tariff, electricity, export, import, international trade of electricity.*

References

1. Salimzhanov I.K. Tsenovaya politika organizatsii [Pricing policy of the organization]. *Finansy* [Finance], 2006, no. 8, pp. 55—58. (In Russ.).

2. Bodin N.B., Portugalova O.V. Sistema gosudarstvennykh kontraktov kak forma tsenovogo regulirovaniya rynka [System of government contracts as a form of price regulation of the market]. *Menedzhment i biznes-administrirvaniye* [Management and business administration], 2015, no. 2, pp. 59—64. (In Russ.).

3. Novikov V.Ye. Teoreticheskiye aspekty tarifnogo regulirovaniya v tamozhennom soyuze EVRAZES [Theoretical aspects of tariff regulation in the EurAsEC Customs Union]. *Tamozhennoye delo* [Customs], 2009, no. 3, pp. 38—40. (In Russ.).

4. Bogachkova L.Y., Nalbandyan M.O. Sovershenstvovaniye tarifnoy politiki v rossiyskoy energetike [Improving tariff policy in the Russian energy sector]. *Nauchno-tekhnicheskyye vedomosti SPbPU. Yestestvennyye i inzhenernyye nauki* [Scientific-Technical Bulletin of SPbSPU. Natural and Engineering Sciences], 2006, no. 45, pp. 193—199. (In Russ.).

5. Bogachkova L.Y., Nalbandyan M.O. Gosudarstvennoye regulirovaniye tsen v sovremennoy rossiyskoy energetike [The State regulation of prices in the modern Russian energy]. Volgograd, 2006. 104 p. (In Russ.).

6. Chayka L.V. Finansovoye sostoyaniye regional'nogo energosnabzheniya [Financial condition of the regional energy supply]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2016, no. 3 (45), pp. 98—107. (In Russ.).
7. Fursov D.A. Sistema tsenoobrazovaniya v oblasti reguliruyemykh tsen v elektroenergetike [The pricing System in the field of regulated prices in the power industry]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU* [Scientific notes of the Tambov branch of Russian Union of Young Scientists], 2015, no. 4, pp. 247—250. (In Russ.).
8. Izotova A.V. O formirovani i razvitii energeticheskogo zakonodatel'stva v oblasti reguliruyemykh tsen (tarifov) v sfere elektroenergetiki [On the formation and development of energy legislation in the area of regulated prices (tariffs) in the electricity sector]. *Pravovoy energeticheskiy forum* [Legal Energy Forum], 2014, no. 2, pp. 9—14. (In Russ.).
9. Kutovoy G.P. Stanovleniye form i metodov gosudarstvennogo regulirovaniya elektroenergetiki v khode reform ekonomicheskikh otnosheniy i privatizatsii [Development of forms and methods of state regulation of the electricity sector in reforms of economic relations and privatization]. *Bibliotekha elektrotekhnika* [Small Library for Electrical Engineer], 2016, no. 12 (216), pp. 1—132. (In Russ.).
10. Guseynov G.S. Osobennosti tsenoobrazovaniya v elektroenergeticheskoy promyshlennosti [Peculiarities of pricing in electric power industry]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2013, no. 12—2 (41—2), pp. 513—517. (In Russ.).
11. Baydin V.Ye. Mezhdunarodnaya trgovlya elektroenergiy [International trade in electricity]. *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik* [Russian Foreign Economic Bulletin], 2009, no. 3, pp. 29—33. (In Russ.).
12. Salimonenko Ye.N. Sovremennyye mekhanizmy mezhdunarodnoy trgovli elektroenergiy [Modern mechanisms of international electricity trade]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 5 (401), pp. 33—41. (In Russ.).
13. Kurbanaliev A.A. Razrabotka modeley transgranichnoy trgovli elektricheskoy moshchnost'yu mezhdru rynkami elektroenergii s razlichnoy arkhitekturoy [Development of models of cross-border trade in electric power between the electricity markets with different architectures]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], 2016, no. 1-2 (66-2), pp. 115—123. (In Russ.).
14. Gibadullin A.A. Problemy stanovleniya elektroenergeticheskoy sistemy Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Problems of formation of the electric power system of the Eurasian Economic Union]. *Otkhody i resursy* [Waste Resources], 2016, vol. 3, no. 4. (In Russ.).
15. Stepanov Ye.A. Evolyutsiya podkhodov k issledovaniyu faktorov vneshney trgovli [Evolution of approaches to the study of factors external trade]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2015, no. 18 (373), pp. 53—64. (In Russ.).

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 91—103.

УДК 338.24 ББК 67.99
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10711

ИЕРАРХИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ ЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. Л. Рябков, Н. Н. Яшалова

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Обеспечение экономической безопасности является необходимым условием для всех субъектов экономической деятельности, включая металлургические компании. В статье рассматриваются понятия «экономическая безопасность», «конкурентоспособность», выделяются составляющие конкурентоспособности предприятия. Целью статьи является описание и апробирование иерархической методики оценки конкурентоспособности компании-металлопроизводителя. Методика заключается в многоуровневом рассмотрении экономической ситуации. Для каждого из этапов оценки предлагается использование качественных и количественных методов. Сделан вывод, что оценка конкурентоспособности компании требует детального анализа экономической ситуации с использованием различных групп методов. Проведенное исследование сопровождается прикладным анализом конкурентоспособности одной из ведущих российских компаний-металлопроизводителей — ПАО «Северсталь». При проведении анализа использован широкий круг статистических и аналитических данных за несколько периодов, что позволило увидеть развитие отраслевого положения компании, динамику финансовых результатов. В заключение исследования выделены разноуровневые тренды, влияющие на функционирование компании, ключевые вызовы, источники повышения конкурентоспособности и возможные риски развития.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, металлургия, конкурентоспособность, количественная оценка, качественная оценка.*

В реалиях современной экономической среды обеспечение эффективного функционирования субъектов народного хозяйства зависит не только от возможности эффективного реагирования на внешние и внутренние вызовы, но и от формирования обоснованной комплексной стратегии развития, учитывающей прогнозы изменений в экономической системе на микро- и макроуровнях.

Вне зависимости от текущего экономического положения (периоды стабильного развития, кризиса) для руководителей предприятий необходимо иметь готовый вариант, «дорожную карту» действий, позволяющую увязать и учесть разнородные факторы в единой стратегии. Решение такой задачи в условиях неопределенности сводится к созданию системы экономической безопасности предприятия. Целью статьи является описание и апробирование иерархической методики оценки конкурентоспособности компании-металлопроизводителя; методика заключается

в многоуровневом рассмотрении экономической ситуации.

Наиболее полное определение экономической безопасности, на наш взгляд, представлено в исследовании Н. С. Безуглой. Автор описывает экономическую безопасность, как экономическое состояние субъекта (предприятия, региона, государства), при котором обеспечиваются его устойчивое развитие, удовлетворение потребностей, высокое качество управления [1].

Не менее содержательное определение представлено в работе Б. П. Рукина и Е. В. Булавиной, а именно: для конкретного хозяйствующего субъекта — предприятия — под экономической безопасностью понимается устойчивость его потенциалов (научно-технического, производственного, кадрового, коммерческого) как к внутренним рискам функционирования самого предприятия, так и к воздействиям внешней среды [2].

Целью создания системы экономической безопасности предприятия становится обеспечение

его эффективного функционирования и устойчивости в ближайшем горизонте и обеспечение потенциала развития в будущем. Исходя из главной цели системы экономической безопасности, возможно выделить несколько «подцелей». В частности, группа ученых под руководством З. М. Магрупповой к таковым относят [3]: применение эффективной финансовой стратегии; создание условий производственной независимости предприятия; выстраивание эффективной организационной и управленческой структур; повышение квалификации персонала всех уровней; обеспечение информационной, правовой, физической безопасности предприятия, его систем, персонала, имущества и интересов.

Вместе с вышеперечисленными подцелями стоит указать категорию «поддержание конкурентоспособности предприятия», которая одновременно объединяет в себе несколько факторов экономической безопасности и взаимно связана с иными (например, с финансовой эффективностью предприятия).

Как отмечает М. С. Кузнецова, вопрос соотношения понятий конкурентоспособности и экономической безопасности сложен. Одна из трактовок экономической безопасности дает ее понятие, как главное базовое условие конкурентоспособности. Другие трактовки позиционируют высокую конкурентоспособность продукции фирмы как один из факторов ее экономической безопасности [4].

Конкурентоспособность предприятия является комплексным понятием, влияющим на большинство сфер деятельности хозяйствующего субъекта — организационную, хозяйственную, производственную — и напрямую зависящим от конкурентоспособности производимого то-

вара. Другими словами, конкурентоспособность предприятия — это способность проводить прибыльную деятельность бизнеса в условиях неопределенности и конкуренции.

Составляющие конкурентоспособности предприятия приведены в табл. 1.

Реализация составляющих, перечисленных в табл. 1, создаст предприятию конкурентные преимущества, расширит рыночный, производственный потенциалы, снизит затраты, увеличит прибыльность товаров. Исследователи В. Н. Самочкин и В. И. Барахов отмечают преимущество составляющих 1—4 над последующими, ввиду того что именно они формируют первичный инвестиционный капитал, необходимый для создания конкурентных преимуществ в будущем [5].

Однако для каждого конкретного предприятия набор составляющих конкурентоспособности и их ранг индивидуальны. Поэтому при оценке факторов, обеспечивающих преимущество, необходимо применять как качественные (учитывающие индивидуальные особенности предприятий), так и количественные (опирающиеся на унифицированные результирующие показатели) методы. Наиболее подробно данные методы представлены в работах Р. А. Фатхутдинова, Е. А. Разумовской, Д. С. Воронова, С. Е. Ерыпалова, Д. Ю. Разумовского.

Среди качественных методов оценки конкурентоспособности наиболее часто применяются [6]: матричные и продуктовые методы (оценка преимуществ производимого продуктового портфеля); методика SWOT-анализа (определение преимуществ и слабых сторон компании, ее возможностей развития и существенных рисков); метод оценки соответствия рыночной ситуации

Таблица 1

Составляющие конкурентоспособности предприятия

Составляющая	Описание
Экономический контакт с потребителями и поставщиками	Взаимовыгодные отношения с контрагентами, оценка и прогнозирование потребительского спроса
Организация производства, удовлетворяющего потребностям	Производство товаров, удовлетворяющих требованиям (технологическим, ценовым, маркетинговым)
Следование эффективной маркетинговой стратегии	Поведение предприятия следует в тренде развития рынка
Снижение затрат производства	Изыскание возможности снижения затрат на сырье, материалы, капитал, кадры
Внедрение инноваций	Создание технологических и маркетинговых преимуществ
Создание преимущества над конкурентами	Выдвижение комплексного предложения товаров, преимущественных по ряду критериев над продуктами-конкурентами
Совершенствование кадрового потенциала	Усиление позиций предприятия на рынке путем развития исполнительского и управленческого персонала

(определение ключевых вызовов в отрасли и степени реагирования на них конкретной компании); индикаторный метод «4Р» (сравнение компаний-конкурентов по факторам: производимый продукт и его рыночные показатели, ценовое положение, характеристика каналов сбыта, развитость маркетинговых инструментов; операционные методы: качественно оценивают результаты компании по определенному набору показателей операционной деятельности).

С помощью группы качественных методов возможно провести анализ и определить текущий уровень конкурентоспособности конкретного предприятия в определенном периоде. Однако при работе с множественной оценкой конкурентоспособности (для нескольких компаний и/или нескольких периодов) этот процесс становится достаточно трудоемким ввиду неполной унификации методики и индивидуальных особенностей оцениваемых объектов.

Количественные методы (в том числе предлагаемый в данной работе динамический метод оценки экономических результатов компаний) позволяют на основе единого подхода и стандартного набора статистических данных в сжатые сроки провести объективный анализ конкурентоспособности предприятий для нескольких периодов [7]. В дальнейшем результаты анализа возможно использовать и для прогнозирования уровня конкурентоспособности компании в будущих периодах.

Но количественные методы также обладают недостатками, например неопределенность при выборе статистических показателей, сложности с подбором весовых коэффициентов (определяющих значимость того или иного показателя), затрудненный поиск обоснования полученного результата без использования дополнительных изысканий. Следует сделать вывод, что при проведении исследования конкурентоспособности необходимо рационально применять методы как качественного, так и количественного анализа.

Целью данной работы является разработка иерархической совокупности качественных и количественных методов, с помощью которой будет продемонстрирована возможность оценки экономической ситуации на различных уровнях (мировом, уровне страны, отрасли, ведущих конкурентов, компании) для всестороннего определения факторов, влияющих на конкурентоспособность экономического субъекта. Объектом исследования была выбрана горно-металлурги-

ческая компания «Северсталь», являющаяся одним из лидеров отрасли металлопроизводства России — на широком фоне ситуации в мировой и российской металлургической отрасли, проводится оценка ее конкурентоспособности по предлагаемой методике.

Мировой финансовый кризис, наступивший в 2008 г., затронул в первую очередь развитые страны, способствовал при этом развитию экономики стран второго и третьего «эшелонов» (в 2009—2012 гг.). Однако начиная с 2014—2015 гг. и эти страны перешли к этапу экономического спада.

Металлургическая отрасль в силу действия традиционных факторов оказалась чувствительной к новой волне кризиса. Избыточные мировые производственные мощности, системно падающее потребление стали, господство китайского рынка металлопроката (как по объемам производства и экспортных продаж, так и по ценовому лидерству), защита внутренних рынков стран-металлопроизводителей с помощью антидемпинговых пошлин — все это на фоне кризиса способствовало глобальному падению спроса и цен. Подобные выводы представлены в работах Д. А. Ляховского, В. М. Тарнавского, Н. М. Кислицина, К. Русева, И. Фетшерина, Дж. Джонсона.

В течение 2015 г. в мировой металлургической отрасли произошла сильнейшая за последние 20 лет рецессия, повлиявшая на большинство участников рынка (рис. 1). По оценкам аналитических агентств, вследствие сокращения спроса (прежде всего в Китае — по причине замедления годового экономического роста до 8 %) мировой уровень выпуска стали снизился почти на 3 %. Лидерами по спаду производства среди крупнейших стран стали (в годовом измерении): Украина (–15,6 %), США (–10,5 %), страны Евросоюза (в среднем –8,3 %). Китай, показавший падение на 2,3 % в силу сосредоточения крупнейших мощностей получил наибольшую абсолютную потерю объема (–50 млн т) [8].

На осень 2015 г. пришелся также пик падения цен на стальной прокат. По законам рынка факторы сокращения спроса, перепроизводства, уменьшения стоимости национальных валют спровоцировали резкий общемировой провал. Если в 2014 г. экспортная цена за тонну горячекатаного проката в Китае составляла 430 долл./т, то в октябре 2015 г. она достигла рекордного минимума — 250 долл./т (рис. 2).

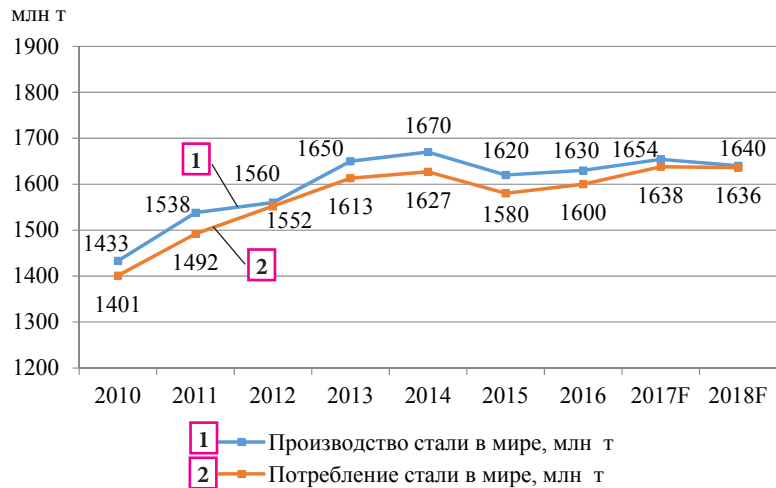

Рис. 1. Мировое производство и потребление стали в 2010—2018 гг.

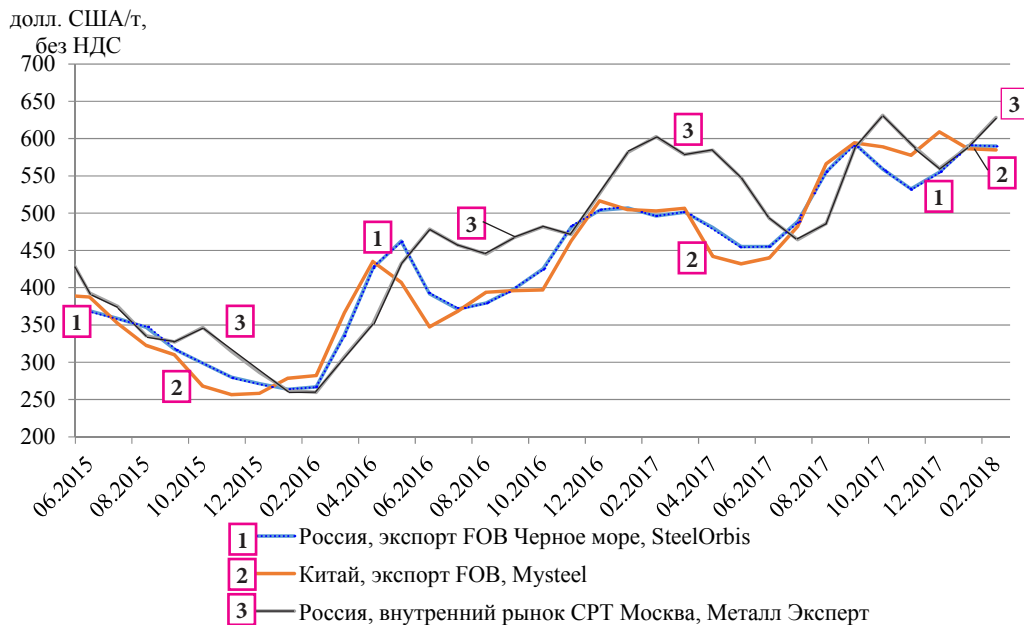

Рис. 2. Динамика цены на горячекатаный прокат (рулон, 2—4 мм) на экспортных рынках Китая и России, на внутреннем рынке России

Дополнительным фактором, усугубившим ситуацию в металлургической отрасли, стали действия сырьевого сегмента. Адаптируясь к новым экономическим реалиям и вследствие стабильно недостаточного финансирования добывающей отрасли угольные и железорудные предприятия для сокращения долгов, компенсации рисков и формирования резервов развития стали проводить политику повышения цен на металлургическое сырье. Это, в свою очередь, также сказалось на рентабельности производителей металлопродукта.

В том же 2015 г. российская металлургическая отрасль продемонстрировала меньшее падение производства и потребления, чем общемировое, — 0,5 % (рис. 3). Однако внутренний

ценовой тренд, хоть и с опозданием, повторил общемировой. Мировая конъюнктура оказала непосредственное влияние на операционные и финансовые результаты российских металлургических компаний, а также на их стоимость и биржевые котировки. Прогноз развития ситуации остался негативным, что подтвердило резкое падение производства российской стали в 1-м квартале 2016 г. (–5,4 % к аналогичному периоду прошлого года) и сокращение прибыли у крупнейших российских предприятий.

Начиная с марта 2016 г., после объявления в Китае о программе масштабных сокращений производственных сталелитейных мощностей (100—150 млн т в год до 2020 г.), произошла коррекция баланса спроса и предложения на сталь.

Рис. 3. Производство и потребление стали в России в 2012—2017 гг.

Фактор повышения экологических требований к индустриальному производству в Китае стал важнейшим для мировой металлургической отрасли в 2016 г., позволив развернуть ценовой тренд в сторону повышения практически на всех рынках, в том числе на российском. В сравнении с началом 2016 г. цены на горячекатаный прокат выросли с 260 до 480 долл./т в июне 2016 г. Это позволило российским металлопроизводителям пересмотреть пессимистичные прогнозы падения потребления на внутреннем рынке, восстановить уровень производства металлопроката и добиться роста прибыли. Но в связи со спекулятивным характером рыночных изменений к августу 2016 г. произошла обратная ценовая коррекция, что нарушило традиционный сезонный цикл. Тенденция «ценовых качелей» на российском рынке, обусловленная упорным следованием за мировым трендом и биржевыми прогнозами (с отставанием 1,5—2 месяца), становится базовым сценарием поведения на рынке.

Начиная с середины второго полугодия 2016 г. наблюдались системные изменения на рынке металлопроката. Конъюнктура стального рынка коренным образом изменилась как в Китае, так и во всем мире. Очередной, еще более ощутимый ценовой подъем сопровождался ростом загрузки мощностей (среднее по миру с 69,4 % на середину 2016 г. до 71,7 % в аналогичный период 2017 г.). К середине 2017 г. Китайская Народная Республика объявила о досрочном выполнении плана по сокращению мелких, неэффективных и избыточных мощностей и дополнительному закрытию мощностей производств низкокачественной стали (119 млн т в год) [9]. Но, как ни парадоксально, объем производства стали в Китае

в первом полугодии 2017 г. только увеличился (+5 % к аналогичному периоду прошлого года). Это стало следствием оживления спроса на внутреннем рынке Китая и наращивания объема производства крупнейшими сталелитейными компаниями. В дальнейшем власти Китая решительно настроены приостановить работу даже современных металлургических производств в крупных городах, а также работу предприятий в смежных отраслях (угольная, горнодобывающая, энергетическая и химическая отрасли).

Из-за рекордно снизившегося в 2017 г. экспорта металлопроката из Китая (на 30,4 %) освободившиеся ниши частично смогли занять металлопроизводители других стран, в первую очередь с наименьшими затратами на производство и ценовым спредом. В течение 2017 г. российский экспорт стальных полуфабрикатов и готового металлопроката вырос и в объемной, и в ценовой части. Динамика цен российского рынка в 2017 г. по традиции последних лет следовала мировому тренду и содержала четыре сегмента:

- пик цен, достигнутый в феврале — марте, был призван «поддержать» уровень рынка перед сезонным ростом спроса;

- провал мая — июля связан с коррекцией, крайне слабым спросом на металлопрокат в России (с одновременным увеличением доли продаж на экспорт), большими складскими запасами у трейдеров и сдвигом сезонных закупок;

- рост цен в августе — сентябре, с пиком в октябре был обусловлен попыткой наверстать тенденцию мировых цен, повышением активности на внутреннем рынке;

- откат цен в ноябре — начале декабря, под давлением ослабевшего спроса.

В целом на массовые виды металлопроката цена реализации в начале года и в конце оставалась на одном уровне.

Относительно низкий уровень цен российских металлопроизводителей в 2015—2017 гг. стал поводом для ряда антидемпинговых расследований и введения компенсационных пошлин. По состоянию на февраль 2018 г. для российского экспорта полностью закрыт рынок США, ограничен сбыт российского холоднокатаного проката в Европе, арматуры во многих странах [10]. Основными регионами экспортных поставок для России остаются: Ближний Восток и Северная Африка, Европа, Латинская Америка, страны СНГ.

Перспективы на 2018 г. в мировом металлопроизводстве будут обусловлены введением прогрессивных ограничений на производство сырья и стали в Китае, в попытке переломить рост объема производств металлопроката. Из-за прогнозируемых локальных дефицитов стали ожидается дальнейший рост цен в Китае, а значит, и во всем мире. Ожидается, что российский рынок в очередной раз повторит мировую ценовую динамику, тем более что к этому подталкивают и внутрирыночные факторы (рост железнодорожных тарифов, цен на сырье и энергетические ресурсы, введение НДС на металлолом). Однако нельзя предсказать, насколько долго удастся следовать мировым тенденциям при нестабильном спросе на внутреннем рынке.

Исходя из анализа широкого фона ситуации в мировой металлургической отрасли, на втором этапе иерархического метода предлагается детализировать вызовы и риски для российской отрасли металлопроизводства. В текущей рыночной ситуации для российских металлургических компаний при принятии каких-либо управленческих решений критически важным является действие трех групп факторов: макроэкономических (мировых и российских), общих отраслевых трендов, позиций конкурентов и потребителей. Влияние макроэкономических предпосылок заключается: в значительном переизбытке производственных мощностей (двукратное превышение мощностей над потреблением в России); умеренном росте металлопотребления; усилении протекционизма; стагнации российской экономики; сжатию ценовой премии внутреннего рынка.

Мегатренды отрасли определяют векторы развития мировых лидеров металлургической индустрии. Среди таких направлений выделяются [11]:

- снижение затрат (удешевление сырья, совершенствование технологий);
- диджитализация (интегрированное управление производством);
- появление новых материалов и технологий;
- автоматизация производственных процессов и бизнес-процессов;
- роботизация;
- фокус на экологию.

Влияние отношений с конкурентами и потребителями для российских металлопроизводителей выражается:

- в постоянном росте требований потребителей (качество, логистика, цена);
- ужесточении конкуренции (доля рынка, ценовая конкуренция);
- борьбе за удовлетворенность клиентов;
- отсутствии дифференциации между российскими металлопроизводителями.

Исходя из определенных факторов, весомых для национальной отрасли металлургии, каждая компания выделяет для себя ключевой вызов и показатель, его характеризующий. На достижение результата по этому вызову будут направлены все ресурсы компании, ее стратегические и оперативные задачи. Ключевым вызовом для одной из ведущих металлургических компаний России — ПАО «Северсталь» — определен вопрос обеспечения системного и существенного увеличения совокупного дохода акционеров (показатель TSR— total shareholder return).

На следующем этапе оценки конкурентоспособности компании предлагается использовать методику SWOT для определения ресурсов увеличения конкурентоспособности, сильных и слабых зон развития компании, а также рисков, способных повлиять на ее функционирование. Как отмечает В. С. Катъкало, методика SWOT, занимая одно из ведущих положений при анализе и принятии решений в стратегическом менеджменте [12], позволяет не только выделить существенные факторы, но и установить связи типа «проблема — решение» между ними.

Сильные стороны ПАО «Северсталь»:

- выгодное экономическое расположение активов, вертикальная интеграция, самообеспечение ресурсами (уголь — 115 %, руда — 90 %) и сервисом;
- рентабельность по EBITDA по результатам первого полугодия 2017 г. составила 32,6 %, превышение бизнес-плана, лидирование в отрасли;

— разумное привлечение кредитных средств (15 %);

— устойчивый рынок сбыта на экспорт (до 500 тыс. т металлопроката в месяц), возможность рокировки объемов с рынка России, развитая сеть дистрибуции в России и СНГ.

Возможности:

— расширение сегментов продаж в России и на новых металлоемких экспортных рынках;

— сокращение избыточных производственных мощностей в Китае на 40 % до 2020 г., возможность замещения объемов и повышения цен;

— разработка нового актива — Яковлевского рудника (до +4,5 млн т в год) через 4 года покроет нужды в железорудном сырье;

— реализация крупных инвестиционных проектов.

Слабые стороны ПАО «Северсталь»:

— потеря лидерства себестоимости чугуна и стали в первом полугодии 2017 г. среди российских конкурентов;

— слабая удовлетворенность клиентов дисциплиной поставок;

— наличие случаев тяжелого травматизма в дивизионе во втором полугодии 2017 г.;

— высокая доля отсортированной продукции сложного сортамента по качеству (до 18 %).

Умеренные угрозы ПАО «Северсталь»:

— изменение величины спроса на сталь (стагнация спроса в России, риск потери доли рынка);

— глобальный протекционизм (действующие санкции на горячекатаный и холоднокатаный прокат в странах Европы и США — от 34 до 78 %, угроза введения новых антидемпинговых пошлин);

— макроэкономические риски (рост инфляции, тарифов).

Усиленные угрозы ПАО «Северсталь»:

— волатильная ценовая ситуация (пиковая разница цен на металлопрокат в Российской Федерации — 200 долл. США/т), рост цен на сырье;

— замедление оборачиваемости дебиторской задолженности и запасов.

Детализируя результаты SWOT-анализа, на следующем этапе следует декомпозировать факторы риска, которые при определенных условиях могут влиять на конкурентоспособность предприятия. Л. В. Макарова, Р. В. Тарасов, О. Ф. Акжигитова считают, что на любом крупном промышленном предприятии вследствие многообразия видов деятельности и отношений проявляется значительное количество как внешних (возникают

за пределами предприятия, предприятие не может влиять на них), так и внутренних (напрямую зависят от организации хозяйственной деятельности предприятия) факторов риска [13]. Вне зависимости от происхождения любой риск может спровоцировать изменение окружающей среды или процессов производства внутри предприятия, что повлечет за собой экономический ущерб предприятия.

На примере Череповецкого металлургического комбината (ЧерМК) ПАО «Северсталь» определим иерархию рисков, оказывающих влияние на конкурентоспособность предприятия, следовательно, и на экономическую безопасность (см. рис. 4).

Кратко представим примеры наиболее существенных факторов риска, получивших проявление в 2016—2017 гг.:

1. Стратегические риски — действие заградительных пошлин на продажу горячекатаного и холоднокатаного проката (страны Евросоюза, частично США); риск введения новых пошлин по результатам расследований; мировое сокращение потребления проката, мировой избыток производственных мощностей.

2. Рыночные риски — волатильность мировых цен на сырье и металлургическую продукцию (под влиянием крупнейшего рынка металлопроизводства — Китая); консервативный ценовой тренд внутреннего рынка (отставание от мирового); риски сокращения спроса на внутреннем и внешнем рынках сбыта; жесткая конкуренция между российскими компаниями-производителями (ценовая, по долям на рынке), антимонопольные расследования Федеральной антимонопольной службы.

3. Финансовые риски — риск введения дополнительных налогов (в случае невозможности обоснования ценового уровня продаж на экспортные рынки); наличие накопленной дебиторской задолженности; колебание курса мировых валют.

4. Производственные риски — риск превышения плановых показателей производственного травматизма; вероятность аварийных простоев, превышения сроков ППР, накопления немонтажных заказов (перенесение на производство следующих месяцев); создание чрезмерных складских запасов материалов и продукции.

Особого внимания при оценке конкурентоспособности компании заслуживают унифицированные методы, позволяющие в сжатые сроки с использованием ограниченного количества

Рис. 4. Иерархия наиболее вероятных рисков для ЧерМК ПАО «Северсталь»

статистических данных провести оценку по нескольким периодам. Динамические методы оценки конкурентоспособности предполагают ее расчет через определение ключевых экономических показателей предприятия (в сравнении с выборкой) в динамике.

Метод динамической оценки, описанный Д. С. Вороновым [14] и группой зарубежных ученых под руководством Р. Хаггинса [15], предполагает расчет конкурентоспособности исходя из определения трех индикаторов:

- коэффициент операционной эффективности (K_R);
- коэффициент стратегического позиционирования (K_I);
- коэффициент финансового состояния (K_L).

Общий коэффициент конкурентоспособности предприятия в конкретном периоде j определяется как произведение коэффициентов операционной эффективности, стратегического позиционирования, финансового состояния:

$$K_j = K_R \cdot K_I \cdot K_L.$$

Для определения индивидуального коэффициента конкурентоспособности достаточно использовать выборку статистических данных по одной компании. Однако данная методика позволяет проводить сравнения не только по различным периодам, но и по нескольким компаниям. Для этого необходимо сформировать выборку статистических данных по нескольким периодам, для нескольких компаний.

В состав выборки должны входить данные о показателях для каждого периода: выручка каждой компании и другие доходы; издержки компаний (себестоимость продаж, коммерческие, общехозяйственные, иные расходы и налоги); оборотные активы компаний (за вычетом запасов); краткосрочные обязательства компаний.

В качестве источников данных следует принимать публичную финансовую отчетность компаний (отчеты о финансовом положении компании, о прибылях/убытках) по МСФО (международным стандартам финансовой отчетности), выраженную в млн долл.

Расчет коэффициентов проводится по определенной методике (табл. 2). В первую очередь происходит вычисление коэффициентов по выборке (R_S, I_S, L_S), где учитываются данные по всем компаниям в одном периоде. Затем происходит аналогичный расчет индивидуальных коэффициентов (R_A, I_A, L_A), для каждого предприятия в отдельности, только по результатам данного предприятия. Следующий пул — коэффициенты отношения (K_R, K_I, K_L), высчитываются как отношение индивидуальных коэффициентов к коэффициентам по выборке.

Критериальное значение коэффициента конкурентоспособности K в конечном счете зависит от величины положительной разницы между индивидуальными коэффициентами и коэффициентами по выборке. Если для конкретной компании коэффициент K находится в интервале от нуля до единицы, это означает, что ее конкурентоспособность относительно невысока в сравнении с другими компаниями в отрасли.

В ходе исследования был проведен анализ уровня конкурентоспособности ведущих предприятий российской отрасли черной металлургии: ПАО «ММК», ПАО «НЛМК», ПАО «Северсталь». По опубликованным данным о финансовых результатах компаний за 2015—2017 гг. удалось проследить изменение коэффициента конкурентоспособности каждой из них (рис. 5).

Диаграмма на рис. 5 позволяет сделать вывод о том, что, по результатам динамической методики оценки конкурентоспособности, наилуч-

шие показатели в течение рассмотренных периодов — у ПАО «НЛМК». Причиной тому является стабильно высокое (относительно выборки) значение коэффициента финансового состояния K_L , которое показывает, что ПАО «НЛМК» обладает лучшим соотношением высоколиквидных оборотных активов к краткосрочным обязательствам (может в сжатые сроки погасить текущую задолженность за счет оборотных активов).

Несмотря на то что результаты ПАО «Северсталь» по данной методике не являются лидерскими, их анализ показывает, что во всех исследованных периодах значения коэффициентов операционной эффективности и стратегического позиционирования (опираются на данные выручки и затрат) наиболее высокие относительно выборки. Это говорит о том, что ПАО «Северсталь» является лидером по эффективности, показывая стабильно высокие, с положительной динамикой, размеры полученной прибыли. Лишь из-за существенного превышения ПАО «НЛМК» значения коэффициента финансового состояния K_L относительно выборки компания «Северсталь» находится на второй позиции в рейтинге.

Количественная оценка конкурентоспособности предприятия производится и другими способами: путем расчета специальных показателей и в случае необходимости — их последующего сравнения с фактическим уровнем (мировым, конкурентов внутри страны) и бизнес-плана. В зависимости от оценки того или иного сегмента

Таблица 2

Формулы расчета коэффициентов динамического метода

Вид коэффициента	Коэффициенты отношения	Индивидуальные коэффициенты	Коэффициенты по выборке
Коэффициент операционной эффективности (K_R)	$K_R = \frac{R_A}{R_S}$	$R_A = \frac{S_A}{E_A}$	$R_S = \frac{S_S}{E_S}$
Коэффициент стратегического позиционирования (K_I)	$K_I = \frac{I_A}{I_S}$	$I_A = \frac{S_A}{S_{0A}}$	$I_S = \frac{S_S}{S_{0S}}$
Коэффициент финансового состояния (K_L)	$K_L = \frac{L_A}{L_S}$	$L_A = \frac{CA_A}{CL_A}$	$L_S = \frac{CA_S}{CL_S}$

Обозначения: S_A, S_S — выручка и иные доходы оцениваемого предприятия / всех предприятий в выборке в базовом периоде; S_{0A}, S_{0S} — выручка и иные доходы оцениваемого предприятия / всех предприятий в выборке в периоде, предшествующем базовому периоду; E_A, E_S — совокупные расходы предприятия / всех предприятий в выборке в базовом периоде; CA_A, CA_S — оборотные активы (за вычетом запасов) оцениваемого предприятия / всех предприятий в выборке; CL_A, CL_S — краткосрочные обязательства оцениваемого предприятия / всех предприятий в выборке.

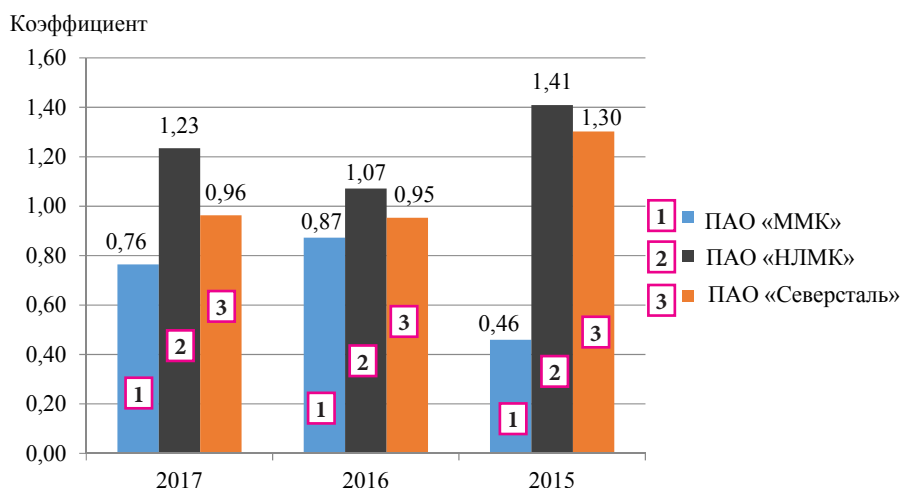

Рис. 5. Динамика изменения коэффициента конкурентоспособности ведущих российских компаний-металлопроизводителей в 2015—2017 гг.

можно привести следующие примеры оценочных (прогнозных) процессов:

1. Сравнение цен реализации предприятия с рыночными индексами по данным аналитических агентств. Проводится путем постоянного мониторинга ценовых индикативов на металлопрокат из множества открытых источников по всем видам выпускаемой продукции, на различных рынках (внутреннем, экспортном; первичном, вторичном), по доступным базисам инкотермс (СРТ, FOB, CFR).

2. Бенчмаркинг. Сравнение объемов выпущенной продукции и цен реализации на нее среди нескольких крупнейших производителей (по открытым данным). Сравнение производится ежемесячно в разрезе рынков, типов продукции, сегментов сбыта.

3. Оценка динамики затрат производства. Ежемесячный пересмотр плановой себестоимости производства, сравнение с показателями предыдущих месяцев внутри предприятия.

4. Интегрированное планирование производства. Вынесение прогноза загрузки производства на ближайшие месяцы с целью планирования мероприятий по размещению клиентских заказов в производство, их реализации по запланированному уровню цен и маржинальности.

5. Показатель выполнения заказов в полном объеме и своевременной их отгрузки (OTIF). Являясь одним из ключевых при планировании производства и оценки клиентоориентированности, показатель OTIF дает информацию о том, насколько успешно и быстро компания справляется с выполнением требований клиентов.

6. Показатель прибыли компании до вычета процентов, налогов и амортизации (ЕБИТДА).

Рассчитав значение показателя ЕБИТДА, возможно оценить финансовые результаты компании в сравнении с конкурентами в одной отрасли, без влияния инвестиционной, долговой и налоговой нагрузок.

7. Показатель частоты производственных травм (LTIFR). С помощью индекса LTIFR возможно оценить и сравнить (с уровнем конкурентов или общемировым) частоту наступления травм с временной потерей трудоспособности на производстве.

Заключительным этапом интегрированной оценки конкурентоспособности можно определить вынесение прогноза развития компании на ближайшую перспективу с указанием: достижений и зон развития компании в истекшем периоде; вероятностной тенденции макроэкономических факторов; действующих стратегий развития и их приоритетов; векторов развития компании; прогнозируемых результатов.

Данный анализ с опорой на предыдущие исследования позволит выявить как проблемные зоны развития компании, так и резервы повышения конкурентоспособности. Вследствие этого должны быть определены приоритеты развития компании на прогнозный период, целевые показатели принимаемых изменений и мероприятия, с помощью которых эти изменения будут достигнуты.

В ходе исследования подобный план сформирован для ПАО «Северсталь» по опубликованным годовым данным за 2017 г. и планам компании на 2018 г. Для удобства отображения анализ построен в матричной форме (табл. 3).

В ходе исследования описана и апробирована иерархическая методика оценки конкурентоспособности предприятий по нескольким уров-

Таблица 3

Описание действий компании на перспективу 2018 г.

Факторы и составляющие стратегии	Прогнозы, задачи, мероприятия, результаты, запланированные на перспективу
Достижения	Лидерство по эффективности продаж в плоском прокате, определение маркетинговой стратегии, реализация крупных инвестиционных проектов
Макроэкономические факторы	Для ПАО «Северсталь» в 2017 г. существенными факторами роста эффективности стали: восстановление российской экономики, годовой рост металлопотребления в России на 7 %, высокий уровень общемировых и российских цен
Тенденции внешних факторов	Прогнозируется положительная динамика тренда на спрос в России и сохранение ценового тренда
Стратегия-2018	Поиск факторов роста эффективности компании
Задачи и приоритеты стратегии	1) Увеличение доли на российском рынке (от 16 до 18 % за 2017—2021 гг.) 2) Получение в 2018 г. до 162 млн долл. дополнительной прибыли EBITDA 3) Актуализация маркетинговой стратегии до 2023 г.
Направления развития	Продуктовые инновации, поиск и создание новых высокотехнологичных продуктов (высокопрочная сталь, индивидуальные решения для проектов) Электронная коммерция (расширение клиентской базы, увеличение доли использования клиентами, повышение удовлетворенности сервисами) Развитие дистрибуционной сети Стимулирование металлопотребления в России (поиск возможностей использования стали в новых сферах применения, продвижение решений для клиентов, создание продуктов и сервисов на основе металлопроката)

ням детализации. Для каждого из этапов оценки предложено использование качественных и/или количественных методов, наиболее адекватных поставленным задачам. Исследование позволяет сделать вывод о невозможности проведения качественной оценки конкурентоспособности компании без рассмотрения широкого фона экономической ситуации, использования различных групп методов.

В статье рассмотрено соотношение понятий «экономическая безопасность» и «конкуренто-

способность», выделяются составляющие конкурентоспособности предприятий, предположительно наиболее значимые для исследуемого объекта. При проведении прикладного исследования конкурентоспособности компании ПАО «Северсталь» при помощи отдельных методик выделены разноуровневые тренды, влияющие на функционирование компании, ключевые вызовы, источники повышения конкурентоспособности и возможные риски развития.

Список литературы

1. Безуглая, Н. С. Экономическая безопасность предприятия. Сущность экономической безопасности предприятия / Н. С. Безуглая // Рос. предпринимательство. — 2010. — № 4—1. — С. 63—67.
2. Рукин, Б. П. Отраслевые особенности корпоративного управления экономической эффективностью и безопасностью в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры / Б. П. Рукин, Е. В. Булавина // Экономика и предпринимательство. — 2017. — № 8—4. — С. 494—499.
3. Управление рисками и экономическая безопасность / З. М. Магруппова, О. В. Степанова, Г. С. Дресвянникова, А. Л. Кузнецова. — Череповец : ЧГУ, 2012. — 167 с.
4. Кузнецова, М. С. Характеристика экономической безопасности предприятия / М. С. Кузнецова // Вестн. науки и образования. — 2014. — № 2 (2). — С. 37—39.
5. Самочкин, В. Н. Экономическая безопасность промышленных предприятий / В. Н. Самочкин, В. И. Барахов // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. — 2014. — № 3-1. — С. 342—352.
6. Фатхутдинов, Р. А. Управление конкурентоспособностью организации / Р. А. Фатхутдинов. — М. : Маркет ДС, 2008. — 432 с.
7. Финансово-экономический механизм оценки конкурентоспособности компаний металлургической отрасли / Е. А. Разумовская, Д. С. Воронов, С. Е. Ерыпалов, Д. Ю. Разумовский // Фундамент. иссл. — 2017. — № 3. — С. 200—204.

8. Ляховский, Д. А. Искусство продаж в сложный период / Д. А. Ляховский, В. М. Тарнавский // Металлоснабжение и сбыт. — 2015. — № 11. — С. 50—52.
9. Кислицын, Н. М. Стальная и прочая волатильность / Н. М. Кислицын // Metallurg. бюл. — 2017. — № 6. — С. 42—47.
10. Rusev, K. Anti-dumping duties in the world steel industry / K. Rusev // Kallanish. — 2018. — № 3.
11. Fetscherin, I. Assessing the Export Competitiveness of Chinese Industries / I. Fetscherin, J. Johnson // Asian Business Management. — 2010. — № 9. — P. 401—424.
12. Катъкало, В. С. Эволюция теории стратегического управления : монография / В. С. Катъкало. — СПб. : Издат. дом СПбГУ, 2008. — 548 с.
13. Макарова, Л. В. Анализ конкурентоспособности предприятия на основе SWOT-анализа // Со-времен. науч. исслед. и инновации // Л. В. Макарова, Р. В. Тарасов, О. Ф. Акжигитова. — 2014. — № 2. — С. 70—77.
14. Воронов, Д. С. Динамический подход к оценке конкурентоспособности предприятий / Д. С. Воронов // Маркетинг в России и за рубежом. — 2014. — № 5. — С. 92—102.
15. Huggins, R. Regional Competitiveness: Theories and Methodologies for Empirical Analysis / R. Huggins, H. Izushi, P. Thompson // The Business and Economics Research J. — 2013. — Vol. 6. — P. 155—172.

Сведения об авторах

Рябков Илья Леонидович — аспирант кафедры экономики и управления Бизнес-школы Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия. il.ryabkov@gmail.com

Яшалова Наталья Николаевна — доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономики и управления Бизнес-школы Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия. natalij2005@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 91—103.*

HIERARCHICAL METHOD THE COMPETITIVENESS OF THE METALLURGICAL ENTERPRISE AS A TOOL FOR MEASURING ITS ECONOMIC SECURITY

I.L. Ryabkov

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. il.ryabkov@gmail.com

N.N. Yashalova

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia. natalij2005@mail.ru

Economic security is a prerequisite for all economic actors, including steel companies. The article discusses the concepts “economic security”, “competitiveness”, describes the components of the competitiveness of the enterprise. The purpose of the article is describing and testing the hierarchical method of assessing the competitiveness for metal producer companies, which is consisting in a multilevel examination of the economic situation. Qualitative and quantitative methods are proposed for each of the evaluation stages. In the article is marked, that the assessment of the company’s competitiveness requires a wide analysis of the economic situation with using different groups of methods. The research is accompanied by an applied analysis of the competitiveness for one of the leading Russian metal producers — PJSC “Severstal”. The analyze uses a wide range of statistical and analytical data for several economic periods, which made it possible to see the development of the company industry position, the dynamic of financial results. In conclusion, authors identify different-level trends, key challenges, sources of competitiveness, influencing the functioning of the company.

Keywords: *economic security, metallurgical industry, competitiveness, quantitative assessment, qualitative assessment.*

References

1. Bezuglaya N.S. Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya. Sushchnost' ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Economic security of the enterprise. The essence of the economic security of the enterprise]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Business], 2010, no. 4-1, pp. 63—67. (In Russ.).
2. Rukin B.P., Bulavina Ye.V. Otrasleyve osobennosti korporativnogo upravleniya ekonomicheskoy effektivnost'yu i bezopasnost'yu v usloviyakh neblagopriyatnoy ekonomicheskoy kon'yunktury [Industry features of management of enterprise economic attachment and security in terms of the Nelson economic environment]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2017, no. 8-4, pp. 494—499. (In Russ.).
3. Magrupova Z.M., Stepanova O.V., Dresvyannikova G.S., Kuznetsova A.L. *Upravleniye riskami i ekonomicheskaya bezopasnost'* [Risk-management and economic security]. Cherepovets, 2012. 167 p. (In Russ.).
4. Kuznetsova M.S. Kharakteristika ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya [Characteristics of economic security of the enterprise]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 2014, no. 2 (2), pp. 37—39. (In Russ.).
5. Samochkin V.N., Barakhov V.I. Ekonomicheskaya bezopasnost' promyshlennykh predpriyatiy [Economic security of industrial enterprises]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki* [News of Tula State University. Economics and Law Sciences], 2014, no. 3-1, pp. 342—352. (In Russ.).
6. Fatkhutdinov R.A. *Upravleniye konkurentosposobnost'yu organizatsii* [Management of competitiveness of the organization]. Moscow, Market DS Publ., 2008. 432 p. (In Russ.).
7. Razumovskaya Ye.A., Voronov D.S., Yerypalov S.Ye., Razumovskiy D.Yu. Finansovo-ekonomicheskii mekhanizm otsenki konkurentosposobnosti kompaniy metallurgicheskoy otrasli [Financial-economic mechanism of estimation of competitiveness of companies in the steel industry]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2017, no. 3, pp. 200—204. (In Russ.).
8. Lyakhovskiy D.A., Tarnavskiy V.M. Iskusstvo prodazh v slozhnyy period [The art of sales in a difficult period]. *Metallosnabzheniye i sbyt* [Metal Supply and Sales], 2015, no. 11, pp. 50—52. (In Russ.).
9. Kislitsyn N.M. Stal'naya i prochaya volatil'nost' [Steel and other volatility]. *Metallurgicheskii byulleten'* [Metallurgical Bulletin], 2017, no. 6, pp. 42—47. (In Russ.).
10. Rusev K. Anti-dumping duties in the world steel industry [Anti-dumping duties in the global steel industry]. *Kallanish*, 2018, no. 3.
11. Fetscherin I., Johnson J. Assessing the Export Competitiveness of Chinese Industries. *Asian Business Management*, 2010, no. 9, pp. 401—424.
12. Kat'kalo V.S. *Evolyutsiya teorii strategicheskogo upravleniya* [Evolution of the strategic management theory]. St. Petersburg, 2008. 548 p. (In Russ.).
13. Makarova L.V., Tarasov R.V., Akzhigitova O.F. Analiz konkurentosposobnosti predpriyatiya na osnove SWOT-analiza [Analysis of competitiveness of the enterprise on the basis of the carried out SWOT analysis]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 2014, no. 2, pp. 70—77. (In Russ.).
14. Voronov D.S. Dinamicheskii podkhod k otsenke konkurentosposobnosti predpriyatiy [Dynamic approach to the assessment of the competitiveness of enterprises]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2014, no. 5, pp. 92—102. (In Russ.).
15. Huggins R., Izushi H., Thompson P. Regional Competitiveness: Theories and Methodologies for Empirical Analysis. *The Business and Economics Research Journal*, 2013, vol. 6, pp. 155—172. (In Russ.).

АНАЛИЗ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

О. Л. Симченко, В. П. Грахов, К. В. Максимов, Е. Л. Чазов

Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашиникова, Ижевск, Россия

Очевидно, что в настоящее время между участниками рыночных отношений оценка эффективности является объективной потребностью каждого предприятия, стремящегося к сохранению или улучшению собственных позиций и принятию обоснованных управленческих решений. В этой связи исследование практически значимых подходов и методов оценки эффективности хозяйствующего субъекта достаточно актуальная задача. Выполнены концептуальное обоснование и анализ отдельных подходов и методов оценки эффективности деятельности предприятия, отражены их преимущества и недостатки. Особое внимание уделено систематизации методов оценки эффективности и объединению их в соответствии с существующими концепциями и критериями. Представлены общие выводы по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: *оценка эффективности, конкурентные преимущества, издержки производства, анализ финансово-хозяйственной деятельности, государственная поддержка, критерии объединения, показатели эффективности.*

Развитие современного рынка в контексте экономических знаний обуславливает необходимость исследования практически значимых методов определения уровня экономической эффективности функционирования хозяйствующего субъекта. Инновационные преобразования, стремительно развивающиеся во внешней среде в настоящее время, с одной стороны, расширяют диапазон возможных концепций эффективности, с другой — являются источником сложных переходных процессов в понимании измерения эффективности производств, вследствие чего возникает необходимость учитывать наличие огромного количества факторов и составляющих эффективности предприятия, которые нужно принимать во внимание для получения объективной оценки.

Целью данной работы является анализ и систематизация существующих подходов и методов к оценке эффективности предприятий.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач:

— определение сущности каждого подхода и составляющих его методов оценки эффективности хозяйствующих субъектов;

— определение основных критериев объединения и систем показателей экономической эффективности предприятий;

— выявление ключевых преимуществ и недостатков подходов оценки эффективности организаций;

— обоснование актуальности разработки комплексного подхода к оценке эффективности предприятий.

Опираясь на мировой опыт хозяйствования многих зарубежных и отечественных предприятий, можно выделить четыре основных подхода к оценке эффективности предприятий.

• *Первый подход* базируется на использовании конкурентных преимуществ. Согласно данному подходу, эффективность не отождествляется с показателями текущей прибыли, рентабельности, окупаемости, ликвидности, а рассматривается как комплекс факторов долгосрочного преимущества на рынках: качество и цена, инновационный и технологический потенциал, наличие корпоративных политик, долгосрочной стратегии, позволяющей определить вектор дальнейшего развития (табл. 1).

Как видно из представленных в табл. 1 методов оценки эффективности, подход, включающий признаки конкурентных преимуществ по форме и характеру проявления, обладает рядом очевидных достоинств: постоянное развитие в условиях нестабильности внешней среды и жесткой конкуренции; обеспечение возможности оценки альтернативных вариантов использования ресурсов, то есть разумность переноса ресурсов в стратегически обоснованные и эффективные проекты; создание новых и прогрессивных разработок; обеспечение предпринимательского климата.

Таблица 1

Основные методы оценки эффективности на основе достижимых конкурентных преимуществ

№ п/п	Авторы и название концепции	Метод
1	Д. Нортон, Р. Каплан Balanced Scorecard (BSC) (концепция сбалансированной системы показателей эффективности)	Конкурентное преимущество компании базируется на четырех основных составляющих: финансы, маркетинг, внутренние бизнес-процессы, обучение и рост
2	Ж. Ришар Диагностика предприятия	Основой эффективного функционирования предприятия служит совокупность четырех взаимосвязанных аспектов конкурентоспособности: коммерческого, производственного, инвестиционного, финансового
3	Д. Джуран, А. Фидженбаум, Э. Деминг, Ф. Кросби Тотальное управление качеством	В качестве конкурентного преимущества и в основе рассмотрения проблем эффективности промышленных предприятий лежит повышение управления качеством
4	К. Эндрюс SWOT-анализ	Конкурентное преимущество отводится сильным сторонам и возможностям предприятия

Однако можно выделить и их недостатки: характерная стратегическая направленность подхода во многом формирует дефицит информации о состоянии реальных условий ведения бизнеса, существует трудность достижения единогласия руководителей в определении целевых установок организации на перспективу.

• *Второй подход* основан на снижении издержек производства. Основное внимание в рамках данного подхода исследователи обращают на возможности оптимизации и экономии как возникающих при производстве товаров (работ, услуг) затрат, так и сопутствующих производственному процессу косвенных затрат. Целый ряд научных работ посвящен методам оценки эффективности на основе снижения и оптимизации существующих издержек (табл. 2). Имеются навыки и технологии, достаточные для того, чтобы начать работу для обеспечения перехода к стратегическому

управлению издержками производственной деятельности [3].

Несомненным преимуществом оценки эффективности предприятия на основе методов издержек необходимо признать анализ и классификацию всей совокупности затрат деятельности хозяйствующего субъекта, а также такие процессы, как регулирование, планирование, нормирование, координация, контроль, позволяющие сгруппировать затраты по необходимым признакам, сравнивать обобщенные полученные значения, управлять издержками, оптимизировать систему расходования ресурсов компании.

Вместе с тем необходимо отметить, что оценка эффективности компании на основе издержек производства носит достаточно ограниченный характер, так как не позволяет получить представление об уровне эффективности хозяйственной деятельности, не учитывает показатели,

Таблица 2

Основные методы оценки эффективности на основе снижения издержек производства

№ п/п	Авторы и название концепции	Метод
1	Н. В. Бекетова, Л. А. Чалдаева Прямые издержки производства	Эффективность деятельности компании как результат оптимального использования ресурсной базы: материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Эффективность производственных процессов измеряют при помощи системы показателей: фондоемкость продукции, фондоотдача, фондовооруженность труда, коэффициент оборачиваемости оборотных средств, коэффициенты сменности и загрузки оборудования и др.
2	Ф.-А. Хайек, К. Эрроу, Т. Эггертссон Транзакционные (косвенные) издержки производства	Эффективность предприятия характеризуется производством продукции с меньшими удельными затратами транзакционных издержек. В качестве транзакционных издержек выделяют: издержки измерения НИОКР, задержки поиска информации, издержки ведения переговоров, потери от административных барьеров и др.

характеризующие получаемый эффект и конкурентный потенциал предприятия.

• *Третий подход* отождествляется с традиционным анализом финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Базой для составления анализа служат формы финансовой отчетности, позволяющие получить итоговую финансовую оценку в различные периоды.

В нашей стране при анализе оценки эффективности результатов организации в 90 % случаев [9] в своей деятельности руководствуются исключительно финансовыми показателями.

С точки зрения Г. З. Суши, самым важным показателем эффективности управления компанией является доходность собственного капитала, а экономическая эффективность субъекта хозяйствования за весь срок существования характеризуется динамикой капитализации, то есть ростом стоимости предприятия [12].

М. Якубович, рассматривая уровень эффективности предприятия, предлагает использовать показатели рентабельности в динамике, объединяя их в несколько групп [14] (табл. 3).

С точки зрения В. В. Акулича [2], оценивать эффективность необходимо, определяя финансовые коэффициенты, представленные в табл. 4.

Вышеизложенное позволяет объединить методы оценки эффективности предприятий в рамках рассматриваемого подхода в три основные группы (табл. 5).

Таким образом, объединяя различные методы оценки эффективности на основе традиционного анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия в единый подход, следует расставить такие важные акценты, как:

— существующие методы оценки эффективности наибольшее внимание уделяют оценке финансовых аспектов деятельности предприятия,

Таблица 3

Показатели рентабельности предприятия, применяемые для оценки его эффективности

№ п/п	Критерий объединения	Показатели
1	Показатели, базирующиеся на затратном подходе	— рентабельность отдельных видов продукции — рентабельность операционной деятельности — рентабельность инвестиционной деятельности — рентабельность обычной деятельности
2	Показатели, характеризующие эффективность системы продаж, оказания услуг	— рентабельность отдельных видов продукции (услуг) — общая рентабельность
3	Показатели, в основе которых лежит ресурсный подход	— рентабельность совокупных активов или общая рентабельность — рентабельность операционного капитала — рентабельность основного капитала — рентабельность оборотного капитала — рентабельность собственного капитала

Таблица 4

Финансовые коэффициенты, применяемые для оценки эффективности

№ п/п	Критерий объединения	Показатели
1	Коэффициенты рентабельности (прибыльности)	— рентабельность продаж — рентабельность активов — рентабельность собственного капитала
2	Коэффициенты ликвидности (платежеспособности)	— коэффициент текущей ликвидности — коэффициент моментальной ликвидности — коэффициент промежуточной ликвидности
3	Коэффициенты деловой активности (оборачиваемости)	— оборачиваемость активов (количество оборотов) — оборачиваемость основных средств (количество оборотов) — оборачиваемость оборотных средств (в днях) — оборачиваемость дебиторской задолженности (в днях) — оборачиваемость запасов (в днях)
4	Показатели финансовой устойчивости	— коэффициент финансовой зависимости — коэффициент собственности — соотношение заемных и собственных средств

Таблица 5

Группы показателей для оценки эффективности предприятия

Группа	Критерий	Методы оценки
1	Имущество и источники его формирования	Структура и динамика активов и источников их формирования
2	Платежеспособность и финансовая устойчивость организации	Осуществляется расчет следующих показателей: — коэффициент соотношения заемных и собственных средств; — коэффициент обеспеченности собственными материальными оборотными активами; — коэффициент финансовой стабильности, чистые активы, оборотный капитал; — коэффициенты ликвидности; — длительность оборота краткосрочных активов и их отдельных видов; — средний срок погашения дебиторской и кредиторской задолженностей
3	Финансовые результаты организации	Оценка хозяйственного эффекта и эффективности определяется на основе: — прибыли (от продаж, до и после налогообложения, чистая и др.) в динамике; — рентабельности (активов и их групп, источников формирования и их групп, проданных товаров, продаж) в динамике

слабо связаны с его стратегией и имеют достаточно отчетливую структуру [4; 1];

— оценка эффективности в большей степени проводится на основе бухгалтерского баланса и отчета о финансовых результатах;

— в России на данный момент отсутствуют официальные подходы, позволяющие разработать систему показателей, наиболее полно характеризующие все аспекты деятельности предприятия [4];

— большинство российских предприятий внедрили систему бюджетирования и проводят регулярный анализ своей деятельности в том или ином объеме.

Анализ рассмотренного подхода позволяет констатировать, что его достаточно очевидным преимуществом является простота и доступность данных, единство расчетов, охват широкого спектра ключевых показателей деятельности хозяйствующего субъекта, использование в процессе расчета показателя эффективности предприятия реальных отчетных данных, что позволяет получить достаточно точную и объективную оценку эффективности компании.

Однако можно выделить и недостатки данного подхода, среди которых следует выделить:

— необходимость сбора большого массива исходных данных, всесторонне характеризующих деятельность исследуемого предприятия. Указанное обстоятельство превращает процесс сбора и обработки необходимой информации

в чрезмерно трудоемкую и финансово затратную задачу, что в значительной мере сокращает практическую применимость рассматриваемой группы методов;

— оценка эффективности деятельности предприятия производится только с точки зрения управления финансами, не рассчитываются показатели эффективности использования ресурсов, общих издержек производства [11], а также не учитывается удовлетворенность различных категорий потребителей, качества товаров (работ, услуг), не берутся в расчет анализ конкурентной среды и гарантирующие преимущества.

• *Четвертый подход* заключается в рассмотрении методов оценки эффективности предприятий, получающих государственную поддержку.

В современном экономическом мире государственная поддержка предприятия в большей степени определяется финансовым стимулированием производственных процессов и инвестиционной активности. Направлена в первую очередь на создание условий для качественной перестройки отечественных отраслей производства, перехода на передовые технологии, выявления и стимулирования внутренних источников роста, повышения конкурентоспособности [8] и эффективности.

Большинство авторов предлагают рассматривать результативность использования выделенных средств на поддержку хозяйствующих субъектов по эффекту, который они произвели [10; 7].

Е. В. Балекин, рассматривая государственную поддержку субъектов малого предпринимательства, в качестве индикаторов оценки эффективности развития предприятий, помимо показателей эффективности производства, которым отводится ключевая роль в оценке, использует следующие показатели [5]:

- количество малых предприятий;
- численность занятых на малых предприятиях;
- объем инвестиций в основной капитал малых предприятий;
- оборот малых предприятий;
- фонд заработной платы на малых предприятиях.

Согласно логике исследований, проводимых В. А. Гражданкиным [6], в состав перечня критериев по определению экономического эффекта от реализации государственной поддержки следует отнести:

- прирост численности занятых в малом предпринимательстве;
- налоговые вычеты;
- норматив отчислений исследуемого налога в соответствующий бюджет пропорционально объему выданных субсидий.

Существуют и другие важные показатели, позволяющие определить эффективность предприятий. В этой связи Н. Е. Егорова и С. Р. Хачатрян [13] предлагают концептуальные основы формирования механизма государственной поддержки, разработанные на базе анализа следующих показателей:

- объем фактически уплаченных в федеральный и региональный бюджеты налоговых и таможенных платежей предприятий в общем объеме налоговых поступлений (прирост);
- уровень удовлетворения потребности в государственной поддержке;
- коэффициент активности малого предпринимательства;
- коэффициент корреляции усиления кооперационных связей между участниками кластерных структур;
- количество комплексных проектов.

Таким образом, государственная поддержка предполагает наличие внешней и внутренней

среды, а также обратной связи между ними. К инструментам внешней среды государственной поддержки, влияющим на эффективность функционирования предприятий, относятся: структура бюджетных расходов, бюджетные субсидии, бюджетные кредиты, лизинг, субсидированные кредиты, компенсации, льготное налогообложение.

Главными ожидаемыми результатами и инструментами внутренней среды в части государственной поддержки хозяйствующих субъектов являются: финансовые индикаторы, амортизационная политика, оптимизация структуры капитала.

Основным достоинством такого подхода следует признать стремление их авторов на основе комбинации показателей, индикаторов и коэффициентов учесть в процессе оценки не только достигнутый хозяйствующим субъектом уровень эффективности, но и результативность использования выделенных средств на поддержку предпринимательской деятельности по эффекту, который они произвели, что достаточно ценно с практической точки зрения.

Одновременно многие исследователи указывают на недопустимость рассмотрения государственной поддержки как инструмента эффективности предприятий, поскольку в этом случае при оценке эффективности не учитывается целый ряд факторов, что значительно сокращает достоверность полученных результатов и порождает излишний субъективизм в процессе анализа.

В результате исследования существующих подходов и методов оценки эффективности предприятий, определения их преимуществ и недостатков, можно заключить, что каждый из них решает только часть поставленных управленческих задач. Поэтому для эффективного управления компанией в современной экономической практике целесообразно одновременное применение всех вышеуказанных подходов и методов эффективности, что, в свою очередь, может стать первоосновой для дальнейшей разработки комплексного подхода с возможностью учета полученных результатов. При этом важно учитывать, что комплексный подход должен быть тесно увязан с главной целью предприятия.

Список литературы

1. Аверина, Л. А. Сбалансированная система показателей и ее применение в строительной отрасли / Л. А. Аверина, Ю. Г. Кислякова // Проблемы и достижения строительного комплекса : тр. Междунар. науч.-техн. конф. «Стройкомплекс-2013». — Ижевск, 2013. — С. 82—85.

2. Акулич, В. В. Современные подходы к оценке эффективности деятельности организации / В. В. Акулич // Планово-экон. отд. — 2008. — № 11. — С. 27—34.
3. Теория и практика разработки принятия и реализации управленческих решений в предпринимательстве (монография) / А. Н. Асаул, В. П. Грахов, О. С. Коваль, Е. И. Рыбнов. — Междунар. журн. эксперимент. образования. — 2015. — № 8-2. — С. 276—277.
4. Астафурова, И. С. Оценка методик формирования системы показателей деятельности организаций / И. С. Астафурова, С. Ю. Антоненкова // Экономика и предпринимательство. — 2014. — № 12 (ч. 3). — С. 850—854.
5. Балекин, Е. В. Методические аспекты государственного управления развитием и поддержкой промышленного малого предпринимательства в Москве / Е. В. Балекин // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Экономика. — 2010. — № 2. — С. 137—141.
6. Гражданкин, В. А. Формирование институтов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в Алтайском крае / В. А. Гражданкин // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. — 2009. — № 93. — С. 117—122.
7. Особенности государственной поддержки жилищного строительства в регионе / В. П. Грахов, С. А. Мохначев, Ю. Г. Кислякова, У. Ф. Симакова // Север и рынок: формирование экон. порядка. — 2016. — № 1 (48). — С. 21—29.
8. Криворотов, В. В. Конкурентоспособность предприятий и производственных систем : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика» / В. В. Криворотов, А. В. Калина, С. Е. Ерыпалов. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 351 с.
9. Кузьмин, О. Индикаторы в системе управления предприятием [Электронный ресурс] / О. Кузьмин // Налог. планирование. — URL: http://www.nalogovnet.com/ru/stat_st.php?x=174 (дата обращения 16.06.2018).
10. Симченко, О. Л. Теоретическое обоснование необходимости стимулирования и государственной поддержки инвестиционно-инновационного сектора региона / О. Л. Симченко, В. П. Грахов // Вестн. ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. — 2017. — № 2 (20). — С. 128—130.
11. Симченко, О. Л. Формирование методики оценки эффективности промышленных предприятий, функционирующих на территории индустриальных парков / О. Л. Симченко // Современная экономика: проблемы и решения. — 2018. — № 2 (98). — С. 50—60.
12. Суша, Г. З. Экономическая эффективность предприятия: теория и практика / Г. З. Суша // Планово-экон. отд. — 2003. — № 4. — С. 54—59.
13. Хачатрян, С. Р. Моделирование инвестиционной деятельности в жилищном секторе / С. Р. Хачатрян, Н. Е. Егорова. — М. : ЦЭ-МИРАН, 1998. — 90 с.
14. Якубович, М. А. Финансовые показатели эффективности функционирования предприятий / М. А. Якубович // Планово-экон. отд. — 2005. — № 9. — С. 36—39.

Сведения об авторах

Симченко Ольга Леонидовна — аспирантка кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. olgachazova@mail.ru

Грахов Валерий Павлович — доктор экономических наук, профессор кафедры «Промышленное и гражданское строительство», ректор Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. pgs@istu.ru

Максимов Кирилл Владимирович — магистрант кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. maksimov07@bk.ru

Чазов Евгений Леонидович — соискатель кафедры «Промышленное и гражданское строительство» Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова, Ижевск, Россия. elchazov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 104—111.

ANALYSIS AND SYSTEMATIZATION OF MAIN APPROACHES AND METHODS OF ESTIMATION OF COMPANY EFFICIENCY

O.L. Simchenko

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia. olgachazova@mail.ru

V.P. Grakhov

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia. pgs@istu.ru

K.V. Maksimov

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia. maksimov07@bk.ru

Ye.L. Chazov

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov, Izhevsk, Russia. elchazov@mail.ru

It is obvious that at present, between market participants, the evaluation of efficiency is an objective need of each enterprise, striving to preserve or improve its own positions and make informed management decisions. In this connection, the study of practically meaningful approaches and methods for assessing the effectiveness of an economic entity is quite an urgent task. The article provides a conceptual justification and analysis of individual approaches and methods for assessing the effectiveness of the enterprise, reflecting their advantages and disadvantages. Particular attention is paid to the systematization of methods for assessing effectiveness and combining them with existing concepts and criteria. In conclusion, there are general conclusions that the basis for deciding on the efficiency of an enterprise should be a comprehensive approach, closely linked to its general purpose and taking into account existing approaches and methods.

Keywords: *efficiency evaluation, competitive advantages, production costs, financial and economic activity analysis, state support, integration criteria, performance indicators.*

References

1. Averina L.A., Kislyakova Yu.G. Sbalansirovannaya sistema pokazateley i yeyo primeneniye v stroitel'noy otrasli [Balanced scorecard and its application in the construction industry]. *Problemy i dostizheniya stroitel'no-kompleksa: trudy Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii "Stroykompleks-2013"* [Problems and achievements of the construction complex Proceedings of the International Scientific and Technical Conference "Stroykompleks-2013"]. Izhevsk, 2013. Pp. 82—85. (In Russ.).
2. Akulich V.V. Sovremennyye podkhody k otsenke effektivnosti deyatel'nosti organizatsii [Modern approaches to the assessment of the effectiveness of the organization's activities]. *Planovo-ekonomicheskii otdel* [Planning and Economics Division], 2008, no. 11, pp. 27—34. (In Russ.).
3. Asaul A.N., Grakhov V.P., Koval' O.S., Rybnov Ye.I. Teoriya i praktika razrabotki prinyatiya i realizatsii upravlencheskikh resheniy v predprinimatel'stve [The Theory and Practice of Developing the Adoption and Implementation of Management Decisions in Entrepreneurship]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2015, no. 8-2, pp. 276—277. (In Russ.).
4. Astafurova I.S., Antonenkova S.Yu. Otsenka metodik formirovaniya sistemy pokazateley deyatel'nosti organizatsiy [Evaluation of methodologies for the formation of a system of performance indicators of organizations]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2014, no. 12 (pt. 3), pp. 850—854. (In Russ.).
5. Balekin Ye.V. Metodicheskiye aspekty gosudarstvennogo upravleniya razvitiyem i podderzhkoy promyshlennogo malogo predprinimatel'stva v Moskve [Methodological aspects of state management of development and support of industrial small business in Moscow]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Economics], 2010, no. 2, pp. 137—141. (In Russ.).
6. Grazhdankin V.A. Formirovaniye institutov infrastruktury podderzhki malogo predprinimatel'stva v Altayskom kraye [The formation of institutions for supporting small business in the Altai Territory]. *Izvestiya*

Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen], 2009, no. 93, pp. 117—122. (In Russ.).

7. Grakhov V.P, Mokhnachev S.A, Kislyakova Yu.G., Simakova U.F. Osobennosti gosudarstvennoy podderzhki zhilishchnogo stroitel'stva v regione [Features of state support for housing construction in the region]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2016, no. 1 (48), pp. 21—29. (In Russ.).

8. Krivorotov V.V., Kalina A.V., Yerypalov S.Ye. *Konkurentosposobnost' predpriyatiy i proizvodstvennykh sistem* [Competitiveness of enterprises and production systems]. Moscow, 2015. 351 p. (In Russ.).

9. Kuz'min O. *Indikatory v sisteme upravleniya predpriyatiyem* [Indicators in the enterprise management system tax planning]. Available at: http://www.nalogovnet.com/en/stat_st.php?x=174, accessed 16.06.2018. (In Russ.).

10. Simchenko O.L., Grakhov V.P. Teoreticheskoye obosnovaniye neobkhodimosti stimulirovaniya i gosudarstvennoy podderzhki investitsionno-innovatsionnogo sektora regiona [Theoretical justification of the need for stimulation and state support of the investment and innovation sector in the region]. *Vestnik IzhGTU im. M.T. Kalashnikova* [Bulletin of Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov], 2017, no. 2 (20), pp. 128—130. (In Russ.).

11. Simchenko O.L. Formirovaniye metodiki otsenki effektivnosti promyshlennykh predpriyatiy, funktsioniruyushchikh na territorii industrial'nykh parkov [Formation of the methodology for assessing the efficiency of industrial enterprises operating in the territory of industrial parks]. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya* [Modern Economy: Problems and Solutions], 2018, no. 2 (98), pp. 50—60. (In Russ.).

12. Susha G.Z. Ekonomicheskaya effektivnost' predpriyatiya: teoriya i praktika [Economic efficiency of the enterprise: theory and practice]. *Planovo-ekonomicheskiy otdel* [Planning and Economic Department], 2003, no. 4, pp. 54—59. (In Russ.).

13. Khachatryan S.R., Yegorova N.Ye. *Modelirovaniye investitsionnoy deyatel'nosti v zhilishchnom sektore* [Modelling of investment activity in the housing sector]. Moscow, 1998. 90 p. (In Russ.).

14. Yakubovich M.A. Finansovye pokazateli effektivnosti funktsionirovaniya predpriyatiy [Financial indicators of the efficiency of the functioning of enterprises]. *Planovo-ekonomicheskiy otdel* [Planning and Economic Department], 2005, no. 9, pp. 36—39. (In Russ.).

УДК 330.341 ББК 65.054
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10713

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАКАЗА НА ОСНОВЕ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ПАО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ТРУБОПРОКАТНЫЙ ЗАВОД»

Е. В. Макарова, Е. М. Земцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Процесс выполнения заказа клиента на сегодняшний день является одним из главных процессов на предприятиях. Ведь у многих компаний в перечне основных целей стоит именно удовлетворение потребностей клиентов. Чтобы понять, насколько эффективно работает предприятие в этом направлении, необходимо рассмотреть данный процесс и выявить узкие места, которые можно в будущем устранить и, таким образом, усовершенствовать процесс в целом. В статье рассмотрен процесс выполнения заказа клиента, описаны его основные этапы и отражены его особенности на промышленном предприятии. Также рассмотрены основные пути сокращения данного процесса с точки зрения логистического аспекта, а именно затрат времени на выполнение заказа на примере ПАО «Челябинский трубопрокатный завод». В ходе исследования рассмотрены варианты по сокращению времени процесса выполнения заказа.

Ключевые слова: *процесс выполнения заказа, логистический подход, сокращение времени выполнения заказа.*

В современных условиях экономики каждое предприятие стремится не только к повышению финансовых показателей, но и к совершенствованию внутренних процессов предприятия и удовлетворению потребностей внешних сторон, а именно клиентов. Грамотное управление процессом выполнения заказа выходит на первый план в тактическом управлении предприятия (см. работу С. Трухачева [15]). Та компания, которая наиболее качественно, быстро и дешево выполнит заказ покупателя, получит существенное конкурентное преимущество на рынке (Р. Сури [14]).

Целью исследования является рассмотрение процесса выполнения заказа на одном из крупнейших промышленных предприятий Челябинской области — ПАО «Челябинский трубопрокатный завод» (ПАО «ЧТПЗ») — и разработка рекомендаций по совершенствованию данного процесса на основе логистического подхода. Для того чтобы улучшить вышеуказанный процесс, чаще всего рассматривают и анализируют такие показатели, как количество готовой продукции, ее качество, оценивают структуру производственного процесса и мн. др. В данном исследовании уделяется внимание такому показателю, как время выполнения заказа, что составляет новизну работы.

Для начала рассмотрим основные понятия, которые используются в данной статье. Под выполнением заказа понимаем совокупность последо-

вательно выполняемых логистических операций, направленных на создание продукта или оказание услуги, последовательность, в которой выполняются работы и которая определяется правилами приоритетов. Такое определение дано в работе А. Н. Стерлиговой [12].

Понятие процесса выполнения заказа является более широким, и под ним подразумевают совокупность подпроцессов (стадий или этапов), состоящих из логистических операций и имеющих свою функциональную специфику (Н. Н. Шаш, К. А. Азимов, А. Ю. Шепелева [16]).

Традиционно выделяют четыре основных этапа процесса выполнения заказа, и каждый из этапов требует отдельной проработки (см. работу под ред. В. И. Сергеева [7. С. 175—176]). При налаженной системе управления заказами время ожидания заказчика и объем издержек изготовителя сокращаются до минимума. Характеристика данных этапов дается в работе В. Н. Гончарова [2] и ниже, в табл. 1.

Главной особенностью процесса выполнения заказа на промышленном предприятии является то, что одним из этапов процесса выступает непосредственное производство продукции (см. работы Дж. П. Вумека и Д. Джонса [1], а также В. Д. Стивенсона [13]).

Сущность управления производственной деятельностью организации составляет определение

Таблица 1

Характеристика основных этапов процесса выполнения заказа

№	Этап	Характеристика
1	Документальное оформление	1) Заказ оформляется в виде документа, где указываются все необходимые данные 2) После этого заявка вносится в базу данных предприятия и обрабатывается в порядке очереди либо на условиях, оговоренных с клиентом
2	Отправка заказа производителю или поставщику	Если заказ необходимо произвести, то заказ отправляется определенному производителю. Если заказ необходимо собрать и доставить до клиента, то он отправляется необходимому поставщику
3	Непосредственное выполнение заказа	Производство, поставка от оптовика или производителя. Заказ обрабатывается: 1) на производстве, если речь идет о продукции по индивидуальным размерам или проекту; 2) на складе, где отбирается товар нужного вида в заказанном объеме и производятся комплектация, проверка, упаковка и отгрузка
4	Доставка заказа клиенту	Этап реализуется в строго определенное время. По окончании доставки товар отгружается клиенту, который подписывает документы, предоставленные перевозчиком, производит оплату, если это не сделано ранее, и принимает заказ

и разрешение проблем обеспечения результативности и эффективности этой деятельности в длительном периоде (О. М. Горелик [3]).

Характеризуя процесс выполнения заказа на промышленном предприятии, также стоит сказать о его временных аспектах, которые выражаются в следующих понятиях: цикл выполнения заказа, структура цикла выполнения, длительность цикла заказа (см. работу Ю. М. Ельдештейна [4]).

Прежде чем говорить о способах сокращения процесса выполнения заказа, необходимо рассмотреть, какие существуют подходы к управлению процессами предприятия. Различают в основном два подхода: традиционный и логистический. Их сравнительная характеристика представлена в табл. 2.

Сравнив данные подходы, можно сформулировать принципиальное отличие логистического подхода к управлению процессами предприятия от традиционного. Оно заключается, во-первых, в выделении единой функции управления прежде разрозненными материальными потоками, а во-вторых, в технической, технологической, экономической и методологической интеграции отдельных звеньев цепи в единую систему, обеспечивающую эффективное управление сквозными материальными потоками (см. статью Е. В. Макаровой и Е. М. Земцовой [8]).

В рамках логистического подхода с целью оптимизации затрат используют довольно часто процессный подход к управлению предприятием, в основе которого лежит выделение в нем системы бизнес-процессов (прописывание биз-

нес-процессов) и управление ими (см. статью Е. В. Макаровой и О. С. Ляминой [9]).

Процессный подход характеризуется большими возможностями в отношении развития системы управления предприятием, расширяет возможности организаций в развитии бизнеса. Применение такого подхода к управлению предприятием способствует снижению издержек, повышению рентабельности затрат, а также повышению управляемости предприятием (улучшение системы отчетности компании, создание прозрачной системы управления, ускорение процедур принятия управленческих решений).

Вот поэтому на сегодняшний день практически каждое предприятие стремится использовать в управлении компанией именно логистический подход, так как он наиболее выгодный и оптимальный. В связи с этим на рынке остро стоит проблема снижения общих издержек и высвобождения производственных мощностей предприятий, и, чтобы устранить данную проблему, следует срочно найти способ сократить процесс выполнения заказа.

Одним из способов сокращения процесса выполнения заказа, основанным на логистическом подходе, на промышленном предприятии является сокращение времени выполнения заказа за счет уменьшения продолжительности периодов непродуктивной деятельности [Там же].

Данное исследование проведено на промышленном предприятии Челябинска — ПАО «Челябинский трубопрокатный завод», которое является одной из крупнейших отечественных компаний — производителей трубной продукции

Таблица 2

**Сравнительная характеристика традиционного и логистического подходов
к управлению процессами предприятия**

Фактор	Традиционный подход	Логистический подход
Запасы	Оцениваются как активы. Защищают производство от ошибок прогнозирования и ненадежности поставщиков. Большинство запасов имеет страховой характер	Оцениваются как пассивы. Все усилия должны быть направлены на их устранение. Страховые запасы стремятся к нулю
Размер запаса, количество закупок материальных ресурсов	Количество запаса определяется экономичным размером. Не учитывается изменение запаса при изменении затрат в сбыте при переходе на меньшее количество готовой продукции	Размер показывает текущую потребность. Минимальное количество материальных ресурсов в поставке применяется как для производителя, поставщика
Сбыт	Низкий приоритет. Обычная цель — максимизация объема выпуска готовой продукции	Высокий приоритет. Отслеживание изменений спроса путем быстрой переналадки оборудования. Ориентация на производство небольших партий готовой продукции
Запасы незавершенного производства	Являются необходимым элементом. Аккумулируются между структурными подразделениями и являются основой производственно-технологических циклов	Стремление к устранению запасов незавершенного производства
Поставщики	Наличествует большое количество поставщиков, между которыми искусственно поддерживается конкуренция	Рассматриваются как партнеры по бизнесу. Поддерживаются отношения с небольшим количеством надежных поставщиков
Качество	Допускается незначительное количество дефектов. Выборочная инспекция качества готовой продукции	Идеология TQM (Total Quality Management) — концепция всеобщего управления качеством. Наличие дефектов рассматривается как недостаточная эффективность снабжения, производства и дистрибуции
Поддержка технологическим оборудованием	Осуществляется по мере необходимости. Не считается критичной, пока поддерживаются необходимые запасы	Существенна предварительная поддержка. Процесс может быть прерван, если поддержка не обеспечивает непрерывность доставки материальных ресурсов и незавершенного производства вовремя.
Ведущее время	Допускается длинное ведущее время, поскольку нет потребности в его уменьшении, пока возможна компенсация за счет страховых запасов	Поддерживается как можно короче, при этом возрастает скорость реакции каналов снабжения и уменьшается неопределенность, связанная с прогнозом потребности
Персонал	Управление осуществляет общий менеджмент. Изменения не зависят от персонала нижних уровней	Требует согласованности действий как рабочего, так и управленческого персонала. Не допускаются изменения в логистическом процессе

с общей долей рынка около 17 %. Основной деятельностью предприятия является производство и продажа труб и трубной продукции для строительства нефтегазовых трубопроводов, инфраструктуры жилого фонда и коммунального хозяйства, а также для промышленного использования.

В ходе анализа номенклатуры предприятия (рис. 1) выявлено, что наибольший объем производства занимает выпуск бесшовных труб (БШТ), именно поэтому все расчеты сделаны на основе данного вида продукции.

Такой объем выпущенной продукции говорит о том, что предприятие работает с огромным количеством заказов. И для ПАО «ЧТПЗ», безусловно, важно, чтобы скорость выполнения заказа была максимальной.

Рассмотрим процесс выполнения заказа в ПАО «ЧТПЗ», который представляет собой строгую последовательность этапов и действий сотрудника, курирующего ту или иную сделку (заказ). Последовательность основных этапов процесса выполнения заказа представлена на рис. 2.

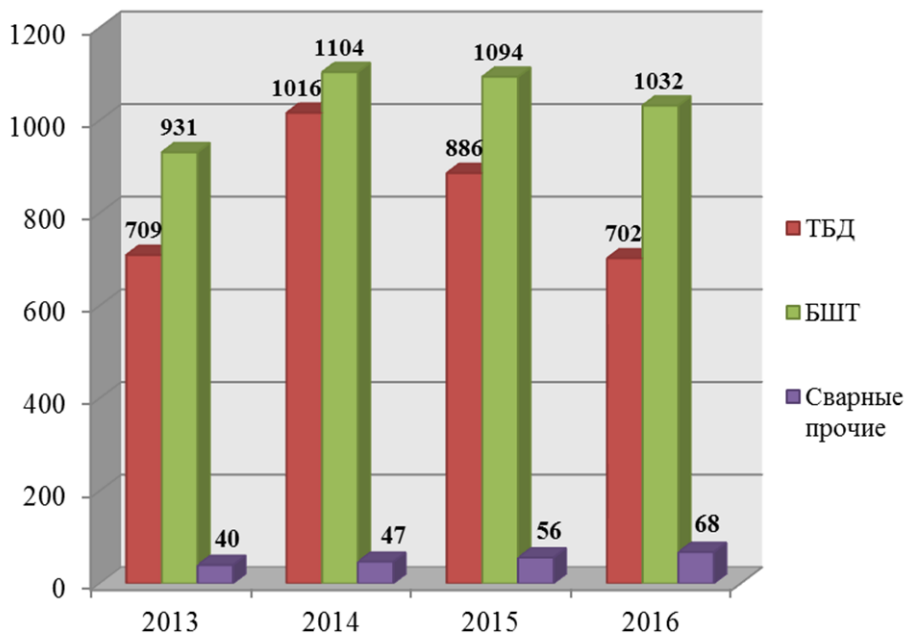

Рис. 1. Объем производства труб разного вида в ПАО «ЧТПЗ»

Рис. 2. Последовательность основных этапов процесса выполнения заказа в ПАО «ЧТПЗ»

Процесс выполнения заказа клиента начинается с этапа «Получение заявки от клиента». На данном этапе клиент предоставляет полную информацию о требуемом товаре, которая отражена в документе «Спецификация». Спецификация — это основной документ, с которым работают сотрудники ПАО «ЧТПЗ» в процессе выполнения заказа и который соответствует согласованному в программе КИС

запросу, акцептован покупателем и уполномоченным лицом Коммерческой дирекции, содержит информацию о технических требованиях, сортаменте продукции, количестве, дополнительных требованиях, реквизитах грузополучателя, условиях поставки и оплаты, цене, сроках поставки (см. регламент ПАО «ЧТПЗ» [10]). Результат данного этапа — заключение сделки, которая в рамках предприятия определяется

как обращение потенциального покупателя, зарегистрированное в КИС, с целью предоставления информации о возможности и сроках поставки, содержащее данные о технических требованиях, сортаменте продукции, количестве, дополнительных требованиях, условиях поставки и оплаты, цене.

Далее заявка переходит на следующий этап — «Обработка заказа». С заявками работает менеджер, относящийся к Коммерческой дирекции компании: он вносит предоставленную клиентом информацию в корпоративную систему «КИС ЧТПЗ», причем объем вносимой им информации в систему определяется тем, является ли клиент ключевым или нет. Если клиент не ключевой, то менеджер заводит шапку и позиции сделки. Если же клиент является ключевым, то в системе заводится только шапка сделки, а позиции сделки будут внесены ведущим инженером отдела загрузки производства (дирекция по управлению цепью поставок, управление планирования и загрузки производства). После того как заказ внесен в систему, он проходит процесс контроля и согласования на разных уровнях, таких как:

- 1) технический отдел — необходим для согласования технических условий изготовления продукции в заказе;
- 2) отдел нормирования — необходим для планирования производства и определения нуждемости в персонале, а также для подсчета трат на оплату труда;
- 3) отдел ценообразования — необходим для формирования себестоимости и конечной цены произведенной продукции;
- 4) коммерческая дирекция — необходима для согласования экономического результата от выполнения сделки.

Это нужно для того, чтобы подтвердить возможность производства запрашиваемой продукции в ПАО «ЧТПЗ». Результатом данного этапа является занесенная в корпоративную информационную систему ЧТПЗ сделка, но до конца еще не согласованная.

Чтобы завершить согласование, заявка переходит в следующий этап — «Подготовка к производству» — в отдел планирования производства, где определяется объем необходимого сырья, который при необходимости заказывается на стороне, а также планируется загрузка производственных мощностей предприятия. Если из-за сроков поставки сырья требуется пе-

ренести на более поздний срок поставку готовой продукции до клиента, то это также согласуется с заказчиком. Результатом данного этапа является согласованный заказ, который введен в производство, то есть передан в цех-изготовитель. Данная операция осуществляется в КИС сотрудниками отдела загрузки производства на основании согласованного в КИС заказа при выполнении условий, прописанных в спецификации (см. регламент [10]).

На этапе «Производство» происходит непосредственное изготовление продукции в соответствии с техническим заданием, объемом и планом производства в определенном цехе, который определяется типом требуемой продукции. В ПАО «ЧТПЗ» — шесть огромных цехов, оснащенных специальным оборудованием для производства той или иной продукции. Результат этапа — произведенная готовая продукция.

После того как продукция произведена, она отправляется на склад, где размещается на временное хранение до отправки ее клиенту. Данные операции осуществляются на этапе «Складирование готовой продукции». Результат этапа: размещенная готовая продукция на складе.

Как только наступает срок отправки готовой продукции клиенту, заказ проходит следующий этап — «Комплектация заказа», где заказ собирается и комплектуется для погрузки в то или иное транспортное средство (железнодорожный или автотранспорт), согласно условиям комплектации, которые прописаны в спецификации. Результатом этапа является скомплектованный заказ, ожидающий погрузку в транспортное средство и отправку к клиенту.

Завершающим этапом процесса выполнения заказа клиента является этап «Отгрузка заказа клиенту». Здесь готовая продукция загружается в транспортное средство согласно условиям погрузки и отправляется до клиента согласно условиям и срокам поставки. Результат этапа — отгруженный заказ.

Для анализа временного аспекта процесса выполнения заказа на предприятии были взяты заказы на производство бесшовных труб в среднем за 2016 г. Результаты исследования представлены на рис. 3.

Длительность цикла выполнения заказа за этот же период составила в среднем 138 дней. Расчет данного показателя был сделан по формуле

$$T_{\text{Ц}}^3 = T_{\text{ОЗ}} + T_{\text{ТП}} + T_{\text{ЗМ}} + T_{\text{ПЗ}} + T_{\text{ПЦ}} + T_{\text{П}} + T_{\text{ПЕР}}$$

где $T_{\text{ОЗ}}$ — время обработки и оформления заказа; $T_{\text{ТП}}$ — время технической подготовки; $T_{\text{ЗМ}}$ — время закупки материалов; $T_{\text{ПЗ}}$ — время подготовки к запуску; $T_{\text{ПЦ}}$ — длительность производственного цикла; $T_{\text{П}}$ — время поставки; $T_{\text{ПЕР}}$ — время перерывов, возникающих из-за асинхронности отдельных этапов цикла.

В ходе исследования более подробно рассмотрены именно те этапы, которые хоть и занимают не самые большие доли в процессе выполнения заказа, но, тем не менее, могут быть сокращены с минимальными издержками — это этапы «Обработка заказа» (занимаемая доля времени в процессе 17 %) и «Комплектация заказа» (в процессе занимает долю в 6 %). Подобный подход позволит уменьшить длительность всего процесса выполнения заказа (см. работу В. И. Сер-

геева [11]). Отмеченные этапы проанализированы на основе той же номенклатуры, упомянутой выше.

На этапе «Обработка заказа» узким местом оказалась операция согласования заказа (занимает самую большую долю времени в выполнении данного этапа), что наглядно показано на рис. 4.

Данная операция отмечена не случайно: в ходе исследования обнаружено, что заказ клиента может несколько раз на одном и том же узле (уровне) проходить согласование, в процессе которого уточняются некоторые параметры производства того или иного заказа, а также возможность производства выполнить такой продукт.

Как правило, при согласовании на том или ином узле, заказ проверяется на сортамент и технические условия продукции, по которому и оценивается возможность производства в ПАО «ЧТПЗ», и возвращается на узел раньше, если обнаруживается какая-либо неточность, требующая

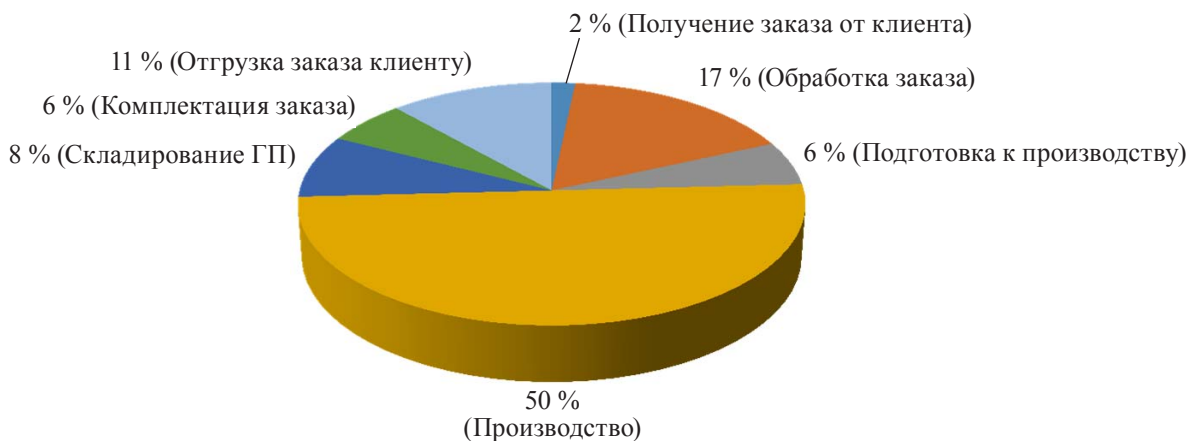

Рис. 3. Среднее время выполнения заказа на производство бесшовных труб

Рис. 4. Среднее время ввода, согласования и включения заказа в производство

согласования. Другой причиной возврата и повторного согласования сделки может быть человеческий фактор при внесении данных в систему. При обнаружении ошибки или недочета в системе сотрудник направляет заказ на узел ответственного лица для исправления ошибок или внесения недостающей информации и нового согласования заказа. Естественно, если заказ проходит повторное согласование на узле, на котором ранее уже был согласован, но по определенной причине был возвращен и отправлен повторно, то время, за которое выполняется заказ, заметно увеличивается.

Таким образом, этап «Обработка заказа» необходимо всегда оптимизировать, чтобы не возникало задержки во времени процесса выполнения заказа.

А на этапе «Комплектация заказа» выделена операция «Формирование списка заказов для комплектации» (рис. 5), так как она осуществлялась сотрудником вручную, что увеличивало время процесса выполнения заказа.

Ручное формирование списка заказа требует самой большой доли времени в выполнении данной операции. Также немалую часть занимает процесс согласования списка в Управлении логистики. Все это значительно увеличивает продолжительность цикла выполнения заказа, а значит, необходимо принятие управленческого решения.

Для совершенствования процесса выполнения заказа в ПАО «ЧТПЗ» применен способ сокращения времени выполнения заказа за счет сокращения периодов непродуктивной деятельности. Данный способ упомянут в статьях С. Зинченко [5] и М. Киямова [6]. Он предполагает реализацию комплекса организационных мер, охватыва-

ющих использование персонала и программного корпоративного продукта «КИС ЧТПЗ».

Так, для решения первой проблемы — многократного согласования заказа в системе на одном и том же узле (уровне) — было предложено ввести дополнительный контроль начальника отдела с помощью внедрения дополнительной опции в корпоративную информационную систему ЧТПЗ. Суть данной процедуры заключается в том, что при согласовании заказа на одном и том же узле в третий раз начальнику отдела в системе «КИС ЧТПЗ» будет приходить письменное уведомление с информацией о несогласованном заказе. Начальник отдела, в свою очередь, будет иметь возможность увидеть предыдущую историю согласования заказа, проанализировать ее, выявить проблему несогласования и дать ведущему инженеру четкие указания по исправлению проблемы.

В рамках решения второй проблемы — большой длительности операции формирования списка заказов из-за ручного поиска их в системе «КИС ЧТПЗ» — предлагается с помощью системных администраторов внедрить в функционал и интерфейс программы «КИС ЧТПЗ» специальную кнопку в модуле «Портфель заказов», которая позволит автоматически формировать списки заказов с аналогичными реквизитами и сроками поставки для комплектации.

Для реализации данной процедуры была разработана форма таблицы (представлена на рис. 6), которая будет заполняться автоматически в системе.

После внедрения время выполнения заказа сократится на 10 дней и в среднем составит 128 дней, что является хорошим результатом.

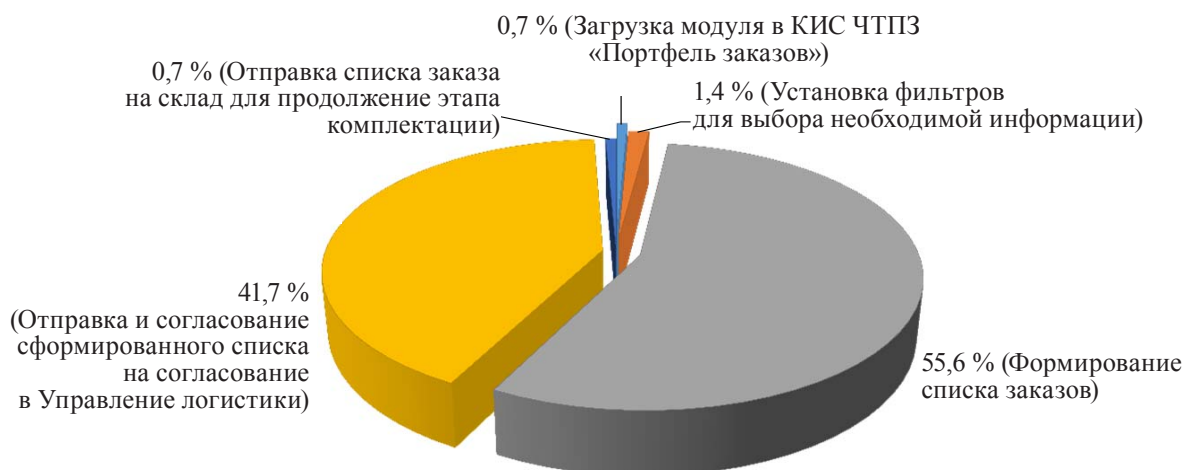

Рис. 5. Структура операций в алгоритме формирования списка заказов для комплектации

Грузо-получатель		Наименование	Ж/д	Наименование	
		Наименование	Станция	Наименование	
		Наименование	Для кого	Наименование	
		Наименование			
Текущее задание на месяц по отпуску					
Текущее задание на месяц по сдаче					
Остаток к сдаче	Отгружено с завода	ТН			
		ШТ			
		М			
		Кол-во			
Сдано	Кол-во				
	М				
	ШТ				
Включено	Всего	Кол-во			
		Крат			
Сортамент	ГОСТ	Полное	ГОСТ		
			Марка		
			Толщина		
			Тип		
	ГОСТ	Покрытие	Длина		
			Макс		
			Мин		
			Крат		
	Марка стали		Сетка 2		
	Сетка 1		Сетка 2		
	Сетка 2		Сетка 1		
	Диаметр 1		Диаметр 2		
Диаметр 2		Диаметр 1			

Рис. 6. Форма таблицы для автоматического формирования списка комплектации заказов

Таким образом:

1. Сократив время выполнения заказа, предприятие получит возможность обрабатывать больше заказов, оптимизируя планы производства, снабжения и сбыта.

2. Получая больше заказов, отдел планирования и загрузки производства будет тщательнее разрабатывать и составлять планы производства, избегая простоя оборудования.

3. Сокращение времени выполнения заказа снижает риск срыва сроков поставки заказа клиенту, тем самым повышая степень его удовлетворенности.

4. Выполняя в срок обязательства перед клиентами, предприятие получает оценку как добросовестного и надежного партнера, повышая тем самым свою репутацию.

5. Удовлетворенные клиенты могут установить долгосрочные отношения с предприятием, что в последующем может изменить их статус на ключевых клиентов, обеспечивающий стабильный доход предприятию.

6. Хорошая репутация и широкий круг потребителей позволят привлечь дополнительных клиентов, а значит, будут способствовать получению дополнительной выручки.

То есть, делая акцент не только на затратах предприятия при осуществлении своей деятельности, а еще и на времени выполнения заказа клиента, компания получит возможность не только усовершенствовать внутренние процессы производства, но и расширить внешние связи.

Список литературы

1. Вумек, Дж. П. Бережливое производство / Дж. П. Вумек, Д. Джонс. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2008. — 118 с.
2. Гончаров, В. Н. Менеджмент предприятия / В. Н. Гончаров. — Минск : Мисанта, 2013. — 624 с.
3. Горелик, О. М. Производственный менеджмент: принятие и реализация управленческих решений : учеб. пособие / О. М. Горелик. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2013.
4. Ельдештейн, Ю. М. Логистика : электрон. учеб.-метод. комплекс (2006) [Электронный ресурс] / Ю. М. Ельдештейн. — URL: http://www.kgau.ru/distance/fub_03/eldeshtein/logistika/index.html (дата обращения 20.01.18).
5. Зинченко, С. Сокращение времени выполнения заказа — «тайное оружие» успешной компании (2010) [Электронный ресурс] / С. Зинченко // Управление производством. — URL: http://www.up-pro.ru/library/production_management/operations_management/sokrashenie_vrem.html (дата обращения 12.02.18).
6. Киямов, М. Как сократить сроки выполнения заказов [Электронный ресурс] / М. Киямов // Практик. журн. по упр. финансами компании «Финанс. директор». — URL: <https://fd.ru/articles/50230-kak-sokratit-sroki-vypolneniya-zakazov> (дата обращения 20.01.18).
7. Логистика : учебник / под ред. В. И. Сергеева. — М., 2003.
8. Макарова, Е. В. Возвратная логистика: понятие, объекты, организационные ошибки российских компаний / В. Е. Макарова // Современные экономика и общество: научный взгляд молодых : сб. ст. и тез. докл. XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов. — Челябинск, 2016. — С. 276—280.
9. Макарова, Е. В. Автоматизированное управление складом как метод повышения эффективности деятельности предприятия / В. Е. Макарова, О. С. Лямина // Проблемы социально-экономического развития в новых экономических условиях: взгляд молодых исследователей : материалы и докл. междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. П. Велихова. — Челябинск, 2016. — С. 178—183.
10. Регламент ПАО «Челябинский трубопрокатный завод» от 2016 г. «Ввод и согласование сделок, заказов, включение заказов в производство и отгрузку, внесение изменений в сделки и заказы» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.chelpipe.ru> (дата обращения 12.02.18).
11. Сергеев, В. И. Корпоративная логистика в вопросах и ответах / В. И. Сергеев. — М. : ИНФРА-М, 2013.
12. Стерлигова, А. Н. Операционный (производственный) менеджмент : учеб. пособие / А. Н. Стерлигова. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 187 с.
13. Стивенсон, В. Д. Управление производством : учеб. пособие : пер. с англ. / В. Д. Стивенсон. — М., 2002.

14. Сури, Р. Время — деньги. Конкурентное преимущество быстрореагирующего производства / Р. Сури. — М. : БИНОМ : Лаб. знаний, 2014.
15. Трухачев, С. Управление заказами как тактическое управление компанией / С. Трухачев. — Финанс. газ. Регион. вып. — 2008. — № 28, июль.
16. Шаш, Н. Н. Логистика : конспект лекций / Н. Н. Шаш, К. А. Азимов, А. Ю. Шепелева. — М. : Юрайт, 2010.

Сведения об авторах

Макарова Екатерина Владимировна — студентка магистратуры Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. csu_makarova.ev@mail.ru

Земцова Елена Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математических методов в экономике Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zemtsowa.l@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 112—122.*

IMPROVING THE ORDER FULFILLMENT PROCESS ON THE BASIS OF LOGISTIC APPROACH IN JSC “CHELYABINSK TUBE ROLLING PLANT”

Ye.V. Makarova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. csu_makarova.ev@mail.ru

Ye.M. Zemtsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zemtsowa.l@yandex.ru

The process of fulfilling the sales order for today is one of the main processes in the enterprise. After all, many companies in the list of basic goals is precisely the satisfaction of the needs of customers. To understand how efficiently the company works in this direction, it is necessary to consider this process and identify bottlenecks that can be eliminated in the future and, thus, improve the process as a whole. This article describes the process of customer's order execution. The author describes the main stages and shows its features in an industrial plant. Also this article discusses the main ways of reducing this process from the point of view of the logistic aspects, namely time spent on execution of client's order on the example of JSC “Chelyabinsk tube rolling plant”. During research, the author was presented with several proposals to reduce the process time of the order.

Keywords: *order fulfilment process, logistic approach, order execution time reduction.*

References

1. Vumek D.P., Dzhons D. *Berezhlivoye proizvodstvo* [Lean production]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2008. 118 p. (In Russ.).
2. Goncharov V.N. *Menedzhment predpriyatiya* [Management of enterprises]. Minsk, Misanta Publ., 2013. 624 p. (In Russ.).
3. Gorelik O.M. *Proizvodstvennyy menedzhment: prinyatiye i realizatsiya upravlencheskikh resheniy* [Production management: adoption and implementation of management decisions]. Prospekt Publ., 2013. (In Russ.).
4. Yel'deshteyn, Yu.M. *Logistika* [Logistics]. 2006. Available at: http://www.kgau.ru/distance/fub_03/eldeshteyn/logistika/index.html, accessed 20.01.2018. (In Russ.).
5. Zinchenko S. *Sokrashcheniye vremeni vypolneniya zakaza — “taynoye oruzhiye” uspezhnoy kompanii* (2010) [Reduction of time of performance of the order is a “secret weapon” of successful companies (2010)]. *Upravleniye proizvodstvom: portal* [Production Management. Portal]. Available at: http://www.up-pro.ru/library/production_management/operations_management/sokrasheniye_vrem.html, accessed 12.02.2018. (In Russ.).

6. Kiyamov M. Kak sokratit' sroki vypolneniya zakazov [How to reduce lead times]. *Prakticheskiy zhurnal po upravleniyu finansami kompanii "Finansovyy director"* [Practical journal on financial management of the company "Financial Director"]. Available at: <https://fd.ru/articles/50230-kak-sokratit-sroki-vypolneniya-zakazov>, accessed 20.01.2018. (In Russ.).
7. Sergeev V.I. (ed.). *Logistika* [Logistics]. Moscow, 2003. (In Russ.).
8. Makarova Ye.V., Zemtsova Ye.M. Vozvratnaya logistika: ponyatiye, ob'ekty, organizatsionnyye oshibki Rossiyskikh kompaniy [Return logistics: concept, objects, organizational mistakes of Russian companies]. *Sovremennyye ekonomika i obshchestvo: nauchnyy vzglyad molodykh* [Modern economy and society: young people's scientific view]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 276—280. (In Russ.).
9. Makarova Ye.V., Lyamina O.S. Avtomatizirovannoye upravleniye skladom kak metod povysheniya effektivnosti deyatelnosti predpriyatiya [Automated warehouse management as a method of improving the efficiency of the enterprise]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya v novykh ekonomicheskikh usloviyakh: vzglyad molodykh issledovateley* [Problems of socio-economic development in the new economic environment: the view of young researchers]. Chelyabinsk, 2016. Pp. 178—183. (In Russ.).
10. *Reglament PAO "Chelyabinskiy truboprokatnyy zavod" ot 2016 g. Vvod i soglasovaniye sdelok, zakazov, vkluyucheniye zakazov v proizvodstvo i otgruzku, vneseniye izmeneniy v sdelki i zakazy* [Rules of procedure of the JSC "Chelyabinsk tube-rolling plant", 2016. Enter approvals, orders, listing of orders to production and shipment, changes in trades and orders]. Available at: <http://www.chelpipe.ru>, accessed 12.02.2018. (In Russ.).
11. Sergeev V.I. *Korporativnaya logistika v voprosakh i otvetakh* [Corporate logistics in questions and answers]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. (In Russ.).
12. Sterligova A.N. *Operatsionnyy (proizvodstvennyy) menedzhment* [Operational (production) management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 187 p. (In Russ.).
13. Stivenson V.D. *Upravleniye proizvodstvom* [Production management]. Moscow, 2002. (In Russ.).
14. Suri R. *Vremya — den'gi. Konkurentnoye preimushchestvo bystroreagiruyushchego proizvodstva* [Time is money. Competitive advantage of quick-response production]. Moscow, BINOM Publ., Knowledge laboratory Publ., 2014. (In Russ.).
15. Trukhachev S. Upravleniye zakazami kak takticheskoye upravleniye kompaniyey [Orders management as a tactical company management]. *Finansovaya gazeta. Regional'nyy vypusk* [Financial newspaper. Regional issue], 2008, no. 28. (In Russ.).
16. Shash N.N., Azimov K.A., Shepeleva A.Yu. *Logistika* [Logistics]. Moscow, Yurayt Publ., 2010. (In Russ.).

МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Е. В. Николаева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (МК-3005.2017.6)

Экономические отношения в сфере АПК России сегодня требуют разработки новых подходов к повышению эффективности хозяйствующих субъектов. Особенно это актуально для малых форм хозяйствования, которые, несмотря на значительный рост в данной сфере, до сих пор остаются малоэффективными с экономической точки зрения. Кооперация призвана решить эту задачу, усилить позиции отдельных фермеров и частично снять социальную напряженность на селе. Существующие сегодня в России сельскохозяйственные кооперативы далеки от той модели, которая нужна в современных рыночных отношениях, и требуют оценки их эффективности, а в дальнейшем и разработки более эффективных механизмов взаимодействия. В статье описываются существующие методики оценки эффективности кооперации, на основе которых автор предлагает модель оценки с учетом особенностей исследуемой сферы, а также типа кооперации. Модель включает такие аспекты, как институциональная и экономическая эффективность, а также анализ соответствия кооператива целям кооперации и принципам Международного кооперативного альянса.

Ключевые слова: *сельскохозяйственная кооперация, эффективность, институциональная эффективность, стейкхолдерский подход.*

Отрасли АПК сегодня являются наиболее динамично развивающимися в России. Анализ средних темпов роста по отраслям сельского хозяйства показал, что многие из них имеют хорошую положительную динамику, а некоторые значительно опережают по темпам роста отрасли промышленного производства. Однако, как отмечают некоторые эксперты, такой рост во многом происходит благодаря развитию крупных агропромышленных холдингов, активно поддерживаемых государством. Именно появлению таких холдингов и обязаны некоторые отрасли (птицеводство, животноводство), достигшие высоких показателей производства. По сути, они обеспечивают сегодня страну необходимыми продуктами питания, сумев решить проблему зависимости от западных поставщиков.

Частично одна из ключевых проблем — обеспечение продовольственной безопасности — была таким образом решена. Но осталась не решенной другая проблема — крайне слабое развитие малых форм сельскохозяйственного производства (в первую очередь фермерство) и их объединений, а вместе с тем и тотальная бедность на селе. Именно на эти аспекты обратил внимание президент РФ В. В. Путин в своем Послании Федеральному собранию на 2017 г. То есть понимание важности данного вопроса существует

(на это указывает и ряд исследований, выполненных в том числе по заказу Правительства РФ [1]), но решение его пока ни в теории, ни на практике не созрело.

На сегодняшний день государство в рамках программ оказывает ежегодную поддержку малым и средним сельскохозяйственным предприятиям путем предоставления главным образом льготных условий кредитования. Это, по сути, основной инструмент развития фермерства на селе. Однако, несмотря на то что такие программы существуют уже много лет, активного роста фермерских хозяйств и повышения эффективности деятельности существующих не наблюдается.

Развитие малых сельскохозяйственных предприятий президент РФ В. В. Путин видит в стимулировании создания и развития сельскохозяйственной кооперации. Во многих западных странах (Италия, Дания, США и др.) кооперация в сфере сельского хозяйства является неотъемлемой и важнейшей частью функционирования отрасли. При этом созданы благоприятные условия для развития фермерства, а их устойчивости на рынке способствует сотрудничество (горизонтальное и вертикальное) с другими игроками рынка.

Изучению кооперации, как в сельском хозяйстве, так и вообще, посвящено много работ, однако большая часть этих исследований принадлежит

зарубежным авторам. И это неудивительно, поскольку в России кооперация развита слабо, а ее современные преимущества, которые уже давно оценили западные предприятия, для российских субъектов экономики остаются сомнительными. В нашей стране сейчас почти не создается новых кооперативов, а существующие не вполне эффективны, поскольку в большинстве своем являются наследниками советских колхозов.

И, несмотря на те программы, которые существуют и создаются для развития сельского хозяйства в стране, часть которых имеют инструменты стимулирования кооперации (например, возможность получения большей суммы займа), очевидно, этого недостаточно для того, чтобы в России кооперация, как на Западе, стала основой развития сельского хозяйства в целом и фермерства в частности.

Особый интерес в рамках исследования сельскохозяйственной кооперации представляют следующие работы. Вопросам повышения эффективности сельскохозяйственного производства посвящен ряд работ отечественных и зарубежных ученых. В частности, основы функционирования АПК и пути повышения его эффективности изложены в работах А. И. Алтухова [2], В. Р. Боева [3], И. Н. Буздалова [4], М. И. Буробкина [5], В. Д. Гончарова [6], В. А. Добрынина [7], Н. Я. Коваленко (с соавт.) [8], О. А. Родионовой [9], Л. П. Силаева [10], В. В. Тульчеева [11]. Исследованию эффективности организационных форм в агропромышленном комплексе посвящены важные работы, среди авторов: С. М. Лавлинский [12], В. В. Макогон [13], Л. В. Козлова [14], Л. А. Головина [15].

Вопросам организационного устройства кооперативов уделено внимание в исследованиях М. Кука [16], Й. Нилссона [17], М. Олсона [18], Дж. Стаатца [19], основанных на институциональной теории. Среди российских ученых вопросам теории кооперации уделяли внимание И. В. Емельянов [20], М. И. Туган-Барановский [21], А. В. Чайнов [22] и др.

В современной литературе встречается немало работ, посвященных различным моделям и методам оценки эффективности кооперативных форм или отдельных субъектов в сельском хозяйстве. Анализ этих работ показал, что, во-первых, не существует единого мнения относительно того, что считать критерием эффективности (экономическую, техническую, экологическую или другие составляющие). Это выражается во множестве

разрозненных попыток оценить эффективность, каждая из которых представляет собой уникальный подход. Во-вторых, даже при оценке одних и тех же факторов исследователи используют различные методики и показатели, что, безусловно, затрудняет сопоставление полученных данных. По сути, существующие сегодня работы в этом направлении раскрывают картину и выявляют закономерности для какого-то отдельного региона или страны, а применяемые методики не носят универсальный характер.

В зарубежной литературе исследуется зависимость эффективности кооперации от таких факторов, как: экономия от масштаба деятельности (на примере фермерских кооперативов в Китае [23]), тип применяемой стратегии (при исследовании кооперативных и некооперативных форм в Греции [24]), производственная эффективность (исследованы кооперативные и некооперативные винодельческие предприятия Португалии [25]), техническая оснащенность (в работах, посвященных анализу итальянских [26] и эфиопских [27] фермерских кооперативов) и даже размер совета директоров (в США [28]). Нередко в качестве главного критерия выступает институциональный (минимизация транзакционных издержек), что вполне объяснимо с учетом популярности в научных кругах неоинституциональной теории.

Ученые Саратовской области к анализу эффективности сельскохозяйственной кооперации предлагают подходить комплексно, учитывая такие составляющие эффективности, как экономическая, социальная, управленческая и народнохозяйственная. Среди экономических показателей, характеризующих эффективность, предлагается определять производительность труда, экономию на производственных издержках, финансовую устойчивость, рентабельность производства. Социальную и управленческую эффективность предлагается измерять через ряд качественных характеристик кооператива, среди которых участие в трудовой деятельности членов кооператива, система распределения дохода, решение социальных вопросов, демократичность в управлении, самоуправление, синхронность в работе партнеров по кооперации. Народнохозяйственную эффективность ученые оценивают через достижение следующих результатов: стабилизация АПК (слишком глобальная цель для отдельного субъекта, на наш взгляд), насыщение рынка продовольственными товарами, увеличение отчислений в бюджет.

Изучение существующих методик оценки эффективности кооперации позволило нам выделить несколько ключевых направлений в исследовании.

Общая теория кооперации и специализации предлагает для оценки эффективности использовать коэффициент экономического эффекта от развития кооперации (и специализации):

$$\Theta = [(C_1 - C_2) - (Z_{\text{тр}2} - Z_{\text{тр}1}) \cdot V_2 - E_n \cdot \Delta K + \Delta \Pi, \quad (1)$$

где C_1, C_2 — себестоимость единицы продукции до и после кооперации; $Z_{\text{тр}1}, Z_{\text{тр}2}$ — транспортные расходы на единицу продукции до и после кооперации; V_2 — объем выпуска после кооперации; E_n — нормативный коэффициент эффективности капитальных вложений; ΔK — дополнительные капитальные вложения, необходимые для осуществления кооперации; $\Delta \Pi$ — дополнительная прибыль, полученная в результате кооперации.

Таким образом, по формуле можно оценить любой тип кооперации, однако, на наш взгляд, формула требует корректировки в зависимости от сферы деятельности и целей кооперации.

Так, в сельском хозяйстве, результатом кооперации вполне вероятно может являться снижение себестоимости (например, за счет совместного более выгодного закупа сырья), но с гораздо меньшей вероятностью участники получат существенную экономию на транспортных расходах (хотя при совместной доставке продукции в другие регионы или населенные пункты такая экономия и будет достигнута). Поэтому в формулу для наших целей оценки целесообразно ввести иные переменные (виды затрат).

Существует и совсем другой подход к пониманию эффективности кооперации. Он основан на анализе соответствия деятельности кооператива принципам кооперации, принятым на международном уровне (Международным кооперативным альянсом). Такой подход не принимает во внимание экономические критерии эффективности и в большей степени применим для анализа кооперации, которая не преследует цели извлечения из своей деятельности прибыли как таковой (только различного рода выгоды от совместной деятельности — потребительская кооперация). В России потребительские кооперативы (и потребительские общества) являются некоммерческими организациями и создаются с целью получения выгоды от совместной деятельности (в случае сельско-

хозяйственных кооперативов — от совместного использования инфраструктуры, техники, услуг непрофильного назначения; в случае потребительских обществ — от совместного потребления, достигая экономии на расходах). На наш взгляд, такие кооперативы следует оценивать не «экономическим мерилom», а с точки зрения их социальной и народнохозяйственной эффективности (социальной — в первую очередь). Принципами Международного кооперативного альянса являются: добровольное и открытое членство; демократичность управления; экономическое участие членов в деятельности кооператива; автономность и независимость от внешнего управления; образование, профессиональная подготовка и информация; кооперация среди кооперативов; забота об интересах кооперативного сообщества [29].

Российские сельскохозяйственные производственные кооперативы сегодня находятся в условиях выживания. Довольно большая часть из них, как уже отмечалось, это преемники советских колхозов. Оказавшись вынужденными конкурировать в условиях рынка с более эффективными крупными производителями, кооперативы одной из главных своих целей видят экономию на ресурсах и достижение положительной рентабельности основной деятельности. В этих условиях, к сожалению, не приходится говорить о полном соответствии принципам международной кооперации, а иногда даже о попытках соблюдения некоторых из этих принципов.

В связи с этим для реалий нашей страны оценка эффективности кооперации в сельском хозяйстве должна проводиться с пониманием особенностей различных типов кооперативов (производственных, потребительских, кредитных) и текущих целей их функционирования.

Пожалуй, наибольший интерес к анализу эффективности интеграции рыночных субъектов проявляли и проявляют представители институционального направления экономической мысли. Краеугольным камнем в данном подходе является экономия на транзакционных издержках, а интеграция (в первую очередь вертикальная) рассматривается как один из главных инструментов снижения подобного рода затрат. Поэтому представители данного направления видят в создании кооператива попытку снижения транзакционных издержек его участников. Кроме того, интеграция считается эффективным инструментом защиты специфических инвестиций (что существенно для сельскохозяйственного производства)

и способствует преодолению информационной асимметрии.

Оценку эффективности и целесообразности кооперации (интеграции) с позиции институционального направления можно проводить через сравнение транзакционных издержек интегрированных и неинтегрированных форм. При этом снижению транзакционных затрат в большей степени способствует, как правило, именно вертикальная интеграция («вверх» или «вниз») с контрагентами. Таким образом, снижаются риски неопределенности и оппортунизма для фирмы, она получает гарантированный сбыт или доступ к необходимым ресурсам. Однако следует помнить и о так называемом эффекте «запирания» (lock-in effect), когда фирма, реализующая свой продукт или услугу в рамках кооператива, не имеет возможности продавать вовне. Вследствие этого производственный потенциал фирмы не будет реализован, что не позволит ей покрыть постоянные издержки и быть рентабельной.

Для оценки целесообразности интеграции (кооперации) предлагается рассчитывать транзакционный параметр T , который позволяет сопоставить транзакционные издержки, возникающие у интегрированных, и транзакционные издержки неинтегрированных фирм:

$$T = \frac{\varphi - 2\gamma}{\gamma}, \quad (2)$$

где φ — транзакционные издержки внутри интегрированных структур; 2γ — транзакционные издержки межфирменного взаимодействия (где γ — транзакционные издержки одной фирмы, не входящей в вертикально-интегрированную структуру, 2γ — суммарные транзакционные издержки двух контрагентов по осуществлению сделки на рынке).

Транзакционный параметр принимает отрицательные значения в том случае, если транзакционные издержки неинтегрированных структур превышают транзакционные издержки интегрированных, и тогда интеграция с контрагентом считается обоснованной и приведет к экономии затрат. Если транзакционный параметр принимает положительные значения, то это говорит о превышении внутрифирменных издержек интегрированных фирм над транзакционными издержками неинтегрированных, то есть интеграция способствовала еще большему росту затрат и нецелесообразна.

На практике количественно определить величину транзакционных издержек довольно затруднительно, поскольку далеко не все из них отражаются в бухгалтерской отчетности, и, кроме того, некоторые могут не иметь прямого количественного выражения, но при этом выступают в виде различного рода потерь для предприятия.

Высокие транзакционные издержки перехода к новым формам функционирования на рынке вынуждают фермеров работать в рамках кооператива. Это позволяет сохранить его устойчивость, но ни в коем случае не говорит о его большей эффективности по сравнению с другими формами координации на рынке. В данном случае мы сталкиваемся с примером высоких издержек трансформации в экономике, затрудняющих переход к более эффективным организационным формам. То есть в нашей стране в сфере сельскохозяйственной кооперации, с одной стороны, существует так называемый эффект path dependence в отношении тех кооперативов, которые были образованы на базе бывших колхозов (или же созданы принудительно «сверху» органами власти). С другой стороны, негативное восприятие советской коллективизации и сегодня служит мощным барьером для создания на селе кооперативных образований, работающих уже на совершенно иных принципах.

Еще одним важным направлением исследования в рамках институциональной теории является изучение кооперативов как сетевых взаимодействий между субъектами рынка и оценки эффективности с точки зрения таких характеристик, как взаимные выгоды, устойчивость сети и взаимная поддержка участников сети. Сеть представляет собой объединение рыночных субъектов, находящихся на разных стадиях производственной цепи, которое часто носит неформальный характер. То есть участники сети — акторы, — являясь формально независимыми субъектами рынка, при этом имеют прочные внерыночные связи с контрагентами, от чего получают целый ряд преимуществ в виде устойчивых деловых связей, взаимной поддержки, доступа к дополнительным ресурсам, оставляя за собой право осуществлять сделки за пределами сети. Сегодня стало весьма популярным исследование кооперации с позиций теории сетевого взаимодействия. При этом авторы уделяют особое внимание таким характеристикам сети, как доверие, реципрокность, что, по их мнению, является главными условиями устойчивости, работоспособности и эффектив-

ности сети. Кооперация на Западе часто строится по сетевому принципу, когда небольшие фермерские хозяйства на долгосрочной основе сотрудничают с крупными перерабатывающими предприятиями. Это в значительной мере облегчает фермерам координацию на рынке, так как существенно снижает для них степень рыночной неопределенности. В России подобные отношения также начинают возникать на рынке (в том числе и в сфере сельского хозяйства), но это, как правило, не затрагивает сферу сельскохозяйственных кооперативов в классическом их понимании. По-прежнему большая часть фермерских хозяйств работают в одиночку, не делая попыток создания прочных деловых связей с другими субъектами рынка. Нам видится, что современный кооператив должен строиться по принципу сети (организуясь в формальную или неформальную структуру), где участники объединены общим интересом и идеей (например, производство и реализация высококачественной, экологически чистой продукции), имеют более гибкие условия сотрудничества по сравнению с рыночными и могут оказать взаимопомощь в некоторых ситуациях (например, выступить гарантом при кредитовании, отсрочить срок погашения кредиторской задолженности и т. п.). А эффективность кооперации в таком случае будет оцениваться устойчивостью и длительностью отношений, эффективностью отдельных участников, степенью реализации миссии или цели кооперации.

Сегодня популярен стейкхолдерский подход к анализу взаимодействий между участниками экономических отношений. Согласно этому подходу связи внутри кооператива также могут рассматриваться как набор взаимоотношений между предприятием (это может быть и отдельное фермерское хозяйство, и кооператив в целом) и всеми заинтересованными субъектами, с которыми предприятие имеет более или менее устойчивые связи. Взаимовыгодными такие отношения становятся, когда участники имеют возможность реализации своих остаточных прав (остаточные права стейкхолдеров) [30]. Под остаточными правами стейкхолдеров понимаются такие неформальные (не зафиксированные в формальном контракте между сторонами) нормы поведения, которые приняты в рамках определенного экономического сотрудничества или взаимодействия и позволяют его участникам извлекать дополнительные выгоды. Эффективность кооперации в данном случае будет подтверждена наличием

этих прав и возможностью их реализации. А их оценка заключается в оценке возможных (или реально полученных) выгод. Таким образом, кооператив может и должен создаваться тогда, когда он позволяет участникам реализовать свои интересы (не только финансовые). В рамках формальной контрактации может быть предусмотрена выгода от совместного закупа сырья, совместной реализации продукции или ее хранения. Однако, помимо этого, предприятия в процессе хозяйственной деятельности сталкиваются с множеством внешних и внутренних проблем, которые порой не могут решить в одиночку. В этом случае поддержку могут оказать контрагенты — участники устойчивых сетевых взаимодействий (стейкхолдеры). Оценивая возможные потери, которые рыночный субъект может понести в результате банкротства партнера, срыва поставки, потери рынка сбыта или источника сырья, субъект принимает решение оказать финансовую или нефинансовую помощь. Кроме того, часто отношения в рамках экономических взаимодействий носят реципрокный характер (основываются на взаимности), что позволяет таким кооперациям оставаться успешными, эффективными и долгосрочными. Трудно переоценить важность таких отношений в сельском хозяйстве, особенно в секторе малых предприятий (фермерских хозяйств), которые крайне болезненно переживают такие типичные для данной сферы симптомы, как низкая урожайность, убыточность операционной деятельности, диспаритет цен, влияние внешних факторов (требования ВТО, давление крупных игроков рынка).

Одно из важнейших мест в анализе эффективности предприятий занимает анализ финансовых и операционных показателей деятельности. В оценке эффективности кооперативов, на наш взгляд, также должен присутствовать этот элемент. Здесь необходимо проанализировать ряд финансовых и операционных коэффициентов, среди которых себестоимость на рубль выручки, темп роста выручки от реализации, темп роста основных фондов, фондоотдача, обеспеченность собственными оборотными средствами, удельный вес собственного капитала в совокупном капитале, рентабельность затрат, валовая рентабельность. Выбор данных показателей не случаен и основывается на изученных и описанных выше методиках анализа эффективности кооперации, а также разработанной автором ранее методике анализа успешности предприятий

малого и среднего бизнеса на основе внутренних факторов (апробированной в том числе и на сельскохозяйственных предприятиях) [31].

Несмотря на то что кооперация в сельском хозяйстве России пока слабо развита, в будущем она должна и присутствовать и играть важнейшую роль в повышении эффективности малых форм хозяйствования. При этом сами кооперативы должны быть эффективны с экономической, социальной, технологической, институциональной точек зрения. Кроме того, одним из важнейших критериев эффективности кооперации должны стать соответствие целям кооперации и их реализация кооперативом. С этой точки зрения, при оценке эффективности кооператива в первую очередь нужно понимать, преследует ли кооператив коммерческую выгоду или он создан с целью совместного потребления (либо иного получения благ). В России кооперативы делятся на производственные и потребительские. Первые — это коммерческие предприятия, они направлены на развитие совместного производства или сбыта продукции (или оказание ряда других услуг — хранение, переработка и т. п.). Эффективность такого типа кооперации должна оцениваться с различных точек зрения (народнохозяйственной, институциональной и др.), однако здесь обязательно должно учитываться достижение кооперативом приемлемого уровня операционных и финансовых показателей. Что касается потребительских кооперативов (также потребительских обществ), то это некоммерческие образования и к оценке их эффективности необходим несколько иной подход. Важнейшим параметром эффективности здесь, на наш взгляд, будет являться достижение целей кооперации (совместное потребление — шеринг, использование органических чистого сырья и т. п.).

Таким образом, в результате анализа различных подходов к оценке эффективности кооперации нами разработана модель, отражающая различные аспекты, которые важно принимать во внимание как на этапе решения вопроса о создании кооператива, так и впоследствии, в процессе его функционирования.

Во-первых, устанавливается цель кооперации. А затем, как сказано выше, определяется тип кооперации в зависимости от желаемого результата. Здесь, в контексте производственной кооперации, показателем оценки эффективности может стать коэффициент экономического эффекта от кооперации, в основе которого лежит

определение экономии на затратах (различного типа, в зависимости от типа и цели кооперации). Положительная экономия будет свидетельствовать о достижении в той или иной мере цели кооперации (в основном это касается производственной кооперации). Немаловажно проводить оценку кооператива на предмет соответствия принципам Международного кооперативного альянса. Причем этим принципам, на наш взгляд, должны соответствовать как производственные, так и потребительские кооперативы с поправкой на особенности внутрифирменного управления и законодательства в стране.

Во-вторых, целесообразность кооперации необходимо оценивать с точки зрения институциональной эффективности. Мерилом здесь выступают трансакционные издержки кооператива. Достижение экономии на трансакционных издержках крайне важно в современной экономике для любого хозяйствующего субъекта. Создание интегрированных (кооперативных) образований часто преследует цель именно минимизации трансакционных затрат. Кроме того, в контексте институциональной эффективности в качестве альтернативы кооперативам следует рассматривать сетевые структуры, не носящие, как кооператив, жесткий формализованный характер. Сеть нередко может оказаться гораздо эффективнее кооперации в ее строгом смысле и предложить участникам больше возможностей для получения выгод (что особенно актуально в сфере сельского хозяйства). Стейкхолдерский подход предлагает рассматривать всех участников экономических отношений в рамках одной сети или кооператива как стейкхолдеров. С точки зрения этого подхода, эффективность кооперации можно оценивать возможностью реализации остаточных прав стейкхолдеров.

В-третьих, при оценке эффективности производственного кооператива следует проводить анализ финансовых показателей результативности. Кооператив как коммерческое предприятие должен демонстрировать приемлемые (но лучше — высокие) показатели результативности (рентабельность, фондоотдача), структуры капитала и иметь положительные темпы роста ключевых операционных показателей (таких как выручка, основные фонды).

Предложенная модель оценки эффективности сельскохозяйственной кооперации носит прикладной характер и в дальнейшем будет апробирована на российских сельскохозяйственных

кооперативах. Кроме того, на наш взгляд, переосмысления требует модель самой кооперации в АПК, поскольку действующие на сегодняшний день кооперативы не отвечают современным требованиям рынка и не позволяют решить возложенные на них задачи.

Список литературы

1. Российские сельскохозяйственные кооперативы: эффективность, особенности внутренней организации, основные проблемы [Электронный ресурс] / А. М. Никулин, И. В. Троцук, А. В. Соболев, А. А. Куракин. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2805112>.
2. Алтухов, А. Эффективному функционированию АПК — научное обеспечение : [итоги исслед. и разработок науч.-исслед. учреждений отд. экономики и земел. отношений Россельхозакад.] / А. Алтухов // Экономика сел. хоз-ва России. — 2013. — № 2. — С. 69—86.
3. Боев, В. Р. Приоритетность как метод повышения эффективности АПК / В. Р. Боев // Организационно-экономические основы аграрного рынка. — М. ; Минск : Армита — Маркетинг — Менеджмент, 1997. — С. 42—48.
4. Буздалов, И. Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России / И. Буздалов // АПК: Экономика, упр. — 2010. — № 5. — С. 21—34.
5. Буробкин, М. И. Экономический механизм формирования и использования инвестиций в агропромышленном производстве региона (на примере Курской области) : дис. ... канд. экон. наук / М. И. Буробкин. — М., 2003. — 140 с.
6. Гончаров, В. Производственный потенциал АПК: оценка и проблемы развития [в сельском хозяйстве и пищевой промышленности] / В. Гончаров // Экономист. — 2016. — № 2. — С. 33—43.
7. Добрынин, В. А. Актуальные проблемы экономики агропромышленного комплекса : учеб. пособие / В. А. Добрынин. — М. : МСХА, 2001. — 402 с.
8. Экономика сельского хозяйства : учебник / Н. Я. Коваленко, Ю. И. Агирбов, Н. А. Серова [и др.]. — М. : ЮРКНИА, 2004. — 384 с.
9. Родионова, О. Воспроизводство в сельскохозяйственных организациях в 2014 г. / Н. Борхунов, О. Родионова // АПК: Экономика, упр. — 2015. — № 9. — С. 60—67.
10. Силаева, Л. П. Развитие и размещение производства картофеля в России / Л. П. Силаева // АПК: экономика, упр. — 2013. — № 7. — С. 48—53.
11. Тульчеев, В. В. Кооперация и интеграция малых форм хозяйствования — перспектива развития АПК и общего аграрного рынка ЕАЭС [на примере производства картофеля и овощей] / В. В. Тульчеев, Н. Д. Лукин, Д. Н. Лукин // АПК: экономика, упр. — 2017. — № 7. — С. 22—32.
12. Лавлинский, С. М. О методах оценки эффективности организационной формы интегрированного формирования в АПК / С. М. Лавлинский // Сиб. вестн. с.-х. науки. — 2005. — № 5. — С. 102—109.
13. Макогон, В. В. Эффективность функционирования сельскохозяйственных предприятий Харьковской области различных форм собственности / В. В. Макогон // Вестн. Белорус. гос. с.-х. акад. — 2017. — № 2. — С. 16—20.
14. Козлова, Л. В. Потенциал организационных форм аграрных хозяйств в повышении эффективности производства [на примере Курганской области] / Л. В. Козлова // Экономика сел. хоз-ва. Рефератив. журн. — 2008. — № 2. — С. 367—370.
15. Головина, Л. А. Стимулирование повышения технологической эффективности зернового производства в регионе [в условиях Орловской области] / О. А. Родионова, Л. А. Головина // Экономика, труд, упр. в сел. хоз-ве. — 2012. — № 1. — С. 12—15.
16. Cook, M. L. The Future of U.S. Agricultural Cooperatives: A Neo-Institutional Approach / M. L. Cook // American J. of Agricultural Economics. — 1995. — No. 77. — P. 1153—1159.
17. Nilsson, J. The emergence of new organizational models for agricultural cooperatives / J. Nilsson // Swedish J. of Agricultural Research. — 1998. — Vol. 28.
18. Olson, M. The Logic of Collective Action / M. Olson. — 2nd ed. — Cambridge, Mass. : Harvard Univ. Press, 1971.
19. Staatz, J. M. Farmer Cooperative Theory: Recent Developments / J. M. Staatz // USDA, ACS Research Rep. — 1989. — No. 84.

20. Емельянов, П. Н. Упадок крестьянского хозяйства и его причины / П. Н. Емельянов // Тр. ИВЭО. — 1902. — № 6. — С. 23—45.
21. Туган-Барановский, М. И. Социальные основы кооперации / М. И. Туган-Барановский. — М. : Ун-т им. А. Л. Шанявского, 1916. — 184 с.
22. Чаянов, А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации / А. В. Чаянов. — М. : Наука, 1991. — 456 с.
23. Liu, J. Examining Economies of Scale for Farmer Cooperatives in China's Shanxi Province / J. Liu, D. Von Bailey // J. of Rural Coop. — 2013. — No. 2. — P. 33—46.
24. Salavou, H. E. Generic Business Strategies in Greece: Private Food Firms versus Agricultural Cooperatives / H. E. Salavou, P. Sergaki // J. of Rural Coop. — 2013. — No. 1. — P. 47—57.
25. Pestana, B. C. Comparing the Productive Efficiency of Cooperatives and Private Enterprises: The Portuguese Wine Industry as a Case Study / B. C. Pestana, S. J. C. Gomes // J. of Rural Coop. — 2007. — No. 2. — P. 9—68.
26. Zaimova, D. Measuring the economic efficiency of Italian agricultural enterprises / D. Zaimova // Euricse Working Papers. — 2011. — No. 018. — P. 12—23.
27. Abate, G. T. Impact of agricultural cooperatives on smallholders' technical efficiency: evidence from Ethiopia / G. T. Abate, G. N. Francesconi, K. Getnet // Euricse Working Papers. — 2013. — No. 50. — P. 3—16.
28. Keeling, B. J. Cooperative Financial Performance and Board of Director Characteristics: A Quantitative Investigation / B. J. Keeling // J. of Cooperatives. — 2009. — Vol. 22. — P. 38—46.
29. International Cooperative Alliance [Электронный ресурс]. — URL: <https://ica.coop/>.
30. Плетнев, Д. А. Остаточные права контроля и дохода субъектов корпорации: развитие стейкхолдерского подхода / Д. А. Плетнев // Корпорат. финансы. — 2014. — № 1 (29). — С. 47—62.
31. Николаева, Е. В. Внутренние экономические факторы успешности малых и средних предприятий: анализ по федеральным округам России / Е. В. Николаева // Экон. наука соврем. России. — 2016. — № 2 (73). — С. 77—89.

Сведения об авторе

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 123—132.

THE MODEL OF EFFICIENCY ESTIMATION IN AGRICULTURAL COOPERATION

Ye.V. Nikolaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

Economic relations in agro-industrial complex of Russia today require new approaches to increasing the efficiency of economic entities. This is especially true for small forms of management, which, despite significant growth in this sphere, still remain economically ineffective. The cooperation aims to solve this problem, to strengthen the position of individual farmers and relieve some of the social tensions in the countryside. The agricultural cooperatives existing in Russia today are far from the model that is needed in modern market relations, require an assessment of their effectiveness, and further development of more effective mechanisms of interaction. The article describes the existing methods of assessing the effectiveness of cooperation, on the basis of which the author proposes a model of assessment, taking into account the specific features of the sphere under investigation, as well as the type of cooperation. The model includes such aspects as institutional and economic efficiency, as well as the analysis of the cooperative's conformity to the objectives of cooperation and the principles of the International Cooperative Alliance.

Keywords: *agricultural cooperation, efficiency, institutional effectiveness, stakeholder approach.*

References

1. Nikulin A.M. *Rossiyskiye sel'skokhozyaystvennyye kooperativy: effektivnost', osobennosti vnutrenney organizatsii, osnovnye problemy* [Russian Agricultural Cooperatives: Efficiency, Features of Internal Organization, Main Problems]. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2805112> (In Russ.).
2. Altukhov A. Effektivnomu funktsionirovaniyu APK — nauchnoye obespecheniye [Scientific provision — for effective functioning of Agroindustrial Complex]. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii* [The Economics of Agriculture in Russia], 2013, no. 2, pp. 69—86. (In Russ.).
3. Boyev V.R. Prioritetnost' kak metod povysheniya effektivnosti APK [Priority as a method of increasing the efficiency of agroindustrial complex]. *Organizatsionno-ekonomicheskiye osnovy agrarnogo rynka* [Organizational and economic fundamentals of the agrarian market]. Moscow, Minsk, 1997. Pp. 42—48. (In Russ.).
4. Buzdalov I. Usloviya i napravleniya sotsial'no-ekonomicheskoy modernizatsii sel'skogo khozyaystva Rossii [Conditions and directions of socio-economic modernization of agriculture in Russia]. *Ekonomika, upravleniye* [Economics, Management], 2010, no. 5, pp. 21—34. (In Russ.).
5. Burobkin M.I. *Ekonomicheskiiy mekhanizm formirovaniya i ispol'zovaniya investitsiy v agropromyshlennom proizvodstve regiona (na primere Kurskoy oblasti)* [The economic mechanism of formation and use of investments in agro-industrial production of the region. Thesis]. Moscow, 2003. 140 p. (In Russ.).
6. Goncharov V. Proizvodstvennyy potentsial APK: otsenka i problemy razvitiya [Production potential of the agroindustrial complex: assessment and development problems]. *Ekonomist* [Economist], 2016, no. 2, pp. 33—43. (In Russ.).
7. Dobrynin V.A. *Aktual'nye problemy ekonomiki agropromyshlennogo kompleksa* [Actual problems of the economy of the agro-industrial complex]. Moscow, 2001. 402 p. (In Russ.).
8. Kovalenko N.Ya. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva* [Economy of agriculture]. Moscow, 2004. 384 p. (In Russ.).
9. Rodionova O.A. Vosproizvodstvo v sel'skokhozyaystvennykh organizatsiyakh v 2014 [Reproduction in agricultural organizations in 2014]. *Ekonomika, upravleniye* [Economics, Management], 2015, no. 9, pp. 60—67. (In Russ.).
10. Silayeva L.P. Razvitiye i razmeshcheniye proizvodstva kartofelya v Rossii. *Ekonomika, upravleniye* [Economics, Management], 2013, no. 7, pp. 48—53. (In Russ.).
11. Tul'cheyev V.V. Kooperatsiya i integratsiya malykh form khozyaystvovaniya — perspektiva razvitiya APK i obshchego agrarnogo rynka YeAES [Cooperation and integration of small forms of management is the prospect of development of the agroindustrial complex and the general agricultural market of the Unified Energy System]. *Ekonomika, upravleniye* [Economics, Management], 2017, no. 7, pp. 22—32. (In Russ.).
12. Lavlinskiy S.M. O metodakh otsenki effektivnosti organizatsionnoy formy integrirovannogo formirovaniya [On methods of assessing the effectiveness of the organizational form of integrated formation in the agroindustrial complex]. *Sibirskiy vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki* [Siberian Bulletin of Agricultural Sciences], 2005, no. 5, pp. 102—109. (In Russ.).
13. Makogon V.V. Effektivnost' funktsionirovaniya sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy Khar'kovskoy oblasti razlichnykh form sobstvennosti [Efficiency of functioning of agricultural enterprises of the Kharkov region of various forms of ownership]. *Vestnik Belorusskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii* [Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy], 2017, no. 2, pp. 16—20. (In Russ.).
14. Kozlova L.V. Potentsial organizatsionnykh form agrarnykh khozyaystv v povyshenii effektivnosti proizvodstva [Potential of organizational forms of agrarian economy in increasing production efficiency]. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva. Referativnyy zhurnal* [The economy of agriculture. Abstract Journal], 2008, no. 2, pp. 367—370. (In Russ.).
15. Golovina L.A. Stimulirovaniye povysheniya tekhnologicheskoy effektivnosti zernovogo proizvodstva v regione [Stimulating the increase of technological efficiency of grain production in the region]. *Ekonomika, trud, upravleniye v sel'skom khozyaystve* [Economics, Labour, Management in Agriculture], 2012, no. 1, pp. 12—15. (In Russ.).
16. Cook M.L. The Future of U.S. Agricultural Cooperatives: A Neo-Institutional Approach. *American Journal of Agricultural Economics*, 1995, no. 77, pp. 1153—1159.

17. Nilsson J. The emergence of new organizational models for agricultural cooperatives. *Swedish Journal of Agricultural Research*, 1998, vol. 28.
18. Olson M. *The Logic of Collective Action*, 2nd ed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1971.
19. Staatz J.M. Farmer Cooperative Theory: Recent Developments. *USDA, ACS Research Report*, 1989, no. 84.
20. Yemel'yanov P.N. Upadok krest'yanskogo khozyaystva i yego prichiny [Decline of the peasant economy and its causes]. *Trudy IVEO* [Proceedings of IVEO] (St. Petersburg), 1902, no. 6, pp. 23—45. (In Russ.).
21. Tugan-Baranovskiy M.I. *Sotsial'nyye osnovy kooperatsii* [The social basis of cooperation]. Moscow, 1916. 184 p. (In Russ.).
22. Chayanov A.B. *Osnovnyye idei i formy organizatsii sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii* [Main ideas and forms of organization of agricultural cooperation]. Moscow, 1991. 456 p. (In Russ.).
23. Liu J., Von Bailey D. Examining Economies of Scale for Farmer Cooperatives in China's Shanxi Province. *Journal of Rural Cooperation*, 2013, no. 2, pp. 33—46.
24. Salavou H.E. Generic Business Strategies in Greece: Private Food Firms versus Agricultural Cooperatives. *Journal of Rural Cooperation*, 2013, no. 1, pp. 47—57.
25. Pestana B.C. Comparing the Productive Efficiency of Cooperatives and Private Enterprises: The Portuguese Wine Industry as a Case Study. *Journal of Rural Cooperation*, 2007, no. 2, pp. 59—68.
26. Zaimova, D. Measuring the economic efficiency of Italian agricultural enterprises. *Euricse Working Papers*, 2011, no. 018, pp. 12—23. (In Russ.).
27. Abate G. T. Impact of agricultural cooperatives on smallholders' technical efficiency: evidence from Ethiopia. *Euricse Working Papers*, 2013, no. 50, pp. 3—16.
28. Keeling B.J. Cooperative Financial Performance and Board of Director Characteristics: A Quantitative Investigation. *Journal of Cooperatives*, 2009, vol. 22, pp. 38—46.
29. *International Cooperative Alliance*. Available at: <https://ica.coop/>, accessed 26.05.2018.
30. Pletnev D.A. Residual rights of control and income of corporate entities: development of the stakeholder approach [Residual rights of control and income of corporate entities: development of the stakeholder approach]. *Korporativnye finansy* [Corporate Finance], 2014, no. 1 (29), pp. 47—62. (In Russ.).
31. Nikolayeva Ye.V. Vnutrenniye ekonomicheskiye faktory uspekhov malyykh i srednikh predpriyatiy: analiz po federal'nym okrugam Rossii [Internal economic factors for the success of small and medium-sized enterprises: analysis by federal districts of Russia] *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia], 2016, no. 2 (73), pp. 77—89. (In Russ.).

СУВЕРЕНИТЕТ ИНТЕРЕСОВ МИНОРИТАРНОГО ИНВЕСТОРА В КОРПОРАТИВНОЙ СРЕДЕ КРУПНЫХ СОБСТВЕННИКОВ

Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Сорокин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены особенности процесса удовлетворения интересов акционеров и инвесторов, которые приобретают особую значимость при исследованиях в области экономики и финансов. Особое внимание уделяется преодолению конфликта интересов собственников, которых согласно европейской традиции разделяют на миноритарных и мажоритарных, а также решению назревших перед современным обществом вопросов комфортной и безопасной среды обитания, в том числе инвестиционной. Целью нашего исследования является изучение структуры российского корпоративного сектора, процессов концентрации капитала и производства, лежащих в основе его развития, а также их выявления на возникновение противоречий во внутрикорпоративных отношениях. Авторами предпринята попытка выявить и проанализировать противоречия, возникающие между интересами миноритарных и мажоритарных собственников в связи с использованием финансовых ресурсов корпораций, выработать рекомендации по сглаживанию противоречий и повышению инвестиционной привлекательности корпорации в результате формирования более комфортной инвестиционной среды.

Ключевые слова: *среда обитания, комфортное проживание, инвестиционные ресурсы, миноритарный инвестор, мажоритарный инвестор, концентрация капитала, общество потребления.*

Глобализация мировой экономики, несмотря на растущее геополитическое противостояние между ее ключевыми элементами, является важнейшим фактором развития общества. В основе глобализации лежит тесная интеграция национальных экономик в результате роста их взаимосвязанности. Таким образом, межнациональная кооперация, возникшая изначально как способ повышения экономической эффективности, стала непреодолимым и объективным фактором глобализации, влияющим не только на макроэкономические процессы, в связи с чем меняются многие теоретические постулаты, в том числе трактовка термина «концентрация капитала».

Целью нашего исследования является изучение структуры российского корпоративного сектора, процессов концентрации капитала и производства, лежащих в основе его развития, а самое главное, выявление их влияния на возникновение противоречий во внутрикорпоративных отношениях. В рамках данной работы проведем анализ противоречий, возникающих между миноритарными и мажоритарными собственниками в связи с использованием финансовых ресурсов корпораций.

Проблемы концентрации капитала всегда были актуальны и рассматривались многими авторами, поскольку закономерным результатом концентрации является развитие корпоративного сектора

экономики, который в большинстве случаев выступает драйвером отраслевого роста, роста национальной и мировой экономики [1]. В литературе упоминаются различные подходы к анализу деятельности корпораций. В работах С. Кларка и Дж. Брауна [10] исследования проводятся в направлении оценки управленческой эффективности многонациональных корпораций. Авторский коллектив, который возглавляет Е. Эдвард [13], предложил рассматривать эффективность корпораций с позиции общеэкономической и социальной стабильности, уделяя особое внимание социальным последствиям укрупнения предприятий. Изменение рыночных условий требует развития теоретической и методологической научной базы, вводятся новые термины и меняются ранее принятые трактовки. Так, принято рассматривать трактовку концентрации капитала не только с позиции рыночных процессов концентрации факторов производства, но и выделять институциональный аспект, обуславливающий формы и последствия концентрации [6]. Современные особенности концентрации капитала в форме централизации детально рассмотрены в работах Е. Бранкаччо и Дж. Фонтана [8]. В исследованиях А. Сима [20] дано определение «концентрационным рискам», возникающим в национальных экономиках вследствие укрупнения их экономических агентов. Э. Меркато и В. Платино [18]

рассматривают процессы концентрации через призму частной собственности и ее влияния на формирование факторов межкорпоративной конкурентности. Оценка возможностей управления заинтересованными сторонами в корпорации была проведена В. И. Бархатовым [4].

Однако большинством ученых корпоративный сектор воспринимается как обезличенная структура, тип юридического лица, рассматриваемый с точки зрения результата его влияния на экономику. При этом за рамками изучения остаются вопросы реализации корпоративного интереса, изучение которых усложняется, с одной стороны, их междисциплинарностью, так как они находятся на стыке предметов изучения финансовых и управленческих наук, в другой — тем, что корпоративные отношения давно вышли за рамки микроэкономики отдельного субъекта и корпорации представляют собой основной движущий фактор международных экономических и политических отношений, в результате чего концентрация капитала приобретает национально-экономический характер [7], вопросы нахождения компромисса интересов субъектов внутрикорпоративных отношений значительно усложняются. Корпоративная экономика — это, по сути, экономика мажоритарного собственника, то есть действующая в интересах наиболее влиятельного акционера, однако при этом используются все финансовые ресурсы корпорации, в том числе принадлежащие миноритарным участникам без соблюдения их интересов, что увеличивает инвестиционные риски и финансовую неопределенность.

Целью нашего исследования мы видим формирование рекомендаций по гармонизации внутрикорпоративных отношений между мажоритарными и миноритарными акционерами, чтобы сократить затраты на преодоление агентского конфликта для одних и снизить степень финансовой неопределенности для других, что положительно скажется на развитии корпоративного сектора и повысит его инвестиционную привлекательность. Основными задачами исследования являются изучение структуры российского корпоративного сектора, процессов концентрации капитала и производства, выявление финансовых и управленческих противоречий.

Развитие инвестиционной экономики привело к необходимости тщательного учета интересов инвестора. Крупные корпоративные структуры, как правило, привлекают наибольшее число

инвесторов для обеспечения безграничной экономики масштаба. При этом корпорации заинтересованы в использовании капитала большого количества мелких инвесторов. Это, с одной стороны, обеспечивает привлечение сбережений, а с другой — позволяет не потерять контроль над бизнесом. В этих условиях важным фактором становится доверие инвестора. Собственников интересует рентабельность и капитализация инвестиций, но ожидания также основываются на вовлеченности в процесс управления бизнесом. В этих условиях изучение концентрации как реального инструмента анализа инвестиционных решений становится важной проблемой.

Большинство исследований корпоративного капитала имеют узкую специализацию, что ограничивает возможности комплексного решения проблем управления. Многие экономисты рассматривают исключительно вопросы формирования структуры капитала на локальных национальных рынках (см.: К. Денг, С. Вонг, К. Чао [11]) либо в разрезе национальной модели рассматривают вопросы равномерности распределения капитала без учета его юридической принадлежности и финансовых интересов, с ним связанных (см.: С. Петро и М. Сордже [12]). Отдельного внимания заслуживают работы, рассматривающие взаимосвязь между структурой капитала и формами корпоративного управления (см.: Н. Гранадо-Пьеро и Дж. Лопес-Грациа [15]), а также дающие оценку концентрации капитала через призму отношений собственности (см.: С.-Л. Лиу и У.-Х. Еэх [16]), однако выявленные взаимосвязи не объясняют причин формирования противоречий. Наибольший интерес заслуживает совместное исследование Е. Бранкаччо, Р. Джиаметти, М. Лопрете и М. Пулига, которое готовится к публикации в журнале «Структурные изменения и экономическая динамика» (*Structural Change and Economic Dynamics*) и посвящено вопросам централизации управления корпоративными ресурсами. Авторы делают предположение о том, что доля топ-холдеров, совокупно владеющих 80 % глобальной экономической стоимости акционерных компаний, не превышает 2 % и продолжает расти [9]. Однако, рассматривая концентрацию капитала и процессы глобализации корпоративных отношений отдельно друг от друга, упускают из виду существенную деталь: в основе всех рыночных трансформаций заложены интересы корпорации, которые представлены интересами статистического большинства, то есть

мажоритарного собственника, а реализуются они за счет совокупных ресурсов, в том числе миноритарного акционера. Возникающее разногласие интересов и есть основа конфликта между мажоритарным и миноритарным собственником, который не получает дальнейшего исследования.

На предварительном этапе анализа нами оценивался уровень концентрации капитала на российском рынке; используемая методика является разработкой авторов; методика позволяет учесть влияние на концентрацию капитала концентрации производства и ее эффективности (см.: В. И. Бархатов и Д. А. Сорокин [2]). Концентрацию капитала будем оценивать по результатам расчета показателя Херфиндаля — Хиршмана (ННКап) по показателю капитализации прибыли крупнейших предприятий отрасли, а концентрацию производства — по результатам расчета доли одного (CR1), двух (CR2), трех (CR3) и семи (CR7) производителей, которые они занимают на отраслевом товарном рынке, и показателю Херфиндаля — Хиршмана (ННПр), рассчитанного по данным относительно отраслевых объемов производства. В ходе исследования использовались данные информационно-аналитической системы FIRA PRO относительно объемов производства и рыночной капитализации предприятий, входящих в рейтинг топ-100 отрасли по объему производства и рыночной капитализации. Всего за период с 1995 по 2011 г. в анализе приняли участие более 3000 компаний из различных сфер деятельности, однако для исследования были выбраны 900 компаний из 9 ведущих отраслей российской экономики.

Основные выводы, которые стали базой для нашего дальнейшего исследования: несмотря на неоднородность по составу и размеру предприятий, все отрасли, с точки зрения концентрации производства, являются высококонцентрированными, высокая концентрация наблюдается на товарных рынках, где доля семи крупнейших предприятий превосходит 80 % отраслевого товарного оборота. Концентрация капитала признается как умеренная для большинства отраслей, за исключением высококонцентрированных нефтяной и нефтегазовой отрасли, при этом для всех отраслей наблюдаются тенденции замены инсайдерского контроля аутсайдерским с его усилением через аффилированные структуры [3]. Это позволило сформулировать ряд гипотез относительно факторов развития концентрации капитала. Для выявления противоречий между интересами биз-

неса, представленного мажоритарным собственником, и интересами миноритарного инвестора, чей капитал лежит в основе функционирования корпоративного механизма, а также для оценки степени их влияния на развитие корпорации нуждаются в проверке гипотезы о наличии взаимосвязи между: концентрацией производства и концентрацией капитала; концентрацией капитала и эффективностью производства; степенью концентрации капитала и активностью рыночных трансформаций [5].

Акционерный капитал нами первоначально оценивался как распыленный инсайдерский, что не давало никаких предпосылок для начала изучения противоречий между мажоритарными и миноритарными собственниками. Они носили одиночный характер и формировались в основном в отраслях с высокой концентрацией капитала — нефтяной, нефтегазовой промышленности, энергетике, где мажоритарием в большинстве случаев выступало государство. Однако выявленные тенденции к росту непрозрачности акционерных компаний, совмещенному с усилением концентрации капитала через аффилированных лиц, усугубляются совмещением функций менеджера и собственника капитала, что получает дальнейшее развитие и становится основной предпосылкой для формирования конфликта интересов мажоритарного и миноритарного собственника.

Рассматривая концентрацию капитала корпорации как накопление рыночной стоимости корпорации, можно отметить, что интересы миноритарных и мажоритарных собственников не всегда совпадают между собой, а также с интересами корпорации, что объясняется информационной асимметрией и, как следствие, разными стратегиями их корпоративного поведения. Мажоритарный собственник, владея крупным пакетом акций, принимает решения в условиях большей информационной прозрачности, а следовательно, для него финансовая неопределенность и риск ниже, что делает приемлемым низкий темп роста будущих доходов и увеличивает приоритет капитализации и реинвестирования прибыли. Такой мотив полностью совпадает с интересами корпорации и увеличивает ее рыночную стоимость за счет капитализации прибыли в активах, что ведет к накоплению капитала в рамках корпорации и экономической системы в целом. Положительный эффекта масштаба в таком случае можно рассматривать в качестве критерия эффективности концентрации. Однако миноритарные собственники акций, действуя

в менее определенной финансовой среде, имеют более высокий финансовый риск, компенсировать который могут, например, текущими дивидендными выплатами. Но они их не получают, так как решение принимает мажоритарный собственник, что нарушает интерес миноритарного инвестора, притом что невыгодное для него решение реализуется в том числе за счет его финансовых ресурсов.

Кроме того, концентрация капитала может проходить в форме его перераспределения с использованием механизмов слияний и поглощений. В таком случае реорганизация проводится менеджерами корпорации по решению мажоритарного собственника, и незащищенными опять остаются интересы миноритарного инвестора, который, вкладывая собственные финансовые ресурсы в акции корпорации, не только теряет контроль за их использованием, но и лишается возможности реализовывать свою корпоративную стратегию.

В результате экономическое содержание акционерной компании, которое дано нами ранее, можно дополнить тем, что единство процессов увеличения начального капитала и его перераспределения определяется компромиссом интересов и стратегий поведения мажоритарных и миноритарных акционеров.

Гипотезы о влиянии на концентрацию капитала различных факторов доказаны нами ранее, однако для достижения целей статьи их необходимо рассмотреть с позиции отношений мажоритарного и миноритарного инвесторов.

В рамках проверки гипотезы о существовании взаимосвязи между концентрацией производства и капитала были рассчитаны три показателя корреляции между тремя парами рядов данных: концентрация производства и фондоотдача, концентрация производства и концентрация капитала, концентрация производства и доля предприятия на товарном рынке. Концентрация капитала и производства находятся во взаимозависимости, однако высокая концентрация производства сопряжена с высоким уровнем транзакционных издержек, что затрудняет процесс концентрации капитала. На наш взгляд, такое поведение собственников высококонцентрированного капитала связано с нарастающим конфликтом интересов мажоритарного и миноритарного инвестора, выражением которого и является нарастание транзакционных затрат.

В рамках проверки гипотезы взаимосвязи между концентрацией капитала и эффективностью производства оценена корреляционная связь по-

казателя фондоёмкости производства и концентрации капитала. Подтверждение данной гипотезы указывает на то, что высококонцентрированный капитал получает более эффективное размещение в производственные фонды, что дает большую отдачу, но вместе с тем осложняет отношения между мажоритарными и миноритарными инвесторами, снижает инвестиционную привлекательность компаний и тормозит их дальнейшее развитие. При этом мажоритарные собственники, получая сигнал о росте эффективности производства, связывают это с ростом концентрации капитала, что в выбранной стратегии имеет объективные ограничения в виде размеров их инвестиций. Это формирует их внутренний конфликт интересов выражающийся в выборе размера инвестиций в существующие предприятия и объема сбережений за рамками производства в целях диверсификации рисков, что, в свою очередь, ограничивает развитие промышленности, модернизацию производства и в конечном итоге ущемляет интересы миноритарных акционеров, вынужденных получать меньшую отдачу, не имея возможности повлиять на выбор мажоритариев.

В рамках проверки гипотезы о влиянии концентрации капитала на активность процессов рыночных трансформаций проведен корреляционный анализ между показателем централизации, рассчитываемым как процент отклонений между уровнями рыночной концентрации трех производителей на рынке (CR-3), рассчитанными для консолидированной и неконсолидированной отчетности крупнейших производителей, и показателем концентрации капитала. Проведенные расчеты доказывают наличие тесной связи, а обратная корреляционная зависимость объяснима значительными транзакционными издержками управления и преодоления агентского конфликта в отраслях, характеризующихся высококонцентрированным капиталом.

Так как эффективное развитие производства является общей и необходимой основой развития общества, оно дает рабочие места, формируя платежеспособный спрос, предоставляет варианты размещения капитала и формирует условия его роста. Все это делает необходимым регулирование концентрации капитала. Поскольку это затрагивает вопросы развития общества в целом, в качестве критериев эффективности можно использовать базовые стандарты общественного благосостояния. Теоретическим обоснованием и экономическим оправданием такого выбора может являться значительное повышение уров-

ня экономической эффективности деятельности корпораций, способное перекрыть негативные последствия монополизации товарных рынков, возникающей в ее результате. Аналогичным способом можно оценить возможность гармонизации внутрикорпоративных отношений, когда суверенитет интересов миноритариев может быть нарушен лишь на возмездной основе, имеющей осязаемость и общественную значимость.

В теории общественного благосостояния применяются разные подходы к определению критериев общественной значимости, трактуемых как стандарты благосостояния. Ценовой стандарт является наиболее «жестким», так как рассматривает в качестве аргументов, разрешающих концентрацию капитала, ограниченный круг факторов, а точнее, один — рыночную стоимость корпорации. Такой подход допускает концентрацию и, как следствие, любую из форм монополизации: монополизация рыночной власти производителя на товарном рынке, монополизация корпоративного контроля мажоритарного инвестора и другие — только в случае, если рыночная стоимость корпорации вследствие концентрации капитала возрастет, что рассматривается одинаково полезным для собственников разного типа независимо от размеров их акционерных капиталов. Согласно стандарту потребительского излишка, концентрация капитала возможна, если не приводит к снижению величины потребительского излишка, что можно рассматривать как увеличение потребительского излишка за счет снижения цен либо повышения благосостояния потребителя в результате предложения новых товаров, усовершенствования качества и т. д. Фактически с точки зрения акционерных отношений это означает, что преломление интересов миноритария в пользу мажоритарного инвестора оправданно только в случае, если выгода для миноритария будет более значима, чем ущерб, получаемый в результате ограничения интересов. При использовании критерия Калдора — Хикса любые изменения оправданны и приводят к росту общего благосостояния, если те члены общества, которые выигрывают при этом переходе, способны компенсировать проигрыш тех, чье положение ухудшается. С позиции концентрации капитала сокращение потребительского излишка возможно при условии, что такое сокращение будет компенсировано ростом эффективности. Сложность применения указанных стандартов связана с информационной асимметрией, не позволяющей од-

нозначно и объективно оценить выгоды от акционерного контроля для каждого инвестора.

Проанализированные стандарты благосостояния являются успешным средством оценки допустимости концентрации в условиях олигархическо-клановой структуры российской экономики. Они препятствуют необоснованному перераспределению излишков потребителей в пользу производителей, заставляют производителей работать в направлении снижения себестоимости продукции, повышения конкурентоспособности продукции. Однако все они имеют общий недостаток. Потребители априори оцениваются в них как более бедный класс населения по сравнению с производителями. На практике это случается не всегда. Стандарт полного излишка преодолевает этот недостаток. Согласно ему, концентрация будет позволена, когда значение полного излишка после концентрации больше своего предшествующего значения. Существует множество факторов, которые могут нарушить равенство в пользу как потребителей, так и производителей. Исходя из этого, формируется последний механизм оценки допустимости концентрации капитала. Это стандарт баланса. Использование этих средств балансирования положительных и отрицательных эффектов концентрации капитала позволит органам, ответственным за реализацию государственной политики в этой сфере, более обоснованно подходить к анализу и регулированию данного процесса, а разработанная ранее модель концентрации капитала даст им необходимые механизмы регулирования.

В российской экономике возможны следующие стратегические варианты экономической политики, основанной на планомерном развитии процессов концентрации капитала. Первый — основанный на адаптации существующей модели роста к негативным условиям внешней среды, при котором основной источник роста — государство; государственный спрос на товары, услуги, а также на институты является системообразующим, в его основные обязанности вменяется поставка финансовых ресурсов, сглаживание воздействия рыночных экстерналий, выбор стратегических приоритетов развития. Конечно, для реализации подобной концепции потребуются перестройка существующих социально-экономических институтов, наделение их реальными возможностями концентрации политических и финансовых ресурсов для реализации программы роста. Для снижения затрат на модернизацию,

повышения возможностей мобилизации финансовых ресурсов и контроля в основе финансовой системы возможно использовать уже созданные государственные корпорации. Второй вариант предполагает применение более либеральной политики, ориентированной на частные источники роста, то есть движущей финансовой силой должны стать частные домохозяйства, фирмы корпорации, которые должны заместить госу-

дарство в предпринимательской зоне. При этом в обязанности государства входит создание инвестиционных условий функционирования частных экономических агентов, стимулирование спроса, предложения, а также контроль, реализуемый с целью недопущения монополизации частными компаниями системообразующих сфер и направлений.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Модель успешного предприятия малого и среднего бизнеса в России : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев. — М. : Перо, 2016. — 320 с.
2. Бархатов, В. И. Концентрация капитала корпорации в транзитивной экономике : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Сорокин. — Челябинск, 2007. — 378 с.
3. Бархатов, В. И. Эффективность институциональных форм в трансформируемой экономике : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Сорокин. — Челябинск, 2011. — 358 с.
4. Бархатов, В. И. Успешность быстрорастущих предприятий среднего бизнеса в России / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Вестн. Перм. нац. исследоват. политехн. ун-та. Соц.-экон. науки. — 2015. — № 4. — С. 65—81.
5. Экономика и современное общество: факторы и механизмы устойчивого развития : монография / А. Н. Береза, А. Н. Бобышев, Д. А. Сорокин [и др.]. — Пенза : Наука и просвещение, 2016. — 239 с.
6. Сорокин, Д. А. Генезис методологии исследования категории «концентрация капитала» / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 18. — С. 98—106.
7. Сорокин, Д. А. Особенности интегрального анализа эффективности корпораций / Д. А. Сорокин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 15. — С. 78—85.
8. Brancaccio, E. “Solvency rule” and capital centralisation in a monetary union / E. Brancaccio, G. Fontana // Cambridge J. of Economics. — 2016. — No. 40. — P. 1055—1075.
9. Centralization of capital and financial crisis: A global network analysis of corporate control / E. Brancaccio, R. Giammett, M. Lopreite, M. Puliga // Structural Change and Economic Dynamics. — 2018.
10. Clark, C. Multinational Corporations and Governance Effectiveness: Toward a More Integrative Board / C. Clark, J. Brown // J. of Business Ethics. — 2015. — No. 132. — P. 565—577.
11. Deng, K. Institutions and Capital Structure: The Case of Chinese Property Firms / K. Deng, S. Wong, K. Chau // J. of Real Estate Finance and Economics. — 2018. — No. 56. — P. 352—385.
12. Di Pietro, C. Stochastic dominance and thick-tailed wealth distributions / C. Di Pietro, M. Sorge // J. of Economics. — 2018. — No. 123. — P. 141—159.
13. Edward, E. The sustainable effectiveness model: Moving corporations beyond the philanthropy paradigm / E. Edward, J. Lawler III, A. Conger // Organizational Dynamics. — 2015. — No. 44. — P. 97—103.
14. Gabbi, G. Asset correlations and bank capital adequacy / G. Gabbi, P. Vozzella // European J. of Finance. — 2013. — No. 19. — P. 55—74.
15. Granado-Peiró, N. Corporate Governance and Capital Structure: A Spanish Study / N. Granado-Peiró, J. López-Gracia // European Management Rev. — 2017. — No. 14. — P. 33—45.
16. Liu, C.-L. Ownership concentration and bank risk: international study on acquisitions / C.-L. Liu, Y.-H. Yeh // European J. of Finance. — 2017. — Aug. — P. 1—51.
17. Manzanegue, M. The role of institutional shareholders as owners and directors and the financial distress likelihood. Evidence from a concentrated ownership context / M. Manzanegue, E. Merino, A. Priego // European Management J. — 2016. — No. 34. — P. 439—451.
18. Mercato, E. Private ownership economies with externalities and existence of competitive equilibria: a differentiable approach / E. Mercato, V. Platino // J. of Economics. — 2017. — No. 121. — P. 75—98.
19. Moreno, A. Stakeholders in annual reports under ownership concentration: a historical case of a Spanish brewery company / A. Moreno, M. Cámara // Accounting History Rev. — 2016. — No. 26. — P. 57—81.
20. Sima, A. Concentration risk estimation under the Internal Capital Adequacy Assessment Process / A. Sima // Metalurgia Intern. — 2012. — No. 17. — P. 124—125.

Сведения об авторах

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Сорокин Дмитрий Алексеевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. r90r@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 133—140.*

SOVEREIGNTY THE INTERESTS OF MINORITY INVESTORS IN A CORPORATE ENVIRONMENT LARGE OWNERS

Yu.Sh. Kapkaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

D.A. Sorokin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. r90r@mail.ru

In the article features of process of satisfaction of interests of shareholders and investors which acquire special importance at researches in the field of economy and the finance are considered. Particular attention is paid to overcoming the conflict of interests of owners, who, according to the European tradition, are divided into minority and majority ones, as well as resolving issues of comfortable and safe living environment, including investment, for the modern society. The purpose of our study is to study the structure of the Russian corporate sector, the processes of concentration of capital and production, underlying its development, as well as their identification for the emergence of contradictions in intracorporate relations. The authors attempted to identify and analyse the contradictions arising between the interests of minority and majority owners in connection with the use of financial resources of corporations, develop recommendations for smoothing out contradictions and increasing the investment attractiveness of the corporation as a result of the formation of a more comfortable investment environment.

Keywords: *habitat, comfortable living, investment resources, minority investor, majority investor, concentration of capital, consumer society.*

References

1. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. *Model' uspehnogo predpriyatiya malogo i srednego biznesa v Rossii* [The model of successful enterprise for small and medium business in Russia]. Moscow, Pero Publ., 2016. 320 p. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I., Sorokin D.A. *Kontsentratsiya kapitala korporatsii v tranzitivnoy ekonomike* [The concentration of capital of the Corporation in transitive economy]. Chelyabinsk, 2007. 378 p. (In Russ.).
3. Barkhatov V.I., Sorokin D.A. [et al.]. *Effektivnost' institutsional'nykh form v transformiruemoy ekonomike* [The effectiveness of the institutional forms in transformed economy]. Chelyabinsk, 2011. 328 p. (In Russ.).
4. Barkhatov V.I. *Uspeshnost' byistorastuschikh predpriyatiy srednego biznesa v Rossii* [the Success of fast-growing medium-sized businesses in Russia]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences], 2015, no. 4, pp. 65—81. (In Russ.).
5. Bereza A.N., Bobyishev A.N., Sorokin D.A. *Ekonomika i sovremennoye obshchestvo: faktory i mekhanizmy ustoychivogo razvitiya* [The economy and modern society: factors and mechanisms for sustainable development]. Penza, Science and education Publ., 2016. 239 p. (In Russ.).
6. Sorokin D.A. *Genezis metodologii issledovaniya kategorii "kontsentratsiya kapitala"* [Genesis of methodology of research of category "concentration of the capital"]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 18, pp. 98—106. (In Russ.).
7. Sorokin D.A. *Osobennosti integral'nogo analiza effektivnosti korporatsiy* [The features of an integrated analysis of the effectiveness of corporations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 15, pp. 78—85. (In Russ.).

8. Brancaccio E., Fontana G. “Solvency rule” and capital centralisation in a monetary union. *Cambridge Journal of Economics*, 2016, no. 40, pp. 1055—1075.
9. Brancaccio E., Giammetti R., Loppreite M., Puliga M. Centralization of capital and financial crisis: A global network analysis of corporate control. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2018.
10. Clark C., Brown J. Multinational Corporations and Governance Effectiveness: Toward a More Integrative Board. *Journal of Business Ethics*, 2015, no. 132, pp. 565—577.
11. Deng K., Wong S., Chau K. Institutions and Capital Structure: The Case of Chinese Property Firms. *Journal of Real Estate Finance and Economics*, 2018, no. 56, pp. 352—385.
12. Di Pietro C., Sorge M. Stochastic dominance and thick-tailed wealth distributions. *Journal of Economics*, 2018, no. 123, pp. 141—159.
13. Edward E., Lawler III Jay, Conger A. The sustainable effectiveness model: Moving corporations beyond the philanthropy paradigm. *Organizational Dynamics*, 2015, no. 44, pp. 97—103.
14. Gabbi G., Vozzella P. Asset correlations and bank capital adequacy. *European Journal of Finance*, 2013, no. 19, pp. 55—74.
15. Granado-Peiró N., López-Gracia J. Corporate Governance and Capital Structure: A Spanish Study. *European Management Review*, 2017, no. 14, pp. 33—45.
16. Liu C.-L., Yeh Y.-H. Ownership concentration and bank risk: international study on acquisitions. *European Journal of Finance*, 2017, Aug., pp. 1—51.
17. Manzanque M., Merino E., Priego A. The role of institutional shareholders as owners and directors and the financial distress likelihood. Evidence from a concentrated ownership context. *European Management Journal*, 2016, no. 34, pp. 439—451.
18. Mercato E., Platino V. Private ownership economies with externalities and existence of competitive equilibria: a differentiable approach. *Journal of Economics*, 2017, no. 121, pp. 75—98.
19. Moreno A., Cámara M. Stakeholders in annual reports under ownership concentration: a historical case of a Spanish brewery company. *Accounting History Review*, 2016, no. 26, pp. 57—81.
20. Sima A. Concentration risk estimation under the Internal Capital Adequacy Assessment Process. *Metalurgia International*, 2012, no. 17, pp. 124—125.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА ПРЕДПРИЯТИЯ

А. Г. Рубин¹, Д. А. Рубин², О. Ю. Рубина²

¹ Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Краснодар, Россия

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Рассмотрены вопросы оценки эффективности менеджмента предприятия. Проведено обоснование целесообразности использования системного подхода в качестве инструмента оценки эффективности управления. Рассмотрена проблема оценки результата управленческой деятельности, ее количественных (экономия живого труда, снижение расходов на операционную и управленческую деятельность и др.) и качественных показателей (рост научно-технического уровня управленческой и операционной деятельности, степень взаимосвязи отдельных бизнес-процессов, рост качества управленческих решений и др.). Получена связь между общей эффективностью управления и эффективностями субъекта и объекта управления. В рамках системного подхода предложено использовать систему сбалансированных показателей. Использование системного подхода в качестве инструмента оценки эффективности управления существенно упрощает данный процесс и позволяет конкретизировать оценку, переводя показатели эффективности из качественной области в количественную. Результаты исследования могут быть использованы как на практике, так и в теории менеджмента.

Ключевые слова: *эффективность управления, системный подход, субъект управления, объект управления, система сбалансированных показателей.*

Современный быстроизменяющийся мир и связанное с этим ускорение всех происходящих в нем процессов, в том числе в экономике, выдвигает все более жесткие требования к современному предприятию в целом и к его системе управления в частности. При этом очень важно иметь возможность адекватной и своевременной оценки эффективности менеджмента предприятия [7].

Существует множество различных подходов к решению данной проблемы. Отдельные современные исследователи определяют эффективность по таким критериям, как степень достижения цели, темпы развития предприятия, уровень его организации и т. п. Также понятие «эффективность» связывают с такими понятиями, как «результативность», «производительность» и «качество» [8]. Ряд авторов вводят также дополнительные параметры эффективности, например потребительский, который представляет собой соотношение внутренних целей, стоящих перед предприятием (субъективный фактор), и внешних потребностей и ценностей (объективный фактор) [6. С. 25—26]. Правда, такой подход не учитывает фактор времени и поэтому рассматривает ситуацию в статике, а не в динамике.

Другой подход сводит оценку эффективности предприятия к оценке уровня его экономическо-

го потенциала, который обеспечивает «устойчивость к обновлению», связанную с текущим устойчивым положением предприятия, а также «способность к обновлению», связанную с возможностями предприятия по освоению за определенный период необходимого количества новой продукции (услуг), позволяющими предприятию развиваться [11. С. 189—191].

Известный американский экономист российского происхождения Игорь Ансофф рассматривает эффективность как соотношение фактического результата к потенциальному, достигаемому в случае, если бы предприятие реализовало все свои возможности [14]. Однако такой подход не учитывает возможное снижение устойчивости деятельности предприятия при максимально полном использовании его потенциала [3].

В своей основе современные исследования в области эффективности управления опираются на работы известного американского ученого австрийского происхождения Питера Друкера, в частности на одну из наиболее фундаментальных его книг — «Эффективное управление: экономические задачи и оптимальные решения». В данной работе автор разграничивает понятие «результативность» как экономическую

категорию, отражающую отношение результата к затратам (ресурсам) на его получение, и «организационная эффективность» как социально-экономическую категорию, оказывающую влияние на достигаемые результаты через бизнес-процессы и методы их организации, процессы управления человеческими ресурсами [15].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что единое мнение сложилось, пожалуй, только в отношении общего понятия эффективности (\mathcal{E}) как соотношения между достигнутым результатом (условной «прибылью» — Π) и использованными ресурсами (затратами — \mathcal{Z}) [12. С. 11]:

$$\mathcal{E} = \Pi / \mathcal{Z}. \quad (1)$$

При этом если стоимость ресурсов, задействованных для реализации управленческой деятельности, можно более или менее точно оценить количественно, то оценка ее результата — «прибыли», как правило, неоднозначна и подлежит в основном качественному описанию.

К количественным показателям «прибыли» можно отнести экономию живого труда (уменьшение числа работников, снижение трудоемкости бизнес-процессов), снижение расходов на операционную и управленческую деятельность, сокращение временных интервалов (уменьшение длительности бизнес-процессов) и т. д.

К качественным показателям «прибыли» относятся рост научно-технического уровня управленческой и операционной деятельности, степень взаимосвязи отдельных бизнес-процессов, повышение квалификационного уровня работников предприятия, рост качества управленческих решений, повышение корпоративной культуры, управляемость системы, степень удовлетворенности работников условиями труда, рост имиджа компании, повышение ее социальной ответственности, повышение экологичности [13].

Для того чтобы в ходе оценки эффективности управления предприятием учесть все составляющие как «прибыли», так и затрат, нам представляется наиболее целесообразным в качестве инструмента такой оценки воспользоваться системным подходом, рассматривающим предприятие в виде открытой системы, выделяя в ее рамках объект управления, влияющий на него субъект управления, а также вход (различные виды ресурсов), выход (конечный результат деятельности предприятия — продукция или услуги) и обратную связь (генерируемую внешней средой) [4. С. 120—121].

Таким образом, в рамках системного подхода эффективность управления предприятием (системы в целом) будет определяться результирующей эффективностью субъекта и объекта управления.

На эффективность субъекта управления влияет качество принимаемых им управленческих решений, распределение управленческих функций и полномочий между элементами системы [10].

Эффективность объекта управления зависит от производительности оборудования и живого труда, надежности технологии, запасов сырья и материалов, организации производства и т. д.

Поскольку из результирующей «прибыли» невозможно выделить ту ее часть, которая была получена в результате деятельности субъекта или объекта управления, общая эффективность управления (\mathcal{E}_o) может быть рассчитана как отношение результирующей прибыли (Π) к сумме управленческих затрат субъекта ($\mathcal{Z}_{c.y.}$) и объекта управления ($\mathcal{Z}_{o.y.}$):

$$\mathcal{E}_o = \Pi / (\mathcal{Z}_{c.y.} + \mathcal{Z}_{o.y.}). \quad (2)$$

Отсюда получим связь между общей эффективностью управления и эффективностями субъекта ($\mathcal{E}_{c.y.}$) и объекта управления ($\mathcal{E}_{o.y.}$):

$$1 / \mathcal{E}_o = 1 / \mathcal{E}_{c.y.} + 1 / \mathcal{E}_{o.y.}. \quad (3)$$

В результате общая эффективность управления может быть рассчитана следующим образом:

$$\mathcal{E}_o = \mathcal{E}_{c.y.} \times \mathcal{E}_{o.y.} / (\mathcal{E}_{c.y.} + \mathcal{E}_{o.y.}). \quad (4)$$

В рамках системного подхода к оценке эффективности управления логичным представляется также воспользоваться системой сбалансированных показателей (Balanced Scorecard) и формируемыми в ее рамках ключевыми показателями эффективности (Key Performance Indicator [9]. Данные показатели определяют деление системы на четыре основных блока:

— финансовый блок — генерирует традиционные финансовые показатели, такие как рентабельность, финансовая устойчивость, ликвидность и т. д.;

— потребительский блок — генерирует внешние показатели удовлетворенности потребителей, такие как способность предприятия к удовлетворению потребностей клиентов, к их удержанию, к привлечению новых клиентов и т. д.;

— процессный блок — генерирует показатели, характеризующие внутренние бизнес-процессы предприятия, такие как качество инновационного, производственного процесса, уровень материально-технического обеспечения, сбыта и т. д.;

— блок персонала — генерирует показатели, связанные с возможностью обучения и развития персонала, такие как уровень его профессионализма и мотивации, качество коммуникаций, уровень организационного взаимодействия работников и т. д.) [16. Р. 28—32].

В свете системного подхода эти направления исследования рассматриваются рядом ученых, чьи концептуальные взгляды созвучны с мнением авторов данной статьи и находят свое отражение в работах [1], [2] и [5], где излагаются мнения относительно особой роли финансов, Lean-менеджмента, управления персоналом, инвестиций, конкурентоспособности с точки зрения оценки эффективности принимаемых решений.

В рамках данного подхода по каждому из выделенных блоков с помощью так называемой стратегической карты устанавливаются и согласовываются стратегические цели. Затем для каждой цели разрабатываются соответствующие ключевые показатели эффективности и по каждому из них устанавливаются конкретные значения. Далее происходит разработка и закрепление за соответствующими подразделениями мероприятий, направленных на достижение ключевых показателей эффективности с одновременной выработкой собственных показателей (каскадированием).

Поскольку результатом в данной системе выступает степень достижения установленных показателей, это позволяет решить основную

проблему оценки эффективности — сложности с оценкой условной «прибыли». При этом расчет условной «прибыли» будет выглядеть следующим образом:

$$П_{\text{кпэ}} = (КПЭ_{\text{т}} - КПЭ_{\text{п}}) / (КПЭ_{\text{п}} - КПЭ_{\text{н}}), \quad (5)$$

где $П_{\text{кпэ}}$ — условная «прибыль», рассчитанная по ключевому показателю эффективности; $КПЭ_{\text{н}}$, $КПЭ_{\text{п}}$, $КПЭ_{\text{т}}$ — начальное, плановое и текущее значения ключевого показателя эффективности соответственно.

Так, например, если для процессного блока установлен показатель снижения числа рекламаций с 2 до 1 %, а на момент оценки эффективности его величина составляет 1,3 %, то условная «прибыль» (коэффициент достижения цели) по данному показателю составит $(1,3 - 2 \%) / (1 - 2) = 0,7$ (или 70 %). Выделив каскадированные показатели подразделений по данному показателю, мы тем самым одновременно определяем все подразделения, участвующие в его формировании. Оценив и суммировав все ресурсы, которые были направлены данными подразделениями для снижения процента рекламаций, можно определить суммарные затраты для оценки показателя эффективности данного процесса. При этом экономический смысл такой эффективности будет представлять собой уровень достижения цели на один рубль понесенных для этого затрат.

Таким образом, использование системного подхода в качестве инструмента оценки эффективности управления существенно упрощает данный процесс и позволяет конкретизировать оценку, переводя показатели эффективности из качественной области в количественную.

Список литературы

1. Березовский, Э. Э. Инновационные подходы к инвестиционному и Lean-менеджменту на основе опыта стран-участниц ВТО / Э. Э. Березовский, А. А. Кизим // Инвестиционный менеджмент и государственная инвестиционная политика : материалы междунар. науч. конф. : текстовое электрон. изд. — Краснодар, 2017. — С. 21—30.
2. Березовский, Э. Э. Менеджмент в системе аутсорсинга предприятий малого бизнеса / Э. Э. Березовский, А. А. Кизим, П. А. Солахов // Экономика устойчивого развития. — 2015. — № 3 (23). — С. 63—72.
3. Воронкова, А. Э. Стратегическое управление конкурентоспособным потенциалом предприятия: диагностика и организация : монография / А. Э. Воронкова. — Луганск : ВГУ, 2000. — 316 с.
4. Гондарева, И. В. Семантические аспекты системной эффективности предприятия / И. В. Гондарева // Формування ринкової економіки : зб. наук. праць. Ч. 1. КНЕУ, спец. випуск Економіка підприємства: теорія і практика. — 2008. — С. 119—126.
5. Кизим, А. А. Менеджмент в структурной трансформации экономических отношений субъектов бизнеса в рамках повышения конкурентоспособности / А. А. Кизим, Э. Э. Березовский, С. М. Саввиди // Экономика устойчивого развития. — 2017. — № 3 (31). — С. 180—185.

6. Маркина, И. А. Методологічні питання ефективності управління / И. А. Маркина // Фінанси України. — 2000. — № 6. — С. 24—32.
7. Никулина, В. А. Повышение эффективности управления: критерии и направления / В. А. Никулина // Соврем. науч. исслед. и инновации. — 2014. — № 5, ч. 2.
8. Поршнев, А. Г. Качество, результативность и эффективность менеджмента [Электронный ресурс] / А. Г. Поршнев // Элитариум — Центр дополнительного образования. — URL: http://www.elitarium.ru/2010/04/05/kachestvo_menedzhmenta.html (дата обращения 21.04.2018).
9. Рубин, А. Г. Современные подходы к управлению операционной стратегией предприятия / А. Г. Рубин // Фундамент. исслед. — 2015. — № 5 (ч. 2). — С. 438—441.
10. Рубин, Д. А. Проблемы оценки эффективности системы менеджмента качества / Д. А. Рубин, О. Ю. Рубина, Т. А. Сапунова // Новое качество образования и науки: возможности и перспективы : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. — М. : Науч.-исследоват. ин-т истории, экономики и права, 2017. — С. 131—134.
11. Гибкое развитие предприятия: Эффективность и бюджетирование / В. Н. Самочкин, Ю. Б. Проппин, Е. Н. Логачева [и др.]. — 2-е изд., доп. — М. : Дело, 2002.
12. Тищенко, А. Н. Экономическая результативность деятельности предприятий : монография / А. Н. Тищенко, Н. А. Кизим, Я. В. Догодайло. — Харьков : Инжек, 2005. — 144 с.
13. Эскиев, М. А. Эффективность системы управления организацией. Основные факторы, влияющие на эффективность / М. А. Эскиев, С. А. Аслаханова, А. И. Бексултанова // Молодой ученый. — 2015. — № 23. — С. 689—692.
14. Ansoff, I. Strategic Management / I. Ansoff. — John Wiley & Sons, 1979.
15. Drucker, P. Managing for Results / P. Drucker. — New York : Harper & Row, 1964.
16. Kaplan, R. The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action / R. Kaplan, D. Norton. — Boston : Harvard Business School Press, 1996.

Сведения об авторах

Рубин Александр Гарриевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент и маркетинг» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Краснодар, Россия. AGRubin@fa.ru

Рубин Дмитрий Александрович — магистрант Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Rubur1994@yandex.ru

Рубина Оксана Юрьевна — магистрантка Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. pryadko.ok@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 141—146.

SYSTEM APPROACH AS A TOOL FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF ENTERPRISE MANAGEMENT

A.G. Rubin

Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Krasnodar, Russia. AGRubin@fa.ru

D.A. Rubin

Kuban State University, Krasnodar, Russia. Rubur1994@yandex.ru

O.Yu. Rubina

Kuban State University, Krasnodar, Russia. pryadko.ok@yandex.ru

Questions of estimation of efficiency of management of the enterprise are considered. The substantiation of expediency of use of the system approach as the tool of an estimation of efficiency of management is carried out. The article deals with the problem of assessing the result of management activity, its quantitative

(saving of living labour, reducing the cost of operating and management activities, etc.) and qualitative indicators (growth of scientific and technical level of management and operating activities, the degree of interaction of individual business processes, the growth of the quality of management decisions, etc.). The relationship between the overall efficiency of management and the effectiveness of the subject and the object of management is obtained. Within the framework of the system approach, it is proposed to use a system of balanced indicators. The use of a systematic approach as a tool for assessing the effectiveness of management significantly simplifies the process and allows you to specify the assessment, translating performance indicators from the qualitative to the quantitative. The results of the research can be used both in practice and in management theory.

Keywords: *management effectiveness, system approach, subject of management, object of management, balanced scorecard system.*

References

1. Berezovskiy E.E., Kizim A.A. Innovatsionnyye podkhody k investitsionnomu i Lean-menedzhmentu na osnove opyta stran-uchastnits VTO [Innovative approaches to investment and Lean-management based on the experience of WTO member countries]. *Investitsionnyy menedzhment i gosudarstvennaya investitsionnaya politika: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Investment management and state investment policy Materials of the international scientific conference]. Krasnodar, 2017. Pp. 21—30. (In Russ.).
2. Berezovskiy E.E., Kizim A.A., Solakhov P.A. Menedzhment v sisteme autsorsinga predpriyatiy malogo biznesa [Management in the system of outsourcing of small businesses]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of sustainable development], 2015, no. 3 (23), pp. 63—72. (In Russ.).
3. Voronkova A.E. *Strategicheskoye upravleniye konkurentosposobnym potentsialom predpriyatiya: diagnostika i organizatsiya* [Strategic management of the competitive potential of the enterprise: diagnostics and organization]. Lugansk, 2000. 316 p. (In Russ.).
4. Gontareva I.V. Semanticheskiye aspekty sistemnoy effektivnosti predpriyatiya [Semantic aspects of system efficiency of the enterprise. Ch. 1]. *Formuvannya rynkovoyi ekonomiki* [Formation of a market economy. Pt. 1], 2008, pp. 119—126. (In Russ.).
5. Kizim A.A., Berezovskiy E.E., Savvidi S.M. Menedzhment v strukturnoy transformatsii ekonomicheskikh otnosheniy sub'yektov biznesa v ramkakh povysheniya konkurentosposobnosti [Management in the structural transformation of economic competitiveness]. *Ekonomika ustoychivogo razvitiya* [Economics of sustainable development], 2017, no. 3 (31), pp. 180—185. (In Russ.).
6. Markina I.A. Metodolohichni pytannya efektyvnosti upravlinnya [Methodological issues of management effectiveness]. *Finansy Ukrainy* [Finance of Ukraine], 2000, no. 6, pp. 24—32. (In Ukrainian).
7. Nikulina V.A. Povysheniye effektivnosti upravleniya: kriterii i napravleniya [Increase in management efficiency: criteria and directions]. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific researches and innovations], 2014, no. 5, pt. 2. (In Russ.).
8. Porshnev A.G. Kachestvo, rezul'tativnost' i effektivnost' menedzhmenta [Quality, effectiveness and effectiveness of management]. *Elitarium — Tsentri dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Elitarium — Center for additional education]. Available at: http://www.elitarium.ru/2010/04/05/kachestvo_menedzhmenta.html, accessed 21.04.2018. (In Russ.).
9. Rubin A.G. Sovremennyye podkhody k upravleniyu operatsionnoy strategiyey predpriyatiya [Modern approaches to the management of the operational strategy of the enterprise]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 5 (pt. 2), pp. 438—441. (In Russ.).
10. Rubin D.A., Rubina O.Yu., Sapunova T.A. Problemy otsenki effektivnosti sistemy menedzhmenta kachestva [Problems of assessing the effectiveness of the quality management system]. *Novoye kachestvo obrazovaniya i nauki: vozmozhnosti i perspektivy: sbornik statey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [New quality of education and science: opportunities and perspectives: Collection of articles of the international scientific and practical conference]. Moscow, 2017. Pp. 131—134. (In Russ.).
11. Samochkin V.N., Pronin Yu.B., Logacheva Ye.N. (et al.). *Gibkoye razvitiye predpriyatiya: Effektivnost' i byudzhetrovaniye* [Flexible enterprise development: Efficiency and budgeting]. Moscow, 2002. (In Russ.).
12. Tishchenko A.N., Kizim N.A., Dogodaylo Ya.V. *Ekonomicheskaya rezul'tativnost' deyatel'nosti predpriyatiy* [Economic performance of enterprises]. Kharkov, 2005. 144 p. (In Russ.).

13. Eskiyev M.A., Aslakhanova S.A., Beksultanova A.I. Effektivnost' sistemy upravleniya organizatsiyey. Osnovnyye faktory, vliyayushchiye na effektivnost' [Effectiveness of the organization's management system. The main factors affecting the effectiveness]. *Molodoy uchonyy* [The young scientist], 2015, no. 23, pp. 689—692. (In Russ.).
14. Ansoff I. *Strategic Management*. John Wiley & Sons, 1979.
15. Drucker P. *Managing for Results*. New York, Harper & Row, 1964.
16. Kaplan R., Norton D. *The Balanced Scorecard: Translating Strategy into Action*. Boston, Harvard Business School Press, 1996.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

А. Ф. Сагитова, Е. А. Сорокина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

В настоящее время развитие малого предпринимательства играет важную роль как для экономики России в целом, так и для отдельных экономических субъектов. Малые предприятия приносят доход государству, обеспечивают дополнительные рабочие места и насыщают рынок новыми товарами и услугами, в которых заинтересовано общество потребителей. Многие предприятия малого бизнеса неспособны выжить в современных экономических условиях, поскольку перед ними возникает множество барьеров, выявление которых и стало целью настоящего исследования. В качестве основных барьеров авторы выделили такие, как: высокие цены на сырье и материалы, нехватка помещений, отсутствие государственной поддержки, высокая арендная плата, отсутствие квалифицированного персонала. Рассмотрены пути решения проблем.

Ключевые слова: *малое предпринимательство, малый бизнес, преимущества малого предпринимательства, государственная поддержка малых предприятий, налогообложение малого бизнеса.*

В современных условиях хозяйствования особую актуальность приобретает малое предпринимательство, поскольку считается, что это достаточно эффективная форма организации деятельности, направленная на достижение полезного результата в денежном выражении. Кроме того, заниматься малым предпринимательством может абсолютно любой гражданин, реализуя конституционный принцип Российской Федерации свободы экономической деятельности, если такая экономическая деятельность не запрещена на территории Российской Федерации. Сектор малого бизнеса является основой современной рыночной инфраструктуры, которая обеспечивает конкурентную среду экономики. Малый бизнес в Российской Федерации имеет ряд особенностей, о которых говорится ниже, это подчеркнуто в трудах В. А. Хамзатова и А. А. Атамазовой [14].

Под малым предпринимательством будем понимать относительно небольшую группу лиц (субъектов рыночной экономики), объединившихся для достижения общей цели. Общая цель таких субъектов заключается в получении прибыли в основном от операционной деятельности, то есть непосредственно от производства и реализации товаров, услуг, выполнения работ.

Цель данного исследования заключается в поиске барьеров для субъектов малого предпринимательства, препятствующих началу и развитию их деятельности. При выявлении барьеров, препятствующих развитию малого предпринимательства,

необходимо предложить направления их устранения.

Малый бизнес в РФ стал развиваться с 1988 г., а особенно интенсивно — начиная с 1990 г. К 2003 г. уже имелось 882,3 тыс. малых предприятий. За анализируемый период среднегодовая скорость их прироста составила 8,5 %, это отражено в трудах А. А. Атамазовой [1]. Прообразом малых предприятий стали кооперативы, возникшие еще во времена СССР, в 1988 г.; число занятых в кооперативных предприятиях превышало 5 млн чел. Такие предприятия получали различные преференции от государства за счет средств бюджета. В этот период происходит первоначальное накопление капитала. В 1990—1991 гг. резко возрастает количество малых предприятий на территории Советского Союза. Такие предприятия спешно учреждаются на всей территории: это разнообразные полугосударственные и частные компании: торговые предприятия, биржи, банки и пр. Прослеживается увеличение капитала в малом предпринимательстве. В 1992—1993 гг. в российской экономике начинаются передел собственности, массовая приватизация государственных предприятий и множество различных реформ не только в экономической, но и в политической и социальной сфере. Финансовая база малого предпринимательства была значительно подорвана, так как в стране произошло обесценивание накоплений населения — бумажных денег, что привело к значительному увеличению ставок

по банковским кредитам. В таких неблагоприятных условиях малое предпринимательство находится в сложнейшей ситуации с подорванной финансовой базой и большой налоговой нагрузкой. Однако свобода цен на рынке и поток дешевых некачественных импортных товаров, пользовавшихся высоким спросом у отечественных потребителей, привели к росту коммерческой деятельности и высокому темпу роста малых предприятий: появляются торговые розничные ларьки, палатки, расцветает челночный бизнес. Таким образом, непроизводственная сфера в этот период выходит на первый план, а вот малые предприятия производственной сферы, наоборот, терпят поражение и завершают свою деятельность. Объясняется это тем, что именно в непроизводственной сфере оборот денежных наличных средств является наиболее трудно контролируемым, что дает возможность таким малым предприятиям уклоняться от уплаты налогов или не уплачивать их вообще. Эти вопросы освещены в трудах А. Ю. Манохина [8].

При этом нельзя не отметить достоинства малого предпринимательства в кризисный период. Именно занятость в этой сфере помогла выжить населению, предоставив возможность получения средств к существованию. С 1994 по 1997 г. происходит спад создания малых предприятий, на что повлияла высокая конкуренция и поглощение более успешными крупными предприятиями неэффективных малых предприятий. И только с 1998 г. вновь происходит рост численности малых предприятий, финансовый кризис способствовал переориентированию их деятельности на производственную сферу; в связи с резким увеличением курса национальной валюты требовался выпуск импортозамещающей продукции. В этот период малые предприятия становятся конкурентоспособными по сравнению с крупными корпорациями, они успешно решали задачи эффективного использования имеющихся в распоряжении экономических ресурсов, их рационального распределения и сокращения транзакционных издержек. Это привело к созданию партнерских отношений, их активному взаимодействию и кооперации их деятельности, о чем говорится в трудах А. И. Пастуховой (см., напр., [9]). Минимизация издержек приводит к распределению большего количества доходов внутри предприятия, что порождает новые противоречия между субъектами данных отношений. Эти противоречия рассмотрены А. Ф. Сагитовой

и Е. А. Сорокиной [12]. В кризисный период и фактически до начала 2000-х гг. государственная поддержка малого предпринимательства была минимальной. На сегодняшний же день государство признало необходимость развития малого предпринимательства в России, поддерживая его не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Существуют установленные критерии отнесения предприятий к малому, среднему предпринимательству или микропредпринимательству. Согласно Постановлению Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства»¹ и Федеральному закону № 209-ФЗ от 24.07.2007 «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ»² (в ред. от 27.11.2017) установлены определенные критерии отнесения субъектов к категориям предпринимательства (см. таблицу на с. 149).

Согласно законодательству РФ все предприятия независимо от размера должны быть внесены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, который формирует налоговая служба исходя из отчетности, представленной такими предприятиями.

У предприятий малого предпринимательства по сравнению с другими видами бизнеса имеется ряд очевидных преимуществ, и прежде всего это их высокая мобильность, оперативность в принятии решений со способностью быстрой адаптации к условиям рынка, так как они лучше знают спрос в регионе своей деятельности. Такие предприятия минимизируют расходы на управление, а их потребность в первоначальном капитале не является неразрешимой проблемой. В малом предпринимательстве задействованы местные трудовые ресурсы, что положительно сказывается на доходах населения и других макроэкономических показателях всей страны — снижается безработица. Они активно взаимодействуют с местными финансовыми организациями и пользуются банковскими продуктами.

В своей деятельности малые предприятия ежедневно сталкиваются с множеством проблем. Одни предприятия могут успешно их преодолеть

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/

Критерии отнесения субъектов к категориям предпринимательства

Критерий	Категории		
	Среднее предприятие	Малое предприятие	Микропредприятие
Доходы	2 млрд р.	800 млн р.	120 млн р.
Численность сотрудников	101—250 чел.	16—100 чел.	До 15 чел.
Доля участия других лиц в капитале	Доля участия государственных образований, общественных и религиозных организаций и фондов — не более 25 % в сумме. Доля участия обычных юридических лиц (в том числе иностранных) — не более 49 % в сумме. Доля участия юридических лиц, которые сами являются субъектами малого и среднего предпринимательства, не ограничена		

и тем самым укрепить свои позиции на рынке, другие же неспособны справиться с нависшими задачами и объявляют себя банкротами.

Рассмотрим основные проблемы предприятий малого бизнеса. Основной причиной развития предприятий малого бизнеса оказалось резкое увеличение цен на сырье и основные материалы, в частности на те, что покупаются за границей. В настоящее время скачки на рынке валюты затрудняют прогнозную оценку результатов деятельности малых предприятий. Многие предприятия вынуждены корректировать статьи калькуляции, где увеличиваются затраты на сырье и материалы.

Другая проблема развития малого предпринимательства связана с высокими кредитными ставками, что оказывает отрицательное воздействие на итоги деятельности предприятий малого бизнеса, особенно в тот период, когда финансовые результаты в виде доходов предприятий меньше, чем расходы. Такие ситуации зачастую возникают у многих предприятий и имеют иногда сезонный характер. Естественно, если руководители малого бизнеса заранее не позаботились об этом и не создали резервный фонд, то предприятие вынуждено брать новые кредиты или закрывать свою деятельность.

Следующей проблемой для малых предприятий стал рост отчислений в Пенсионный фонд России, в результате которого в 2013 г. по стране закрылось около 0,5 млн малых предприятий, а новые не спешили регистрироваться. В 2014 г. наблюдается положительная динамика роста зарегистрированных малых предприятий, это связано с тем, что ввели «налоговые каникулы». Введение «налоговых каникул» освободило субъектов малого предпринимательства от уплаты налогов в течение первых двух налоговых периодов. В 2015 г. возросло количество вновь созданных предприятий малого бизнеса на 14 % по сравнению с 2014 г., причиной этого стало принятое

Распоряжение Правительства РФ от 27 января 2015 г. № 98-р «О плане первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году»¹. Данный документ предусматривает ряд льгот в части налогообложения малого и среднего бизнеса.

Следующей проблемой, с которой столкнулись предприятия малого и среднего бизнеса, стала нехватка помещений и высокая арендная плата. Многие предприниматели вынуждены размещать свой бизнес в малоперспективных местах, поскольку арендная плата там значительно ниже, чем в точках высокой проходимости. В такой ситуации предприниматель получает доход меньше, чем его конкуренты, которые ведут свой бизнес в местах, имеющих выгодное географическое положение.

Проблемы малых предприятий заключаются и в поиске квалифицированных кадров: бухгалтеров, менеджеров, консультантов и др. Именно слаженная и квалифицированная работа персонала во многом определяет успех предприятий. Перед руководителем стоит задача правильного распределения должностных обязанностей каждого работника. Проблема поиска квалифицированных кадров заключается и в том, что квалифицированные кадры хотят получать заработную плату, соответствующую их квалификации. На первоначальном этапе работы малых предприятий руководители не имеют возможности выплачивать высокую заработную плату, поскольку бизнес только со временем начинает приносить высокую прибыль. В такой ситуации руководитель вынужден нанимать персонал, которому необходимо дополнительное обучение, а это, в свою очередь, требует финансовых вложений.

На успешность малых и средних предприятий большое влияние оказывают особенности

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/

развития экономики в определенные промежутки времени.

Успешность малого и среднего бизнеса зависит от количества и качества труда, интеллектуальной составляющей, определяющей способность создавать продукт, об этом говорит В. И. Бархатов [2].

Для того чтобы малый бизнес развивался, необходима государственная поддержка. Государственная поддержка для всех видов деятельности малых предприятий неодинакова. Так, одни малые предприятия получают государственную поддержку в большей степени, другие — в меньшей, либо вообще не получают. Особая система государственной поддержки существует для предприятий, занимающихся научно-исследовательскими работами. Главное место в этой системе занимают финансовая помощь и информационное обеспечение исследовательских работ.

Увеличение денежных средств, выделяемых на поддержку малого бизнеса, не приводит ни к осязаемому росту количества малых предприятий, ни к активизации их деятельности. Государственная поддержка малого бизнеса сопровождается рядом проблем, которые сдерживают ее результативность, что рассматривает О. Л. Рубцова [11].

Важным инструментом государственного содействия малым предприятиям в большинстве промышленно развитых стран является система государственных заказов. Данная форма отношений позволяет обеспечить малому бизнесу гарантированный рынок сбыта, изменить процесс накопления капитала, увеличить производственные мощности, повысить конкурентоспособность, улучшить качественное оборудование и т. д.

Достаточно широкое развитие получили организуемые государственными органами и частными предприятиями специальные службы по оказанию различных консультационных услуг малым компаниям, что отмечено В. В. Бородиной [5].

В процессе реализации своих бизнес-идей малые предприятия сталкиваются с высокой конкуренцией. Чтобы успешно продвигать свой бизнес, руководитель вместе со своей командой должен создать такой бизнес-проект, который не уступал бы конкурентам, а лучше который имел бы преимущества для подавления конкурентной борьбы.

Таким образом, в качестве основных проблем, с которыми сталкивается малый бизнес, можно выделить следующие:

- 1) высокие цены на сырье и материалы;
- 2) высокие ставки по кредитам;
- 3) отчисления в пенсионные фонды России;
- 4) нехватка помещений;
- 5) высокая арендная плата;
- 6) наличие квалифицированного персонала;
- 7) отсутствие государственной поддержки для развития малого предпринимательства;
- 8) высокая конкуренция.

Для многих предприятий малого и среднего бизнеса проблема роста цен на сырье и материалы имеет огромное значение. Справиться с ней может далеко не каждое предприятие малого бизнеса. Большинство из них — производственного характера: изготавливают мебель, двери и прочие товары, для которых статья «сырье и материалы» занимает большой удельный вес в себестоимости выпускаемой продукции. В связи с этим предприятия малого бизнеса вынуждены прогибаться под давлением этих цен либо менять профиль с производства товаров на оказание услуг, а многие вынуждены закрыть свой бизнес. Чтобы устоять на рынке, руководитель малого бизнеса должен искать пути решения проблемы высокого роста цен на сырье и материалы. Многие предприятия видят выход в поиске более дешевых и альтернативных сырья и материалов, однако это не всегда делает выпускаемую продукцию качественной. Поиск дешевых поставщиков — одна из важных задач, которую на сегодняшний день удалось решить далеко не всем.

Развитие малого бизнеса тормозит нехватка источников финансирования. Предприятия не обладают своими оборотными средствами и вынуждены использовать заемные, однако далеко не все могут позволить себе взять кредит под высокий процент. Банки отказывают некоторым предприятиям из-за плохой кредитной истории и по другим причинам, ужесточают требования к заемщикам. Большую роль в решении актуальных инвестиционных проблем российского малого бизнеса призвано играть государство, политика которого должна учитывать интересы обеих сторон — и субъектов, и объектов инвестиционных отношений. Эти вопросы рассматривал В. И. Бархатов [2].

Проблему высоких отчислений в Пенсионный фонд России возможно решить только на государственном уровне. Введение в действие «налоговых каникул» позволило увеличить число предприятий малого бизнеса, однако этого недостаточно, необходимо разработать проект плате-

жей в Пенсионный фонд России для субъектов малого предпринимательства на долгосрочную перспективу, который позволил бы существующему бизнесу прочно удерживать свои позиции на рынке, а также привлечь желающих открыть новый бизнес.

В настоящее время развитие малого предпринимательства играет важную роль как для экономики России в целом, так и для отдельных экономических субъектов. Малые предприятия приносят доход стране в виде налогов, обеспечивают дополнительные рабочие места, приносят доход владельцам и работникам субъектов малого предпринимательства. Помимо того что субъекты малого предпринимательства способны приносить доход для всех участников экономических отношений, эти предприятия насыщают рынок новыми товарами и услугами, в которых заинтересовано общество потребителей. Малое предпринимательство проникло почти во все сферы хозяйственной жизни и, как показывает практика, вовлекло в свои круги треть населения страны. В современных экономических условиях собственники бизнеса сталкиваются с рядом препятствий, преодолев которые, могут устоять на рынке и развивать свой бизнес.

Для открытия и ведения малого бизнеса необходимы помещения: офис, цех по производству, складские площади, выставочные залы

и др. Самостоятельно возводить здание для ведения малого бизнеса нерентабельно и требует затрат не только финансовых, но и временных. Существует лишь один выход из данной ситуации — аренда помещений. Однако в современных рыночных условиях арендная плата высока. Чтобы решить эту проблему, руководителям малого бизнеса можно рекомендовать на первоначальном этапе арендовать помещения с небольшой площадью либо места, где арендная плата невысока. С целью поддержки предприятий малого и среднего бизнеса государство не должно повышать налоговые ставки, а, напротив, предоставлять различные возможности, способствующие выживанию и дальнейшему развитию предприятия, что предлагает А. М. Пятаченко [10].

В современной экономике России проблема развития малого бизнеса является одной из важных, но решаемых. Решение во многом зависит от использования множества институциональных практик, на примере которых видны успехи в развитии тех или иных малых предприятий, это раскрыто В. И. Бархатовым, Д. А. Плетневым [3]. Таким образом, мы видим, что на пути развития малого предпринимательства стоит много преград. Некоторые из них малые предприятия могут устранить самостоятельно, а ряд проблем возможно решить только при государственном вмешательстве.

Список литературы

1. Атамазова, А. А. Сущность малого предпринимательства / А. А. Атамазова // Молодой ученый. — 2016. — № 3. — 450—452.
2. Бархатов, В. И. Природа и противоречия успешности малого и среднего бизнеса в современной экономике / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 21 (350). — С. 8—14.
3. Бархатов, В. И. Сравнительный анализ подходов к определению понятия «успешность бизнеса» в современной науке / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 18 (347). — С. 8—18.
4. Природа, факторы и измерение успешности предприятий малого и среднего бизнеса в России : монография / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, Е. Б. Николаева [и др.] ; под общ. ред. В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева. — М. : Перо, 2015. — 302 с.
5. Бородина, В. В. Малые предприятия / В. В. Бородина. — М. : Книж. мир, 2001. — 367 с.
6. Коваленко, С. В. Проблемы малого бизнеса в России [Электронный ресурс] / С. В. Коваленко, А. Р. Шарипова // Молодой ученый. — 2016. — № 10. — С. 743—746. — URL: <https://moluch.ru/archive/114/30273/> (дата обращения 02.05.2018).
7. Кузнецова, О. Б. Проблемы развития малого бизнеса в России / О. Б. Кузнецова // Экономика России в XXI веке : сб. науч. тр. всерос. науч.-практ. конф. — Томск : Изд-во ИПФ ТПУ, 2004. — С. 245—247.
8. Манохин, А. Ю. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в современной России : дис. ... канд. экон. наук / А. Ю. Манохин. — Тамбов, 2008.
9. Пастухова, А. И. Проблемы малого бизнеса в России [Электронный ресурс] / А. И. Пастухова // Экономика и менеджмент инновац. технологий. — 2014. — № 3, ч. 2. — URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4134> (дата обращения 02.05.2018).

10. Пятаченко, А. М. Необходимость совершенствования системы поддержки малого бизнеса / А. М. Пятаченко // Продовольств. политика и безопасность. — 2016. — Т. 3, № 2. — С. 105—114.
11. Рубцова, О. Л. Проблемы государственной поддержки российского малого бизнеса / О. Л. Рубцова // Рос. предпринимательство. — 2015. — Т. 16, № 17. — С. 2697—2706.
12. Сагитова, А. Ф. Противоречия процесса распределения доходов субъектов российских корпораций / А. Ф. Сагитова, Е. А. Сорокина // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 18 (347). — С. 144—151.
13. Экономическая теория : учебник / В. И. Бархатов [и др.]. — М. : Финансы и статистика, 2007. — 848 с.
14. Хамзатов, В. А. Особенности малого бизнеса Российской Федерации [Электронный ресурс] / В. А. Хамзатов, А. А. Атамазова // Экономика и менеджмент инновац. технологий. — 2016. — № 12 (63). — URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/12/13252> (дата обращения 02.05.2018).
15. Шавалеева, Л. С. Малый бизнес в современной России: проблема источников финансирования / Л. С. Шавалеева // Рос. предпринимательство. — 2017. — Т. 18, № 4. — С. 551—560.

Сведения об авторах

Сагитова Альфия Фаизовна — младший научный сотрудник Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alf22alf22@mail.ru

Сорокина Елена Анатольевна — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. vkr@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 147—153.

ACTUAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF SMALL BUSINESS IN RUSSIA

A.F. Sagitova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alf22alf22@mail.ru

Ye.A. Sorokina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vkr@csu.ru

Nowadays, the small-business development plays an important role for Russian economy and for individual economic subjects. Small businesses generate good revenue to the government, have impact on employment creation. Moreover, small businesses saturate the market with new in-demand goods and services. Unfortunately, many small businesses are not able to survive in the current economic conditions, because there are a lot of barriers. The search of these barriers is our research general target. As the main barriers, the authors identified: high materials prices, premises lack, severe shortage of government support, high rent price and serious lack of qualified workers. The article will address ways of the revealed problems solutions.

Keywords: *small business, small business, advantages of small business, state support of small enterprises, taxation of small business.*

References

1. Atamazova A.A. Sushchnost' malogo predprinimatel'stva [The essence of small business]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2016, no. 3, pp. 450—452. (In Russ.).
2. Barkhatov V.I. Priroda i protivorechiya uspehnosti malogo i srednego biznesa v sovremennoy ekonomike [The nature and contradictions of the success of small and medium-sized businesses in the modern economy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 21 (350), pp. 8—14. (In Russ.).
3. Barkhatov V.I., Pletnev D.A. Sravnitel'nyy analiz podkhodov k opredeleniyu ponyatiya "uspehnost' biznesa" v sovremennoy nauke [Comparative analysis of approaches to the definition of "business success" in

modern science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 18 (347), pp. 8—18.

4. Barkhatov V.I., Pletnev D.A., Nikolayeva Ye.B., Belova I.A., D'yachenko O.V., Kampa A., Slobodchikova A. A. *Priroda, faktory i izmereniye uspekhov predpriyatiy malogo i srednego biznesa v Rossii* [The nature, factors and measurement of the success of the enterprises of small and average business in Russia]. Moscow, 2015. 302 p.

5. Borodina V.V. *Malye predpriyatiya* [Small enterprises]. Moscow, 2001. 367 p. (In Russ.).

6. Kovalenko S.V., Sharipova A.R. Problemy malogo biznesa v Rossii [Problems of small business in Russia]. *Molodoy uchenyy* [Young Scientist], 2016, no. 10, pp. 743—746. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/30273/>, accessed 02.05.2018. (In Russ.).

7. Kuznetsova O.B. Problemy razvitiya malogo biznesa v Rossii [Problems of small business development in Russia]. *Ekonomika Rossii v XXI veke* [The Russian economy in the XXI century]. Tomsk, 2004. Pp. 245—247. (In Russ.).

8. Manokhin A.Yu. *Strategiya razvitiya malogo i srednego predprinimatel'stva v sovremennoy Rossii* [Strategy of development of small and medium-sized business in modern Russia. Thesis]. Tambov, 2008. (In Russ.).

9. Pastukhova A.I. Problemy malogo biznesa v Rossii [Problems of small business in Russia]. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy* [Economics and management of innovative technologies], 2014, no. 3, pt. 2. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4134>, accessed 02.05.2018. (In Russ.).

10. Pyatachenko A.M. Neobkhodimost' sovershenstvovaniya sistemy podderzhki malogo biznesa [The need to improve the support system for small businesses]. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost'* [Food policy and security], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 105—114. (In Russ.).

11. Rubtsova O.L. Problemy gosudarstvennoy podderzhki rossiyskogo malogo biznesa [Problems of state support of Russian small business]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2015, vol. 16, no. 17, pp. 2697—2706. (In Russ.).

12. Sagitova A.F., Sorokina Ye.A. Protivorechiya protsessa raspredeleniya dokhodov sub'ektov rossiyskikh korporatsiy [The contradictions of the income distribution of constituent entities of the Russian corporations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2014, no. 18 (347), pp. 144—151. (In Russ.).

13. Barkhatov V.I. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. Moscow, 2007. 848 p. (In Russ.).

14. Khamzatov V.A., Atamazova A.A. Osobennosti malogo biznesa Rossiyskoy Federatsii [Features of small business of the Russian Federation]. *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologiy* [Economics and management of innovative technologies], 2016, no. 12 (63). Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/12/13252>, accessed 02.05.2018. (In Russ.).

15. Shavaleyeva L.S. Malyy biznes v sovremennoy Rossii: problema istochnikov finansirovaniya [Small business in modern Russia: the problem of financing sources]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2017, vol. 18, no. 4, pp. 551—560. (In Russ.).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

MULTIDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 154—159.

УДК 339.9 ББК 65.5
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10718

РУССКАЯ МЕЧТА, КИТАЙСКАЯ МЕЧТА И АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА. ВЕКТОРЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ XXI В.¹

Хайнц Дитерих

Национальный автономный университет, Мехико, Мексика

Выделены три главных вектора развития человечества в XXI в.: американская мечта, китайская мечта и русская мечта. Показан классовый характер эволюционных процессов в обществе, обоснована важность исследования «исторических классовых проектов» как реализованных форм будущей социальной структуры человечества.

Ключевые слова: американская мечта, китайская мечта, русская мечта, исторический классовый проект, классы.

1. Исторические классовые процессы и большие нарративы

Любой социальный человеческий субъект, будь то один человек или коллектив, действует в соответствии со своими интересами выживания и оптимизацией соответствующей стратегии поведения. Организация, экспликация и легитимация итоговых практик в немецкой философии получила термин *Weltanschauung* (калькированный пер.: «мировоззрение»), в постмодернизме — термин «большой нарратив» (*grand narrative* или *master narrative*, по Жану-Франсуа Лиотару), а в латиноамериканской терминологии — «идеология». Столь высокая многозначность ведет к малоприменимости данных терминов из-за несоответствия требуемой для научного анализа категориальной точности и заметного тяготения к реакционно-пропагандистскому использованию, что стало намного более очевидно вследствие распада Советского Союза и поражения идеологии социализма XX в. Но неопровержим тот факт, что практические действия человеческих субъектов являются следствием влияния организующего социального «программного обеспечения» наподобие GPS, которая определяет свои операции в среде «пространство — время — движение», то есть в космосе и его подсисте-

ме — планете Земля. В ситуации потенциально-го институционального хаоса макроорганизаций из десятков, если не сотен миллионов участников (например, гражданские общества, социальные классы, государства и т. п.) общий план или принцип действий является единственно возможной альтернативой хаосу. Мы предлагаем называть данное «программное обеспечение» управления на макроуровне и стратегии выживания коллектива (в данном случае социального класса) *историческим проектом*. Мы доказываем, что ни один правящий класс или элита не могут обеспечить стабильные, долгие отношения эксплуатации, доминирования и отчуждения других классов и народов без поддержки данного «программного обеспечения», которое дает необходимую стратегическую автономию. По той же причине ни один угнетенный класс или социальный субъект не может освободиться без освобождающего его «программного обеспечения», или исторического процесса, порожденного им самим и для себя.

2. Маркс, Энгельс и исторический проект

Концепция исторического проекта в настоящее время не используется в социальных науках. Не играет она важной роли в *явной форме* и в фундаментальных работах Маркса и Энгельса. Однако будет весьма полезно описать три главных вида деятельности любой правящей элиты: эксплуатация, доминирование, отчуждение части общества, не относящегося к элите. Исторический классовый процесс (ИКП) доминирующей элиты

¹ Статья является переводом на русский язык работы, опубликованной в предыдущем выпуске журнала. Перевод выполнен М. Ю. Григорчуком; научная редакция перевода: Д. А. Плетнев (оба — Челябинский государственный университет).

задает направление четырем основополагающим типам социальных отношений, которые характеризуют человеческие общества: экономическим, политическим, военным и культурным. В терминологии исторического материализма — производительные силы, производственные отношения, политическая и неполитическая надстройка.

Доминирующий класс не может существовать без ИКП, и с учетом этого мы можем говорить об ИКП римских рабовладельцев, европейских феодалов, капиталистов и социалистов. Данная концепция схожа с идеей «общественно-экономической формации» Маркса (sozioökonomische Formation), но делает больший акцент на тот факт, что историю создают конкретные проекты, которые предлагаются доминирующими социальными субъектами и на которые реагируют нижестоящие классы. Основной причиной тщательной разработки и сохранения ИКП, несомненно, является присвоение общественной стоимости (Plusprodukt). Вокруг данной сущности или ядра существует множество других дискурсов, нарративов, символических систем, идеологий и всего, что выполняет функцию ознакомления различных классов и социальных субъектов с доктриной в целях получения пользы от всеохватывающей гегемонии руководящих элит.

Два основных свойства ИКП очевидны. Первое — наличие специфических рациональных или иррациональных аксиом. К примеру, феодальный ИКП обращается к внеземному генератору решений (богу) в целях «обосновать» и легитимизировать свою эксплуатацию, угнетение и отчуждение масс, в то время как макроуровневое «программное обеспечение» капитализма с той же целью использует концепт «рынок». В свою очередь базирующийся на научном обосновании реальности социализм нуждается в разъяснении динамики общественного развития и практик через основополагающие системные противоречия в обществе и антропологические компоненты человеческих практик. Второе, не менее очевидное свойство соотносится с тем фактом, что классовый конфликт, нацеленный на присвоение коллективно произведенного излишка продукции, происходит не только между двумя классами, но и между историческими блоками власти, этническими группами, гендерными социумами и т. д. и т. п.

В целом ИКП состоит из четырех ядерных элементов, которые предлагаются посредством утвердительных документов или манифестов:

1. Программа или пункты декларации (манифеста), вокруг которых происходит объединение.
2. Субъекты изменений или применения программы.

3. Периоды, необходимые для выполнения запланированной программы.

4. Формы и методы трансформации (борьбы).

Современная мировая система к четырем перечисленным элементам добавила дополнительный, сквозной аспект, предполагая, что все они должны осмысляться на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Классовый характер или степень демократических и гуманистических действий таких проектов может быть измерена посредством конкретного приложения к четырем основополагающим видам взаимодействия:

- 1) с другими людьми в экономической сфере (классовая проблема);

- 2) с природой (экологическая проблема);

- 3) по отношению к женщинам (проблема сексизма);

- 4) с другими этносами (расизм).

3. Основной закон эволюции эпохи модерна

Два доминирующих цивилизационных проекта современной истории, капитализм и социализм, являются продуктом «области притяжения» (basin of attraction), определяющего основной закон эволюции современного общества с 1648—1789 гг. Центр исследования переходных процессов Национального автономного университета Мексики (CTS-UAM) провел количественно-качественный анализ «области притяжения» эпохи модерна на основе междисциплинарных исследований и индексов всеобъемлющей национальной мощи, который показал, что современный мировой порядок функционирует как иерархичная система по Дарвину. С распадом социализма XX в. динамика формирующейся эволюционной макросистемы человечества приблизительно для 98 % государств может быть охарактеризована как детерминистический хаос с одним аттрактором и нулевой степенью свободы как неотъемлемыми свойствами. Ее дарвинистическая иерархическая природа, основанная на интересах национальных правящих элит и государств, показателей прибыли, ориентированных на приумножение капитала рыночных экономик, и ограниченных мировых ресурсах, берет начало с буржуазных революций 1648—1776 и 1789 гг.

С распадом СССР в 1990 г. и преобразованием социализма XX в. Дэном Сяопином в Китае посредством «политики реформ и открытости» 1978 г. остается не до конца ясно, является ли триумф изначальных революционных проектов Ленина и Мао лишь временным отклонением от капитализма в эволюции эпохи модерна — промежуточный шаг от отсталой недоразвитости к современному капитализму — или же они до сих пор показывают, что вполне возможно развитие человечества без стремления к накоплению богатств как высшего приоритета. Независимо от конечных результатов данных процессов не подлежит сомнению то, что после короткой фазы единоличного доминирования США над мировой системой (1990—2017) все более отчетливо оформляется пятиконечный многополярный международный порядок будущего из пяти доминирующих сверхдержав: США, Китай, Россия, Индия и Евросоюз. Большие нарративы американской мечты, китайской мечты и объявленной в Послании Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию 1 марта русской мечты раскрывают структурные идеи данных доминирующих национальных правящих элит о будущей архитектуре человечества — об ойкумене XXI в.

4. Американская мечта

Мировой баланс сил ведет к практической невозможности Китая достигнуть или превзойти уровень объективной мощи Запада в обозримом будущем. Данное стратегическое отставание еще более усугубляется тем фактом, что доминирующая правящая элита западного империалистического блока — военно-промышленно-разведывательный комплекс, неофашистский политический класс, который называет себя «неоконсерватизмом», и финансовый капитал Соединенных Штатов Америки — стремится не допускать мирной конкуренции между современными социалистическими и капиталистическими странами. Таким образом, выработался неофашистский стиль мышления, не принимающий принципа сосуществования, концептов «мира и развития» Дэна Сяопина и «гармоничного мира» Ху Цзиньтао для модернизации Китая. В мировоззрении неофашиста «американская исключительность» и «американский век» — это функциональные эквиваленты гитлеровским идеям о «превосходстве арийцев» и «тысячелетнем рейхе» (Tausendjähriges Reich).

Правящая элита США отчетливо дала понять, что не исключает возможности превентивной ядерной войны с целью удержания своего доминирующего положения в мире («Американский век», «America First» Трампа и т. д.). Фактическое нарушение жизненно важных международных договоров о ядерном и биологическом оружии (Договор о нераспространении ядерного оружия и Конвенция о биологическом оружии), на которых основана международная структура безопасности и внешняя политика, проистекает из желания уничтожить российские и китайские «информационные центры притяжения» и «возможности ответного удара» в рамках политики «ядерного колониализма XXI в.». Китай и Россия ошибочно воспринимаются как принципиальные препятствия к стремлению восстановить однополярный мир с доминирующим Западом. Отсюда следует, что эти страны должны быть раздроблены и поставлены в подчиненное положение, что было успешно реализовано в случае с СССР.

Сегодня каждое событие мирового масштаба сопровождается жесткой конфронтацией между Западом и блоком «Россия — Китай», с использованием стратегических сил США и НАТО в целях подавить развивающиеся сверхдержавы Россию и Китай, следуя той же модели, что использовалась для дробления Югославии, Ирака, Сирии, Ливии, Украины и т. п. Данная политика, повторение стратегий сдерживания и отбрасывания первой «холодной войны», придерживается доктрины, которую кратко изложил в *Washington Post* журналист Чарльз Краутхаммер следующим образом: «Мы — преобладающая глобальная держава. Мы — созданные историей хранители международной системы. С распадом СССР появилось нечто новое, нечто уникальное — однополярный мир, управляемый единственной сверхдержавой, недостижимой никакими соперниками и имеющей свободу действия в любом уголке земного шара. Впервые со времен падения Рима мы становимся свидетелями формирования такого явления. Даже Рим не идет в сравнение с тем, что сегодня представляет из себя Америка»¹.

В 1992 г. заместитель министра обороны США Пол Вулфовиц определил конечные цели внешней политики США. Они были впервые реализованы Клинтоном (Югославия, Ирак) и оставались

¹ См.: Roberts P. C. Why World War III Is on the Horizon. *Global Research* (2015) (<http://www.globalresearch.ca/why-world-war-iii-is-on-the-horizon/5498272>).

руководящими принципами внешней политики США при Буше и Обаме. Доктрина Вулфовица провозглашает «главной целью» американской внешней и военной политики «предотвращение появления новых конкурентоспособных государств — как на территории бывшего Советского Союза, так и на всей планете, — представляющих собой угрозу [однополярным действиям США], какой ранее являлся СССР. Именно эта доминирующая идея положена в основу нашей новой региональной оборонной стратегии и потому требует от нас постоянного стремления бороться с доминированием любого рода враждебных сил на территориях, ресурсы которых при соответствующем контроле могут быть достаточными для создания мировой власти»¹.

Под «враждебной силой» понимается государство, которое обладает достаточной мощностью для обеспечения собственной стратегической независимости от Вашингтона. Очевидно, что происходит процесс динамического расширения сферы, которую охватывают документы по планированию политики Государственного департамента США и программа действий, нацеленная на обеспечение всемирной гегемонии США. Путин объявил действия НАТО представляющими угрозу национальной безопасности и обвинил Соединенные Штаты Америки в проведении политики сдерживания, что заметно по ухудшению отношений между Москвой и Западом.

5. Китайская мечта Си Цзиньпина

Призыв председателя КНР Си Цзиньпина к формированию китайской мечты в 2012 г. выражает жизненную необходимость народа и партии в новой парадигме социалистической цивилизации XXI в., качественно отличной от цивилизации американской мечты и от социализма XX в. Данная большая парадигма станет третьей, сконструированной Коммунистической партией Китая в течение последних ста лет — после «новой демократии» Мао (1940) на основе «теории блока четырех общественных классов» и политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина (1978) — государственной моделью роста, которая будет базироваться на Оливере Кромвелле, Фридрихе Листе и «новой экономической политике» (НЭП) Ленина и станет «главным этапом развития социализма» в пределах одной из трех наиболее могущественных стран планеты. В то же время это единственная реальная

перспектива глобального развития общества и системы социалистического мира. Будущее Китая и человечества зависит от качества данного нового стратегического проекта социализма, который должен удовлетворить национальные и универсальные аспекты данной задачи.

Четыре важные характеристики призыва Си Цзиньпина:

1. Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин, который получил пост «высшего» руководителя решением ЦК КПК от 27 октября 2016 г. и тем самым встал в один ряд с Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и Цзян Цзэмином, несет личную ответственность за развитие и безопасность единственной на планете социалистической сверхдержавы.

2. Великий успех марксистской национальной модели развития Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина ставит председателя КНР во главе уникального для современной истории структурного переходного процесса, который включает в себя рекордный по масштабам процесс урбанизации, образование крупнейшего в мире среднего класса (которому присуща ориентация на западные универсальные мечты и идеологию), а также не имеющий себе равных по продолжительности экономический рост.

3. Сущность партийной политики доминирования состоит в стремлении к национальному восстановлению и выражена в «живой душе» политики Мао Цзэдуна и революционной практике, которую можно свести к трем базовым аспектам: вычленение правды из фактов, массовое конвейерное производство и стремление к независимости и самоопределению. Блестящий синтез революционной теории и практики научного социализма является ключом к правильному пути развития Китая (и человечества).

4. Профессиональное формирование Си Цзиньпина в одной из самых сложных прикладных наук (химическая технология) и его богатый разносторонний жизненный опыт, включая семь лет ручного труда на ферме во времена культурной революции, сделали президента личностью с уникальным набором квалификаций, способным находить правильные пути к будущему и ресурсы для развития китайского социализма.

В октябре 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин высказался относительно концепции построения общего будущего для человечества, раскрыл действительную актуальность нового исторического проекта

¹См.: Roberts P. C. Why World War III Is on the Horizon. Global Research...

Коммунистической партии Китая: данный проект расширился от национального восстановления Китая до универсальной схемы всемирного общества социализма XXI в. Как поясняет Си Цзиньпин в своих «Мыслях о социализме китайского образца в новой эре», КПК обозначила в качестве сроков реализации «социалистической модернизации» страны период с 2020 по 2035 г. В 2050 г., уверяет он, Китай станет «великим социалистическим государством».

Таким образом, голос, затихший вследствие краха социализма XX в. в СССР, снова вернулся в диалог всемирной конкуренции за всемирное господство посредством мягкой и жесткой силы. Восхваляемая Фукуямой как кульминационная стадия институциональной эволюции человека, плутократическая буржуазная демократия с экономикой, основанной на жажде к накоплению капитала, может в конце концов оказаться лишь промежуточным этапом развития в истории человечества.

6. Русская мечта Путина

1 марта 2018 г. в Послании Федеральному Собранию президент Владимир Путин определил концепцию нового исторического проекта для Российской Федерации: русскую мечту. Впервые со времен Октябрьской революции 1917 г. страна представляет рациональный, целостный проект национального развития с реалистичными показателями внутренней экономики, с планом общественной, оборонной и культурной эволюции, а также со схемой формирования роли страны в XXI в. Суть идеи заключается в формировании государства всеобщего благосостояния, основанного на сильном среднем классе, высокотехнологичных инновациях, стратегическом союзе с Китаем и щитом из передового стратегического оружия, которое сделает невозможным нападение США на страну. В рамках послания Владимир Путин обозначил ясную и обоснованную позицию России по отношению к пяти общечеловеческим проблемам национальной и глобальной повестки:

1. Эволюция человечества и национальных обществ определяется ее глобальным аттрактором — средним классом. Появление среднего класса между буржуазией и пролетариатом — это результат научно-технических революций XX в., объективный процесс эволюции производительных сил. Средний класс вносит неотъемлемый вклад в политику, культуру, оборонный потенци-

ал и социальную сферу — центры притяжения любой современной политики.

2. В настоящее время запас прочности и геополитическая степень стратегической самостоятельности любого государства соотносятся с основной идеей научной парадигмы Чарльза Дарвина: *выживает сильнейший*. Другими словами, эта аксиома означает, что стратегическая свобода любой нации зависит от объема повреждений, которые она может нанести своим термоядерным вооружением, и от потенциала национального экономического производства.

3. Начинает заполняться идеологический вакуум, возникший в результате краха социализма XX в. Объявляя всеобщий конец истории, вульгарный пропагандист-позитивист Фрэнсис Фукуяма игнорирует две фундаментальные характеристики Вселенной: а) космос состоит только из материи (по Эйнштейну: $e = mc^2$), но при этом из движущейся материи. Данное движение неизбежно обозначает изменение; б) это является абсолютным антропологическим условием для человека, организующего свои практики на различных программных формах, включая большие нарративы, исторические проекты, метафизику и т. д. Онтологическое условие и абсолютное антропологическое условие Вселенной объясняют, почему в течение трех десятилетий с момента падения советской системы три фундаментальных исторических проекта доминирующих наций конкурируют за возможность стать доминирующей *мягкой силой* ойкумены. Ими являются американская мечта (в первую очередь *американский капитализм*); китайская мечта «построения общества с общим будущим для человечества»; русская мечта об обществе с сильным средним классом за ядерным щитом.

4. В системе мирового управления, понимаемой в научных рамках Дарвина, Маркса, Суньцзы и фон Клаузевица, оформятся пять доминирующих сил: Китай, Россия, США, Индия и Европейский Союз. Все остальные государства в плане власти станут вторичными или незначительными.

5. Качество стратегического видения и возможности преобразования национальных, региональных и глобальных реалий современности демонстрируют наибольшую прочность Владимира Путина и Си Цзиньпина как мировых лидеров в сегодняшнем глобальном обществе. Существует множество причин считать их полноправными последователями Ленина и Мао Цзэдуна.

Сведения об авторе

Хайнц Дитерих — советник президента Национального автономного университета Мексики по научным вопросам, директор Центра по изучению переходных процессов (CTS); вице-президент Всемирной политэкономической ассоциации (WAPE); координатор Мировой программы перспективных исследований (WARP).

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 154—159.*

RUSSIAN DREAM, CHINESE DREAM AND AMERICAN DREAM. VECTORS OF 21ST CENTURY CIVILIZATION

Heinz Dieterich

Universidad Autónoma Metropolitana, Mexico City, Mexico

In article reviewed three main vectors for development of mankind in 21 Century: American Dream, Chinese Dream and Russian Dream. The class character of evolutionary processes in the society is shown, the importance of research of “Historic class projects” as realized shapes of the future social structure of mankind is grounded.

Keywords: *American Dream, Chinese Dream and Russian Dream, Historic class project, Classes.*

УДК 339.9 ББК 65.5

DOI 10.24411/1994-2796-2018-10719

От редакции. Перед вами — не вполне стандартная для нашего журнала статья, а краткое изложение революционной идеи наших коллег — новой методологической парадигмы в оценке и прогнозировании развития мировой экономики. Данный материал ранее не публиковался, и этой публикацией мы хотим привлечь внимание к проделанной коллегами гигантской работе, не только к разработке междисциплинарного подхода, но и к его продвижению на множестве дискуссионных площадок в разных частях света — в Мексике, Китае, Европе и России. Надеемся, представленная статья найдет живой отклик у читателей и в дальнейшем мы продолжим дискуссию на эту тему.

A QUANTIFIED COMPOSITE INDEX OF RELATIVE GEOSTRATEGIC POWER OF NATION — STATES IN THE CURRENT WORLD ORDER (IRGP) AND THE GENERAL LAW OF EVOLUTION OF MODERN CIVILIZATION (RESUME)*

Heinz Dieterich^{1,4}, *Raimundo Franco*^{2,4},
Rodrigo Ortiz^{1,4}, *Juan Carlos Olguin*^{3,4}

¹ *Universidad Autónoma Metropolitana, Mexico City, Mexico*

² *Institute for Cybernetics, Mathematics and Physics (ret.), Habana, Cuba*

³ *Universidad Autónoma Chapingo, Mexico*

⁴ *Center for Transition Sciences, Mexico — Beijing*

This new comprehensive interdisciplinary model for calculating the Relative Geopolitical Power of Nation States (IRGP) was developed by the Center for Transition Sciences (CTS), founded by the Autonomous Metropolitan University (UAM) in Mexico City. It differs from other existing models in several ways, among others: 1. An intensive two-year research effort indicated that a scientifically satisfying level of measuring the parameters involved can be achieved with seven power vectors. 2. The model permits a profound long term comprehension of Nation States' evolutions, because it is based on the General Law of Evolution of Modernity. That is a transcendental scientific innovation, because all other models basically provide momentaneous X-Rate-like diagnostics of a Nation States' power situation. 3. Another innovation our team devised is the combination of the synergies of Newton's, Darwin's, Marx-Engels' and Lorenz' paradigms, which permits a profound political understanding of the evolution of bourgeois class societies in modern times and therefore, the strategic conceptual tools to overcome current capitalist societies based on chrematistic market economic systems. 4. The internal structure of the current Attractor of Modernity is determined through nine sub-indexes. 5. Finally, the statistical use of publicly available empirical data within the framework of the geometry of basins of attraction, centroids and Mandami fuzzy logic, enabled the CTS-Team to graphically represent the results of their research.

Keywords: *Geopolitical Power, Nation States, Law of Evolution of Modernity, Center for Transition Sciences (CTS).*

1. Research Findings

1. The world system is a **global Darwinian environment**, where the human species — organized in Nation-States— competes for scarce resources. The status hierarchies, the “survival of the fittest” and the structure and dynamics of this macrosystem are determined by power.

2. **Power** is the capacity to impose one's will on other entities, even against the will of these entities. Social power exists in **four forms**: as political, military,

economic and cultural power. Geopolitical or Relative National Power is the sum of all national capabilities and attributes that determine its influence in the international system. Relative national power is the medium that regulates the metabolism with the global environment. Both, cooperation and conflict strategies are based on the combined use of all power forms, including nuclear power. The supreme power attribute of Nation States are **nuclear world destruction and force projection capabilities**. Only the United States and Russia possess this ultimate attribute of power.

*© Heinz Dieterich

3. Since its genesis in the English and French Revolutions, 300 years ago, the evolution of modern civilization has followed the operational logic of a global Complex Dynamic Reproduction and Survival System (CDRS) of homo sapiens, driven by: a) the historical projects of national and transnational power elites, in interaction with the masses and nature; and b) a system logic, that acts similar to a *system of deterministic chaos*.

4. The *Attractor*, that determines the General Law of Evolution and the patterns of development of Nations since the dawn of modern civilization (1688/1789), is the paradigm of bourgeois society; particularly the bourgeois societies of Central — and North-Europe and the USA. Bourgeois society, as any other type of civilization, presents life — project horizons/clusters, which seem desirable and possible for the citizens and the majority of mankind. These life-projects orient and define the political and social praxis of citizens. They are, therefore, the *real attractor force that shapes modern history*, together with the imperatives of the *profit rate*.

5. The *internal structure of the Attractor of Modernity — the civilizatory model that world majorities strive for* — can be determined and empirically measured through parameters like the GDP per capita; the Gini Index (coefficient); the availability and quality of Public Services (public health, transportation, education, security, etc.); the material quality of life; the existence of employment opportunities; affordable housing; effective political rights (democracy); civil rights (f.i. freedom of opinion, religion etc.) and ecological qualities, among others. Applying these metrics of our attractor model to modern civilization, Denmark and Sweden appear as the *Centroids* of the world hierarchy of quality of life.

6. The attractor's global capacity to determine the configuration of world civilization, was only broken once: when Marx, Engels, Lenin and Mao Zedong designed and established a 2nd and *alternative Attractor*: the Socialism of the 20th Century. If humanity wants to create an alternative, non-capitalist world order, it must develop a new, a *Third Historical Attractor*: the Socialism of the 21st Century.

7. *China*, among all nations, is uniquely prepared to develop the *new World Narrative* of 21st Century Socialism and fill the ideological and spiritual global void, that the collapse of 20th Century Socialism and the anti-spirituality of Western capitalism have produced. It would give China a global cultural momentum that the national Chinese dream and the

regional silk road megaprojects alone, can't achieve. The Western narrative of democracy and free markets is global. A powerful antidote of the type mentioned would serve as a cultural defensive Great Wall in the world system, for China. China is the only State Actor, that has the power and the socialist character of socio-economic organization, that can create the needed new global narrative.

8. Since the establishment of the world system 500 years ago, it has been *dominated by the West*. Our calculation and projection of global power metrics show, that it will be impossible for any single Eurasian or Asian power — China, Russia or India — to break the Western domination of this global system. In other words, it will be *impossible* for any of these countries to obtain *singlehandedly strategic autonomy* and self-determination vis-a-vis the West in the 21st century.

9. The strategic notion that China can obtain and maintain strategic autonomy against the US in the future, results from a serious methodological error in the understanding of the dynamics of the world system. Our calculations show that in 2025, both China and the US will hold an about equal share of global power, that is, of 28 %; while Russia and India will hold about 9 % and 7 % and Japan about 5 %. However, *inferring from the 28 % power ratios*, as many analysts do, *that China will be able to perform with strategic autonomy* as an independent equal pole in a pentagon-structured world order in the 21st Century, is almost certainly, *a fallacy*.

10. Since 1917, no emerging nation in the world order competing for world power has ever confronted the US as a single nation; but rather as the leader of the power bloc known "*the West*". The double defeat of Germany in World War I and II; of Japan in World War II; of the Soviet Union in the Cold War and the current aggression of NATO against Russia, clearly illustrates that fact. Therefore, China's 2025's global power ratio of 28 % can't be compared to the 28 % ratio of the USA, but must be compared to the share of about 60 % of Western world power, in 2025.

11. Obtaining and preserving strategic autonomy for China in the first half of the 21st Century requires, therefore, *at least, a strategic alliance with Russia*. This would be the *minimum* power level necessary (37 %) to maintain strategic autonomy with the West. The *optimum* world power share for the three emerging powers could be obtained, if China, Russia and India managed to negotiate a strategic alliance. If they can build that alliance, than they will dispose of a world power base of about 44 % of the total,

in 2025. Under this premise, strategic autonomy for each of them would be guaranteed, as well as an effective structural multipolar world system. Without such an alliance the West will continue to dominate global markets and global power and a structural multipolar world will not be more than a formal notion. In essence, the *West* with its basic institutions of *chrematistic market economies and plutocratic formal democracies, will continue being the attractor of global civilization.*

12. The world system as a Darwinian environment, makes it *impossible for most nations to obtain self-determination and an adequate quality of life standard* for their citizens, in a reasonable period of time. Even leaving aside the problem of insufficient natural resources for the universalization of First World living standards, about three quarters of all nations will not or never be able to achieve the desired life quality of the systems *centroide = Denmark* in a reasonable period of time. A linear projection of *development years* necessary to reach the *centroide* quality of life-situation (Denmark), based on GDP growth rates for the last three to six decades, produces disturbing and tragic conclusions. Haiti, for example, would need under current conditions 1,800 years; Brazil 89; Mexico 100; Turkey 130; Pakistan 181 and Kyrgyzstan 362.

But even if a lower reference point of life quality is used, like South Korea, there is virtually no hope for the three quarters of Nations, to repeat the Asian Tiger's performance metric in a reasonable period of time. Calculating Average Annual (Compound) Growth Rates for South Korea since 1961, the result is that the country needed about half a century of 6.5 % average annual growth with political stability and strong anti-corruption and pro-education programs, to obtain its current level of quality of life. This institutional environment for growth hardly exists in most of the currently severely underdeveloped nations.

13. In the absolutely power-determined global Darwinian system, only five Nation States or power blocs decide the course of world affairs and evolution. *All other nation states play no role in world affairs.* In terms of world governance they are a quantite negligible in an oligopolistic global order. The five determining power actors are the USA, the European Union, China, Russia and India. (Japan is not decisive, because it has no nuclear weapons.)

14. Certainly the *most decisive long term variable* in the development of National and Geopolitical National Power is what we have called the *Strategic*

Development and Dominance Software (SDDS) of the State Actors; that is the capacity of the leading or dominant classes to optimize the use of all power attributes available for the achievement of strategic national aims. In other words, it is a Qualitative Variable that refers to the Leadership Quality in World Dominance/Software or the World Governance Capability (WGC) of a national elite or vanguard or State. The exit or failure criterion of that variable is the capability of a Nation-State to successfully implement its defined "national interests" in war and non-war dynamics for world-repartition (Weltverteilungskriege). The quality of national and geopolitical SDDS depends on different variables, which we grouped into twelve sub-indexes. For the elaboration of national SDDS-scores we chose the time frame from the outbreak of the Great Depression (1929) until 2014. We found two leading classes/ Nation-States outstanding in this category: the *USA and China*. The USA, because of its success in the construction and global imposition of the "American Century" in the world system; China's Communist Party since the hegemony of Mao, because it was able to correctly chart its strategic path to become a world power and innovate itself rapidly and positively vis-a-vis changing global circumstances

15. The current structure of the *world order is not multipolar*, but bipolar. One pole is "the West" and the other pole is the emerging Sino-Russian strategic alliance. If the second pole fails to consolidate itself, than the world will be dominated by the West, that is, it will be essentially unipolar.

16. The illusions about a *possible peaceful coexistence* with the only Nation State in history, that has used nuclear weapons of mass destruction against the defenseless civilian population of another country, the USA, may be due to flawed methodology or ignorance of the Darwinian nature of the world system and the modern West; but the political consequences of such a view, converted into practical foreign policy doctrine, could be catastrophic.

17. The construction of a *New World Narrative, Liberation Metrics and 3rd Attractor for 21st Century Civilization* is one of the most urgent and important tasks of contemporary science and progressive foreign policy. The *Basin of Attraction* of human history, determined by Nature, productive forces (technology) and historical projects of state and non— state actors, allows for a very different socio-economic and political organization of the world order; a new setup that would transcend the current bourgeois political system and chrematistic market

economy, characterized by profound asymmetries, injustices and violence. Assuming this mission is an urgent task for humanity and all progressive forces. China is uniquely positioned to play a proactive role in this mission, because of its national power and the vanguard role of the Chinese Communist Party.

18. *Note on methodology.* After analyzing the variables used in publicly available National Power Indexes we concluded that the following six variables provide a realistic geopolitical power metric for the current world order. In a further analysis we will factor in the nuclear world destruction capabilities of Nation States.

1. Dynamic quantifiable Variables:

VI. GDP p.c. (current US\$ 2012) and nominal GDP
V2. R&D (Research and Development Expenditure, current US\$ 2011) V3. ME (Military Expenditure, current US\$ 2012)

2. Relatively Constant Variables:

Vc 1. Demographic power (Population) Vc
2. Surface Area (Territorium)

3. Dynamic qualitative Variable:

Vq 1: = Strategic Domination and Development Software (SDDS)

In the resulting 6-dimensional Basin of Attraction of modern evolution we weighted total world power in each category as 1. Thus, the relative geopolitical power of a Nation-State can vary from 0 to 1, in each category. The total world power as measured with these parameters equals 6. We then evaluated the shares of total world power which the most powerful Nation-States obtained in each category and summed them up. This way we obtained a ranking for the world power status hierarchy of Nation States, which can also be expressed as a percentage of global power.

2. Introduction

In the increasingly interdependent world system of the 21st century the correct assessment of the main metrics of world power is a vital necessity for all actors. On the level of inter-state relationships, these actors comprise Nation-States, proto-Regional States, Alliances (European Union, NATO, SCO) and the proto-Global State (UN Security Council, WHO, FMI etc.). On the non-state level transnational forces and Non State Actors (NSAs), such as Transnational Corporations (TNC) are at play. The architecture and dynamics of both global spheres are essentially controlled by “the West”. The emergence of superpowers Russia and China, however, has forced

this 500-years old unipolar system into a transition mode which entails the possibility of nuclear extinction of mankind.

At the dawn of the 21st century, the concept and metrics of relative national geopolitical power are therefore more important than ever. Nation-States and non-state actors permanently interact as competitors, adversaries, allies, enhancers and constrainers. In this Darwinian environment the question of power for what, and against whom, is essential to the Risk Management of Nation States and global power elites. The optimization of the performance metrics of strategic autonomy, survival and development-policies and adequate tactical approaches depends on the evaluation of national geopolitical power and the ability to use this power.

Due to the practical utility and necessity of Comprehensive Country Risk Management Indices, there have been numerous attempts to construe statistical measures of national power. Classic models are the University of Michigan’s *Composite Index of National Capability (CINC, 1963, “Correlates of War” project)*, and the University of Denver’s *International Futures’ National Power Index (Ifs, 1980)*, the most comprehensive forecasting model publicly available today. Newer developments include the *National Power Index*, elaborated by the Foundation for National Security Research (*FNSR, 2012*), New Delhi, and China’s index of *Comprehensive National Power (CNP, 2009)* developed after a request by President Deng Hsiao Ping in 1990. A research group at the Academy of Military Science (AMS), headed by Senior Colonel Huang Shuofeng, and a civilian research group at the Chinese Academy of Social Sciences (CASS), headed by one of the inventors of the concept of “structural multipolarity”, Gao Heng, used the premises established by Deng. Both groups came to the conclusion that China will merely become one pole among five equals in the future, despite its enormous land mass and demographic power. They differ however, in the assessment of power ratios for other countries and their speed of development.

A category of indexes in their own rights are the risk assessment indices in finance and economics. They can be used with enormous benefits in the calculation of the more holistic national power assessments.

The quality, realism and results of these descriptive and/or analytical tools vary, but they generally share a common methodology. Due to the complex nature of human society and the world system and the almost infinite number of interacting variables involved,

researchers are forced to select both qualitative and quantitative variables they deem useful for the measurement of power and development metrics. These variables or factors or attributes are weighted and combined in a national power index which exhibits the obtained National Power scores. These National Power scores can then be used to express a state's relative share (percentage) of total global power.

The differences in the results and realism of these models derive: a) from the selection of the variables considered to be most pertinent for the evaluation, and b) from the weighting applied to them. These subjective influences and pragmatics of research design are objectively unavoidable. Building a realistic and satisfying model to represent the status quo of national and relative geopolitical power and power instruments is therefore a daunting task. Building an ideal metric system may be impossible, but a relative approximation of model results to reality may be judged to be a satisfactory outcome of the research process. The quality of the model must therefore be judged on the realism and the prognostic capacities it empirically demonstrates.

3. Basic Characteristics of our IRGB model: Epistemology, Research Objectives, Methodology

3.1. Epistemological status of world system and basic concepts / World System and Power

Def. 1: The modern world system is a Complex Dynamic Reproduction and Survival System (CDRS) of homo sapiens, driven by: a) the historical projects of national and transnational power elites, in interaction with the masses and nature, and b) a system logic that can be understood by the combination of paradigmatic elements elaborated by Newton, Darwin, Marx/Engels and Lorenz (N-D-M/E-L system logic). This bio-geographical macrosystem operates essentially as a system of deterministic chaos. Its dynamics and structures are determined by power.

Def. 2: Power is the capacity of an entity "to impose its will upon other entities, even against the will of the latter" (Max Weber).

Def. 3: National Power can be defined, as in NATO Military Terminology, as "the sum of all resources available to a nation in the pursuit of national objectives".

Def. 4: Geopolitical or Relative National Power is the sum of all national capabilities and attributes that determine its influence in the international system. It is the medium that regulates the metabolism with the global environment.

Def. 5: IRGP is a quantified composite Index of Relative Geostrategic Power of Nation States, that expresses a Nation-State's geopolitical power as a relative share (percentage) of total global power.

Def. 6: Power exists in four basic forms: political, economic, cultural and military power. The importance of each of these interacting forms of power as well as the outcome of their application is situational (contextual). All modern states constantly use combinations of these forms of power to achieve their objectives.

Def. 7: A Nation-State is a territorially defined configuration of the four social human forms of power (power system), governed by a dominant class which exercises its structural power through the de jure and/or de facto control of the economic surplus and mode/means of production; and its direct executive power through both a civilian and an armed bureaucracy (apparatus which is different from society), which is called the state. The type of the State (feudal, slaveholder, capitalist, socialist) is determined by the mode of production, although its form (democratic, dictatorial, fascist, etc.) can vary.

3.2. Research Objectives

1. Determine the power structure towards which the world system is evolving, with which velocity it is doing so and what it will be like in 2025. In other words, determine the status hierarchy of Nation-States in the world system for 2025.

2. In order to do so, diagnose the empirical status quo of the world system (2013), based on the assessment of national power ratios, the current status hierarchy and the global order's system logic, as a Darwinian type of global environment, which operates in accordance with the laws of deterministic chaos (and is driven by a combination of N-D-M/E-L system logic...).

3. Determine the General Law of Evolution of modern civilization (since 1688/1789) by finding the Attractor of the modern World System (of modernity).

4. Develop a quantified comprehensive Index of Relative Geostrategic Power of Nation States (IRGP) in the current world order, considering human societies as complex dynamic systems with partially quantifiable power attributes.

5. Determine the evolutionary and survival chances for individual nations.

6. Identify the power requisites for possible effective and democratic world planning and governance in the current system; reduce uncertainties about national interests and strategic and tactical planning for

achieving them; improve the recognition of deliberate and unintended consequences of national policies in the contemporary global Darwinian environment.

7. Create a world evolutionary alternative to the contemporary global Darwinian and class environment of chrematistic market economies with bourgeois superstructures (formal democracies), by combining the scientific metric of modernity with the development of a new attractor for the social development of mankind in the 21st Century. The institutionality of this new and alternative third attractor will be qualitatively superior to modernity's first and second historic attractors (bourgeois civilization and 20th Century Socialism), since it will be based on a system of participatory democracy, non-profit post-market political economy and classless societies.

3.3. Research Strategy, Methodology used

3.3.1. War and Peace scenarios

We first decided to differentiate possible future scenarios for Nation States into peace-time scenarios and war situations, since they present qualitatively different evolutionary and reproduction/survival conditions for Nation-States. The possession of nuclear world destruction and force projection capabilities, however, must be considered a decisive positive factor for their owners, in both scenarios. This is so for two reasons. The possession and delivery capacity to globally destroy any adversary by means of nuclear weapons means that the owner of these weapons can't be removed by force from the attractor's privileged power-zone. This destructive capacity also gives the owner a comparative advantage in bargaining power and absolute terms over all non-nuclear States in its evolution towards the attractor. In other words, it constitutes a "blackmailing" capability. This capability has been used quite often in modern history, particularly by the U.S. power elite.

3.3.2. Model assumptions, Static Phase, and 1st Implementation Approximation

A) Timeframe: 2010—2025

B) Peace time evolution

C) No endogenization of the impact of global systems on national power, or measurement of connectivity in global system

3.3.3. Methodological aspects of Input Variables

After analyzing the enormous number of parameters available for measuring national power and those employed in the most used models we came

to the conclusion that the following type and number of variables would be sufficient to construe a IRGP with adequate diagnostic and prognostic capacities for the defined research objectives:

1. Dynamic quantifiable Variables:

V1. GDP p.c. in nominal terms

V2. R&D (Research and Development Expenditure, current US\$ 2011)

V3. ME (Military Expenditure, current US\$ 2012)

V4. TPG (Total Patents Granted 2012)

2. Relatively Constant Variables:

Vc 1. Demographic power (Population)

Vc 2. Surface Area (Territorium)

3. Dynamic qualitative Variable:

Vq 1: = Strategic Domination and Development Software (SDDS)

3.3.4. Hypotheses

To test the pretended diagnostic and prognostic qualities of the model under the formulated assumptions we formulated the following hypothesis:

- Hypothesis 1: At the level of quantitative analysis of the evolution of national power the GDP is an excellent macro-indicator.

- Hypothesis 2: Afunctional relationship exists between the GDP (VI) and the V2, V3, V4, in which the evolution of V2, V3 and V4, closely follows the evolution of the GDP. The relationship between the independent variable VI (GDP) and the dependent variables V2, V3 and V4, can be proven by statistical correlation and regression analysis.

- Hypothesis 3: The evolution of the independent variable VI is a function of the independent Variable Vq 1 SDDS.

3.3.5. Verification of Hypotheses

Using publicly available data bases, like World Bank and IMF statistics, we applied commonly used statistical procedures to the data, like weighting, logarithmic scaling, lineal regressions etc. The results, with 40 countries, normalized, log scale, confirmed the validity of all hypotheses. A major statistical revelation was that the behavior of VI to V4 shows remarkable similarity, which expresses itself in mathematical terms as a type of hyperbolic distribution of the form:

$$y = cx^{-\alpha}.$$

In order to see if these similar patterns of variable behavior respond to common causal factors, we converted the data to a logarithmic scale and applied a linear regression analysis. The respective quotients ranged from 0.94 to 0.97, proving that effectively there

is a high degree of auto-similarity in the behavior of these variables.

The similarity in the four-variable pattern behavior (V1-V4) indicates that V2, V3 and V4 reflect, probably in a non-linear way, the behavior of V1, the GDP.

The nature of this relationship will be subject to further analysis, but it seems safe to state that the evolution of the GDP is the independent variable, which determines in a non-linear way the evolution of the other dynamic variables.

3.3.6. Model assumptions, Static Phase, 2nd Implementation Approximation

As a result of the tests of the first implementation approximation we took several important methodological decisions.

1. We dropped the Total Patents Granted (TPG) variable, since its metrics vary from country to country and because its behavior mimics the dynamic pattern of the R&D variable.

2. We reorganized the variables in three groups:

- A. Surface Area and Population, that is territorial and demographic power;

- B. GDP p.c. in nominal terms, R&D and Military Expenditure (ME), that equals a Nation's adaptation capabilities and

- C. Strategic Domination and Development Software (SDDS), that is global governance and imposition capacity

3. We reduced the statistic universe to a sample of the most influential/powerful nations, ranked by the IRGP.

4. We consider SDDS to be the most important adaptation capability. Therefore we put it as a separate parameter from GDP, R&D and ME.

5. In a certain phase of the research we took advantage of a heuristical methodological analogy with Newton's second law of motion. In one of the Asiatic national power indexes Newton's third law is used to construe a power performance formula. We opine that this is a mistake, since complex dynamic systems can't be adequately characterized with the classical laws of mechanics.

3.3.6.1 Strategic Domination and Development Software (SDDS)

We can now consider relative geopolitical power of a Nation State as a combination of objective and subjective power, that is as interacting hardware and software capabilities, the adequate or inadequate use of which enhances or reduces the adaptation and evolutionary capabilities of any Nation State.

The quality of SDDS depends on different variables, which we grouped into twelve subindices of SDDS, among them: the cognitive analytical capacity of the Decider, to adequately interpret his tactical and strategic environment in order to discern immediate and future threats and opportunities; that is, it must correctly discriminate its 4-zone environment: favorable/beneficial — neutral — hostile — antagonistic; the efficiency of its internal decision making system; dynamic analysis of 4-zone environment and probability calculation of possible strategies and tactics, designed to optimize own interests (cost/benefit analysis); the resources/power to achieve objectives; the capacity of the power elite or vanguard for innovation and its internal and social mobility; the consent of the majority of the population for the dominant class's historic project, over a considerable period of time, etcetera.

For the elaboration of national SDDS-scores we chose the time frame from the outbreak of the Great Depression (1929) to today (2014). We found two leading classes/Nation-States outstanding in this category: the USA and China. The USA, because of its success in the construction of the "American Century"; China's Communist Party performance success in the unparalleled economic and social development of the country and the defense of its sovereignty, since the time of Mao Zedong's party leadership until today.

3.3.6.2

We then applied the empirical data series to the new model and produced a World Power Distribution Index for two variables, territorial and demographic power (SA, TP); for three variables, that is adaptation capabilities, GDP p.c., R&D and ME; and a composite integrated World Power Distribution Index for six variables (SA, TP, GDP p.c., R&D, ME and SDDS). These World Power Distribution Index data were then processed with Mamdani fuzzy logic methods and expressed in a tridimensional model.

4. The Epistemological Status of the World System

On the basis of quantum physics and classical physics the world system operates as an organizational macrosystem of the homo sapiens species, which essentially follows the evolutionary logic of all higher life forms, as described by Charles Darwin; and the evolutionary logic of class societies as described by Karl Marx and Friedrich Engels. National class societies are complex dynamic systems within the

global environment of modern civilization (since 1648/88). This global environment (the world system) evolves in similarity to the laws of deterministic chaos-systems. To be more specific, similarly to the dynamics of the Lorenz attractor.

5. The Attractor Model of modern civilization: the General Law of Evolution of Modernity

The Basin of Attraction of Human History is composed of three fundamental elements: Nature, Productive Forces (Technology) and People, that is, Vanguards/Elites and Masses with their historical projects. The Basin of Attraction is a sub-set of the space-phase, that is, an abstract model in which, in mathematics and physics, all possible states of a system are represented; with each possible state of the system corresponding to one unique point in the phase space (Wikip.)

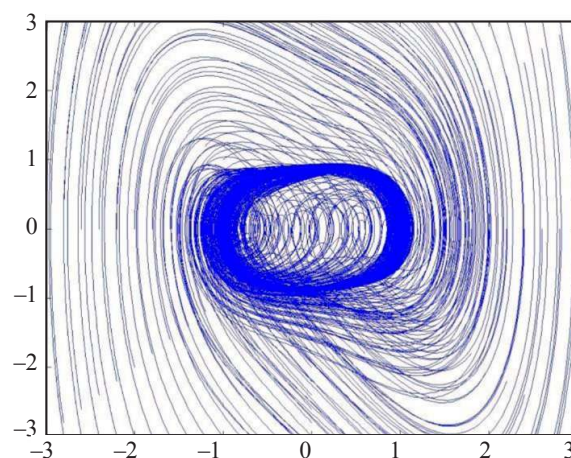
In our social phenomenon model the phase-space is constituted by all values which its six variables (TP, SA, GDP, ME, R&D, SDDS), can potentially assume. That is, it represents mathematically the degree of civilizatory evolution/development that can be achieved, in the abstract, by any Nation-States, measured by the corresponding variables. The Basin of attraction, however, is the set of empirical ranks/data which characterize a Nation-States' comparative position in world society. The Basin of Attraction defines the space in which the system "Nation-State" can exist in a given historical moment.

The evolutionary dynamic of the system is determined by the attractor, that is, the most advanced configuration of the model of bourgeois society according to the six variables. The attractor is constituted by about 52 countries. Within the attractor there is a Dominant Group, a global oligarchy of Nation-States. It is composed of 6 dominant world powers, which form the top of our Relative Geopolitical National Power-Index: USA, China, Russia, Japan, India, Germany. The Centroide, in

this case Denmark and Sweden, is the center of the system, that is, the most popular and most desired civilizatory model of advanced bourgeois society, of quality of life, which the masses in the dominant countries and, in general, on a world scale, pretend to achieve. It is the center of their world vision and their everyday praxis.

We than measured the distance from each country to the Centroide in three different measurement units: 1. GDP p.c. nominal; 2. Millimetric distances on the chart, and 3. The development-years necessary to obtain the living standard (in GDP p.c.) of the Centroide (Denmark), for each country, according to their long-time growth ratios.

If we represented the evolutionary paths of the Nation-States in question, each point on one of the curves represents a moment in time of the evolution of a specific Nation-State towards the attractor, according to the variables chosen. Each evolutionary path is unique according to the objective historical conditions within the Nation and on a world level. That means, in mathematical terms, that none of the curves intercepts any other, as in the following Lorenz attractor graphic is shown.

Lorenz attractor graphic

Information about the authors

Dr. Heinz Dieterich — Universidad Autónoma Metropolitana, Science Advisor to the University President and Director of Center for Transition Sciences (CTS); World Association for Political Economy, Vice President; World Advanced Research Project, Coordinator, Mexico City-Berlin.

Dr. Raimundo Franco — CTS researcher. Former Director of the Institute for Cybernetics, Mathematics and Physics, ICIMAF, La Habana, Cuba.

MSc. Rodrigo Ortiz — CTS researcher. Economist and Chinese Studies, Mexico — Beijing.

M.Sc. Juan Carlos Olguin — Electronic engineer and Master in Control Systems / Artificial Intelligence, Universidad Autónoma Chapingo and CTS.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

DISCUSSION

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 168—175.

УДК 378 ББК 74.58
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10720

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В. Н. Козлов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются традиции и инновации в высшем образовании. Отмечается влияние на общество и человека, на образование глобализации, модернизации, виртуализации, рынка. Все это обуславливает и новые требования к образованию и университетам, придание инновационного содержания их образовательной и научной деятельности в настоящем и будущем. По итогам конкретных социологических исследований оцениваются некоторые положительные результаты и проблемы в состоянии образовательного процесса в Челябинском государственном университете, других учреждениях высшего профессионального образования области. С учетом анализа внешних и внутренних факторов деятельности университета обозначаются векторы его дальнейшего инновационного развития, предлагается вести мониторинг проблемы «Качество образования в ЧелГУ: мнение студентов, преподавателей, молодых специалистов-выпускников университета, работодателей».

Ключевые слова: *знания, понимание традиции, инновации, мониторинг качества образования.*

Процессы глобализации, модернизации, виртуализации, рыночных преобразований меняют мировое сообщество, Россию, ее регионы, все сферы жизни, в том числе образование.

Другими становятся требования к человеку. Его надо готовить адаптироваться к новым условиям. Старшее поколение и молодое поколение — небо и земля. То, что раньше формировали родители, школа, двор, улица, сейчас во многом формируют интернет, телевидение, рынок. Новое поколение с 2001—2003 гг. рождения называют цифровым [1]. Оно предпочитает интернет-общение живому, межличностному общению, критически относится к прошлому и настоящему, пересматривает ценности.

Специалисты говорят уже не только о цифровой экономике, а о цифровом мире, цифровой цивилизации, о замене человека машинами. Но мы остаемся людьми с аналоговым мышлением, с возможностями выбора, с эмоциями. Речь идет и о новой реформе в образовании и ее, возможно, цели — формировать цифровой менталитет, цифровое мышление. Но еще известный ученый-физик, просветитель Сергей Петрович Капица говорил, что основная задача настоящего образования научить пониманию [2]. И это тоже одна из целей образования сегодня.

Из истории известно, что определенным образом ориентированная школа, и прежде всего университет, вместе с церковью сыграли решающую роль в консолидации и становлении существующих сегодня наций и государств. В США, например, большинство исследователей, изучающих проблемы образования, считают современные университеты центрами развития постиндустриального общества [3].

Специфическими чертами современного классического университета являются высокий уровень подготовки специалистов, возможность получения студентами базовых знаний в различных областях науки при оптимальном сочетании естественно-научных и гуманитарных дисциплин, способность к формированию и распространению нравственных и культурных ценностей, преобладание в научной работе доли фундаментальных исследований, на базе которых ведется учебный процесс [4]. Указанные черты классического университета сформулированы с учетом исторического опыта университетского образования в начале 1990-х гг. Их можно рассматривать как составляющие качества образования в нем. Но жизнь не стоит на месте.

По сути, таким классическим университетом с 1976 г. призван быть ЧелГУ, и он стал таковым.

Но в современных условиях реализация традиций классического университета возможна только с приданием инновационного содержания его образовательной и научной деятельности.

Конкретные исследования кафедры социологии ЧелГУ характеризуют основные сложившиеся традиционные подходы и оценивают новые в процессе университетского образования. Среди таких исследования:

— 1999 г. — по доступности высшего образования для инвалидов [5];

— 2000 г. — «Настоящее и будущее ЧелГУ: мнения студентов и преподавателей»;

— 2003 г. — экспертный опрос «О модернизации образовательного процесса в ЧелГУ» [6];

— 2003—2009 гг. — социологический мониторинг мероприятий губернаторской программы поддержки студенческой молодежи области, в том числе по ЧелГУ [7];

— 2007 г. — «Ожидания абитуриентов ЧелГУ и их родителей»;

— 2009 г. — «Абитуриенты ЧелГУ: социологический анализ» [8];

— 2009 г. — «Качество образования в ЧелГУ: мнение студентов» [9];

— 2009—2010 гг. — международный проект TEMPUS: «Разработка рамки квалификаций для системы профессионального образования Уральского региона» [10];

— 2011 г. — «Здоровый образ жизни: мнение студентов, преподавателей и сотрудников ЧелГУ» [11] и др.

В условиях рыночной экономики оценка работы социального института образования прежде всего измеряется спросом на его выпускников. Востребованность выпускников учебных заведений государством, работодателями зависит от наличия у молодых специалистов знаний, умений, компетенций, от того, что в них вложено учебным заведением и что из этого освоено, что приобретено самими обучающимися. Другими словами, речь идет о качестве образования. Его анализ может осуществляться на основе разных подходов.

Свое, уже апробированное на практике значение имеет социологическое исследование мнений участников процесса образования по проблеме его качества. Именно такой подход в сентябре — октябре 2009 г. реализован в Челябинском государственном университете. Тогда по представительной выборке по соответствующей анкете (43 вопроса) опрошены 1000 студентов второго — шестого курсов дневной формы обу-

чения. Результаты опроса с достоверностью 95 % при статистической погрешности до 2,8 % представляют мнение всех студентов университета.

Полагаем, что результаты этого опроса имеют значение и сегодня, так как система образования инерционна; в последние годы мы больше занимались формальными аспектами образования — РУПами, УМКа, РПД, были свидетелями смены руководства образованием на разных уровнях, что, скорее, готовило возможности для инноваций.

Основной вывод из анализа мнения студентов о качестве образования в ЧелГУ заключается в том, что здесь есть как положительные результаты, так и проблемы [9].

Примечательно, что многие студенты (87 % как сумма ответивших «да, вполне» и «да, но отчасти») удовлетворены качеством своей подготовки по специальности в университете (см. рис. 1).

Высокую положительную оценку студентов получают такие основные стороны этой подготовки, как общеобразовательная, теоретическая и общепрофессиональная, специальная, ниже — оценка практических умений, навыков профессиональной деятельности (см. табл. 1).

Один из основных фактов нашего исследования заключается в том, что подавляющее большинство студентов положительно оценивают состояние основных сторон образования в ЧелГУ (табл. 2).

Доли студентов, положительно оценивших, высоки — от 99 % (квалификацию работающего с ними профессорско-преподавательского состава) до 90 % (библиотечное обслуживание). И только связь с практикой отмечают заметно меньше — 76 % студентов. Неудовлетворительно оценивают ее 13 % респондентов, затрудняются здесь ответить 9,5 %.

В исследовании студентам предоставлялась возможность оценить качество основных методов и форм обучения в ЧелГУ. Подавляющее большинство студентов положительно оценивают лекции, семинары, экзамены и зачеты, самостоятельную работу (табл. 3). Компьютерные учебники, интернет-технологии, видео, аудиокассеты как средства обучения положительно оценивают заметно меньшее число студентов. Эти последние средства обучения довольно много студентов оценивают «неудовлетворительно» либо затруднились ответить.

Очевидно, что учеба в университете тем более результативна, чем больший интерес вызывает

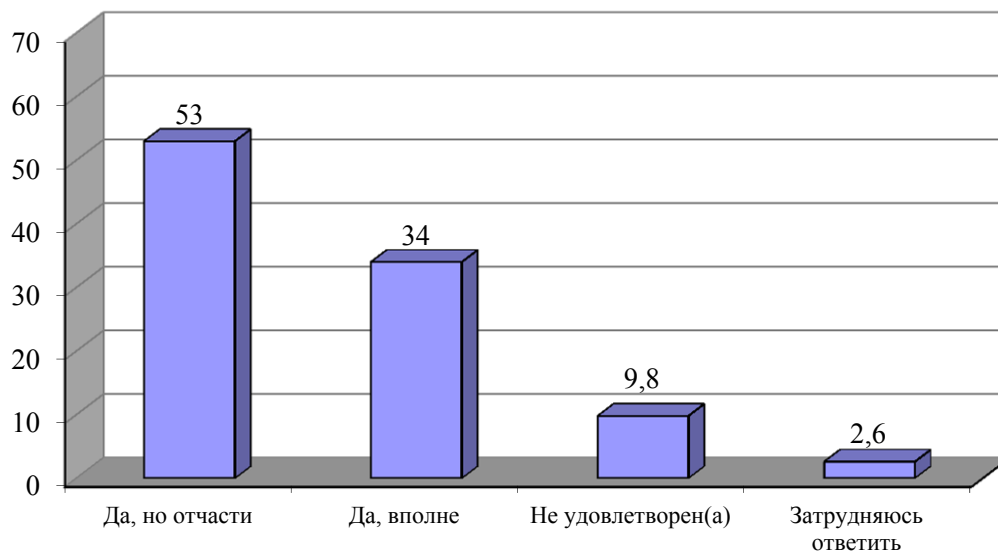

Рис. 1. Удовлетворенность студентов качеством своей подготовки по специальности в ЧелГУ (% к общему числу опрошенных)

Таблица 1

Оценка студентами основных сторон своей подготовки по специальности в ЧелГУ
(% к общему числу опрошенных)

Показатель	Положительно*	Неудовлетворительно	Затрудняюсь ответить
Общеобразовательная, общетеоретическая подготовка	97 (32 + 55 + 9,8)	1,2	0,9
Общепрофессиональная и специальная подготовка	96 (29 + 51 + 16)	2,0	1,3
Практические умения, навыки профессиональной деятельности	87 (17 + 43 + 27)	7,6	4,3

*«Положительно» как сумма оценок «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно».

Таблица 2

Оценка студентами состояния основных сторон образования в ЧелГУ в настоящее время
(в % к общему числу опрошенных)

Основные стороны образования	Оценки		
	Положительно*	Неудовлетворительно	Затрудняюсь ответить
Квалификация работающего с Вами профессорско-преподавательского состава	99 (44 + 48 + 7,6)	0,7	0,4
Организация учебного процесса	94 (18 + 51 + 25)	5,5	0,2
Материально-техническая база	91 (9,4 + 49 + 33)	6,2	1,2
Использование современных средств и методов обучения, в том числе информационных технологий	90 (19 + 40 + 31)	7,9	2,0
Библиотечное обслуживание	90 (28 + 41 + 21)	6,2	2,8
Связь с практикой	76 (13 + 36 + 26)	13	9,5

*«Положительно» как сумма оценок «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно».

Таблица 3

Оценка студентами качества основных методов и форм обучения в ЧелГУ
(% к общему числу опрошенных)

Методы и формы обучения	Оценки		
	Положительно	Неудовлетворительно	Затрудняюсь ответить
Лекции	99 (33 + 57 + 9,1)	1,0	0,2
Семинары	98 (33 + 52 + 13)	1,4	0,4
Экзамены, зачеты	98 (33 + 52 + 13)	1,1	0,9
Самостоятельная работа	93 (25 + 47 + 21)	3,8	2,4
Компьютерные учебники	72 (16 + 27 + 29)	17	10
Интернет-технологии	64 (11 + 23 + 29)	23	13
Видео-, аудиокассеты	52 (6,2 + 17 + 29)	28	19

*«Положительно» как сумма оценок «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно».

у студентов. Обратим внимание на то, что большинство студентов проявляют интерес к учебе (51 %) и научной деятельности (12 %) (рис. 2). Но наше исследование выявляет здесь проблему: такой интерес именно к учебе лишь у каждого второго студента.

Почти треть студентов затрачивают на самостоятельную подготовку лишь 6—10 ч в неделю (рис. 3). А каждый пятый уделяет этой форме подготовки вообще менее 5 ч в неделю. То есть каждый второй студент университета самостоятельно занимается в среднем только 1—2 ч в день.

По признанию 41 % студентов, им мешает учиться лучше личная неорганизованность, а 36 % — ни-

чего не мешает (рис. 4). Как видим, резервы повышения успеваемости довольно значимы.

Самой проблемной в настоящее время стороной качества образования в университете является связь с практикой. Так, слабая связь теоретической подготовки с практикой — это то, что прежде всего не устраивает студентов в учебном процесс (рис. 5). Вторая проблема — слабая связь вуза с предприятиями и организациями. Еще проблема — 24 % опрошенных указывают на неуважительное отношение ряда преподавателей к студентам.

Студенты указывают волнующие их проблемы. Среди них выделяются трудоустройство

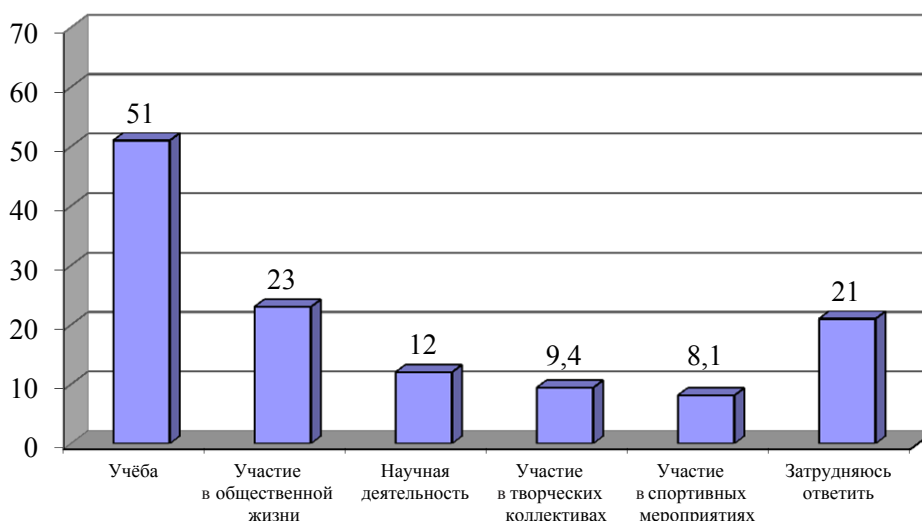

Рис. 2. Интересные для респондентов стороны студенческой жизни (% к общему числу опрошенных)

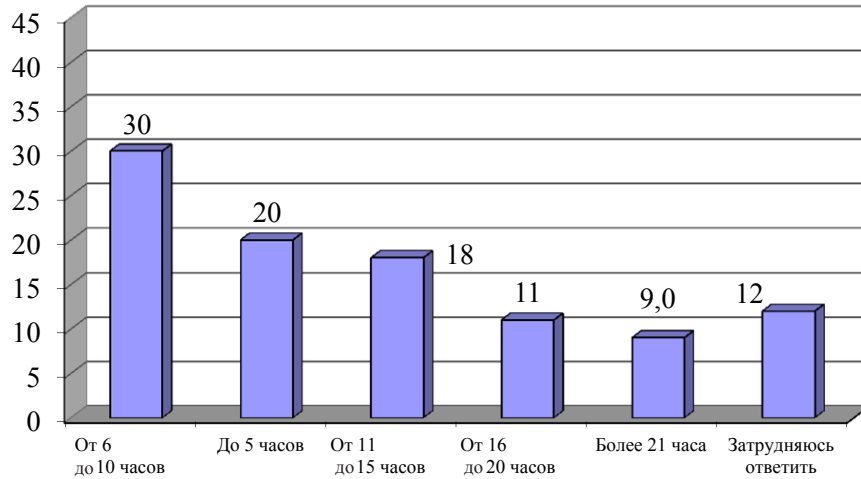

Рис. 3. Время, затрачиваемое студентами в неделю на самостоятельную подготовку (% к общему числу опрошенных)

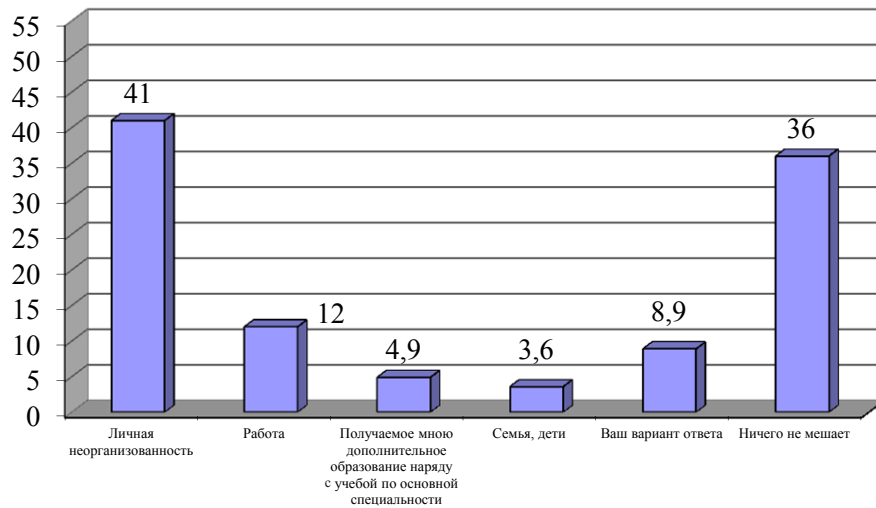

Рис. 4. Мнение студентов о том, что мешает им учиться лучше (% к общему числу опрошенных)

Рис. 5. Ответы студентов на вопрос о том, что их не устраивает в учебном процессе (% к общему числу опрошенных)

во время обучения в вузе и после его окончания (55 %), неудовлетворительное преподавание по некоторым предметам (38 %), высокие цены

в студенческой столовой и буфетах (35 %), недостаток необходимой литературы в библиотеке (34 %) и др. (табл. 4).

Таблица 4

Проблемы, особенно волнующие студентов университета
(% к общему числу опрошенных по университету и по курсам)

Проблема	Все опрошенные	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс
Проблема трудоустройства во время обучения в вузе и послеуниверситетское трудоустройство по специальности	55	43	51	64	69
Нет возможности бесплатного выхода в Интернет	41	40	43	39	42
Неудовлетворительное преподавание по некоторым предметам	38	34	37	43	37
Высокие цены в студенческой столовой и буфетах	35	38	35	32	33
Недостаток необходимой литературы в библиотеке	34	32	38	39	24
Неудовлетворительная организация учебного процесса	17	15	13	21	24
Отсутствие условий для проведения досуга	16	20	16	14	14
Распространенность курения и других проявлений нездорового образа жизни в вузе и общежитиях	16	16	18	15	14
Некомфортные бытовые условия проживания в общежитии	4,6	3,4	4,6	7,2	3,6
Свой вариант	5,4	6,4	3,7	7,2	5,4
Все устраивает	2,4	3,4	2,7	0,9	1,8
Затруднились ответить	0,5	–	0,6	0,9	0,6

Весьма значимо и то, что подавляющее большинство студентов (91 %) проявляют интерес к разным видам дополнительной подготовки в процессе обучения по основной специальности, прежде всего к подготовке по иностранному языку, получению второго высшего образования, обучению по спецкурсам по отдельным разделам других профессий. Есть определенный интерес к дополнительной подготовке по информатике (табл. 5).

Результаты экспертного опроса по проекту TEMPUS тридцать одного руководителя учреждений высшего образования области — ректоров и проректоров, заведующих выпускающих кафедр — свидетельствуют, что экспертами высоко

оцениваются достаточность профессиональной подготовки выпускников, их знаний, умений, требуемых личностных качеств [10].

Из числа экспертов отмечают проблемы повышения качества подготовки выпускников:

- низкий уровень подготовки абитуриентов — 58 %;
- низкий уровень мотивации студентов к получению профессионального образования — 42 %;
- отсутствие четких критериев качества профессионального образования — 29 %;
- слабую организацию практик — 29 %;
- недостаточное финансирование повышения квалификации преподавателей — 26 %.

Таблица 5

Интересующие студентов виды дополнительной подготовки в процессе обучения по основной специальности (% к общему числу опрошенных по университету, курсам и полу)

Виды дополнительной подготовки	Все опрошенные	2-й курс	3-й курс	4-й курс	5-й курс	6-й курс	Юноши	Девушки
По иностранному языку	57	60	54	52	64	71	52	59
Второе высшее образование	51	47	58	48	50	29	41	54
Спецкурсы по отдельным разделам других профессий (юридических, экономических и др.)	41	31	42	45	49	29	41	40
По информатике	16	18	14	13	20	18	18	15
Другие виды дополнительной подготовки	4,8	4,1	4,6	7,2	2,4	11,8	6,9	4,1
Никакие	4,3	4,9	4,0	4,5	4,2	0,0	6,5	3,6
Затрудняюсь ответить	4,3	6,4	3,0	5,4	2,4	0,0	4,8	4,1

По материальной базе недостаток:

- аудиторий, учебных площадей — 39 %;
- мест в общежитиях — 36 %;
- обучающих компьютерных программ — 16 %;
- лабораторий, мастерских, специальных кабинетов — 13 %.

С учетом указанных внешних и внутренних факторов деятельности университета можно попытаться обозначить, обсудить и реализовывать векторы его дальнейшего инновационного развития:

- 1 — цифровизация образовательного и научно-процессов, управления в университете;
- 2 — от знаний к пониманию, к компетенциям;
- 3 — от теории к практике;
- 4 — от научения к обучению, к самообразованию;
- 5 — от фундаментальных исследований к прикладным;
- 6 — от авторитарной к демократической педагогике;
- 7 — расширение возможностей дополнительного образования.

Очевидно, нужна диагностика нынешнего состояния университета с позиции выбранных векторов его развития. Ее основой может стать анализ качества образования в университете и поиск путей его повышения.

Целесообразно, на наш взгляд, вести мониторинг проблемы «Качество образования в ЧелГУ: мнение студентов, преподавателей, молодых специалистов — выпускников университета, работодателей».

Цель работы — выявление состояния общественного мнения о качестве образования в университете и выработка предложений по его повышению.

Сбор первичной информации возможно осуществлять методами выборочного репрезентативного анкетирования студентов, преподавателей, молодых специалистов — выпускников ЧелГУ, работодателей.

Системный сравнительный анализ проблемы можно провести, опираясь на результаты исследований 1999—2011 гг. кафедры социологии ЧелГУ.

Список литературы

1. Треякова, Г. Психологические особенности поколения Z. Третьяковские уроки. 12 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] / Г. Треякова. — URL: mansa-uroki.blogsport.ru.
2. Капица, С. Как учить — знаниям или пониманию? [Электронный ресурс] / С. Капица. — URL: esonet.ru.
3. Прокопьев, В. П. О признаках классического университета / В. П. Прокопьев // Университет. упр. — 2000. — № 2 (13).
4. Концептуальные вопросы развития университетского образования. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1993.
5. Высшее образование: проблема доступности в регионе : монография / под общ. ред. В. Н. Козлова, Е. А. Мартыновой. — Челябинск, 2000. — 139 с.
6. Шумаков, А. Ю. Модернизация образовательного процесса: мнение экспертов / А. Ю. Шумаков, В. Н. Козлов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 8. Экономика. Социология. Соц. работа. — 2007. — № 5 (78).
7. Козлов, В. Н. Социальные проблемы студенчества / В. Н. Козлов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Спец. вып. — 2009. — № 14 (152).
8. Козлов, В. Н. Предпочтения абитуриентов и их родителей. Социологический анализ на примере Челябинского государственного университета / В. Н. Козлов, Е. Е. Жирнова, Н. А. Бугуева. — Saarbrücken, Germany : LAP_LAMBERT Academic Publ. & Co. KG, 2012.
9. Козлов, В. Н. Качество профессионального образования в Челябинском государственном университете: мнение студентов / В. Н. Козлов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2012. — № 9 (263).
10. Разработка рамки квалификаций для системы профессионального образования Уральского региона : аналит. отчет // Международный проект Tempus. — Челябинск ; Магнитогорск, 2009—2010.
11. Козлов, В. Н. Здоровый образ жизни в вузах / В. Н. Козлов, Е. Е. Жирнова, Н. А. Бугуева. — Saarbrücken, Germany : LAP_LAMBERT Academic Publ. & Co. KG, 2012.

Сведения об авторе

Козлов Вадим Николаевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlovvn@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 168—175.*

CHELYABINSK STATE UNIVERSITY: TRADITIONS AND INNOVATIONS

V.N. Kozlov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlovvn@list.ru

The article overlooks traditions and innovations in higher education. Influence on society and people, on education of globalization, modernization, virtualization, the market is marked. All this causes new requirements to education and universities, giving innovative content to their educational and scientific activities in the present and future. Results of several specific sociological studies show certain positive outcomes as well as problems with educational system at Chelyabinsk State University and other professional higher education institutions in the same area. Intrinsic and extrinsic factors of university's activity play an important role in determining its future development. We suggest monitoring the problem with the "Quality of current education at Chelyabinsk State University: opinions of students, professors, young graduate specialists, as well as employers".

Keywords: *knowledge, understanding, traditions, innovations, monitoring, education quality.*

References

1. Tretyakova G. *Psikhologicheskiye osobennosti pokoleniya Z. Tret'yakovskiy urok* [Psychological specialties of the generation Z]. Available at: mansa-uroki.blogsport.ru (In Russ.).
2. Kapitsa S. *Kak učit' — znaniyam ili ponimaniyu?* [How to teach — give knowledge or encourage understanding?]. Available at: econet.ru (In Russ.).
3. Prokop'yev V.P. O priznakakh klassicheskogo universiteta [Classical University concepts]. *Universitetskoye upravleniye* [University Administration], 2000, no. 2 (13). (In Russ.).
4. *Kontseptual'nye voprosy razvitiya universitetskogo obrazovaniya* [Conceptual questions regarding educational development in Universities]. Moscow, 1993. (In Russ.).
5. Kozlov V.N. Martynova Ye.A. (eds.). *Vyssheye obrazovanie: problema dostupnosti v regione* [Higher education: problems with availability in region]. Chelyabinsk, 2000. (In Russ.).
6. Shumakov A.Yu., Kozlov V.N. Modernizatsiya obrazovatel'nogo protsessa: mneniye ekspertov [Modernization of education: experts' opinions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, no. 5 (78). (In Russ.).
7. Kozlov V.N. Sotsial'nye problemy studenchestva [Social issues of university life]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2009, no. 14 (152). (In Russ.).
8. Kozlov V.N. Zhirnova Ye.Ye., Buguyeva N.A. *Predpochteniya abiturientov i ikh roditeley. Sotsiologicheskiy analiz na primere Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Choices of students and their parents. Sociological Analysis on the basis of Chelyabinsk State University]. Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic publishing & Co. KG, 2012. (In Russ.).
9. Kozlov V.N. Kachestvo professional'nogo obrazovaniya v Chelyabinskom gosudarstvennom universitete: mneniye studentov [Quality of professional higher education at Chelyabinsk State University: students' opinions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2012, no. 9 (263). (In Russ.).
10. *Razrabotka ramki kvalifikatsiy dlya sistemy professional'nogo obrazovaniya Ural'skogo regiona. Analiticheskiy otchet* [Elaboration of a set of qualifications for Ural educational system. Analytical report]. *Mezhdunarodnyy proekt Tempus* [National Project TEMPUS]. Chelyabinsk, Magnitogorsk, 2009—2010. (In Russ.).
11. Kozlov V.N., Zhirnova Ye.Ye., Bugueva N.A. *Zdorovyy obras zhizni v vuzakh* [Healthy lifestyles among students]. Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic publishing & Co. KG, 2012. (In Russ.).

УДК 338.512 ББК 65.291.21
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10721

ПРИНЯТИЕ ЭФФЕКТИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Н. А. Дегтярева¹, Н. А. Берг²

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Рассматривается исследование зависимости издержек производства от основных производственных фондов и численности занятых в производстве. Принятие обоснованных решений по этой проблеме опирается на тщательный анализ информации, позволяющий понять закономерности, взаимосвязи, зависимости между различными показателями. Поэтому проведен анализ набора участвующих в модели факторов и показателей, выявлены доминирующие факторы, определены их роль и взаимосвязь, сформирован вид модели и оценены ее параметры, проверены качество и адекватность построенной модели. Обработка статистической информации в исследовании проводится методами корреляционно-регрессионного анализа в соответствии с этапами эконометрического моделирования. Численное решение задачи исследования сопровождается эконометрическими расчетами. Полученная точная и адекватная линейная модель применена для условного и безусловного прогнозирования величины издержек на предприятии. Построены точечный и интервальный прогнозы исследуемой величины. Построены ломаные фактических данных, результатов аппроксимации и прогнозирования с использованием электронных таблиц Excel. Полученный прогноз создает возможность для принятия обоснованных эффективных управленческих решений руководителем предприятия.

Ключевые слова: *эконометрическое исследование, корреляционно-регрессионный анализ, эконометрическое прогнозирование, эффективность решений.*

Сегодня деятельность в любой области экономики — управлении, финансово-кредитной сфере, маркетинге, учете, аудите требует от специалиста, предпринимателя применения современных методов работы, знания достижений мировой экономической мысли, понимания научного языка. Большинство новых методов основано на эконометрических моделях, концепциях, приемах [8].

Рыночная экономика требует улучшения использования статистической и экономической информации, проведения эконометрических расчетов будущих результатов хозяйственной деятельности и обоснования путей их достижения. Такие расчеты содействуют правильной оценке влияния факторов на различные показатели, характеризующие эффективное развитие их взаимосвязи. Рыночная экономика требует от руководителя-предпринимателя умения использовать статистические данные с целью построения, обоснования моделей и использования их для прогнозирования. Благодаря прогнозированию ситуации руководитель получает возможность принимать обоснованные решения. Поэтому любой руководитель-предприниматель должен хорошо разбираться

в экономико-математических методах, уметь их практически применять для моделирования реальных экономических ситуаций [10].

Специфической особенностью деятельности экономиста, менеджера, инженера является работа в условиях недостатка информации и неполноты исходных данных, в условиях неопределенности. Анализ такой информации требует знания специальных эконометрических методов [7].

Большинство эконометрических методов основано на построении эконометрических моделей и возможности их использования для описания, анализа и прогнозирования реальных экономических процессов. Эконометрическая модель — это экономико-математическая модель факторного анализа, параметры которой оцениваются средствами математической статистики. Она выступает в качестве средства анализа и прогнозирования конкретных экономических процессов и принятия на их основе наилучших управленческих решений [3].

Все шире используются методы прогнозирования в деятельности плановых, аналитических, маркетинговых отделов производственных предприятий и объединений. В современных условиях

управленческие решения должны приниматься лишь на основе тщательного анализа имеющейся информации, поэтому широкое применение в настоящее время имеют статистические программные пакеты Statistica, Eviews и Excel и другие для решения эконометрических задач проведения анализа данных, вычисления параметров модели, анализа модели [1; 6; 12; 14].

Большинство процессов и явлений в экономике находятся в постоянной, взаимной, объективной связи. Исследование зависимостей и взаимосвязей между объективно существующими явлениями и процессами играет большую роль. Эффективная хозяйственная деятельность невозможна без оценки этих связей между различными факторами и результативными показателями, выявление их тенденций и разработки прогнозов [8].

По направлению и сложности связей между внутренними (эндогенными) переменными и внешними (экзогенными) переменными интерес вызывают регрессионные модели.

Различают уравнения (модели) парной и множественной регрессии. Если для обозначения эндогенных переменных использовать y , а для экзогенных переменных — x , то в случае линейной модели уравнение парной регрессии имеет вид $y_t = a_0 + a_1x_{t1} + \varepsilon_t$, а уравнение множественной регрессии имеет вид $y = a_0 + a_1x_{t1} + a_2x_{t2} + \dots + a_m x_{tm} + \varepsilon_t$.

Чтобы построить эконометрическую модель с последующим использованием ее для прогнозирования, необходимо решить следующие задачи [Там же]: собрать исходные данные; отобрать факторы, наиболее влияющие на результирующий показатель; выбрать тип эконометрической модели, в том числе формирование структуры и форм функциональной связи между переменными, включенными в модель; сделать статистический анализ выбранной модели, то есть оценить неизвестные параметры модели на базе имеющихся статистических данных; проверить качество модели; сопоставить реальные и модельные данные, проверить адекватность модели, оценить точность модельных данных.

Было проведено исследование зависимости издержек производства от следующих факторов: основных производственных фондов и численности занятых в производстве.

Поквартально произведена выборка [9]: издержек производства (тыс. р.); основных производственных фондов (тыс. р.); численности занятых в производстве (чел.) — за пять лет (табл. 1).

Таблица 1

Статистические данные

Издержки производства				
Год	Квартал			
	1	2	3	4
1	1815,45	806,53	1472,61	1307,50
2	1710,41	1430,34	1165,43	1309,45
3	1464,14	1059,88	1010,98	1515,43
4	1746,14	2116,98	709,55	1481,11
5	1648,89	1158,95	1924,74	1050,83
Основные производственные фонды				
1	1123,56	442,16	1038,71	791,07
2	1137,65	908,92	681,17	863,25
3	965,68	607,24	541,30	1060,70
4	1108,75	1460,49	453,78	968,32
5	1094,29	682,56	1268,93	666,37
Численность занятых в производстве				
1	204	180	189	144
2	207	165	124	157
3	176	110	108	193
4	202	226	146	176
5	110	108	193	202

В ходе исследования проведен анализ набора участвующих в модели факторов и показателей, выявлены доминирующие факторы, определены их роль и взаимосвязь, сформирован вид модели и оценены ее параметры, проверены качество и адекватность построенной модели [2].

Пусть результирующий фактор $y(t)$ — издержки производства; факторные признаки: $x_1(t)$ — основные производственные фонды; $x_2(t)$ — численность занятых в производстве.

Наибольшие трудности в использовании аппарата множественного регрессионного анализа возникают при наличии мультиколлинеарности факторов. Чем сильнее мультиколлинеарность факторов, тем менее надежна оценка распределения суммы объясненной вариации по отдельным факторам с помощью метода наименьших квадратов.

Для оценки мультиколлинеарности факторов была использована матрица парных коэффициентов корреляции между факторами $y(t)$, $x_1(t)$, $x_2(t)$ (табл. 2).

Так как $r_{yx1} = 0,985 > 0$, то связь прямая; $|r_{yx1}| = 0,985 \approx 1$, то связь тесная. Так как $r_{yx2} = 0,808 > 0$, то связь прямая; $|r_{yx2}| = 0,808 \approx 1$ — связь тесная.

Таблица 2

Матрица парных коэффициентов корреляции

	y	x_1	x_2
y	1,000	0,985	0,808
x_1	0,985	1,000	0,839
x_2	0,808	0,839	1,000

Так как $|r_{x_1x_2}| = 0,839 > 0,75$, парная корреляция между малозначимыми объясняющими переменными достаточно высока, то есть имеет место мультиколлинеарность, оба фактора в модель включать нельзя. В модель включим фактор x_1 , потому что он наиболее тесно связан с зависимой переменной y , то есть $|r_{yx_1}| > |r_{yx_2}|$.

Построение уравнения регрессии сводится к оценке ее параметров. Для оценки параметров регрессии используют метод наименьших квадратов. Он позволяет получить такие оценки параметров, при которых сумма квадратов отклонений фактических значений результативного признака от теоретических минимальна, то есть

$$\sum_{i=1}^n (y_i - (a_0 - a_1x_1))^2 \rightarrow \min.$$

Для того чтобы полученные МНК оценки параметров обладали желательными свойствами, делают следующие предпосылки об отклонениях ε_i : величина ε_i есть величина случайная; математическое ожидание ε_i равно нулю: $M(\varepsilon_i) = 0$; дисперсия ε_i постоянна: $D(\varepsilon_i) = D(\varepsilon_j) = \sigma^2$ для всех i и j ; значения ε_i независимы между собой; величина ε_i есть нормально распределенная случайная величина.

Если регрессионная модель удовлетворяет перечисленным предпосылкам, то оценки параметров, полученные с помощью МНК, обладают следующими свойствами:

- 1) являются несмещенными, то есть математическое ожидание оценки каждого параметра равно истинному значению параметра;
- 2) состоятельны, надежность оценки при увеличении выборки растет;
- 3) эффективны, они имеют наименьшую дисперсию в классе всех линейных несмещенных оценок.

Построим линейную регрессионную модель $\hat{y}_i = a_0 + a_1x_1$ для выбранного $x(t) = x_1(t)$. Оценки коэффициентов регрессии найдем по формулам, с помощью метода наименьших квадратов [3]:

$$a_1 = \frac{\sum (y - \bar{y})(x_1 - \bar{x}_1)}{\sum (x_1 - \bar{x}_1)^2}; \quad a_0 = \bar{y} - a_1 \cdot \bar{x}_1, \quad (1)$$

то есть $a_1 = \frac{1936416,23}{1477323,42} \approx 1,31$,

а $a_0 = 1394,799 - 1,311 \cdot 893,245 = 223,97$.

Выборочное уравнение регрессии для выбранного x_1 примет вид $\hat{y}_i = 223,97 + 1,31x_1$.

Качество модели оценивается по адекватности и точности модели на основе анализа остатков регрессии e_i : $e_i = y_i - \hat{y}_i$ — остаточный ряд.

Анализ остатков позволяет получить представление, насколько хорошо подобрана сама модель и насколько правильно выбран метод оценки коэффициентов.

Соответствует (адекватна) ли эта модель реальному экономическому процессу? Модель адекватна, если остаточная компонента удовлетворяет четырем свойствам случайной компоненты остаточного ряда [10].

Проверка равенства математического ожидания уровней ряда остатков нулю осуществляется с использованием формулы

$$M(e) = \bar{e} = \frac{\sum e(t)}{n} = \frac{0,1 \cdot 10^{-11}}{20} \approx 0,3 \cdot 10^{-13}.$$

Так как $|\bar{e}| = 0,3 \cdot 10^{-13} < 0,5$, то $M(e) \approx 0$.

Проверка случайности уровней ряда остатков проводится на основе критерия поворотных точек:

$$P > \left[2 \cdot \frac{(n-2)}{3} - 1,96 \sqrt{\frac{16n-29}{90}} \right] = \\ = \left[\frac{2 \cdot (20-2)}{3} - 1,96 \sqrt{\frac{16 \cdot 20 - 29}{90}} \right] = [8,5] = 8.$$

Так как число поворотных точек $P = 10 > 8$, то свойство случайности выполняется.

Независимость уровней ряда остатков проверяется с помощью d -критерия Дарбина — Уотсона:

$$d = \frac{\sum_{t=2}^n (e(t) - e(t-1))^2}{\sum_{t=1}^n e(t)^2} = \frac{171274,527}{76720,140} \approx 2,23.$$

Так как $d = 2,23$ не попадает в интервал от d_2 до 2, то найдем $d' = 4 - 2,23 = 1,77 \in [1,411; 2]$, то есть уровни ряда являются независимыми.

Соответствие ряда остатков нормальному закону распределения определяется при помощи RS-критерия:

$$RS = \frac{e_{\max} - e_{\min}}{S_e} = \frac{118,794 - (-122,858)}{63,544} = 3,80.$$

Так как $3,80 \in [3,18; 4,49]$, то есть значение RS -критерия попадает между табулированными границами с заданным уровнем вероятности (для $n \leq 20, p = 70\%$), то гипотеза о нормальном распределении ряда остатков принимается.

Так как все четыре условия выполнены, то построенная модель адекватна.

Для характеристики точности модели вычисляют среднюю относительную ошибку аппроксимации [8]:

$$\begin{aligned} \bar{E}_{\text{отн}} &= \frac{1}{n} \sum \frac{|e(t)|}{y_t} \cdot 100\% = \\ &= \frac{1}{20} \cdot 79,332 \approx 3,97\% < 5\%, \end{aligned}$$

что свидетельствует о хорошей точности модели. В среднем расчетные значения \hat{y}_t для линейной модели отличаются от фактических значений y_t на 3,97%.

Оценку качества построенной модели дает коэффициент детерминации:

$$\begin{aligned} R^2 &= 1 - \frac{\sum e(t)^2}{\sum (y_t - \bar{y})^2} = \\ &= 1 - \frac{\sum e(t)^2}{\sum (y_t - \bar{y})^2} = 1 - \frac{76720,14}{2614896,80} \approx 0,97. \end{aligned}$$

Коэффициент $R^2 = 0,97$ показал, что более 97% вариации зависимой переменной учтено в модели и происходит под влиянием фактора (основные производственные фонды), включенного в модель, а остальные 3% приходятся на другие факторы, не включенные в модель.

Так как параметры уравнения регрессии значимы, уравнение значимо, показатели тесноты значимы, ошибка аппроксимации равна 3,97%, коэффициент детерминации равен 0,97, уравнение регрессии значимо, то было сделано заключение, что построенная регрессионная модель зависимости издержек производства от основных производственных фондов — $\hat{y}_t = 223,97 + 1,31 x_t$ — может быть использована для анализа и прогноза.

При использовании построенной точной и адекватной модели линейной регрессии для прогнозирования делается предположение о сохранении в период прогнозирования и на период упреждения существовавших ранее взаимосвязей переменных.

Различают точечное и интервальное прогнозирование. В первом случае это конкретное число, во втором — интервал, покрывающий истинное

значение переменной с заданным уровнем доверия. Выделяют также условное и безусловное прогнозирование в зависимости от того, известны ли интересующие нас объясняющие переменные точно или приближенно. В нашем случае прогнозирование безусловно, так как значения регрессора известны точно.

Прогнозирование экономических показателей основано на идее экстраполяции. Под экстраполяцией обычно понимают распространение закономерностей, связей и соотношений, действующих в изучаемом периоде, за его пределы. В более широком смысле слова ее рассматривают как получение представлений о будущем на основе информации, относящейся к прошлому и настоящему. В процессе построения прогнозных моделей в их структуру иногда закладываются элементы будущего предполагаемого состояния объекта или явления, но в целом эти модели отражают закономерности, наблюдаемые в прошлом и настоящем, поэтому достоверный прогноз возможен лишь относительно таких объектов и явлений, которые в значительной степени детерминируются прошлым и настоящим.

Прогноз состоит из двух частей: точечный и интервальный прогнозы [7].

Для прогнозирования зависимой переменной на k шагов вперед необходимо знать прогнозные значения всех входящих в модель факторов. Их оценки могут быть получены методами экспертных оценок или непосредственно заданы исследователем либо могут быть получены на основе экстраполяционных методов, например с использованием средних абсолютных приростов (САП) факторных признаков [8]:

$$x(n+k) = x(n) + \text{САП} \cdot k,$$

где

$$\text{САП} = (x_n - x_1) / (n - 1). \quad (2)$$

Для построения точечного прогноза на два шага вперед по модели регрессии $\hat{y}_t = 223,97 + 1,31 x_t$ вычисляют средний абсолютный прирост по формуле

$$\begin{aligned} \text{САП} &= (666,370 - 1123,560) / (20 - 1) = \\ &= -457,19/19 \approx -24,06; \end{aligned}$$

при $k = 1$:

$$x(20+1) = x(21) = x(20) + (-24,06) \cdot 1 = 642,31;$$

при $k = 2$:

$$x(20+2) = x(22) = x(20) + (-24,06) \cdot 2 = 618,25.$$

Для получения точечных прогнозных оценок зависимой переменной по модели

$$\hat{y}(n+k) = a_0 + a_1 x(n+k) \quad (3)$$

подставляют в нее найденные прогнозные значения фактора:

$$\begin{aligned} \hat{y}(21) &= 223,97 + 1,31 \cdot 642,31 = 1065,88; \\ \hat{y}(22) &= 223,97 + 1,31 \cdot 618,25 = 1034,34. \end{aligned}$$

Очевидно, что точное совпадение фактических данных в будущем и прогностических точечных оценок маловероятно. Поэтому точечный прогноз должен сопровождаться двусторонними границами, то есть указанием интервала значений, в котором с достаточной долей уверенности можно ожидать появления прогнозируемой величины. Установление такого интервала называется интервальным прогнозом.

Для линейной модели регрессии область возможных значений результативного показателя при известных значениях факторов, то есть доверительный интервал прогноза, рассчитывается следующим образом [11]. Оценивается величина отклонения от линии регрессии (обозначим ее U).

Величина $U(k)$ для парной модели регрессии имеет вид

$$U(k) = t_{\alpha} \cdot \overline{S}_E \cdot \sqrt{1 + \frac{1}{n} + \frac{(x(n+k) - \bar{x})^2}{\sum (x_i - \bar{x})^2}}, \quad (4)$$

где \overline{S}_E — ошибка аппроксимации: $\overline{S}_E = \sqrt{\frac{\sum E(t)^2}{n-1}}$; n — число наблюдений; k — количество шагов; x_t — наблюдаемое значение факторного признака в момент t ; $x(n+k)$ — прогнозное значение фактора на k шагов вперед; t_{α} — табличное значение t -статистики Стьюдента при заданном уровне значимости α и числа наблюдений n .

Доверительный интервал прогноза для шага прогнозирования k имеет следующие границы: верхняя граница прогноза — $\hat{y}(n+k) + U(k)$, нижняя граница прогноза — $\hat{y}(n+k) - U(k)$, причем $U(1) < U(2)$.

В ходе исследования получены следующие результаты:

- Доверительный интервал прогноза имеет следующие границы: при $k = 1$ верхняя граница прогноза $y_p(20+1) + U(1) = 1065,880 + 71,654 = 1137,53$; нижняя граница прогноза $y_p(20+1) - U(1) = 1065,880 - 71,654 = 994,23$.

При $k = 1$ $U(1) =$
 $= 1,05 \cdot 65,286 \cdot \sqrt{1 + \frac{1}{20} + \frac{(642,3075 - 893,245)^2}{1477323,421}} \approx 71,654.$

- Доверительный интервал прогноза имеет следующие границы: при $k = 2$ верхняя граница прогноза $y_p(20+2) + U(2) = 1034,339 + 71,935 = 1106,27$; нижняя граница прогноза $y_p(20+2) - U(2) = 1034,339 - 71,935 = 962,40$.

При $k = 2$ $U(2) =$
 $= 1,05 \cdot 65,286 \cdot \sqrt{1 + \frac{1}{20} + \frac{(618,254 - 893,245)^2}{1477323,421}} \approx 71,935,$
 где $\overline{S}_E = \sqrt{\frac{76720,140}{20-1-1}} = \sqrt{4262,23} \approx 65,286.$

Результаты прогнозирования представим в табл. 3.

Таблица 3

Результаты прогнозирования

k	$x(n+k)$	$\hat{y}(n+k)$	Нижняя граница	Верхняя граница
1	642,31	1065,88	994	1138
2	618,25	1034,34	962	1106

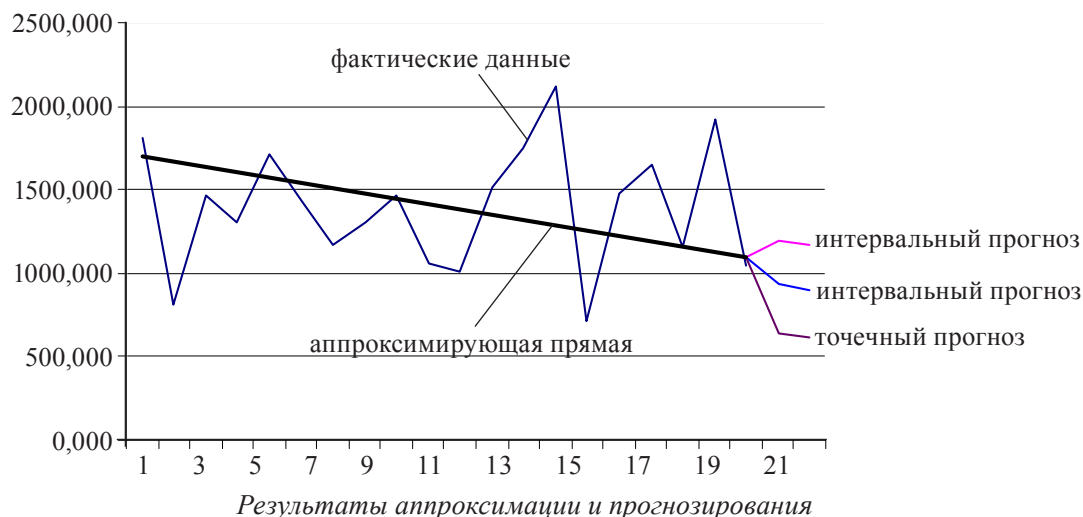
На рисунке (с. 181) показаны фактические данные, аппроксимирующая прямая, модель, результаты прогнозирования (точечный и интервальный прогнозы).

Таким образом, построенная регрессионная модель адекватна и прогнозные оценки факторов достаточно надежны, поэтому с выбранной вероятностью ($1 - \alpha = 0,7$) можно утверждать, что при сохранении сложившихся закономерностей развития прогнозируемая величина издержек производства в первом квартале следующего года примет значение из интервала (994; 1138) тыс. р., а во втором (962; 1106) тыс. р.

Полученный прогноз создает возможность принятия обоснованных эффективных управленческих решений руководителем предприятия, тем самым контролируя величину издержек на предприятии, уменьшая риск принятия неверных, необоснованных и субъективных решений. Также можно учесть нежелательные тенденции, выявленные при прогнозировании, и принять необходимые меры для их предупреждения, тем самым помешать осуществлению прогноза [6].

Таким образом, следует отметить, что развитие эконометрических прогнозных исследований в значительной степени обусловлено именно относительной простотой процедур разработки прогнозов, ясностью и определенностью использования их результатов в практике управления общественным развитием.

При разработке прогнозов важную роль играет процедура их верификации [5]. Верификация

предполагает обоснование достоверности прогноза, оценки его точности, качества. Одним из важнейших этапов верификации является выявление (или невыявление) систематической ошибки при формализованном описании (экстраполяции) тенденций развития исследуемого процесса. Такая ошибка может быть порождена неправильно выбранной формой основного функционала эконометрической модели, ошибками при выборе состава входящих в нее факторов, погрешностями в оценках коэффициентов модели. Появление систематической ошибки в общем случае может быть вызвано и неверным подбором «прогнозного фона».

Если прогноз разрабатывается на основе неуправляемых факторов, то и сам процесс является неуправляемым. Прогнозы таких процессов часто называют поисковыми (исследовательскими). В этом случае система управления имеет возможность только приспособиться к его тенденциям прогнозируемого процесса, учесть их при обосновании управляющих мер для соответствующего объекта.

Если факторы являются управляемыми, то система управления может сознательно выбирать, формировать их уровни, определяя тем самым наиболее рациональную, «оптимальную» для объекта тенденцию развития процес-

са в прогнозном периоде. Такие прогнозы обычно называют нормативными.

При частично управляемых факторах возможности регулирования развития процесса в прогнозный период являются ограниченными.

В случае управляемых и частично управляемых факторов заметим, что эконометрические модели предоставляют исследователю фактически всю информацию относительно границ управления (диапазонов изменения факторов), эффективности их использования в управлении. При этом показатель эффективности в некоторой степени может быть определен на основании значений коэффициентов эластичности переменной y по факторам x_{ik} (в части определения реакции y на изменения x_{ik}).

Другие составляющие эффективности (стоимость затрат на реализацию управления, результаты, выгоды, к которым оно приводит) выявляются на основе экономического анализа рассматриваемой проблемы [15].

Одной из важнейших характеристик качества прогноза является величина его доверительного интервала. Очевидно, что при прочих равных условиях чем уже этот интервал, тем более обоснованными представляются и сам прогноз, и мероприятия по эффективному управлению рассматриваемым процессом.

Список литературы

1. Вуколов, Э. А. Основы статистического анализа. Практикум по статистическим методам и исследованию операций с использованием пакетов Statistica и Excel / Э. А. Вуколов. — М. : ИНФРА-М, 2004. — 464 с.
2. Дегтярева, Н. А. Эконометрические модели анализа и прогнозирования : монография / Н. А. Дегтярева. — Челябинск : Цицеро, 2017. — 170 с.
3. Дегтярева, Н. А. Исследование зависимости количества безработных от социально-экономических факторов на основе модели множественной регрессии / Н. А. Дегтярева // *Фундамент. и приклад. наука.* — 2016. — № 2. — С. 13—16.

4. Дегтярева, Н. А. Применение статистических методов исследования в сельском хозяйстве / Н. А. Дегтярева, Н. А. Берг // Изв. высших учеб. заведений. Урал. регион. — 2017. — № 1. — С. 42—47.
5. Статистика : [углубл. курс] : учеб. для бакалавров / И. И. Елисеева [и др.]. — М. : Юрайт, 2011. — 565 с.
6. Количественное микропрограммное обеспечение EViews [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.eviews.com/>.
7. Kolmakova, E. Effective Management Predictions on the Basis of the Regression Model / E. Kolmakova, N. Degtyareva, I. Kolmakova // Insights and Potential Sources of New Entrepreneurial Growth : Proc. of the Intern. Roundtable on Entrepreneurship. — 2016. — Vol. IV, no. 1. — Belgrade, Serbia : Filodiritto Publ., 2017. — P. 146—156.
8. Практикум по эконометрике : учеб. пособие / И. И. Елисеева, С. В. Курышева, Н. М. Гордеенко [и др.] ; под ред. И. И. Елисеевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Финансы и статистика, 2007. — 344 с.
9. Уральский федеральный округ — 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <http://uralfo/gov.ru>.
10. Экономико-математические методы и прикладные модели : учеб. пособие / В. В. Федосеев [и др.]. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 304 с. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/15500>.
11. Эконометрика : учебник / В. С. Мхитарян, М. Ю. Архипова, В. А. Балаш [и др.]. — М. : Проспект, 2010. — 384 с.
12. Дайитбегов, Д. М. Компьютерные технологии анализа данных в эконометрике / Д. М. Дайитбегов. — М. : ИНФРА-М : Вузов. учеб., 2008. — 578 с.
13. Дубина, И. Н. Математико-статистические методы в эмпирических социально-экономических исследованиях / И. Н. Дубина. — М. : Финансы и статистика : Инфра, 2010. — 416 с.
14. Айвазян, С. А. Программное обеспечение персональных ЭВМ по статистическому анализу данных / С. А. Айвазян // Компьютер и экономика: экономические проблемы компьютеризации общества. — М., 2005. — С. 91—107.
15. Дегтярева, Н. А. Повышение экономической эффективности функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств в условиях рынка : дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Дегтярева. — Челябинск, 2000. — 218 с.

Сведения об авторах

Дегтярева Нина Адамовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. degtyareva_na56@mail.ru

Берг Наталья Алексеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной сфере Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), Челябинск, Россия. berg@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 176—183.*

THE ADOPTION OF EFFECTIVE MANAGEMENT DECISIONS ON THE BASIS OF ECONOMETRIC FORECASTING

N.A. Degtyareva

South Ural State University of Humanities and education, Chelyabinsk, Russia. degtyareva_na56@mail.ru

N.A. Berg

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. berg@csu.ru

The article deals with the study of the dependence of production costs on fixed assets and the number of employees in production. Making informed decisions on this issue is based on a thorough analysis of the information, allowing to understand the patterns, relationships, dependencies between different indicators. Therefore, the analysis of the set of factors and indicators involved in the model was carried out, the dominant factors were identified, their role and relationship was determined, the type of model was formed and its pa-

rameters were evaluated, the quality and adequacy of the model was checked. Processing of statistical information in the study is carried out by methods of correlation and regression analysis, in accordance with the stages of econometric modeling. The numerical solution of the research problem is accompanied by econometric calculations. The obtained accurate and adequate linear model was used for conditional and unconditional forecasting of costs at the enterprise. Point and interval forecasts of the investigated quantity are constructed. The broken actual data, results of approximation and forecasting with the use of Excel spreadsheets are constructed. The obtained forecast creates an opportunity to make informed effective management decisions by the head of the enterprise.

Keywords: *econometric research, correlation and regression analysis, econometric forecasting, effective solutions.*

References

1. Vukolov E.A. *Osnovy statisticheskogo analiza* [Bases of the statistical analysis]. Moscow, 2004. 464 p. (In Russ.).
2. Degtyareva N.A. *Ekonomicheskiye modeli analiza i prognozirovaniya* [Econometric models of analysis and forecasting]. Chelyabinsk, 2017. 170 p. (In Russ.).
3. Degtyareva N.A. Issledovaniye zavisimosti kolichestva bezrabotnykh ot sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na osnove modeli mnozhestvennoy regressii [The study of the dependence of the number of unemployed on social and economic factors on the basis of the multiple regression model]. *Fundamental'naya i prikladnaya nauka* [Fundamental and Applied Science], 2016, no. 2, pp. 13—16. (In Russ.).
4. Degtyareva N.A., Berg N.A. Primeneniye statisticheskikh metodov issledovaniya v sel'skom khozyaystve [The application of statistical methods of research in agriculture]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region* [News of Higher Educational Institutions. The Ural Region], 2017, no. 1, pp. 42—47. (In Russ.).
5. Yeliseyeva I.I. [et al.]. *Statistika* [Statistics]. Moscow, 2011. 565 p. (In Russ.).
6. *Kolichestvennoye mikroprogrammnoye obespecheniye EViews* [Quantitative Micro Software EViews]. Available at: <http://www.eviews.com/> (In Russ.).
7. Kolmakova E., Degtyareva N., Kolmakova I. Effective Management Predictions on the Basis of the Regression Model. *Insights and Potential Sources of New Entrepreneurial Growth. Vol. IV, no. 1*. Belgrade, Serbia, Filodiritto Publ., 2017. Pp. 146—156.
8. Yeliseyeva I.I., Kuryshva S.V., Gordeyenko N.M. [et al.]. *Praktikum po ekonometrike* [Workshop on Econometrics]. Moscow, 2007. 344 p. (In Russ.).
9. *Ural'skiy federal'nyy okrug — 2015* [The Urals Federal District — 2015]. Available at: <http://www.eviews.com/> (In Russ.).
10. Fedoseyev V.V. [et al.]. *Ekonomiko-matematicheskiye metody i prikladnye modeli* [Economic and mathematical methods and applied models]. Moscow, 2012. 304 p. (In Russ.).
11. Mkhitaryan V.S., Arkhipova M.Yu., Balash V.A., Balash O.S., Dubrova T.A., Sirotin V.S. *Ekonometrika* [Econometrics]. Moscow, 2010. 384 p. (In Russ.).
12. Dayitbegov D.M. *Komp'yuternyye tekhnologii analiza dannykh v ekonometrike* [Computer technologies of data analysis in econometrics]. Moscow, 2008. 578 p. (In Russ.).
13. Dubina I.N. *Matematiko-statisticheskiye metody v empiricheskikh sotsial'no-ekonomicheskikh issledovaniyakh* [Mathematical and statistical methods in empirical socio-economic studies]. Moscow, 2010. 416 p. (In Russ.).
14. Ayvazyan S.A. Programmnnoye obespecheniye personal'nykh EVM po statisticheskomu analizu dannykh [Software for personal computers for statistical analysis of data]. *Komp'yuter i ekonomika: ekonomicheskiye problemy komp'yuterizatsii obshchestva* [Computer and economics: economic problems of computerization of society]. Moscow, 2005. Pp. 91—107. (In Russ.).
15. Degtyareva N.A. *Povysheniye ekonomicheskoy effektivnosti funktsionirovaniya krest'yanskikh (fermerskikh) khozyaystv v usloviyakh rynka* [Increase of economic efficiency of functioning of peasant (farm) economy in the conditions of the market. Thesis]. Chelyabinsk, 2000. (In Russ.).

УДК 330 ББК 65.01
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10722

АКТУАЛЬНОСТЬ УЧЕНИЙ МАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. 200-ЛЕТИЮ К. МАРКСА ПОСВЯЩАЕТСЯ

*Е. А. Кремлёва, Д. С. Бенц, Н. О. Мамаева, А. Е. Платонова,
Д. М. Басырова, Е. Д. Савельев, И. С. Рыжаков*

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрена актуальность экономической теории Карла Маркса (в частности, его ключевого труда «Капитал»). Глобализация мировой экономики и финансово-экономический кризис, поразивший в последние годы ведущие индустриальные страны, пробудили интерес к этому современным ученым. Существует как минимум два лагеря представителей науки и общественности в отношении вопроса значимости марксизма в наши дни. Одни говорят, что идеи К. Маркса устарели, другие — что они востребованы и по сей день. Утратили ли сегодня свою актуальность идеи известного экономиста? Об этом и пойдет речь в статье.

Ключевые слова: *марксизм, капитализм, экономические закономерности, политические позиции, «Капитал».*

Одна из дат, отмечаемых в философском сообществе в 2018 г., связана с именем Карла Генриха Маркса — одного из величайших мыслителей не только XIX столетия, но и всей истории человеческой мысли, которая, стоит отметить, не ограничивается лишь рамками философии. Дата эта — 5 мая — день 200-летия со дня рождения К. Маркса.

За эти годы учеными-критиками написано множество работ, в которых рассмотрена теория марксизма с точки зрения абсолютно противоположных философских и политических позиций. До сих пор продолжают споры о ее актуальности [1; 2; 6; 11]. Некоторые исследователи считают, что имеет место некая историческая «отсталость» учений К. Маркса, ведь он жил в свое время с его закономерностями, и, исходя из этого, они утверждают, что его теория не соответствует нашему времени. Одни ссылаются на XXI в., с его повсеместной информатизацией и резким сокращением промышленного пролетариата, указывая на неточности марксистской теории. Другие говорят, что К. Маркс «продолжает жить» и все еще актуален, как ни один из авторов, его идеи стали составной частью того мира представлений об экономике, в рамках которого мы все мыслим. В этой связи возникает вопрос: какой «лагерь» ученых-исследователей прав? На самом ли деле К. Маркс со своей теорией невероятно актуален в наши дни или же она стала «архаичной»? Попробуем разобраться.

Классический марксизм возник на основе наблюдений Карла Маркса за обществом раннего капитализма, которое в те времена еще только появлялось из «утроб» феодального общества под тяжким гнетом страданий пролетариата. Это общество опирается на наследие общества уходящего, клонящегося к закату и из последних сил пытающегося продолжить свое существование. Закат феодального общества сопровождается чередой социальных и политических революций, в ходе которых старая система отношений становится лишь стороной, частью новой системы отношений [7—9].

Марксизм строится на философских принципах Г. Гегеля. Ключевой принцип — историзм. К. Маркс считал историю естественным процессом, именно поэтому она поддается познанию [5].

Одним из наиболее великих экономических трудов считается «Капитал» К. Маркса. Следует отметить, что в «Капитале» анализ системы всех экономических отношений начинается не с рассмотрения богатства, так как богатство является слишком обширной и слишком общей категорией. Автор акцентирует внимание на товаре как важной субстанции экономики. К. Маркс считал, что именно в товаре, как в «зародыше», сочетаются все противоречия системы, которую он изучал. Более того, значимым является не сам товар, а его стоимость. Природа стоимости — один из центральных вопросов теории ученого.

В первом томе своего труда автор подробно рассмотрел проблему стоимости, лежащей в ос-

нове цены. Она определяется по многим факторам, но ключевым критерием является стоимость общественного труда, который заложен в изготовлении товара. И каждый товар, рассматриваемый в отдельности, является лишь средним экземпляром своего рода. Под общественным трудом, необходимым для производства товара, понимается именно то рабочее время, которое требуется для изготовления вещи при наличии нормальных условий труда на производстве, при усредненных показателях умелости работников и интенсивности труда на производстве. Основой основ расчета стоимости у К. Маркса является общественный труд. Таким образом, формируется закон товарообмена, при котором обмен товаров происходит согласно стоимости каждого из них (точнее, согласно эквиваленту затраченного на товар общественного рабочего времени). Иными словами, товарообмен происходит из расчета эквивалент на эквивалент.

Закон товарообмена, по сути, не что иное, как обычный закон равновесия, своеобразного экономического баланса, при котором затраченный на производство товара ресурс (который складывается из многочисленных факторов) должен быть возмещен. Данная нить прослеживается со времен естественного обмена, когда товар обменивался на равноценный товар напрямую, минуя денежные отношения. Впоследствии эта практика переросла в денежные отношения, и стоимость затраченных ресурсов на производство восполнялась денежными знаками. Эта трансформация сохранилась по сей день. Актуальность расчета стоимости вещи относительно затраченного ресурса на производство сохраняет лидерство среди методов оценивания товара. основополагающим фактором и сегодня является стоимость рабочей силы. Подтверждением этого постулата является все больше растущая и закрепляющаяся в позициях тенденция крупных компаний к переносу своего производства в страны, где уровень экономического развития достаточно низок и рабочая сила стоит достаточно дешево. Это позволяет маркетологам снизить стоимость товаров и успешно продвигать их на рынке. Таким образом даже удается компенсировать завышенную стоимость сырья, необходимого для производства.

По мнению К. Маркса, существует некий особый товар, в основу стоимости которого может входить его потребительская необходимость. Это могут быть необходимые в производстве предметы, например орудия производства или станки

и иное оборудование. Производитель понимает, что, даже несмотря на не столь высокую стоимость производства таких предметов, он может завышать их конечную стоимость. При таком завышении стоимости потенциальный покупатель все же будет стремиться купить такой товар, так как с его помощью он будет вести производство, из которого можно извлекать прибыль. Именно эта составляющая дала возможность К. Марксу объяснить, почему происходит так, что рабочий не может получить всю ценовую составляющую, которая ему причитается, а только ее часть в виде заработной платы за труд. Таким образом, та рабочая сила, которая покупается на трудовом рынке, не только полностью себя окупает, но даже служит способом извлечения дополнительной прибыли, которую при капиталистическом строе капиталист присваивает себе безвозмездно.

Второй том «Капитала» посвящен процессу обращения капитала. В своем труде К. Маркс проанализировал большую часть процессов движения капитала и его оборот в экономике. Немало внимания автор уделил кругообороту капитала. Кругооборот — это процесс непрерывного движения заработанных денег, который постоянно приносит все новую прибыль. Кругооборот может быть как замкнутым, так и открытым. Замкнутый кругооборот — это такой кругооборот, по итогам которого вся полученная прибыль снова возвращается в оборот. Так часто поступают современные предприятия, которые только что вышли на рынок. Открытым называется такой кругооборот, прибыль из которого изымается и расходуется на разные нужды. Как правило, кругооборот открывается тогда, когда предприятие смело и уверенно стоит на ногах. Это также один из ярких примеров актуальности марксистской теории капитала в наши времена. Автор описывает все возможные варианты оборота капитала во 2-м томе своего труда.

В 3-м томе К. Маркс обобщил рассмотренные вопросы предыдущих томов и изучил процесс капиталистического производства в целом. Иными словами, он рассмотрел модель производства товаров и услуг в полноценном капиталистическом обществе. Именно в 3-м томе подробно описан процесс трансформирования стоимости товара в цену за его производство. К. Маркс считает, что в капиталистическом обществе равнозначные капиталы приносят разнозначную прибыль. Тут возникает некое формальное противоречие, так как если в 1-м томе Маркс рассматривал отношения

между отдельным капиталистом и его рабочим, где товары обменивались на товары, то в 3-м томе — модель денежного расчета стоимости, где рабочий получает лишь часть стоимости произведенной вещи в виде своей заработной платы.

Четвертый том «Капитала» в большей степени отражает актуальность труда К. Маркса в современном мире. Дело в том, что 4-й том отражает суть теории прибавочной стоимости. Современная экономика многих стран прочно стоит на ногах за счет именно прибавочной стоимости. По К. Марксу, в создании продукта участвует не сам труд, а способность рабочего к труду, то есть рабочая сила. Он утверждал, что рабочая сила — это тот же товар, который имеет как потребительную стоимость, так и стоимость. Последняя составляет стоимость средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы, а первая и является источником создания прибавочно-продукта [5].

«Капитал» в полной мере отражает все позитивные и негативные стороны капиталистической модели производства. Так как все механизмы, изученные в нем, успешно работают в современном обществе, трудно оспорить актуальность этого труда сегодня.

Невозможно не принять во внимание то, что многие из критических замечаний оппонентов Карла Маркса настоящего времени являются истиной. Безусловно, промышленный, рабочий класс с момента жизни известного теоретика претерпел существенные изменения в настоящем: во-первых, на сегодняшний день информатизация — атрибут обыденности; во-вторых, межгосударственные связи стали сильнее и основательнее.

Всем известно, что марксистская политэкономия капитализма была создана в основном в середине XIX в. Ю. И. Семенов, российский историк и философ марксистского направления, отметил в одной из своих работ, что с тех пор в экономике капитализма произошли изменения, причем существенные. Он дает следующую оценку актуальности политэкономии К. Маркса: «Жизнь ушла вперед, а теория продолжала оставаться в основном такой, какой она вышла из-под пера Карла Маркса. Результатом явилось расхождение между ней и реальным положением вещей». Кроме того, Ю. И. Семенов отмечает: «Экономическая теория марксизма в том виде, в котором она продолжала излагаться, явно устарела. Но это вовсе не значит, что она должна быть полностью отброшена...» [12].

Паоло Вирно, итальянский философ и видный деятель итальянского марксистского движения, является создателем книги «Грамматика множества: к анализу форм современной жизни» (2001), в которой он рассуждает, что поздний капитализм включил в свой цикл человека целиком, со всеми его творческими, интимными и «странными» сторонами, а не только отдельные части его жизни и способностей, как это было во времена К. Маркса. Способность к работе как таковая становится предметом капиталистического антропогенеза. Труд, в котором нет конечного результата, становится камнем преткновения такой системы. В основе воспроизводства капитала сегодня зачастую лежит именно умственный труд, который невозможно свести к физическому даже в чисто эквивалентном смысле. Следовательно, марксистская теория в виде первоизданном, по его мнению, уже устарела.

Виталий Насенник, известный интернет-деятель, в своей статье «Марксизм безнадежно устарел» аналогичным образом считает, что марксизм неактуален. У К. Маркса прибавочная стоимость всегда положительна и ее присваивает предприниматель-капиталист, который, по К. Марксу, в любом случае является эксплуататором. А вот, к примеру, у Дж. Гобсона прибавочная стоимость является функцией рыночной конъюнктуры, то есть находится в зависимости от цен на сырье, труд и готовую продукцию. Причем она может быть как положительной, так и отрицательной, что доказывается тем очевидным фактом, что предприятия иногда банкротятся. Если бы прибавочная стоимость была всегда положительна, предприятиям банкротиться не приходилось бы. Очевидно, что Дж. Гобсон прав, а К. Маркс — нет.

Еще одним аргументом не в пользу К. Маркса служит то, что, по его мнению, капиталиста можно легко выгнать с работы, его роль может выполнить любой орган. Однако это не так. Как верно заметил Й. Шумпетер, капиталист — это прежде всего организатор и его работа очень трудна. Сыграл свою роль и тот факт, что во времена К. Маркса просто еще не существовало представления о структурном ресурсе как совокупности взаимосвязей между элементами системы.

В. Насенник отмечает: «Учение Маркса вовсе не всесильно и не верно, потому что оно устарело еще полтора века назад. Да, для середины XIX века это было выдающееся достижение, но с той поры много воды утекло, в науке было открыто

много нового, что заставляет относиться к марксизму гораздо прохладнее. На мой взгляд, марксизм нужно со всеми почестями водрузить на заслуженное место в архиве истории науки.

Австрийский экономист и государственный деятель О. Бём-Баверк в работе «Критика теории Маркса» группирует список всех тех благ, которые в реальном экономическом мире нарушают принцип трудовой ценности:

1) редкие блага (не только предметы искусства, но и вся земля), блага, которые производятся по патентам, авторское право, промышленные секреты и т. д.;

2) блага, производимые не простым, а квалифицированным трудом;

3) блага, производимые неестественно низкооплачиваемым трудом (к примеру, швейное производство);

4) те блага, меновая стоимость которых то падает ниже уровня, который должен был бы соответствовать количеству затраченного на них труда, то поднимается выше под воздействием колебаний спроса и предложения. О. Бём-Баверк пишет о том, что К. Маркс игнорирует данную причину, но на самом деле в реальной жизни таких примеров очень много;

5) из двух благ, производство которых стоит одинакового количества овеществленного труда, то имеет высшую меновую ценность, производство которого требует большего объема «предварительного труда».

Отсюда — меновая ценность благ постоянно значительно отклоняется от уровня, который устанавливается овеществленным трудом. Значит, мнимому «закону», что ценность благ определяется количеством овеществленного в них труда, значительная часть благ вообще не подчиняется, остальные же подчиняются не всегда, а если и подчиняются, то никогда в точности — это данные опыта, с которым приходится считаться теоретику ценности, заключает О. Бём-Баверк. Законы, формулирующие влияние труда на меновую стоимость благ, будут относиться к общему закону ценности приблизительно так же, как закон «западный ветер приносит дождь» относится к общей теории дождя. Но стоит указать, что работа данного автора сама неоднократно подвергалась критике.

Следует отметить, что экономические закономерности, которые были открыты и раскрыты К. Марксом, возможно невооруженным взглядом отслеживать в настоящее время. Они не исчезли

и не уничтожились указанными нами ранее несоответствиями современности. Несмотря на то, какие люди находятся у власти, какими бы они ни руководствовались девизами, общественной (а следовательно, и государственной) основой нашей жизни будут экономические отношения. Государство, построенное на капитализме, может сколько ему будет благоугодно именовать себя социальным, демократическим и др., однако интересы крупного капитала для него всегда будут превыше любых словесных «прикрытий».

Хочется отметить и то, что в наши дни отечественные и зарубежные экономисты ставят вопрос о возрождении политэкономии и создании новой политэкономии. В частности, в этом году в рамках 2-й Всероссийской научной конференции «Конкурентоспособность и развитие социально-экономических систем», посвященной памяти академика А. И. Татаркина, в ЧелГУ состоялся круглый стол. В центре обсуждения были проблемы повышения конкурентоспособности региональной экономики. А. В. Горшков высказал мысль о том, что методологическим подходом новой политэкономии должен быть диалектико-материалистический подход, а основой — марксистская политэкономия [13].

Научность данного подхода будет заключаться, во-первых, в материальности: материализм — признание объективной экономической реальности и законов, которые ее регулируют. Во-вторых, диалектика — признание развития системы через внутренние противоречия, системность рассмотрения экономических явлений и экономики в целом и принцип историзма. А. В. Горшков предложил поддержать следующий лозунг: «Вперед, к Марксу!».

Современным марксистским теоретиком является также итальянский теоретик, публицист и медиаактивист Франко (Бифо) Берарди. Он употребляет тезис «когнитариат» как новейшую конфигурацию бытования пролетариата в режиме информационного капитализма. Безусловно, класс промышленных рабочих никогда в жизни не был до такой степени большим, как в настоящее время, он попросту перемещен на периферию международной карты капитализма, где сложился огромный рынок почти невольнической рабочей мощи, а в глобальных центрах ценность слова «труд» сместилась в край формирования, извлечения и распространения данных. Промышленный процесс в центрах сдвигается в край когнитивной работы. Однако Ф. Берарди акцентирует вни-

мание на «прекарном» состоянии когнитивного труда. Кратковременная и неустойчивая деятельность — один из базисных данных позднего капитализма. Доля среднего класса утрачивает вчерашнюю стабильность и преобразовывается в «прекариат». По его мнению, прекарная работа — это форма работы без гарантий и долгосрочной перспективы, лишенная привязки к конкретной территории и к физическому присутствию. Информационные технологические процессы содействуют не столько увеличению производительности, сколько повышению уровня эксплуатации рабочей силы, и за счет введения электронного контроля под девизом наиболее существенной интенсивности, и за счет практического удлинения рабочего дня «удаленных» работников, трудящихся за пределами офисов и цехов, так как на них не распространяется законодательное лимитирование трудового дня.

Такая «прекаризация» была предсказана К. Марксом как состояние, при котором чем успешнее воздействие рабочих на ресурсы их занятости, тем в меньшей степени надежными станут обязательства занятости самих этих сотрудников, требования реализации их силы утрачивают любую устойчивость.

Французский социолог Андре Горц, как последователь марксистского гуманизма, свой анализ работ К. Маркса начинает с человека, а конкретнее — с труда. Однако классические марксистские определения, согласно его мнению, в большей мере не годятся для изображения сегодняшнего труда. Происходит это вследствие того, что каждая работа сейчас «включает развивающийся элемент знаний». Данное понимание, однако, никак не является формальным познанием. А. Горц различает «науку» и «человеческий капитал» — живое экспериментальное познание, интеллект, фантазию. В современных условиях даже от самых низкоквалифицированных работников требуется фантазия, предприимчивость, способность обнаруживать неординарные решения и вводить их в производственную практику [3].

А. Горц допускает, что навык очень значим и ценен в качестве ключевой производительной силы, а «когнитивный капитализм предполагает собою упадок капитализма» [Там же]. Он акцентирует внимание на том, что «предельные расходы программного обеспечения не слишком велики, оно способно сохранить гораздо больше работы, нежели его собственная стоимость,

при этом в огромных, еще недавно невообразимых масштабах», «в тенденции (меновая) стоимость продовольствий опустится», и вследствие этого «рано или поздно это обязано послужить причиной к падению (денежной) стоимости всего произведенного имущества, к уменьшению размера доходов и, вероятно, к краху производства, основанного на обменной стоимости». Таким образом, это суждение, по сути, повторяет логику изображенной марксистами тенденции снижения нормы прибыли, так как она, в свою очередь, образована на употреблении трудосберегающих технологий, характер которых не установлен.

Многие наши экономисты тоже обращаются к политэкономическому анализу, рассматривая современную экономику. Интерес представляет публикация С. М. Меньшикова «Анатомия российского капитализма» [10]. Это первая книга, в которой на основе политэкономического анализа системно излагается то, что произошло с нашей экономикой. Монография В. Т. Рязанова «Нереальный капитализм: политэкономия кризиса и его последствий для мирового хозяйства и России» вышла в 2016 г. Эти ученые на основе политэкономического анализа делают выводы, которые ведут к пониманию того, что произошло в экономике и есть ли перспективный выход.

В своей книге «Почему Маркс был прав» сторонница К. Маркса Терри Иглтон, ведущий британский литературовед и философ, пишет: «Главной сутью работы К. Маркса является человеческое удовольствие. Хорошая жизнь для него — это та, которая состоит не из труда, а прежде всего из отдыха. Свободная самореализация, вне всякого сомнения, есть форма “производства”, но не того, которое является принудительным. А отдых необходим, поскольку люди уделяют время организации своих общих дел. Поэтому на первый взгляд может показаться удивительным, что массы штатных лодырей и профессиональных бездельников не спешат влиться в ряды марксистов. Но все встает на свои места, если вспомнить, какие огромные усилия должны быть затрачены для достижения этой цели. Отдых есть то, что вы должны заработать» [4].

Т. Иглтон полагает, что марксизм до сих пор считается оценкой капитализма — особо глубокой, жесткой и безграничной оценкой [Там же]. Марксистская оценка, кроме того, считается единственной, которая сумела оказать влияние на большую долю всего земного шара. Отсюда напрашивается вывод: вплоть до тех времен, пока

капитализм продолжает «делать деньги», марксизм также обязан быть в строю, и только лишь после отставки оппонента он способен пойти на заслуженный отдых. Капитализм же в завершающий момент смотрится как никогда склочным и вздорным.

В настоящее время, как и предрекал К. Маркс, наблюдается глубокая дифференциация в уровне доходов населения. И она весьма выросла. На сегодняшний день, как пишет Т. Иглтон, заработок одного мексиканского миллиардера равен заработкам семнадцати миллионов его самых бедных сограждан. Капитализм сформировал больше богатств, чем когда-либо знала история, но и издержки, понесенные обществом, в которые входит не только крайняя нищета миллиардов людей, были огромными. На этом фоне велика вероятность возникновения в недалеком будущем значительного оскудения ресурсов вследствие капиталистического хозяйствования. Капитал будет действовать антисоциально, если это станет прибыльным для него, и в настоящие дни это может означать банкротство людей в невероятных масштабах. То, что ранее могло показаться апокалиптической фантазией, на сегодняшний день обращается здоровой оценкой действительности. В данных обстоятельствах, равно как сообщает Фредрик Джеймсон, «марксизм обязан еще один раз продемонстрировать собственную правду» [4].

Таким образом, представляется, что К. Маркс создал собственную научную программу и парадигму политической экономии, которая была синтезирована из положений предшествующих теорий в органическое целое. Гораздо более про-

дуктивными стали попытки синтеза марксизма с достижениями других школ и направлений экономической науки, что невозможно без определенной свободы творчества и дискуссий. Экономическая теория К. Маркса оказала огромное влияние практически на все школы и направления экономической науки в XX в. Дискуссии вокруг его теории вне зависимости от того, разделяли ли их участники цели и ценности К. Маркса и его теорию, сыграли значительную роль в прогрессе науки.

Постиндустриальное общество все более выдвигает на первый план идеологию как способ функционирования современного общества. Современный марксизм должен разоблачать все эти идеологии как способы стабилизации капиталистического общества постольку, поскольку оно искажает естественную социальную базу любого общества, элементарные социальные отношения. Марксизм, по существу, и есть система взглядов на общество с точки зрения трансисторических человеческих отношений в обществе — будь то доиндустриальные системы, индустриальные или постиндустриальные. Последние опираются на городские, буржуазные отношения в преодолении капитализма, исторически частные и преодолеваемые в качестве господствующей системы с сохранением их сущности. Постиндустриальное общество — преодоление империализма в качестве господствующей системы жизни общества. Однако основные идеологические системы отстают от этого процесса, а потому вопрос, станет ли марксизм лидером в переосмыслении роли капитализма и его будущего, остается открытым.

Список литературы

1. Багатурия, Г. А. Экономическое наследие Карла Маркса: История, информативная методология / Г. А. Багатурия, С. В. Выгодский. — М. : Мысль, 1976. — 325 с.
2. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе / М. Блауг. — М. : Case Ltd, 1994. — 720 с.
3. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / А. Горц. — М. : Издат. дом Гос. ун-та Высшей шк. экономики, 2010. — 208 с.
4. Иглтон, Т. Почему Маркс был прав [Электронный ресурс] / И. Терри. — М. : Карьера пресс, 2012. — 304 с. — URL: <http://levoradikal.ru/wp-content/uploads/2014/04/Terri-Iglton.Pochemu-Marks-by-l-prav.pdf>.
5. История экономических учений: от древних времен до маржинализма / под ред. Д. С. Бенц. — М. : Перо, 2015. — 202 с.
6. Коган, А. М. В творческой лаборатории К. Маркса. [План экон. исслед. 1857—59 гг. и «Капитал»] [Электронный ресурс] / А. М. Коган. — М. : Мысль, 1983. — 178 с. — URL: <http://kinoclub.ws/details.php?id=267543>.
7. Маркс, К. Соч. Т. 39 / К. Маркс, Ф. Энгельс [Электронный ресурс]. — М. : Изд. полит. лит., 1966. — 747 с. — URL: <https://www.marxists.org/russkiy/marx/cw/t39.pdf>.

8. Маркс, К. Манифест Коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 4.— М. : Госполитиздат, 1954. — С. 419—459.
9. Маркс, К. Соч. Т. 12 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М. : Госполитиздат, 1958. — 879 с.
10. Меньшиков, С. М. Анатомия российского капитализма [Электронный ресурс] / С. М. Меньшиков. — М. : Междунар. отношения, 2004. — 432 с.
11. Рокмор, Т. Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса / Т. Рокмор. — М. : Канон+ : РООИ Реабилитация, 2011. — 399 с.
12. Семенов, Ю. И. Марксизм и псевдомарксизм [Электронный ресурс] / Ю. И. Семенов // Науч.-просветит. журн. «Скепсис: свобода начинается с сомнения». — URL: http://scepsis.net/library/id_351.html
13. Татаркин, А. И. Политическая экономия как научная основа экономической политики: экскурс по работам академика Л. И. Абалкина / А. И. Татаркин // Журн. экон. теории. — 2015. — № 3. — С. 7—27.

Сведения об авторах

Кремлёва Елизавета Александровна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. elzaaa.kr@ya.ru

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Мамаева Наталья Олеговна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. mamaeva0455@gmail.com

Платонова Анна Егоровна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. anna.platonova.2000@yandex.ru

Басырова Дина Маратовна — студентка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. basyrovadinam@gmail.com

Савельев Евгений Дмитриевич — студент Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. vectorsav999@yandex.ru

Рыжаков Игорь Сергеевич — студент Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ryzhakov.igor.981003@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 184—191.*

RELEVANCE OF MARXISM IN THE MODERN WORLD. DEVOTED TO K. MARX'S 200TH ANNIVERSARY

Ye.A. Kremlyova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. elzaaa.kr@ya.ru

D.S. Bents

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

N.O. Mamaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. mamaeva0455@gmail.com

A.Ye. Platonova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. anna.platonova.2000@yandex.ru

D.M. Basyrova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. basyrovadinam@gmail.com

Ye.D. Savel'yev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vectorsav999@yandex.ru

I.S. Ryzhakov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ryzhakov.igor.981003@mail.ru

In the article we pay attention on the relevance of Karl Marx' economic theory nowadays (in particular, on his key work "Capital"). Globalization of the modern world economy and the financial and economic crisis in

many industrial countries “have awakened” the interest of modern scientists. There are, at least, two “camps” of scientists concerning the importance of Marxism today. One says that K. Marx’s ideas have become outdated, others say they are demanded nowadays. Whether the ideas of the famous economist have lost the relevance today? We try to understand it in the article.

Keywords: *Marxism, capitalism, economic regularities, political positions, “Capital”.*

References

1. Bagaturiya G.A., Vygodskiy S.V. *Ekonomicheskoye naslediyе Karla Marksa: Istoriya, informativnaya metodologiya* [Economic heritage of Karl Marx: History, informative methodology]. Moscow, 1976. 325 p. (In Russ.).
2. Blaug M. *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive* [Economic Theory in Retrospect]. Moscow, 1994. 720 p. (In Russ.).
3. Gorts A. *Nematerial'noye. Znaniye, stoimost' i kapital* [Non-material one. Knowledge, cost and capital]. Moscow, 2010. 208 p. (In Russ.).
4. Eagleton T. *Pochemu Marks byl prav* [Why Marx Was Right]. Yale University Press, 2011. 272 p. Available at: <http://www.peterheft.com/library/Economics/marxian%20economics/Eagleton,%20Terry-Why%20Marx%20was%20Right.pdf>, accessed 14.05.2018. (In Russ.).
5. Bents D. (ed.). *Istoriya ekonomicheskikh ucheniy: ot drevnikh vremen do marzhinalizma* [History of economic theories: from ancient times to marginalism]. Moscow, 2015. 202 p. (In Russ.).
6. Kogan A.M. *V tvorcheskoy laboratorii K. Marksa [Plan ekonom. issled. 1857—59 gg. i “Kapital”]* [In creative laboratory of K. Marx [Plan of an economic research 1857—59 and “The Capital”]]. Moscow, 1983. 178 p. Available at: <http://kinoclub.ws/details.php?id=267543>, accessed 14.05.2018. (In Russ.).
7. Marks K., Engels F. *Sochineniya. T. 39* [Compositions. Vol. 39]. Moscow, 1966. 747 p. Available at: <https://www.marxists.org/russkiy/marx/cw/t39.pdf>, accessed 14.05.2018. (In Russ.).
8. Marks K., Engels F. *Manifest Kommunisticheskoy partii* [The Communist Manifesto]. Marx K., Engels F. *Sochineniya. T. 4* [Compositions. Vol. 4]. Moscow, 1954. Pp. 419—459. (In Russ.).
9. Marks K., Engels F. *Sochineniya. T. 12* [Compositions. Vol. 12]. Moscow, 1958. 879 p. (In Russ.).
10. Men'shikov S.M. *Anatomiya rossiyskogo kapitalizma* [Anatomy of Russian capitalism]. Moscow, 2004. 432 p. (In Russ.).
11. Rokmor T. *Marks posle marksizma: Filosofiya Karla Marksa* [Marx after Marxism: Karl Marx’s philosophy]. Moscow, 2011. 399 p. (In Russ.).
12. Semenov Yu.I. *Marksizm i psevdomarksizm* [Marxism and pseudo-Marxism]. *Nauchno-prosvetitel'skiy zhurnal “Skepsis: svoboda nachinaetsya s somneniya”* [Scientific and educational journal “Skepticism: freedom begins with doubt”]. Available at: http://scep sis.net/library/id_351.html. (In Russ.).
13. Tatarkin A.I. *Politicheskaya ekonomiya kak nauchnaya osnova ekonomicheskoy politiki: ekskurs po rabotam akademika L.I. Abalkina* [Political economy as scientific fundamentals of economic policy: digression on works of the academician L.I. Abalkin]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Economic Theory Journal], 2015, no. 3, pp. 7—27. (In Russ.).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПОЖАРОВЗРЫВОБЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИЧНОСТИ КОТЕЛЬНЫХ УСТАНОВОК ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

К. Ш. Ямалетдинова¹, А. И. Щелчкова², Л. Ф. Хасанова², А. Р. Галеева²,
О. Г. Мартынова², С. Т. Рахманова², Р. И. Ахметшин²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия

Согласно концепции устойчивого экономического и экологического развития регионов РФ, решение экологических проблем является весьма актуальной задачей, так как концентрация промышленного производства отдельных регионов оказывает высокую нагрузку на экологию. Республика Башкортостан (РБ) характеризуется большим количеством потенциально опасных объектов, эксплуатирующих различные взрывопожароопасные установки. По статистическим данным известно, что примерно 80—85 % аварий в РБ сопровождаются взрывом и пожаром. В настоящей работе рассмотрены основные проблемы пожаровзрывобезопасности промышленных объектов на примере котельных установок и проведен их анализ с помощью графических методов, таких как диаграмма Парето, диаграмма Исикавы, круговая диаграмма, секторограмма и дерево событий. А также с помощью графических средств причинно-следственной диаграммы показаны затраты на эксплуатацию котельных установок.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, экологическая безопасность, пожаровзрывобезопасность, затраты на эксплуатацию, котельная установка, диаграмма Парето, диаграмма Исикавы.

Одним из актуальных трендов устойчивого развития страны является концепция устойчивого развития региона, предполагающая реализацию программ как устойчивого социально-экономического развития, так и устойчивого экономического и экологического развития.

Политика любого региона охватывает многообразные сферы управленческих, экономических и экологических отношений [8—11]. К ним относят: отношения собственности, финансово-кредитную, налогово-бюджетную системы; организационно-управленческие, производственно-экономические отношения; природопользование и др. Наиболее подробно аспекты управленческих решений, влияющих на развитие регионов, изложены в работе В. И. Бархатова, Д. А. Плетнева, З. С. Биткуловой [12].

Совокупность отношений обеспечивает устойчивое развитие, которое должно характеризоваться прежде всего экономической эффективностью, экологической безопасностью и социальной справедливостью. Экономика, не демонтирующая биосферу, то есть поддерживающая экосистему, — одна из главных задач обеспечения гарантированного устойчивого развития региона.

Реализация концепции экономического и экологического развития в условиях отдельно взя-

того региона вошла в повестку Экономического форума «Зауралье-2018» (9—10 июня 2018 г.), на котором глава Башкортостана Р. З. Хамитов обозначил основные тенденции развития данной проблемы.

Применяя идею концепции устойчивого развития региона к Республике Башкортостан, необходимо учитывать такие ее особенности, как подверженность территории различным стихийным геологическим процессам, значительная концентрация промышленного производства и, следовательно, высокая нагрузка на ее экологию. РБ входит в группу субъектов РФ имеющих первую степень опасности по возникновению чрезвычайных ситуаций и возможному их воздействию на население и территорию. Около 50 % населения РБ находится в потенциальных зонах ЧС. РБ характеризуется большим количеством потенциально опасных объектов, использующих взрыво-, пожаро- и химически опасные вещества.

В 2017 г., по данным Главного управления МЧС России по Республике Башкортостан, в республике зафиксировано семь чрезвычайных ситуаций. Для населения и территории РБ наибольшую опасность представляют техногенные ЧС.

Основные источники таких ЧС — это аварии на опасных производственных объектах раз-

личных отраслей промышленности региона. Наибольшую опасность представляют предприятия, расположенные в городах Уфа, Стерлитамак, Салават, Мелеуз.

подавляющее большинство опасных производственных объектов нефтегазодобычи и переработки, ТЭЦ, котельных и прочего являются пожаровзрывоопасными.

Рассмотрим аспект пожаровзрывоопасности промышленного предприятия, эксплуатирующего котельные установки.

Среди систем теплоснабжения котельные остаются самым востребованным вариантом получения энергии и тепла. Одновременно котельные согласно действующим нормам закона относятся к опасным производственным объектам, требующим повышенного внимания к обслуживанию и эксплуатации.

Аварийные ситуации могут возникать по различным причинам, однако основными являются: низкое качество монтажа и ремонта оборудования, коррозия, сбои в системе автоматизации, ошибки персонала, внешние факторы и др. Также одной из главных опасностей при возникновении аварийных ситуаций в котельных является

разгерметизация или повреждение газопровода с утечкой взрывоопасного газа и последующим взрывом образующегося облака парогазовоздушной смеси.

Как правило, взрывы и пожары возникают вследствие искр, которые, в свою очередь, появляются в результате взаимодействия и трения частиц топлива (газа) с металлами и твердыми частицами грунтовой поверхности. Такие аварии принято приравнивать к чрезвычайным ситуациям, поскольку они могут повлечь за собой человеческие жертвы, значительные материальные убытки, нарушения жизнедеятельности людей, а также нанести глобальный ущерб окружающей среде.

В России эксплуатируется более 70 000 паровых и водогрейных котлов. Статистические данные, представленные на рис. 1 в виде структурной секторной диаграммы, свидетельствуют о том, что из этого общего количества больше половины котельных действуют на газе, треть — на дизельном топливе, 10 % — комбинированные и не более 5 % — твердотопливные [1].

Технические характеристики различных видов котельных представлены в табл. 1 [2].

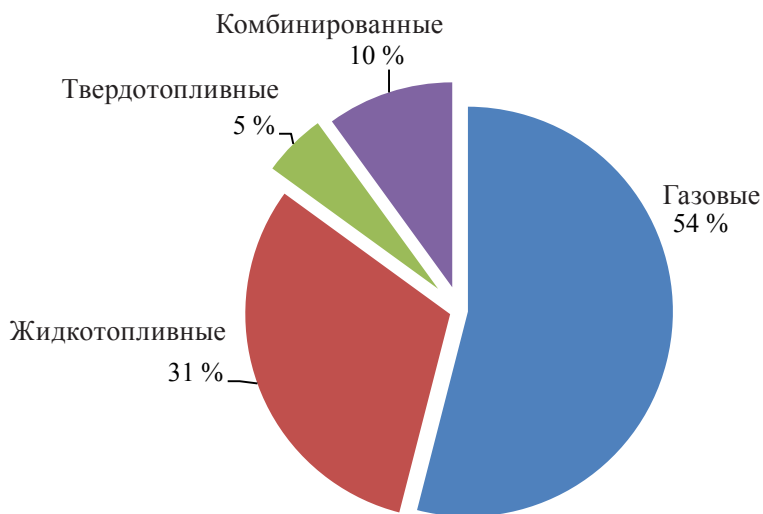

Рис. 1. Котельные установки в зависимости от вида применяемого топлива

Таблица 1

Технические характеристики различных видов котельных

Вид установки	Характеристики							
	Мощность, кВт	КПД, %	Рабочее давление, бар	Температура теплоносителя, °С	Гидравлическое сопротивление, МПа	Расход топлива, м³/ч	Цена за 1 кВт мощности, р.	Цена оборудования, тыс. р.
Газовая	2000	94	6	115	0,01	236	0,5	737
Комбинированная	2000	97	6	100	0,03	200	3,3	802,6
Жидкотопливная	2000	90	5	110	0,0002	245	2,8	456
Твердотопливная	2000	83	36	200	0,07	294	0,9	650

Для сравнения технических характеристик различных видов котельных установок хорошо применить секторограмму, представляющую собой, по сути, многомерную радиальную диаграмму, в которой следует провести столько осей, сколько рассматривается параметров. Для каждого типа значений создается своя собственная ось, со своей шкалой и градуировкой, которая исходит из центра диаграммы.

Численные значения параметров, соответствующие данному виду котельной установки, соединяются одной замкнутой ломаной. Таких замкнутых ломаных на диаграмме будет столько, сколько рассматривается типов.

Для наглядной оценки характеристик рассматриваемых видов котельных установок построим секторограмму (рис. 2), позволяющую сравнить их числовые показатели.

Проанализировав полученную секторограмму, можно сделать следующие выводы.

Наиболее эффективными и экономичными являются газовые котельные установки, так как при высокой мощности и КПД, сравнительно низком гидравлическом сопротивлении затраты на установку и эксплуатацию остаются невелики.

Приведем основные виды затрат на эксплуатацию котельных установок с помощью причинно-следственной диаграммы Исикавы (рис. 3), которая является графическим изображением, в сжатой форме и логической последовательности распределяющим причины явления. Как показано выше, применение газовых котельных установок является наиболее целесообразным, поскольку другие котельные установки уступают им по многим параметрам. Однако широкое использование природного газа в котельных может привести к аварийным ситуациям. Аварии газовых котельных, по статистике, являются наиболее частыми техногенными чрезвычайными ситуациями [3].

Определено, что аварийные ситуации в котельных чаще всего связаны с утечкой природного газа вследствие разгерметизации газопровода. Для анализа причины ЧС, связанной с разгерметизацией газопровода в котельной предприятия *N*, построена диаграмма Исикавы, представленная на рис. 4.

Основная цель применения диаграммы Исикавы в данном случае — выявить влияние факторов на процесс разгерметизации газопровода в котельной установке на всех уровнях. Главным достоинством ее является то, что она

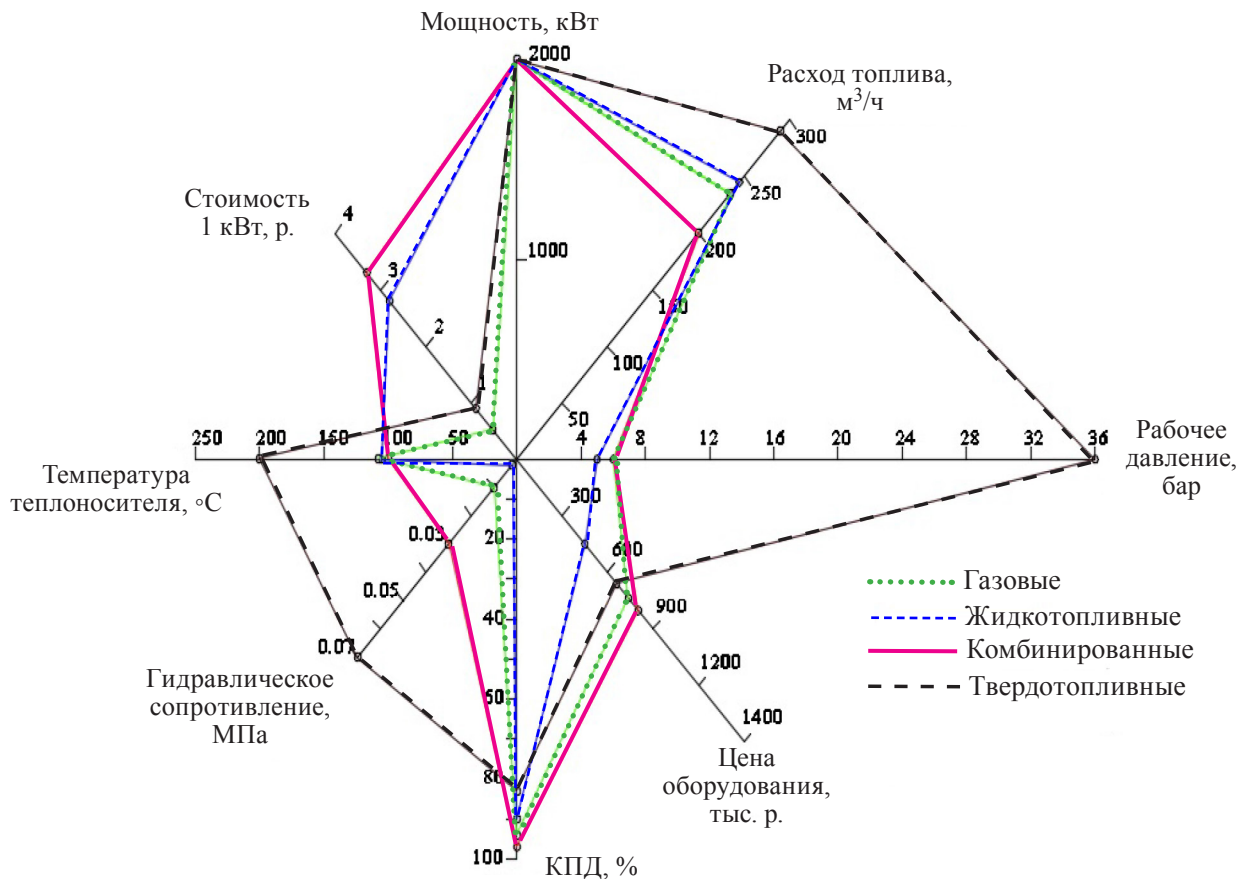

Рис. 2. Секторограмма сравнительных характеристик различных видов котельных установок

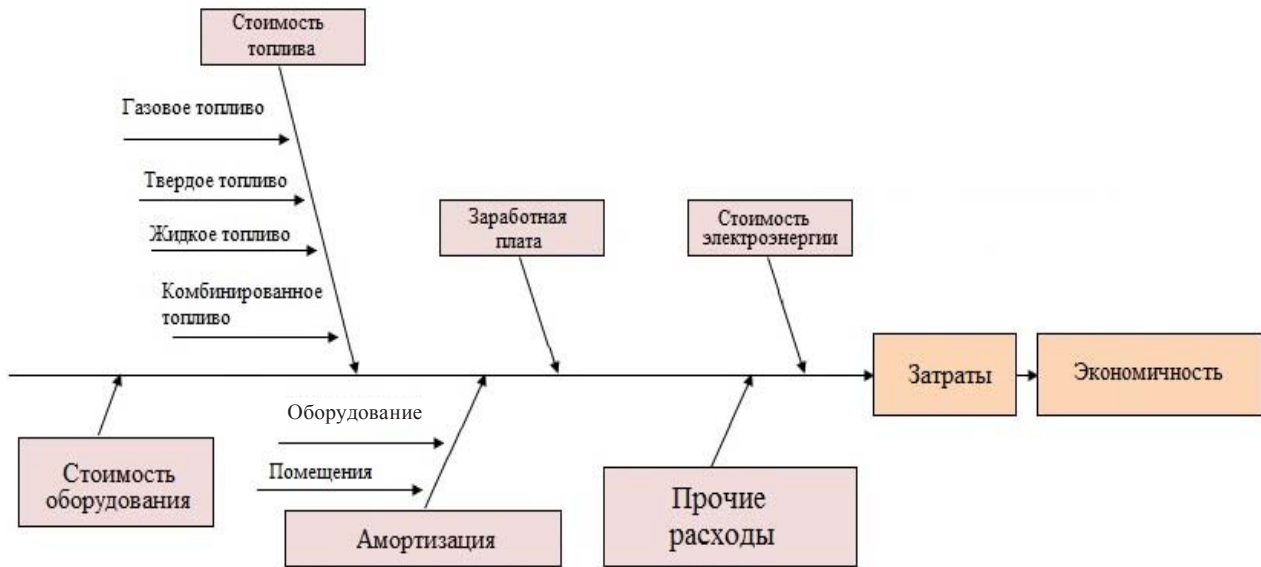

Рис. 3. Диаграмма Исикавы, иллюстрирующая основные виды затрат на эксплуатацию котельных установок

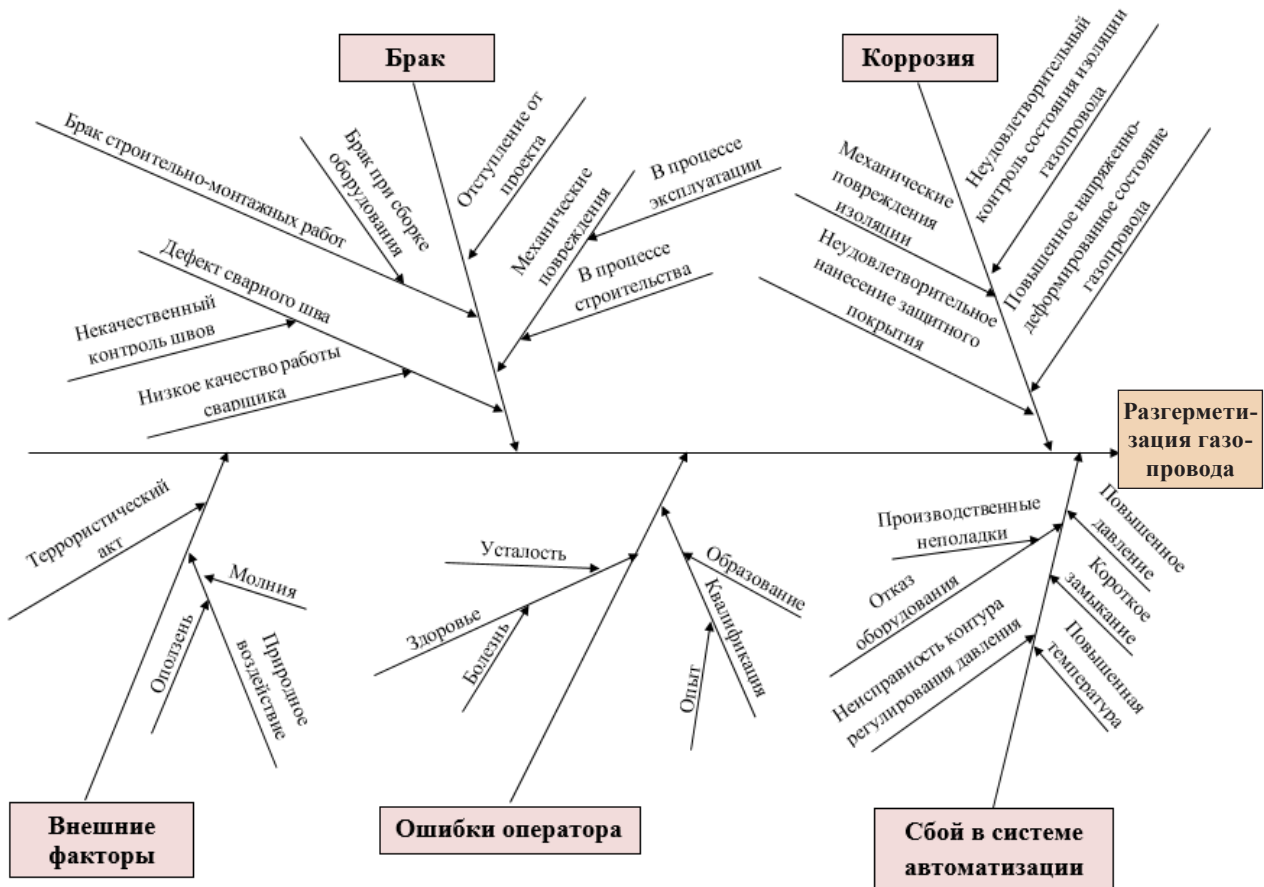

Рис. 4. Комплексное влияние факторов на разгерметизацию газопровода в котельной установке

дает наглядное представление не только о тех факторах, которые влияют на рассматриваемый процесс разгерметизации, но и о причинно-следственных связях этих факторов.

Для решения и представления основных проблем, приводящих к разгерметизации,

диаграмма Исикавы дополнена диаграммой Парето (рис. 5), позволяющей выявить основные причины, с которых нужно начинать решать проблему.

Диаграмма Парето основана на статистических данных, представленных в табл. 2 [4].

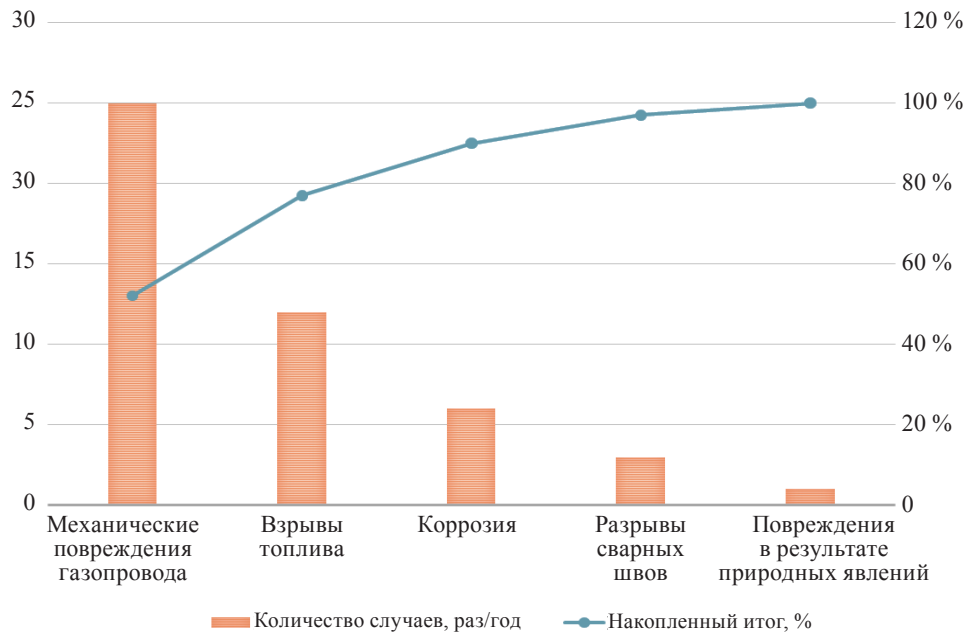

Рис. 5. Диаграмма Парето по типам причин разгерметизации газопровода в котельной установке

Таблица 2

Статистические данные по типам причин разгерметизации газопровода в котельной установке

Проблема	Количество случаев, раз/год	Накопленный итог, кол-во случаев	Накопленный итог, %
Механические повреждения газопровода	25	25	52
Взрывы топлива	12	37	77
Коррозия	6	43	90
Разрывы сварных швов	3	46	97
Повреждения в результате природных явлений	1	47	100

Как видно из диаграммы, первые две проблемы возникли примерно в 77 % случаях. Диаграмма Парето в данном формате высвечивает ключевые области и помогает группам установить приоритеты в своей деятельности.

Для определения, анализа и графического представления вариантов развития аварии используется «дерево событий», которое представлено на рис. 6.

На основе «дерева событий» произведен расчет вероятности возникновения наиболее опасного и вероятного сценария развития ЧС. По результатам расчета вероятность возникновения наиболее опасного сценария развития ЧС — взрыв парогазового облака — составила $0,6 \cdot 10^{-4}$ год⁻¹, вероятность возникновения наиболее вероятного сценария развития ЧС — рассеивание парогазового облака — составила $0,7 \cdot 10^{-4}$ год⁻¹ [5].

Таким образом, возможности графического анализа и представления проблемы пожаровзрывобезопасности промышленного предприятия *N*, эксплуатирующего котельные установки, в настоящей работе были выражены в виде построения таких диаграмм, как круговая диаграмма, секторограмма, диаграмма Исикавы и диаграмма Парето. Экономичность эксплуатации котельной установки также представлена в виде диаграммы Исикавы. Полученные диаграммы позволяют наглядно и в полном объеме понять проблему, что в дальнейшем поможет найти пути ее решения [6—9]. Представление данных в графическом виде позволяет решать самые разнообразные задачи, что является одним из основных достоинств графических возможностей анализа какой-либо проблемы.

Рис. 6. Разработка сценариев развития ЧС в котельной установке с помощью «дерева событий»

Список литературы

1. Лыкова, А. И. Анализ опасностей при эксплуатации городских котельных / А. И. Лыкова, Е. В. Яковлева // Научное сообщество студентов XXI столетия. Технические науки : сб. ст. по материалам XXX междунар. студенч. науч.-практ. конф. — 2015. — № 3 (29). — С. 178—182.
2. Технический каталог котельного оборудования «LAVART». — Омск, 2014. — 75 с.
3. Гостева, А. В. Прогнозирование чрезвычайных ситуаций на магистральных газопроводах на основе результатов анализа риска / А. В. Гостева, Е. В. Глебова, А. Н. Черноплёков // Нефть, газ и бизнес. — 2009. — № 9. — С. 68—70.
4. Сравнительный анализ статистических данных по аварийности на магистральных трубопроводах в России и в Западной Европе / В. В. Кузнецов, А. А. Ляпин, Р. Е. Монахов, С. В. Шавкин // Нефть, газ и бизнес. — 2007. — № 12. — С. 49—56.
5. Лисанов, М. В. Анализ риска и декларирование безопасности объектов нефтяной и газовой промышленности / М. В. Лисанов, А. С. Печеркин, В. И. Сидоров // Сертификация и безопасность оборудования. — 1998. — № 1. — С. 37—41.
6. Графические особенности анализа ветроэнергетического потенциала региона / В. В. Галиакберов, О. Г. Мартынова, Р. И. Ахметшин, С. Т. Рахманова // Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и производства». Т. 2. — Кемерово : ЗапСиб НЦ, 2017. — С. 99—104.
7. Графические особенности анализа экономической эффективности энергии ветра / К. Ш. Ямалетдинова, В. В. Галиакберов, О. Г. Мартынова, С. Т. Рахманова, Р. И. Ахметшин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2018. — № 3 (413). — С. 149—156.
8. Графический анализ аварийных ситуаций на опасных производственных объектах / К. Ш. Ямалетдинова, И. С. Алексеев, Э. Р. Тазитдинов [и др.] // Инновации и наукоемкие технологии в образовании и экономике : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 2—3 апр. 2018 г.). Ч. 1. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. — С. 44—49.
9. Моделирование экологических ЧС, вызванных загрязнением водных объектов / И. Ю. Кияшко, Л. Ю. Кияшко, А. Н. Елизарьев [и др.] // Успехи соврем. естествознания. — 2016. — № 2. — С. 159—163.

10. Плетнев, Д. А. Теория корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. Ч. 1 / Д. А. Плетнев. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. — 260 с.

11. Плетнев, Д. А. Теория корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. Ч. 2 / Д. А. Плетнев. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. — 252 с.

12. Бархатов, В. И. К вопросу об идеологии, методологии и технологиях разработки управленческих решений в российских корпорациях / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, З. С. Биткулова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 32 (323). — С. 69—76.

Сведения об авторах

Ямалетдинова Клара Шаиховна — доктор технических наук, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. clara-yk@yandex.ru

Щелчкова Анастасия Игоревна — магистрантка Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. Kulborisowanastya@yandex.ru

Галеева Алина Рифкатовна — магистрантка Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. galeeva-alina@list.ru

Хасанова Лейсян Флюоровна — магистрантка Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. lesyaonelesya@gmail.com

Мартынова Ольга Галиевна — кандидат технических наук, доцент кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. olgamar07@mail.ru

Рахманова Светлана Талгатовна — старший преподаватель кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. raxm.sveta@mail.ru

Ахметшин Рустам Ильясovich — старший преподаватель кафедры конструирования машин и механизмов Уфимского государственного авиационного технического университета, Уфа, Россия. ahmetshin@bk.ru.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 192—199.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF FIRE AND EXPLOSION SAFETY ANALYSIS AND EFFICIENCY OF INDUSTRIAL BOILER PLANTS

K.Sh. Yamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. clara-yk@yandex.ru

A.I. Shchelchkova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia, Kulborisowanastya@yandex.ru

A.R. Galeeva

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. galeeva-alina@list.ru

L.F. Khasanova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. lesyaonelesya@gmail.com

O.G. Martynova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. olgamar07@mail.ru

S.T. Rakhmanova

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. raxm.sveta@mail.ru

R.I. Akhmetshin

Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. ahmetshin@bk.ru

According to the concept of sustainable economic and environmental development of the regions of the Russian Federation, the solution of environmental problems is very relevant, concentration of industrial production of individual regions exerts a high burden on the environment. The Republic of Bashkortostan (the Republic

of Bashkortostan) is characterized by a large number of potentially dangerous facilities that operate various explosive and fire hazardous installations. According to statistics, it is known that approximately 80—85 % of accidents in the Republic of Bashkortostan are accompanied by an explosion and a fire. In this paper, the main problems of fire and explosion safety of industrial facilities are considered using the example of boiler plants and their analysis is performed using graphical methods such as Pareto diagram, Ishikawa diagram, pie chart, pie chart and event tree. And also with the help of graphical means of the cause-effect diagram shows the cost of operation of boiler plants.

Keywords: *sustainable development of the region, environmental safety, fire and explosion safety, operating costs, boiler plant, Pareto chart, Ishikawa diagram.*

References

1. Lykova A.I. Analiz opasnostey pri ekspluatatsii gorodskikh kotel'nykh [Analysis of hazards in operation of city boiler houses]. *Nauchnoye soobshchestvo studentov XXI stoletiya. Tekhnicheskiye nauki* [Scientific community of students of the XXI century. Technical sciences], 2015, no. 3 (29), pp. 178—182. (In Russ.).
2. *Tekhnicheskiy katalog kotel'nogo oborudovaniya "LAVART"* [Technical catalogue of boiler equipment "LAVART"]. Omsk, 2014. 75 p. (In Russ.).
3. Gosteva A.V. Prognozirovaniye chrezvychaynykh situatsiy na magistral'nykh gazoprovodakh na osnove rezul'tatov analiza riska [Forecasting emergency situations on main gas pipelines based on the results of a risk analysis]. *Neft', gaz i biznes* [Oil, Gas and Business], 2009, no. 9, pp. 68—70. (In Russ.).
4. Kuznetsov V.V. Sravnitel'nyy analiz statisticheskikh dannykh po avariynosti na magistral'nykh truboprovodakh v Rossii i v Zapadnoy Evrope [Comparative analysis of accident statistics on main pipelines in Russia and in Western Europe]. *Neft', gaz i biznes* [Oil, Gas and Business], 2007, no. 12, pp. 49—56. (In Russ.).
5. Lisanov M.V. Analiz riska i deklarirovaniye bezopasnosti ob'ektov neftyanoy i gazovoy promyshlennosti [Risk analysis and declaration of safety of oil and gas industry facilities]. *Sertifkatsiya i bezopasnost' oborudovaniya* [Certification and safety of equipment], 1998, no. 1, pp. 37—41. (In Russ.).
6. Galiakberov V.V. Graficheskiye osobennosti analiza vetroenergopotentsiala regiona [Graphical features of wind energy potential analysis of the region]. *Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i proizvodstva* [Modern Trends in Development of Science and Production], 2017, vol. 2, pp. 99—104. (In Russ.).
7. Yamaletdinova K.Sh. Graficheskiye osobennosti analiza ekonomicheskoy effektivnosti energii vetra [Graphical features of the analysis of the economic efficiency of wind energy]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 149—156. (In Russ.).
8. Yamaletdinova K.Sh. Graficheskiy analiz avariynykh situatsiy na opasnykh proizvodstvennykh ob'yektakh [Graphical analysis of emergencies at hazardous production facilities]. *Innovatsii i naukoymkiye tekhnologii v obrazovanii i ekonomike. Ch. 1* [Innovations and High Technologies in Education and Economics. Pt. 1]. Ufa, 2018. Pp. 44—49. (In Russ.).
9. Kiyashko I.Yu. Modelirovaniye ekologicheskikh ChS, vyzvannykh zagryazneniyem vodnykh ob'ektov [Modeling of environmental emergencies caused by pollution of water bodies]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [The successes of modern natural science], 2016, no. 2, pp. 159—163. (In Russ.).
10. Pletnev D.A. *Teoriya korporatsii: opyt sistemno-institutsional'nogo issledovaniya v 2 ch. Ch. 1* [Theory of corporations: the experience of system-institutional research in 2 pt. Pt. 1]. Chelyabinsk, 2013. 260 p. (In Russ.).
11. Pletnev D.A. *Teoriya korporatsii: opyt sistemno-institutsional'nogo issledovaniya v 2 ch. Ch. 2* [Theory of corporations: the experience of system-institutional research in 2 pt. Pt. 2]. Chelyabinsk, 2013. 252 p. (In Russ.).
12. Barkhatov V.I., Pletnev D.A., Bitkulova Z.S. K voprosu ob ideologii, metodologii i tekhnologiyakh razrabotki upravlencheskikh resheniy v rossiyskikh korporatsiyakh [On the issue of ideology, methodology and technologies for developing managerial decisions in Russian corporations]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 32 (323). Pp. 69—76. (In Russ.).

ВЛИЯНИЕ САНКЦИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Ю. А. Дерябин

Омский государственный университет путей сообщения, Омск, Россия;
ТОО «YTA progress», Павлодар, Республика Казахстан

Более трех лет назад Европейский Союз ввел секторальные санкции в отношении России, причиной которых стало ее вмешательство в конфликт на востоке Украины. С тех пор санкции неоднократно продлевались. В первую очередь это отразилось на российской экономике и привело к ее дисбалансу, проявившемуся в снижении ВВП, росте инфляции и увеличении бюджетного дефицита. Благодаря политике, проводимой внутри страны, несмотря на продление санкций, уже в 2016 г. удалось снизить темпы инфляции, увеличить бюджетные доходы при отсутствии роста цен на нефть, а также продолжить политику импортозамещения, которая позволяет не зависеть от импорта.

Ключевые слова: бюджет, Европейский Союз, кризис, санкции, снижение, Россия, США, экономика.

В марте — апреле 2014 г. США, Европейский Союз, Новая Зеландия и Япония ввели санкции против России, которые стали ответной реакцией западных стран на присоединения Крыма к России. Чуть позже были введены санкции в отношении оборонного, энергетического и финансового секторов России. Для шести крупнейших российских государственных банков, а также предприятий энергетической и оборонной отраслей был ограничен доступ к финансовым рынкам Европейского Союза и США. Для оборонного сектора США и Европейский Союз сократили доступ к финансированию крупнейшим российским компаниям на срок более 30 дней и ввели запрет на экспорт продукции и технологий двойного назначения в отношении 14 компаний, связанных с оборонным комплексом. В результате санкций был введен запрет на экспорт товаров и услуг (исключая финансовые) или технологий в поддержку глубоководного бурения, разведки или добычи ресурсов на Арктическом шельфе или сланцевого сырья [2. С. 27].

Последствия санкций не заставили себя ждать. Свообразным непрямым видом санкций оказалось падение мировых цен на нефть, которое больше всего ударило по российской экономике и вызвало девальвацию рубля. На рис. 1 приведена динамика курса нефти в 2014—2017 гг.

До введения санкций в январе 2014 г. цена на нефть составляла 107,57 долл. Уже к декабрю 2014 г. цена на нефть по сравнению с январем этого же года снизилась на 43 % и составила 62,16 долл. В течение 2015 г. цена на нефть

незначительно изменялась, но уже к декабрю 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. цена снизилась еще на 40 % и составила 37,72 долл. Восстановление цен на нефть началось в 2016 г. К декабрю 2016 г. цена на нефть выросла на 44 % и составила 54,44 долл. В декабре 2017 г. по сравнению с декабрем 2016 г. цена увеличилась еще на 19 % и составила 64,05 долл.

Снижение цен на нефть привело к снижению доходов государственного бюджета, так как удельный вес в доходах бюджета составляли нефтяные доходы. В 2014 г. доходы бюджета составляли 14,49 трлн р. В 2015 г. доходы уменьшились на 1,96 трлн р. и составили 12,53 трлн. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. доходы увеличились на 3,26 трлн р. и составили 15,79 трлн. С 2014 по 2017 г. доходы бюджета снизились на 1,01 трлн р. (рис. 2).

Расходы государственного бюджета в 2014 г. составляли 14,83 трлн р. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. расходы увеличились на 0,39 трлн р. и составили 15,22 трлн. С 2014 по 2017 г. расходы бюджета увеличились на 1,41 трлн р.

В период действия санкций дефицит бюджета увеличился с 0,34 трлн в 2014 г. до 2,76 трлн р. в 2017 г. Прежде всего дефицит бюджета обусловлен снижением доходов от нефтяного сектора.

Снижение цен на нефть привело к девальвации рубля и повышению темпов инфляции. В 2014 г. среднегодовой темп инфляции составил 11,36 %; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. темпы инфляции увеличились на 1,54 % и составили 12,9 %; в ноябре 2016 г. темпы инфляции были снижены

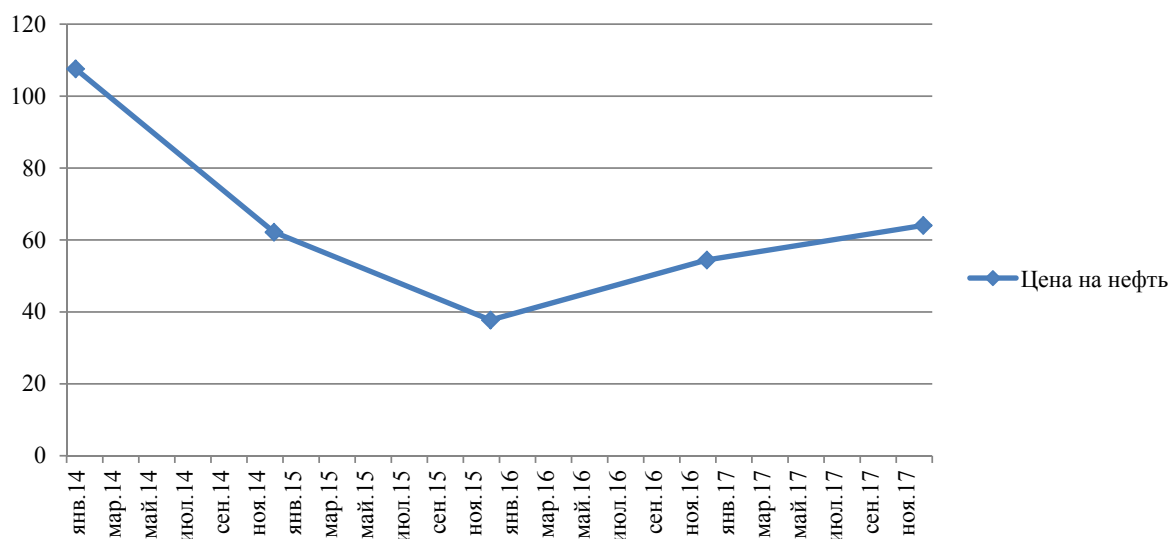

Рис. 1. Динамика цен на нефть в 2014–2017 гг., долл. [3]

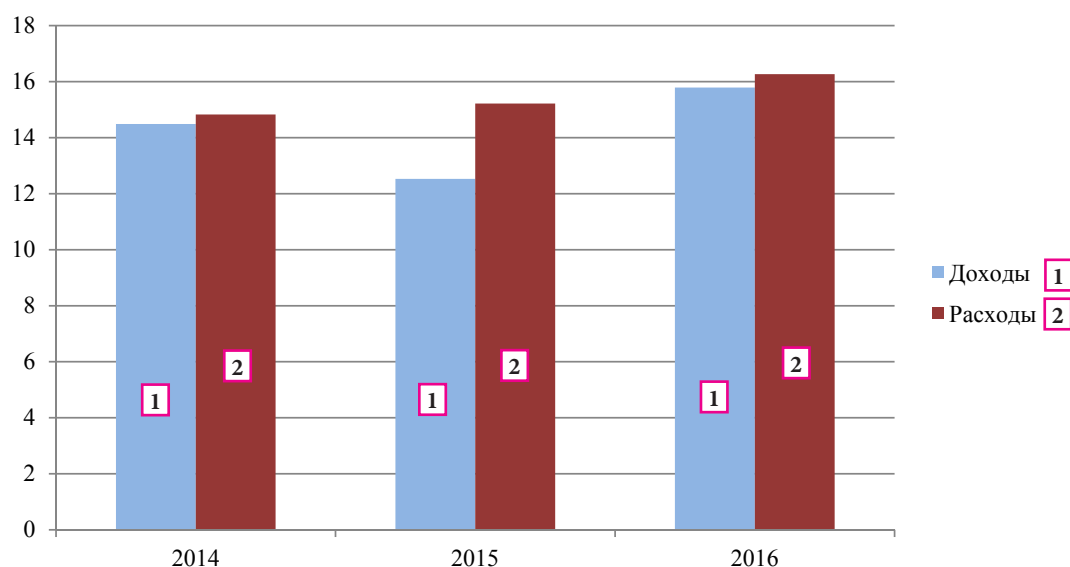

Рис. 2. Динамика федерального бюджета в 2014–2016 гг., трлн р. [5]

на 6,8 % и составляли 6,1 %; к декабрю 2017 г. инфляция составила 2,5 % [4].

В 2014 г. объем валового внутреннего продукта составил 63 046,8 млрд р.; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. объем валового внутреннего продукта уменьшился на 1 783,2 млрд р. или на 2,8 % и составил 61 263,6 млрд; в 2016 г. по сравнению с 2015 г. объем валового внутреннего продукта уменьшился на 137,7 млрд р., или на 0,2 % [5].

Последствием введения санкций, которого и стоило ожидать при снижении стоимости национальной валюты, является отток капитала из страны. В 2014 г. отток составил 151,5 млрд долл., что в 6—6,5 раза больше запланированного. В 2015 г. отток капитала составил 70—80 млрд долл.

Еще одним естественным последствием санкций стало сокращение экспорта и импорта. В 2014 г. импорт в Россию сократился на 9,2 % по сравнению с 2013 г. В 2015 г. импорт продолжил снижаться. За первое полугодие 2015 г. импорт снизился по сравнению с первым полугодием 2014 г. на 37,8 % и составил 63,4 млрд долл.

Российский экспорт начал стабильно снижаться с июня 2014 г. и к концу года снизился на 4 % [4].

Для выхода из кризиса был предпринят ряд мероприятий. Первым из них стало увеличение ставки рефинансирования, затем стабилизация цены на нефть. Это позволило значительно ослабить негативные последствия кризиса. Ко второму кварталу 2015 г. девальвация национальной валюты была остановлена, и она даже смогла

отвоевать ряд позиций у доллара, но в целом кризисные явления в экономике страны продолжают свое отрицательное воздействие. Учетная ставка Центрального банка в ноябре 2016 г. снизилась до 6,45 %, а ставки по кредитам в крупнейших банках — до 14—18 % [2. С. 29].

Еще одним направлением преодоления кризиса является программа импортозамещения, которая направлена на развитие собственных отраслей и ликвидацию зависимости от иностранных товаров. Если рассматривать наиболее перспективную отрасль импортозамещения, то в 2014 г. объем сельского хозяйства в постоянных ценах составлял 2046 млрд р.; в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличился на 61 млрд и составил 2107 млрд р.; в 2017 г. по сравнению с 2015 г. объем сельского хозяйства увеличился

на 75,8 млрд и составил 2182,2 млрд р. В период 2014—2017 гг. объем сельского хозяйства увеличился на 136,8 млрд р. [5].

В 2014 г. индекс промышленного производства по сравнению с 2013 г. увеличился на 2 % и составил 102,0 %. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. индекс увеличился на 3,9 % и составил 103,9 %. В 2016 г. по сравнению с 2015 г. — увеличился на 2,6 % и составил 102,6 % [5].

Таким образом, в 2016—2017 гг. наблюдается восстановление экономики страны, несмотря на продолжившееся действие санкций. Санкции оставили в истории экономического развития России негативный след, но в то же время помогли мобилизации внутренних ресурсов страны, которые делают Россию менее зависимой от воздействия иностранных государств.

Список литературы

1. Дубина, Е. Д. Финансовые кризисы и причины их возникновения / Е. Д. Дубина, Е. В. Федосова // Упр. Власть. Бизнес. — 2015. — № 3. — С. 40—44.
2. Умалатов, Ж. С. Последствия кризиса для России / Ж. С. Умалатов // Мировая экономика и междунар. экон. отношения. — 2015. — № 4. — С. 27—30.
3. Банки.ру [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.banki.ru/quotes/brent/>.
4. Обзор банковского сектора [Электронный ресурс]. — URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf (дата обращения 21.05.2018).
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 21.05.2018).

Сведения об авторе

Дерябин Юрий Анатольевич — генеральный директор ТОО «YTA progress», Павлодар, Казахстан; аспирант Омского государственного университета путей сообщения, Омск, Россия. deryabin@ytaprogress.kz

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 200—203.*

THE IMPACT OF SANCTIONS ON RUSSIA'S ECONOMIC DEVELOPMENT

Yu. A. Deryabin

*Omsk State University of Railway Engineering, Omsk, Russia;
YTA progress, Pavlodar, Kazakhstan. deryabin@ytaprogress.kz*

More than three years ago, the European Union imposed sectoral sanctions on Russia, which were caused by its intervention in the conflict in Eastern Ukraine. Since then, the sanctions have been repeatedly extended. First of all, the sanctions affected the country's economy and led to its imbalance, manifested in a decline in GDP, inflation and an increase in the budget deficit. Thanks to the policy pursued within the country, despite the extension of sanctions in 2016, it was possible to reduce the rate of inflation, increase budget revenues, in the absence of rising oil prices, as well as to continue the policy of import substitution, which allows not to depend on imports of foreign countries.

Keywords: *budget, European Union, crisis, sanctions, reduction, Russia, USA, economy.*

References

1. Dubina Ye.D., Fedosova Ye.V. Finansovye krizisy i prichiny ikh vzniknoveniya [Financial crises and the causes of their occurrence]. *Upravleniye. Vlast'. Biznes* [Management. Power. Business], 2015, no. 3, pp. 40—44. (In Russ.).
2. Umalotov Zh.S. Posledstviya krizisa dlya Rossii [Consequences of the crisis for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye ekonomicheskiye otnosheniya* [World economy and international economic relations], 2015, no. 4, pp. 27—30. (In Russ.).
3. *Banki.ru. Informational portal*. Available at: <http://www.banki.ru/quotes/brent/>, accessed 21.05.2018. (In Russ.).
4. *Obzor bankovskogo sektora* [Overview of the Banking Sector]. Available at: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_ex.pdf, accessed 21.05.2018. (In Russ.).
5. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal state statistics service]. Available at: <http://www.gks.ru>, accessed 21.05.2018. (In Russ.).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СТРАНЫ ЧЕРЕЗ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Е. С. Зарубежнов, И. О. Контелов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены теоретические основы экономического роста. На основании анализа различных теоретических подходов сформулировано понятие экономического роста. Проанализированы основные понятия экономического роста и экономического развития страны. Выявлены различия и взаимосвязь данных понятий. Проанализированы основные макроэкономические показатели России за 2017 г. и основные тенденции экономического развития. Определены приоритетные задачи развития современной России, уточнены причины экономического роста, отражающие наиболее существенные закономерности и взаимосвязи этого процесса. Проанализированы и обобщены основные инструменты реализации стратегии экономического роста страны.

Ключевые слова: *экономический рост, макроэкономические показатели, реальный объем производства, эффективность производства, эксплуатация ресурсов.*

Экономический рост относится к сложным и многогранным явлениям. Его анализ базируется на выявлении содержания, качественных и количественных показателей, моделей и типов роста. Огромную значимость имеет определение принципов роста экономических показателей и экономики в целом. Категория экономического роста отражает процесс совершенствования за определенные периоды.

Базовое определение экономического роста: долгосрочное увеличение производственной способности. Данное понятие связано со всеми отраслями жизни и элементами общественного развития, включая его экономическую составляющую.

«Экономический рост — категория, отражающая общие тенденции положительного или отрицательного изменения экономического развития страны. Экономический рост является важным компонентом и критерием экономического развития. Он выражается непосредственно в количественном увеличении ВВП и его составляющих» [4].

Основные теории экономического роста включают разные экономические направления.

Меркантилизм трактует экономический рост как богатство нации, определяемое накоплением золота и текущим торговым профицитом.

В рамках классической теории Адам Смит сделал акцент на роли увеличения отдачи от масштаба (экономия масштаба / специализация). Трактат «Богатство народов» Адама Смита (1776) обычно считается началом классической экономики. Самыми известными представителями классической школы являются: Адам Смит (1723—1790), Дэвид Рикардо (1772—1823), Томас Мальтус (1766—1834), Карл Маркс (1818—1883), Джон Стюарт Милль (1808—1873), Жан-Батист Сэй (1767—1832).

Адам Смит связал экономический рост с увеличением факторов производства (земля, труд и капитал), которые отражаются на росте производительности труда и увеличении размера функционирующего капитала. Большое внимание было уделено росту численности населения, увеличению доли работников в сфере материального производства, инвестициям и географическим открытиям, которые способствовали экстенсивному экономическому росту. Смит видел конкуренцию в центре экономического сектора и национальной экономики в целом и полагал, что экономика может быстро расти благодаря технологическим открытиям, частью которых является разделение труда.

Существенный вклад в теорию роста был внесен Йозефом Алоизом Шумпетером (1883—1950),

в первую очередь благодаря работе «Теория экономического развития», опубликованной в 1911 г. Шумпетер ввел в экономику термин «инновация» и по-новому рассмотрел значение предпринимателя с точки зрения экономического роста. Отправной точкой, по мнению Шумпетера, было состояние чистого равновесия, или устойчивое состояние экономики; двигателем «развития» стали изменения в экономике, которые были обусловлены различными причинами (например, внезапным открытием новых источников сырья). Движущей силой экономического роста в теории Шумпетера является бизнесмен и предприниматель, новатор, творческая личность, характеризующаяся как инициативный, дальновидный и рискованный человек.

Первые неоклассические теории экономического роста появились в 1950—60-х гг., когда внимание к проблемам динамического равновесия ослабло и на первый план вышла проблема достижения потенциального роста не столько за счет неиспользованных мощностей, сколько за счет внедрения новых технологий, повышения производительности и улучшения организации производства.

Основные представители этой школы: Альфред Маршалл (1842—1924), Карл Менгер (1840—1921), Фридрих фон Визер (1851—1926), Леон Вальраса (1834—1910), Джон Бейтс Кларк (1847—1938), Уильям Стэнли Дживонс (1835—1882), Ирвинг Фишер (1867—1947).

Американский экономист Роберт Солоу (род. в 1924 г.) вместе с другими учеными выступил против вмешательства государства в экономику, чтобы позволить крупным фирмам достичь роста, используя большую часть имеющихся у них ресурсов. Неоклассическая теория определяет экономический рост как рост, основанный на факторах предложения, таких как: производительность труда, размер рабочей силы, факторы производства.

Кейнсианские и неокейнсианские теории экономического роста имеют значительный список представителей: Джон Мейнард Кейнс (1883—1946), Рой Харрод (1900—1978), Евсей Домар (1914—1997), Джоан Робинсон (1903—1983), Николас Калдор (1908—1986), Луиджи Пазинетти (род. в 1930 г.). «Общая теория занятости, процентов и денег» Кейнса легла в основу всех последующих кейнсианских теорий экономического роста.

Ключевым фактором в кейнсианской модели является положение о том, что расширение со-

вокупного эффективного спроса должно способствовать экономическому росту. Хотя большинство теорий экономического роста игнорируют роль совокупного спроса, некоторые экономисты утверждают, что спады могут вызвать гистерезисные эффекты и снизить долгосрочный экономический рост.

Представитель неокейнсианской школы П. Самуэльсон отмечает сущность экономического роста как темп возрастания экономического благосостояния или национального дохода на душу населения. А. Томпсон трактует рост как увеличение производственных возможностей общества.

Теория Роя Харрода посвящена изучению траектории экономического роста. В ее основе лежит теория ускорителя, которая позволила определить соотношение роста инвестиций и роста доходов. Теория Р. Харрода описывает механизм сбалансированного роста, основывающийся не только на функциональной взаимосвязи между доходами, сбережениями и инвестициями, а также на анализе ожиданий предпринимателей.

Новый этап в развитии теории экономического роста пришелся на 1980—90-е гг. — «новая теория экономического роста». Этот этап отражает влияние несовершенной конкуренции и роль возможных изменений нормы прибыли. В рамках этой теории научно-технический прогресс рассматривается как эндогенный фактор роста, порожденный внутренними причинами. Впервые в формальных математических и экономических моделях американский экономист Пол Ромер (род. в 1955 г.) и Роберт Лукас (род. в 1937 г.) выдвинули гипотезу об эндогенном характере важнейших технологических инноваций, основанных на инвестициях в технологическое развитие и человеческий капитал. Эндогенные модели роста похожи на неоклассические, но они существенно различаются по первоначальным предположениям и выводам. Эндогенные теории роста выявляют зависимость темпов экономического роста от человеческого капитала и темпов технологических инноваций.

С экологической точки зрения существуют пределы экономического роста. Необходимо выделить взгляды Томаса Мальтуса (1766—1834) на экономический рост. Он утверждал, что в очень долгосрочной перспективе экономический рост будет сдерживаться истощением ресурсов и глобальным потеплением. Это означает, что экономический рост может завершиться

ожесточенной борьбой за ограниченные ресурсы, войнами, эпидемиями и т. д.

На основании анализа различных теоретических подходов сформулировано понятие экономического роста. Экономический рост — это количественное и качественное увеличение факторов и результатов производства за определенный отрезок времени, чаще всего за год. В отечественной науке экономический рост — это качественное совершенствование общественного продукта и факторов его производства, основанное не на длительном повышении или понижении объемов производства, а на их изменении в долгосрочном интервале.

Повышение темпов экономического роста — центральная проблема макроэкономической политики всех государств. Значимость определяет степень, на которой находятся конкретное государство и спектр его проблем в этом вопросе. Часто экономический рост путают с понятием «экономическое развитие»; они весьма схожи по содержанию, имеют тождественное значение. Рост характеризует более поступательный процесс, связанный с увеличением реального выпуска товара. Рост проявляется при отсутствии экономического развития, но при этом происходят предпосылки для его возникновения. История показывает, что основные фундаментальные экономические реформы, направленные на экономическое развитие, во многих странах сопровождались ощутимым экономическим спадом, при котором наблюдалось снижение качества жизни и сокращение уровня производства. Неравномерность развития стран стала явно проявляться во второй половине XX в. Япония, Китай добились значимых успехов в экономическом развитии страны. Рост ВВП в развивающихся странах за период со второй половины XX в. по настоящее время почти вдвое превысил соответствующий показатель развитых стран, в результате доля этих развитых стран в мировом хозяйстве сократилась с 63 до 52,7 %, а развивающихся стран возросла с 21,7 до 31,4 %. Тяжелая ситуация сложилась в странах Африки, рост ВВП там был самым низким среди стран с аналогичной рыночной экономикой, их удельный вес в мировой экономике к концу XX в. упал с 2,3 до 1,8 %.

Развитие гораздо более многообразно, чем рост.

Оба понятия имеют общие целевые установки: качество и высокий уровень жизни. Экономический рост довольно противоречив,

можно добиться увеличения производства материальных благ в разы и при этом потерять качество. В нашей стране очень распространена хищническая эксплуатация ресурсов, пример этому — наши природные ресурсы. История дала пример, как наша экономика и бюджет нашей страны зависимы от недополученной денежной массы на фоне падения стоимости нефти.

Основным показателем экономического роста считается рост валового внутреннего продукта. Суть данного показателя заключается в измерении стоимости продукции, произведенной на территории данной страны, независимо от того, находятся факторы производства в собственности граждан этой страны или принадлежат иностранным гражданам.

Многие десятилетия в СССР рост экономики измерялся производственным национальным доходом. Начиная с 1987 г. экономисты стали применять показатель «валовой национальный продукт» (ВНП), и с 1993 г. в России основным показателем роста экономики стал валовой внутренний продукт (ВВП). На основе ВВП определяются темпы и уровень развития экономики страны. С помощью данного показателя можно проанализировать эффективность экономики, что является краеугольным камнем в управлении хозяйственной системой страны. На основе этого показателя можно охарактеризовать уровень благосостояния населения, вследствие возрастания ВВП улучшается уровень жизни и растет занятость населения, что выражается в увеличении потребления конечного продукта. Самой значительной составляющей внутреннего валового продукта являются личные потребительские расходы.

Особенное значение показатель ВВП имеет для международной статистической деятельности и проведения анализа экономического роста страны. Такие сопоставления производят международные организации: ООН, МБФ, Европейский Союз. Также данный показатель изучают государственные и частные компании, в исследовательских институтах, университетах, а также отдельные исследователи в аналитической и научной деятельности.

Экономический рост выражается в возрастании экономической мощи региона, страны и нации в целом. Сильное воздействие на ВВП оказывает рост цен.

В условиях глобальной конкуренции современного мира экономический рост государства

определяется развитой инновационной инфраструктурой, позволяющей создать и реализовать инновацию. В этой связи особенно актуальной предстает государственная инновационная политика, — государственное вмешательство в научно-техническую исследовательскую работу различных финансовых групп, а также организаций и отдельных ученых.

В определении приоритетных задач развития современной России центральное значение имеет уточнение причин экономического роста, отражающее наиболее существенные закономерности и взаимосвязи этого процесса.

Основные принципы обеспечения экономического роста:

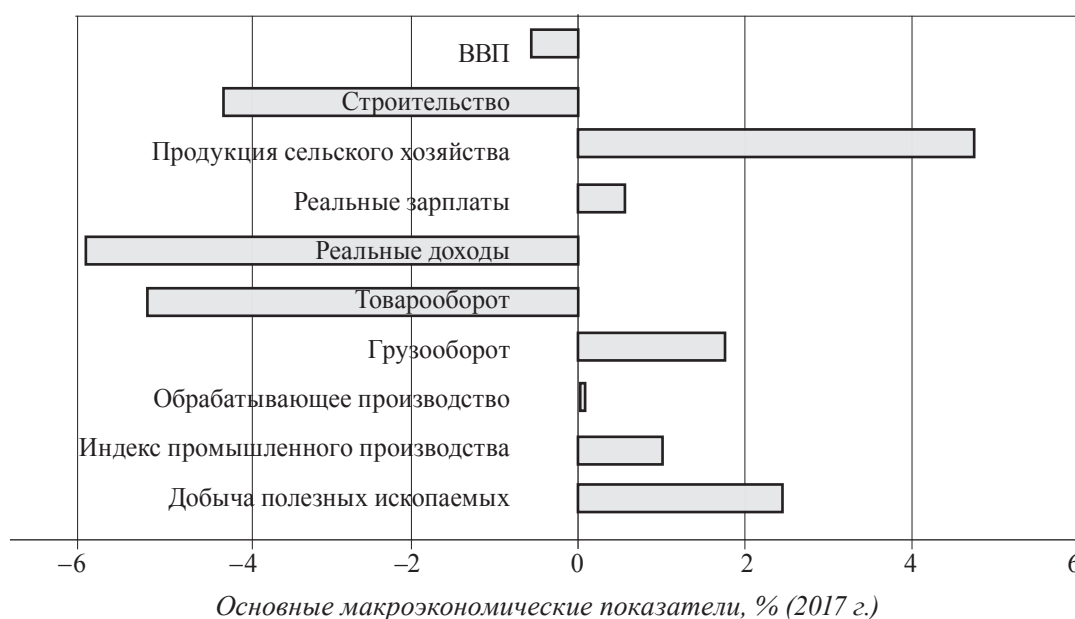
- рациональное и правильное использование производственных ресурсов и факторов производства;
- эквивалентный обмен;
- оптимальное распределение совокупного дохода;
- регулирование и развитие институциональной базы эффективного управления экономическим ростом.

Применяя эти принципы, можно значительно повысить эффективность производства, пересмотреть организационные механизмы регулирования экономического роста. Нужно понимать, что существует очень тесная связь между политическими решениями и экономическими реалиями, непосредственная зависимость роста доходов и уровня жизни населения нашей страны.

Макроэкономические показатели (см. рисунок) последних лет свидетельствуют об отрица-

тельной динамике развития экономики России в целом. Анализируя ряд показателей экономического развития на текущий момент, можно сделать вывод об их снижении в сравнении с 2010—2013 гг. Аналогичные показатели во многих развитых странах значительно превышают показатели нашей страны. Валовой внутренний продукт в 2017 г. составил 85,88 трлн р. Конечно, можно говорить о том, что ВВП России по итогам 2017 г. сократился всего на 0,2 %. Снижение было небольшим, но и лучше прогнозов. Эксперты же ожидали снижения российского ВВП за 2017 г. на уровне 0,3—0,6 %. Улучшение прогнозных показателей было связано с развитием сельского хозяйства в 2017 г., объем производства продукции в данной отрасли в 2017 г. увеличился на 4,8 %. Рост показателей в энергетической и обрабатывающей промышленности также сыграл большую роль.

Строительство, доля которого снизилась за год более чем на 4 %, показывает негативную динамику. Сферы здравоохранения, торговли, ресторанного и гостиничного бизнеса по итогам года ушли в минус, что не позволило российскому ВВП выйти в положительную область роста в прошлом году. Уменьшение показателей товарооборота и реального дохода происходит за счет повышения темпов инфляции, замедления развития реального сектора экономики, снижения поддержки предприятий малого бизнеса. Данные показатели свидетельствуют о существенном ухудшении жизни обычных граждан. Деформированная структура распределения доходов в средней перспективе сохраняется, и важной задачей

государства является снижение масштабов бедности населения. В настоящее время в России граница бедности и средний прожиточный минимум близки как никогда. Правительство ежеквартально то повышает, то понижает прожиточный минимум. Данные изменения никак не отражают ситуацию с инфляцией: прожиточный минимум живет и существует сам по себе. По сравнению с 2015 г. прожиточный минимум в РФ вырос на 2,5 %. Инфляция же в 2016 г. составила почти 6 %, продовольственная инфляция — 5 %.

В соответствии с Постановлением правительства от 06.09.2016 № 882 величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации в 2016 г. равна 9956 р. на душу населения, для трудоспособного населения — 10 792 р., для детей — 9 806 р., для пенсионеров — 8 163 р.

В настоящее время произошла тенденция переосмысления потребительских расходов семьи, в структуре которых возрастает доля потребления продовольственных товаров и снижается доля расходов на непродовольственные товары. Это можно объяснить тем, что с ухудшением материального положения население может позволить себе тратить деньги только на приобретение продуктов первой необходимости, не имея возможности покупать товары длительного пользования.

Итоги развития нашей страны за последние три-четыре года свидетельствуют о том, что рос-

сийская экономика находится в тяжелой ситуации. Прежде всего это объясняется введением санкций, колебаниями цен на энергоносители, тяжелой геополитической обстановкой, инвестиционным спадом и снижением доходов в ряде областей экономики.

Экономический рост в России остается крайне неустойчивым, а темпы роста все еще не являются достаточными для обновления производственных мощностей. С каждым годом экономика страны противостоит очень сильным внешним раздражителям и факторам, способствующим снижению экономического роста, но политика государства в сфере экономики направлена на сдерживание и сглаживание всех проблем, которые сыплются на наши с вами головы. Конечно, стоит отметить, что макроэкономические показатели роста экономики недостаточны для достижения качественных сдвигов в хозяйственной сфере.

Наблюдаемое в последние годы снижение роста доходов населения затрудняет решение проблемы ликвидации массовой бедности и нищеты. А это означает, что качественные параметры экономического развития страны все еще не соответствуют потребностям населения. История показывает, что только долговременный экономический рост может обеспечить значительное повышение уровня жизни граждан, проживающих в нашей стране.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Природа и эволюция российского капитализма / В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев, В. О. Арбачаускас // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2017. — № 2. — С. 5—18.
2. Гончаренко, Л. С. Экономический рост в России: характер и факторы влияния / Л. С. Гончаренко // Экономическая политика: на пути к новой парадигме. Пятнадцатые Друкеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 5—6 июня, 2013 г. / под. ред. Р. М. Нижегородцева, А. И. Тихонова, И. В. Финько. — М. : Доброе слово, 2013. — С. 152—155.
3. Глазьев, С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, Г. Г. Фетисов. — М. : Наука, 1992. — 154 с.
4. Гордеев, С. Диверсификация и «индивидуальный тюнинг» моноэкономики (2014) [Электронный ресурс] / С. Гордеев. — URL: <https://sgordeev.livejournal.com/6587.html>.
5. Губанов, С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. — М. : Книж. мир, 2012. — 56 с.
6. Журавлёва, Г. П. Экономическая политика современной России: модернизация и реиндустриализация / Г. П. Журавлёва // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. — 2014. — № 3 (131). — С. 246—285.
7. Лымарь, Е. Н. Инвестиции в инновации в российской экономике / Е. Н. Лымарь // Актуальные проблемы социально-экономического развития России в современных условиях : межвуз. сб. науч. и науч.-практ. работ. Вып. VII / под общ. ред. А. В. Балабановой. — Челябинск : Цицеро : Челяб. филиал АНО ВО «Рос. акад. предпринимательства», 2017. — С. 109—116.

8. Мишулин, Г. М. Экономический рост: факторы, источники, механизмы / Г. М. Мишулин, А. В. Стягун. — М. : Современ. экономика и право ; Краснодар : Изд-во КубГТУ, 2012. — 110 с.
9. Научные труды Вольного экономического общества России. — 2014. — Т. 180, № 1.
10. Самойлов, В. В. Национальная экономика. Конспект лекций / В. В. Самойлов // Эффективность труда и экон. рост в России : рос. экон. журн. — 2009. — № 5.
11. Яковлев, А. Об использовании в России опыта новых индустриальных стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста / А. Яковлев, К. Гончар // Вопр. экономики. — 2004. — № 10. — С. 116—122.
12. Рикунова, А. В. Условия и факторы экономического роста в России на современном этапе развития / А. В. Рикунова // Науч. тр. ВЭО России. — 2015. — Т. 194. — С. 36—89.
13. Романова, О. А. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации / О. А. Романова, Н. Ю. Бухвалов // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 2 (32). — С. 55—66.
14. Сухарев, О. С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения / О. С. Сухарев // Экономист. — 2013. — № 3. — С. 1—15.
15. Красильников, А. Эволюционные модели в теории экономического роста / А. Красильников // Вопр. экономики. — 2007. — № 1. — С. 98.
16. Бузгалин, А. В. Экономическая система России: анатомия настоящего и стратегии будущего / А. В. Бузгалин. — М. : Ленанд, 2014. — 114 с.

Сведения об авторах

Зарубежнов Евгений Сергеевич — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. abiturient@csu.ru

Коптелов Иван Олегович — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. koptelov@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 204—210.

ECONOMIC GROWTH AND THE ANALYSIS OF DEVELOPMENT OF THE COUNTRY THROUGH MACROECONOMIC INDICATORS

Ye.S. Zarubezhnov,

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. abiturient@csu.ru

I.O. Koptelov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. koptelov@csu.ru

Basic concepts of economic growth and economic development of the country are considered. The interrelation of these concepts is revealed. Macroeconomic indicators of Russia for 2016 and the main trends of economic development are analysed. Tools for realization of economic growth of the country are presented.

Keywords: *economic growth, economic development, economy, macroeconomic indicators, actual output, gross national product, level of living, production efficiency, operation of resources.*

References

1. Barkhatov I.V., Pletnev D.A., Arbachauskas V.O. Priroda i evolyutsiya rossiyskogo kapitalizma [Nature and evolution of Russian capitalism]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2017, no. 2, pp. 5—18. (In Russ.).
2. Goncharenko L.C. Ekonomicheskiy rost v Rossii: kharakter i faktory vliyaniya [Economic growth in Russia: nature and factors of influence]. *Ekonomicheskaya politika: na puti k novoy paradigme* [Economic policy: towards a new paradigm]. Moscow, 2013. Pp. 152—155. (In Russ.).

3. Glaz' yev S.Yu. *Evolyutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya* [Evolution of technical and economic systems: opportunities and borders of the centralized regulation]. Moscow, 1992. 154 p. (In Russ.).
4. Gordeev S. *Diversifikatsiya i "individual'nyy tyuning" monoekonomiki (2014)* [Diversification and "individual tuning" of mono-economy (2014)]. Available at: <https://sgordeev.livejournal.com/6587.html> (In Russ.).
5. Gubanov S.S. *Derzhavnyy proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [Majestic break. Neo-industrialization of Russia and vertical integration]. Moscow, 2012. 56 p. (In Russ.).
6. Zhuravlyova G.P. *Ekonomicheskaya politika sovremennoy Rossii: modernizatsiya i reindustrializatsiya* [Economic policy of modern Russia: modernization and reindustrialization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University], 2014, no. 3 (131), pp. 246—285. (In Russ.).
7. Lymar' Ye.N. *Investitsii v innovatsii v rossiyskoy ekonomike* [Investing in innovation in the Russian economy]. *Aktual'nye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v sovremennykh usloviyakh. Vyp. VII* [Actual problems of social and economic development of Russia in modern conditions. Iss. VII]. Chelyabinsk, 2017. Pp. 109—116. (In Russ.).
8. Mishulin G.M., Styagun A.V. *Ekonomicheskiy rost: faktory, istochniki, mekhanizmy* [Economic growth: factors, sources, mechanisms]. Moscow, 2012. 110 p. (In Russ.).
9. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of Free economic society of Russia], 2014, vol. 180, no. 1 (In Russ.).
10. Samoylov V.V. *Natsional'naya ekonomika* [National economy]. *Effektivnost' truda i ekonomicheskiy rost v Rossii: rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Efficiency of work and economic growth in Russia: Russian economic journal], 2009, no. 5, pp. 128. (In Russ.).
11. Yakovlev A., Gonchar K. *Ob ispol'zovanii v Rossii opyta novykh industrial'nykh stran v formirovanii "institutov razvitiya" i stimulirovanii innovatsionnogo ekonomicheskogo rosta* [About use in Russia of experience of the new industrial countries in formation of "institutes of development" and stimulation of innovative economic growth]. *Voprosy ekonomiki* [Economy Issues], 2004, no. 10, pp. 116—122. (In Russ.).
12. Rikunova A.V. *Usloviya i faktory ekonomicheskogo rosta v Rossii na sovremennom etape razvitiya* [Conditions and factors of economic growth in Russia at the present stage of development]. *Nauchnye trudy VEO Rossii* [Proceedings of All-Russian Economic Society], 2015, vol. 194, pp. 36—89. (In Russ.).
13. Romanova, O.A. *Formirovaniye teoreticheskoy platformy kak sistemnoy osnovy promyshlennoy politiki v usloviyakh novoy industrializatsii* [Formation of the theoretical platform as system fundamentals of industrial policy in the conditions of new industrialization]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2014, no. 2 (32), pp. 55—66. (In Russ.).
14. Sukharev O.S. *Reindustrializatsiya Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya* [Reindustrialization of Russia: opportunities and restrictions]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no. 3, pp. 1—15. (In Russ.).
15. Krasil'nikov A. *Evolyutsionnye modeli v teorii ekonomicheskogo rosta* [Evolutionary models in the theory of economic growth]. *Ekonomicheskiye voprosy* [Economy questions], 2007, no. 1, pp. 98. (In Russ.).
16. Buzgalin A.V. *Ekonomicheskaya sistema Rossii: anatomiya nastoyashchego i strategii budushchego* [Economic system of Russia: anatomy of the present and the strategy of the future]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 114 p. (In Russ.).

РЕЦЕНЗИИ REVIEW

Вестник Челябинского государственного университета.
2018. № 7 (417). Экономические науки. Вып. 61. С. 211—218.

УДК 330.564.2 ББК 65-94
DOI 10.24411/1994-2796-2018-10726

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖ. СТИГЛИЦА «ЦЕНА НЕРАВЕНСТВА» (М. : Эксмо, 2015. 512 с.)

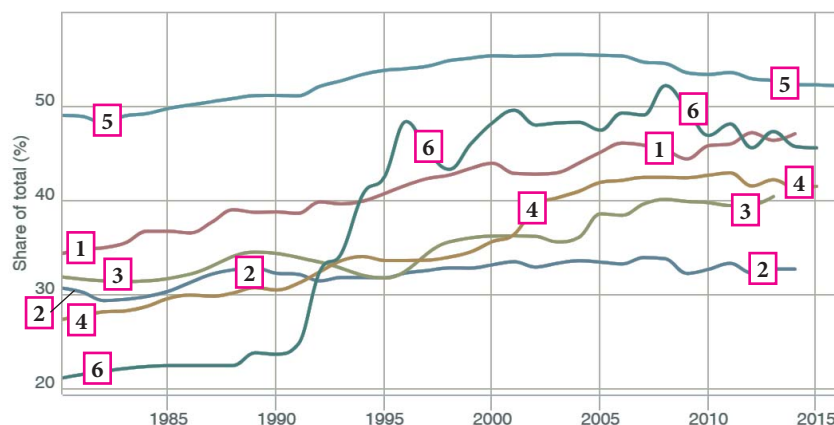
Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

К проблеме неравенства автор возвращается очень часто, считая ее одним из главных зол мировой (и в первую очередь американской) экономики. Из свежих работ можно отметить статью [3], написанную в соавторстве с Майклом Дойлом в 2014 г. и выступающую своеобразным манифестом борьбы с чрезмерным неравенством в мире. Эта борьба провозглашается целью устойчивого развития на период 2015—2030 гг. В последующих работах Дж. Стиглиц подробнее объясняет, каким именно образом этого можно добиться. В статье 2015 г. [2], посвященной регуляторным аспектам смягчения неравенства, раскрывается рентная природа неравенства при современном капитализме и критикуется распространенная точка зрения на неравенство как неизбежное зло современного общества. (Дилемма «неравенство или несвобода» очень часто используется сторонниками современного status-quo, при этом в статике ее значение выглядит бесспорным: чтобы добиться меньшего неравенства в доходах, правительства перераспределяют факторные доходы, нарушая свободу владельцев соответствующих факторов. Однако если смотреть на проблему неравенства в динамике, то становится очевидным иной факт: именно неравенство выступает главным врагом экономической свободы индивида, ограничивая возможности его самореализации в экономике и обществе в целом.) В статье, подготовленной совместно с Рави Канбуром, в развитие ранних идей о «династическом неравенстве» разрабатывается подход, при помощи которого авторы предлагают оценивать «равенство возможностей» по его результатам, а не по созданным условиям. Это очень важное исследование, и благодаря ему возможно появление новых эмпирических результатов, позволяющих судить об эффективности государственной политики, направленной на борьбу с неравенством, и коррек-

тировать ее. Неравенство в возможностях и неравенство в доходах как две стороны одной медали также рассмотрены в работе Майлза Корака [5]. Для всех интересующихся эмпирическими подтверждениями существования и значимости этой проблемы рекомендуются к прочтению обе работы. Также в статье 2015 г. [4] Дж. Стиглиц подробно раскрыл влияние неравенства на экономический рост. Рентоориентированность капиталистической, основанной на «слепом» рыночном регулировании экономики, ее стремление к поляризации доходов участвующих субъектов обосновывается при помощи богатого фактического материала, в том числе базы данных французской Paris School of Economics, обретшей сегодня статус независимого проекта World Wealth and Income Database [6]. Стоит отметить, что «портрет» российской экономики в отношении неравенства в последние годы стал очень похож на «портрет» США, причем если для России это шаг к большему равенству, то для США, напротив, к большему неравенству (см. рис. 1—3).

Также можно отметить, что за последние годы именно Россия добилась значительных усилий в борьбе с чрезмерным неравенством, хотя до уровня лидера в этом отношении — Франции — еще далеко. Особенно ярко сохраняющиеся проблемы неравенства в России проявляются в показателе, отражающем долю доходов 40 % «средних» по доходам граждан (то есть речь идет о 4, 5, 6 и 7 децилях по доходам) (см. рис. 4). Во Франции эта группа получает почти 45 % совокупного дохода, в США — чуть более 40 %, во всем мире (включая слаборазвитые страны с крайне высоким уровнем неравенства) — 38,1 %, в России же — только 37,5%. Причем и это большая победа по сравнению с 2008 г., когда у нас эта группа получила только 34,4 % совокупного дохода. По сути, среднего класса как

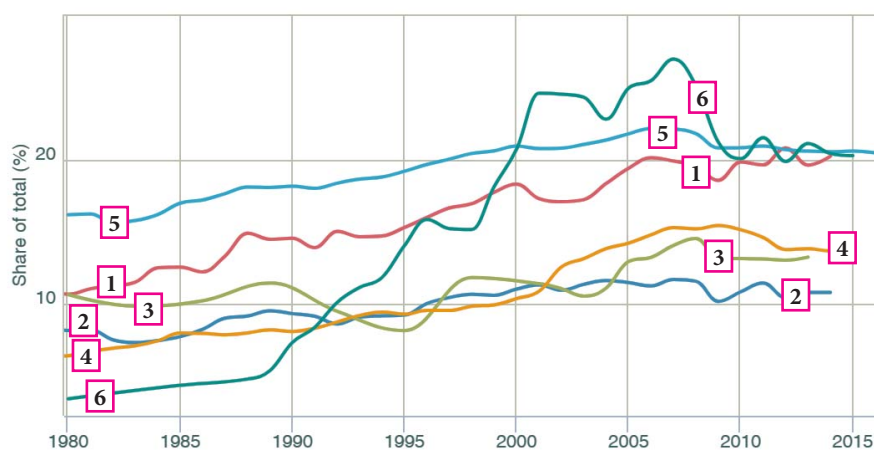

Graph provided by www.wid.world

1 — USA 2 — France 3 — Germany 4 — China 5 — World 6 — Russian Federation

Рис. 1. Доля доходов 10 % наиболее обеспеченных граждан в совокупном доходе (до налогообложения)

(данные получены из базы данных мирового благосостояния и доходов: http://wid.world/share/#0/countries/series/sptinc_p90p100_z/US;FR;DE;CN;WO;RU/last/s/k/p/yearly/s/false/19.2985/60/curve/false/country)

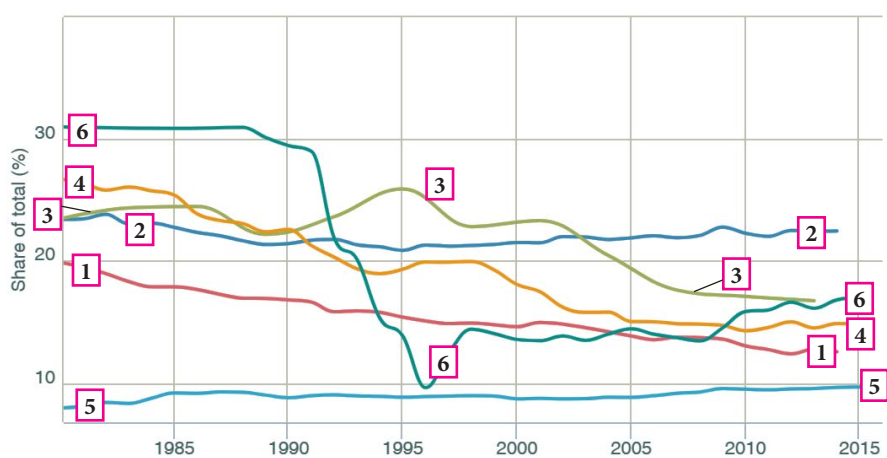

Graph provided by www.wid.world

1 — USA 2 — France 3 — Germany 4 — China 5 — World 6 — Russian Federation

Рис. 2. Доля доходов 1 % наиболее обеспеченных граждан в совокупном доходе (до налогообложения)

(данные получены из базы данных мирового благосостояния и доходов: http://wid.world/share/#0/countries/series/sptinc_p99p100_z/US;FR;DE;CN;WO;RU/last/s/k/p/yearly/s/false/2.277/30/curve/false/country)

Graph provided by www.wid.world

1 — USA 2 — France 3 — Germany 4 — China 5 — World 6 — Russian Federation

Рис. 3. Доля доходов 50 % наименее обеспеченных граждан в совокупном доходе (до налогообложения)

(данные получены из базы данных мирового благосостояния и доходов: http://wid.world/share/#0/countries/series/sptinc_p0p50_z/US;FR;DE;CN;WO;RU/last/s/k/p/yearly/s/false/6.6665000000000001/35/curve/false/country)

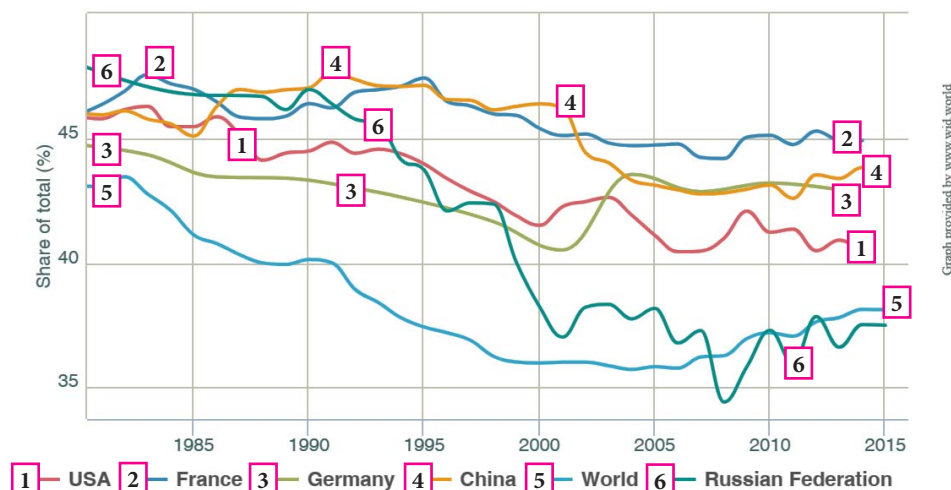

Рис. 4. Доля доходов 40 % граждан со средним доходом в совокупном доходе (до налогообложения)

(данные получены из базы данных мирового благосостояния и доходов: http://wid.world/share/#0/countries/timeseries/sptinc_p50p90_z/US;FR;DE;CN;WO;RU/last/s/k/p/yearly/s/false/33.639500000000005/52.5/curve/false/country)

опоры экономических преобразований в России не существовало. И только усилия последних лет позволяют надеяться на изменения к лучшему, к формированию более справедливого, более равного общества.

Тем не менее проблема неравенства сохраняется и для России, и для США, и для европейских стран. Возможности человечества, производительность труда в глобальном масштабе растут гораздо быстрее, чем реальные доходы основной массы населения, рентные доходы от 4-й технологической (или индустриальной) революции практически полностью присваивает 1 % наиболее обеспеченных граждан, что порождает множество негативных социально-психологических аспектов. Они определяют общий фон глобального явления, называемого Дж. Стиглицем «Великой рецессией» (по аналогии с «Великой депрессией» 1920—30-х гг.). Отсутствие надежды также подкрепляется и динамикой субъективной оценки благополучия, полученной проектом World Values Survey (www.worldvaluessurvey.org) [7]. Рекордные 10 % среди опрошенных американцев (выборка более 2000 чел.) в 6-й волне глобального опроса (2010—2014) заявили, что они или «скорее несчастливы», или «совсем несчастны», что в полтора раза больше, чем при прошлой волне опроса (2005 и 2009 гг.). В ходе 7-й волны опроса, которая сейчас продолжается, наверняка данный тренд проявится еще более ярко (см. рис. 5). Создаваемое в мировой экономике богатство растет, неравенство растет, уровень счастья падает. Такова картина современного обще-

ства. Экстраполируя эти тренды, легко прийти к неутешительным выводам о неустойчивости и недолговечности современной мировой экономической системы и задаться тем же вопросом, который мучает Дж. Стиглица: что делать?

Перейдем к собственно анализу рецензируемого произведения. Оно достаточно объемное, состоит из десяти глав и читается достаточно легко. Автор последовательно разворачивает проблему неравенства, с цифрами и фактами в руках описывает ее, обосновывает пагубное влияние неравенства на развитие американской экономики и общества в целом. «Демократия в опасности!» — восклицает автор, и в этом его «суперидея» близка к рецензируемой мною ранее книге Л. Зингалеса [8]. Ничего нового из того, что можно было бы сказать о будущем капитализма, кроме того, что было сделано в популярной брошюре Ленина [9], по сути, не звучит. Капитализм, даже когда его рыночные основания поддерживаются государством, самопроизвольно и неотвратимо движется в сторону империализма. Со всеми вытекающими... И проблема неравенства, усугубляющаяся вопреки прогнозам и ожиданиям большинства экономистов по ходу роста благосостояния и новых индустриальных революций (они заклинали: «прилив поднимает все лодки», но по факту часть лодок уходит ко дну), является лишь одним из штрихов к портрету того «монстра», которого вырастили совместными усилиями политики, экономисты, философы и специалисты по коммуникациям. Тем не менее это та

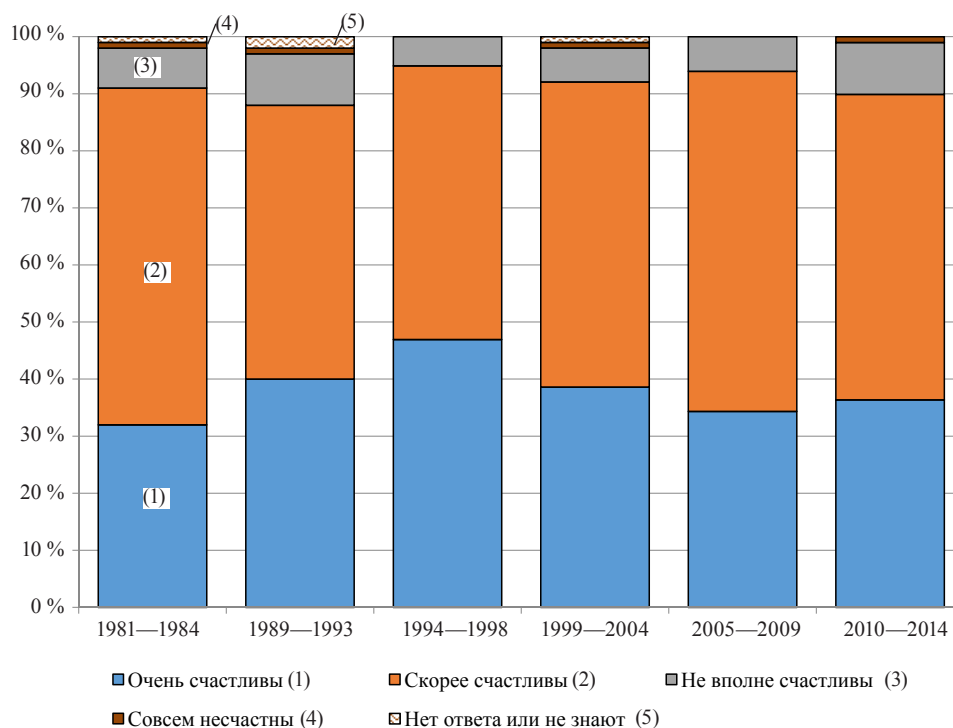

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Счастливы ли Вы?» (World Values Survey)
(источник данных: [7]; составлено автором)

проблема, которую могут примерить на себя многие читатели, она им близка и поэтому найдет живой отклик. Одновременно это и попытка перенести фокус внимания с действительной проблемы на ее следствие, симптом, коим и является усиливающееся неравенство. Тем не менее то, о чем пишет Стиглиц, тоже важно для экономической науки, и благодаря его усилиям проблема неравенства из ортодоксии может стать новым мейнстримом. Главное, чтобы в процессе такого перехода не произошло выхолащивания первоначальной идеи, чтобы стремление к более СПРАВЕДЛИВОМУ ОБЩЕСТВУ не подменилось движением к более равномерно распределению доходов.

Пролистаем книгу. Первая глава «Американская проблема 1 процента», по сути, про проблемы 99 % американцев (у 1 % проблем как раз гораздо меньше). Она построена как система эмпирических доказательств для тех девяти утверждений, что сформулированы на с. 84:

1. Недавно обнаружившийся рост доходов в Соединенных Штатах имеет отношение преимущественно к одному проценту верхушки — таково распределение богатств.

2. В результате этого нарастает неравенство.

3. Представители среднего и нижнего классов находятся сейчас в гораздо более затруднительном положении, чем десять лет назад.

4. Уровень неравенства в благосостоянии едва ли не выше уровня неравенства в доходах.

5. Неравенство проистекает не из различия в доходах, а из целого спектра разнообразных факторов, которые отражают стандарты уровня жизни (социальная защищенность и здоровье граждан).

6. Жизнь представителей беднейших слоев населения невыносима — рецессия лишь ухудшила положение дел.

7. Идет выхолащивание среднего класса.

8. Наблюдается малая мобильность в доходах — представление о США как о земле возможностей является мифом.

9. В Америке гораздо больше неравенства, чем в любой другой передовой стране, для исправления ситуации не делается практически ничего, а уровень неравенства набирает обороты [1. С. 84].

Эти выводы диагностируют проблему неравенства и ее прямые последствия для американской экономики, и сразу после автор приводит типичные возражения на эту систему аргументов «республиканцев», выступающих его заочными оппонентами.

Вторая глава с говорящим названием «Ориентация на ренту и формирование общества неравных» обозначает одну из главных причин проблемы неравенства — рентный характер значительной части доходов, а также выявляет мас-

кирующие ренту «прорыночные» (а по сути — прокапиталистические) законы. Капитал как основа построения общественных отношений и всей социальной системы провоцирует рентоориентированное поведение субъектов. Их способность накапливать капитал, дарованная капитализмом, актуализируется, поскольку позволяет извлекать из капитала ренту в разнообразных формах. Однако до такого вывода, до органически присущей капитализму рентоориентированности поведения, автор, к сожалению, не добивается, останавливаясь на констатации наличия рентоориентированной субъективной воли и условий для ее воплощения в реальности.

Третья глава развивает идеи второй главы, делая акцент на пагубной практике современного регулирования рынков. Четвертая показывает, как проблема неравенства влияет на экономику и общество, и среди прочих произносится слово «отчуждение» [1. С. 169—171]. Этим словом характеризуют реакцию работников на усугубление неравенства и, как следствие, перманентное ощущение несправедливости. Пятая глава написана американцем и для американцев. Автор искренне верит, что истинная демократия — это то, что до недавнего времени было сутью политической системы США и что потеря ее, обусловленная тем же неравенством, — один из главных тревожных звонков, одна из насущных проблем, требующих немедленного решения. В рецензии эти главы объединены в один абзац в том числе и потому, что во всех них неравенство озвучено как причина всех бед, однако таковым, на наш взгляд, не является. И рынки, труд, и демократия в опасности по другой причине — специфики общественных отношений капитализма, не предполагающих равенства как значимой ценности (пресловутое «равенство возможностей» — это игра терминами, не имеющее к концепции равенства никакого отношения).

В шестой главе автор оценивает систему манипулирования общественным мнением, которая используется для маскировки всех названных выше проблем. Он отсылает нас к исследованиям поведенческой экономики, которая во всю пользуется знанием о нерациональности индивидов и ограниченности их когнитивных способностей во многих аспектах их деятельности. Мнения человека о добре, справедливости и равенстве управляемы, и нужно только найти правильный подход, чтобы «зафреймить» граждан на нужный лад. В седьмой главе автор обращает внимание

еще на одну чувствительную для американцев тему — верховенство закона. Неравенство добралось и сюда, и различие благосостояния порождает и различия в отношении Фемиды — речь и о дорогих адвокатах, и о возможностях принимать новые удобные законы, и о возрастающей субъектности всей системы защиты прав — ситуация приближается к описанной в известном фильме «Трасса-60» городке Морлоу, в котором все жители — поголовно юристы, а всю реальную работу делают приезжие, арестованные по выдуманному здесь же, в городке, закону, а бюджет наполняется штрафами, собранными подобным же образом. Ирония в том, что «закон» и стал верховодить, но только так, как нужно не обществу, но 1 % приближенных.

Восьмая и девятая главы посвящены макроэкономическим аспектам неравенства — пагубной бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политикам, которые, на бумаге призванные стимулировать экономический рост, в действительности провоцируют дальнейший поиск ренты и ее концентрацию у 1 %. Особенно достается от автора плоской шкале подоходного налога, антиинфляционному фетишизму финансовых властей и непрозрачности политики Федерального резервного банка, из-за чего неравенство усиливается. Эти главы будут наиболее интересны профессиональным экономистам и могут лечь в основу лекций о современной экономической политике. Их не помешало бы прочитать и нашим policy-makers в денежно-кредитной сфере, чтобы избежать абсолютизации некоторых либеральных идей.

В чем же основная идея Дж. Стиглица, касающаяся неравенства, как и за счет чего предлагается выйти из сложившегося естественным образом положения, из глобальной «институциональной ловушки»? Десятая глава («Путь вперед: другой мир возможен») раскрывает авторскую программу реформ. Если кратко, она сводится к кардинальным для хозяйственной практики, но косметическим, по меркам политэкономики, действиям:

1. Обуздать финансовый сектор.
2. Более строгая и более эффективная реализация законов о конкуренции.
3. Улучшение корпоративного управления, особенно сокращение власти топ-менеджмента по выведению большого количества корпоративных ресурсов на собственные нужды.
4. Многоуровневая реформа закона о банкротстве — от отношения к дериватам до «утонувших» домов и студенческих займов.

5. Положить конец государственным раздам, будь они расположены в государственных активах или закупках.

6. Положить конец корпоративному благосостоянию, включая скрытые субсидии.

7. Правовая реформа — демократизация доступа к правосудию и уменьшение гонки вооружений.

8. Создание более прогрессивного налогообложения доходов и корпоративной налоговой системы — с меньшим количеством лазеек.

9. Создание более эффективной, включающей эффективное применение системы налогообложения наследуемого имущества, чтобы не позволить возникнуть новой олигархии.

10. Улучшение доступа к образованию.

11. Помогать обычным американцам откладывать.

12. здравоохранение для всех.

13. Усиление других программ социальной протекции.

14. Фискальная политика для поддержания полной занятости — с равенством.

15. Денежно-кредитная политика — и денежно-кредитные институты — для поддержания полной занятости.

16. Корректировка торгового дисбаланса.

17. Стратегии активного рынка труда и улучшенная социальная защита.

18. Поддержка коллективных действий работников и граждан.

19. Позитивные действия для устранения наследия дискриминации.

20. План роста, основанный на государственных инвестициях.

21. Перенаправление инвестиций и инноваций — для сохранения рабочих мест и окружающей среды.

Подробнее о каждом пункте этой программы можно прочитать на с. 341—355, но даже обзор заголовков позволяет получить представление о том, насколько автор верит в способность американцев и США как государства вытащить себя подобно Барону Мюнхгаузену из болота за волосы (и в этом его позиция близка Л. Зингалесу, о чем было указано в другой рецензии автора [10]). Между тем физика говорит нам, что это невозможно и рентоориентированное «болото» американского капитализма затянет и Стиглица, и Зингалеса, и еще не одну сотню выдающихся умов, пытающихся осуществить «тюнинг» сложившейся экономической и политической системы.

Книга, безусловно, рекомендуется к прочтению, и в завершение обзора приведем ряд наблюдений, с которыми ее будущие читатели вполне могут и не согласиться, но которые раскрывают ее специфические черты. Во-первых, по книге разбросаны настоящие «бриллианты», ее украшающие и заслуживающие комплиментов (например, с. 290, где подвергается обструкции концепция Европейского ЦБ, и с. 68, где разбирается проблема бюджета простого американца). Во-вторых, основные идеи могут формулироваться и формулируются очень лаконично, а затем увязают в пространных объяснениях и примерах, что напоминает отчасти стиль XVIII в., времен А. Смита. С одной стороны, это придает работе весомости, а с другой — поколению твиттера и инстаграма достаточно тезисов, чтобы уловить мысль, а дальше читать им зачастую неинтересно. И если автор пишет для тех, кто будет строить желанное светлое «завтра», для молодых, то он должен учитывать эту их специфику. Отчасти книга воплощает эти идеи, — иногда на целую страницу выводятся «твиты» — основные идеи произведения. В-третьих, автор продвигает кейнсианские по своей сути идеи, критикует евро, финансовое регулирование, в целом «правые» взгляды, однако явно не называет тех мыслителей, с кем он согласен. Это было бы очень полезно для читателей — «встроить» модель автора в систему традиционных экономических школ. В-четвертых, из современного состояния экономики, признаваемого ущербным, автор предлагает движение в целом в правильном направлении. И пусть это движение не такое быстрое, как многим хотелось бы, само направление движения стоит поддержать. В-пятых, автор не отвечает убедительно, почему же такое неравенство стало возможным. Да, частные причины называются, но в чем же причина этих причин. На наш взгляд, все дело в том, что это не неравенство «нищих», а неравенство «сверхбогатых». Основная масса «бедных» имеет гораздо больше, чем условный «средний класс» сто лет назад, и менять свой «статус-кво» революционным путем с непредсказуемым будущим — не в их интересах, им есть что терять. К тому же любая революция — это смена элит, а современные элиты, в том числе и оппозиционные, себя дискредитировали, и бороться ради них также средний класс не готов. Таким образом, остается вариант эволюционного движения в нужном направлении, когда постепенно будет нарастать новое качество

в недрах существующей экономической системы, и в конце концов это новое качество станет определяющим.

P.S. Один из главных парадоксов состоит в том, что доступ ко всем работам Дж. Стиглица, призывающего к борьбе с неравенством (и фор-

мулирующего основные подходы к практической реализации соответствующей политики), также являются ресурсом ограниченного, «элитарного», неравного доступа, и возможен по подписке, начинающейся от 30 евро за статью.

Список литературы

1. Стиглиц, Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Стиглиц. — М. : Эксмо, 2015. — 512 с.
2. Stiglitz, J. E. The Origins of Inequality, and Policies to Contain it / J. E. Stiglitz // *Nat. Tax J.* — 2015. — Vol. 68, no. 2. — P. 425—448.
3. Doyle, M. W. Eliminating Extreme Inequality: A Sustainable Development Goal, 2015—2030 / M. W. Doyle, J. E. Stiglitz // *Ethics and Intern. Affairs.* — 2014. — Vol. 28, no. 1. — P. 5—13.
4. Stiglitz, J. E. Inequality and Economic Growth / J. E. Stiglitz // *Political Quart.* — 2015. — Vol. 86. — P. 134—155.
5. Corak, M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility / M. Corak // *J. of Economic Perspectives.* — 2013. — Vol. 27, no. 3. — P. 79—102.
6. World Wealth and Income Database [Электронный ресурс] / F. Alvaredo, T. Atkinson, T. Piketty, E. Saez. — URL: wid.world.
7. World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version (2014) [Электронный ресурс] / R. Inglehart, C. Haerpfer, A. Moreno [et al.] (eds.). — Madrid : JD Systems Inst. — URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>.
8. Зингалес, Л. Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики / Л. Зингалес. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. — 368 с.
9. Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин. — М. : Ленард, 2018. — 218 с.
10. Плетнев, Д. А. Рецензия на книгу Л. Зингалеса «Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики» (М., 2016) / Д. А. Плетнев // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* — 2018. — № 3 (413). — С. 207—211.

Сведения об авторе

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2018. No. 7 (417). *Economic Sciences. Iss. 61. Pp. 211—218.*

REVIEW OF J. STIGLITZ'S BOOK "THE PRICE OF INEQUALITY" (Moscow, Eksmo Publ., 2015. 512 p.)

D.A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

References

1. Stiglitz Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow, 2015. 512 p. (In Russ.).
2. Stiglitz J.E. The Origins of Inequality, and Policies to Contain it. *National Tax Journal*, 2015, vol. 68, no. 2, pp. 425—448.
3. Doyle M.W., Stiglitz J.E. Eliminating Extreme Inequality: A Sustainable Development Goal, 2015—2030. *Ethics and International Affairs*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 5—13.

4. Stiglitz J.E. Inequality and Economic Growth. *Political Quarterly*, 2015, vol. 86, pp. 134—155.
5. Corak M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility. *Journal of Economic Perspectives*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 79—102.
6. Alvaredo F., Atkinson T., Piketty T., Saez E. *World Wealth and Income Database*. Available at: wid.world.
7. Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K., Diez-Medrano J., Lagos M., Norris P., Ponarin E. & Puranen B. et al. (eds.). *World Values Survey: All Rounds — Country-Pooled Datafile Version (2014)*. Madrid, JD Systems Institute. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>.
8. Zingales L. *Kapitalizm dlya naroda. Liberal'naya revolyutsiya protiv korrumpirovannoy ekonomiki* [Capitalism for the People. Liberal Revolution against Corrupted Economy]. Moscow, 2016. 368 p. (In Russ.).
9. Lenin V.I. *Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma* [Imperialism as the highest stage of capitalism]. Moscow, 2018. 218 p. (In Russ.).
10. Pletnev D.A. Retsenziya na knigu L. Zingalesa “Kapitalizm dlya naroda. Liberal'naya revolyutsiya protiv korrumpirovannoy ekonomiki” (M., 2016) [Review on the Book of L. Zingales “Capitalism for the People. Liberal Revolution against Corrupted Economy” (Moscow, 2016)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2018, no. 3 (413), pp. 207—211. (In Russ.).